Одесский альманах

№77

II / 2019

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

PLASKE
ПЛАСКЕ

Литературно-художественное издание серии «Одесская библиотека»
«Дерибасовская – Ришельевская». Альманах
№ 2 (77), 2019
Издается с 2000 г.

Учредитель и издатель: Издательская организация АО «ПЛАСКЕ»
(свидетельство ДК № 3673 от 21.01.2010 г.)
Председатель редакционного совета: Иван Липтуга
Редактор: Феликс Кохрихт
Редакционная коллегия: Евгений Голубовский (заместитель редактора), Олег Губарь, Иван Липтуга
Технический редактор: Геннадий Танцюра
Верстка, корректура: Татьяна Коциевская

Свидетельство о государственной регистрации печатных средств массовой информации:
КВ № 19644-9444Р от 08.01.2013 г.

Адрес редакции: 65001 Украина, Одесса, ул. Ак. Заболотного, 12, а/я 299
Тел.: +380 (48) 7-385-385
books@plaske.ua
www.plaskepress.com

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «ТакиБук»
Украина Одесса ФЛП Карпенков О.И.
Свидетельство ОД №21 от 20.01.2003 г.
Тел.: +38 (067) 486-20-34
E-mail: takibook.odessa@gmail.com www.takibook.od.ua
Тираж 500 экз.
Заказ № _____

Літературно-художнє видання серії «Одеська бібліотека»
«Дерибасовская – Ришельевская». Альманах
№ 2 (77), 2019
Видається з 2000 р.

Засновник і видавець: Видавнича організація АТ «ПЛАСКЕ» (свідоцтво ДК № 3673 від 21.01.2010 р.)
Голова редакційної ради: Іван Ліптуга
Редактор: Фелікс Кохріхт
Редакційна колегія: Євген Голубовський (заступник редактора), Олег Губар, Іван Ліптуга
Технічний редактор: Геннадій Танцюра
Верстання, коректура: Тетяна Коцієвська

Свідоцтво про державну реєстрацію друкованих засобів масової інформації:
КВ № 19644-9444Р від 08.01.2013 р.

Адреса редакції: 65001 Україна, Одеса, вул. Ак. Заболотного, 12, а/с 299
Тел.: +380 (48) 7-385-385
books@plaske.ua
www.plaskepress.com

Надруковано з готового оригінал-макету у типографії «ТакиБук»
Україна Одеса ФОП Карпенков О.І.
Свідоцтво ОД №21 від 20.01.2003 р.
Тел.: +38 (067) 486-20-34
E-mail: takibook.odessa@gmail.com www.takibook.od.ua
Наклад 500 прим.
Замовлення № _____

© АО «ПЛАСКЕ», 2019
© «Дерибасовская – Ришельевская», 2019

От редакции

За двадцать лет наш альманах приобрел несколько традиций, которые наши постоянные авторы и читатели знают. Не будем их перечислять, а сегодня – время одной их них. Каждый июньский номер в году посвящен Александру Пушкину – тому периоду его гениальной, но короткой жизни, который он провел в Одессе. «Всего тринадцать месяцев…» – так назывался спектакль Одесского русского театра, поставленный много лет назад по пьесе актера и поэта Юрия Дынова. Старожилы его помнят. Ссыльный Пушкин прибыл на новое место службы – в Одессу – из Кишинева 3 июля 1823 года, а убыл 1 августа 1824. Нетрудно подсчитать, что в день прощания с морем, городом, друзьями, любимыми женщинами ему было всего 25 лет.

«Итак, я жил тогда в Одессе…» Так заканчивается фрагмент одесской главы «Евгения Онегина». Как жил, где, что волновало и радовало Поэта – об этом написаны книги. Одна из них недавно закончена Олегом Губарем. В каждом номере мы публикуем главы из его Одесского пушкинского путеводителя, который, как надеемся, скоро выйдет отдельным изданием.

А вот труд профессора – историка и археолога Андрея Добролюбского «Имя дрока», который мы начали печатать на наших страницах, уже поступил к читателям, и недавно во Всемирном клубе одесситов состоялась его презентация.

Раз уж разговор пошел об истории и поэзии, то назовем еще две премьеры.

Вышел сборник стихов нашего автора Таи Найденко, открывающий для многих новое имя, с которым связаны большие надежды.

Сообщество авторов, объединенных общим трудоемким, но столь необходимым и важным делом – поиском неизвестных документов

и свидетельств периода 1941-1944 годов, периода обороны, оккупации и освобождения Одессы, создала на базе собрания профессора Михаила Пойзнера второй альбом. Недавно на презентации в Литературном музее его получили библиотеки и общественные организации города.

Памяти воинов и мучеников Второй мировой – Великой Отечественной войны был посвящен традиционный 100-километровый велопробег по местам боевой славы, состоявшийся в дни, когда мы отмечали 75 годовщину освобождения Одессы от фашистских захватчиков.

«Истинный одессит есть верный сын своего города. Берущий от него целиком его основные, светлые особенности, благодарный ему за все хорошее и любящий его превыше себя. Такой одессит в дни опасности не станет думать прежде всего о спасении бегством себя, а начнет с попытки спасти Одессу, оставаясь в ней». Эти слова принадлежат Александру Михайловичу Дерибасу – потомку славного основателя Одессы. В историю он вошел как создатель блистательной книги «Старая Одесса», ставшей не только настольной для всех, кто изучает историю нашего города, но и любимым чтением нескольких поколений.

Особое состояние переживает тот, кто открывает этот том в зале нашей Публичной библиотеки, директором которой был Александр Михайлович (ныне – Одесская национальная научная), включает старинную настольную лампу и читает первые строки от автора: «Нужно ли к моей книге предисловие? Старая Одесса – это юная Одесса…».

Александр Дерибас родился в 1856 году, спустя 32 года после того, как Пушкин попрощался с Одессой. Во время его детства среди членов этой знаменитой семьи и ее друзей были люди, знавшие Поэта, а если обратиться в минувшее, то по теории пяти рукопожатий можно увидеть и то, как… Оставляем простор для вашего воображения.

Достойным продолжением идей и дел А.М. Дерибаса стала Александра Николаевна Тюнеева. В 20-е годы она создала в библиотеке музей книги, но вскоре ее уволили за «сокрытие документов буржуазных партий»… В годы оккупации Одессы именно Александра Тюнеева спасла бесценные книжные фонды двух наших библиотек – публичной и научной университетской.

Словно в подтверждение слов, сказанных А.М. Дерибасом об истинно одесском патриотизме, недавно на его могиле на Втором Христиан-

ском кладбище был сооружен памятник, созданный на средства, собранные горожанами.

Напомним, что и на памятник Александру Пушкину на Приморском бульваре вносили деньги всем миром.

Лето вступило в свои права. Впрочем, хорошая погода продлится у нас до поздней осени. «Там долго ясны небеса!» – Пушкин, пробывший в Одессе всего 13 месяцев, это подметил и об этом написал.

Читайте Пушкина.

Михаил Жванецкий

Что я люблю

Люблю юмор, который смешит меня, невзирая на зависть.

К себе отношусь хорошо в течение пяти минут после успеха.

Люблю жару с кондиционером, холодным пивом и стуком дизелей под палубой.

Люблю море гладкое.

Море бурное уважаю, называю на «Вы».

Шутить в его адрес не намерен.

Море слишком злопамятно, как и мой кот.

Я его люблю, он меня любит, но обязательно напи-сает в кофр, разложенный на диване.

Подозревает мой отъезд, сволочь.

Люблю времена года.

Они оказались не везде.

Живу там, где зима – предчувствие весны, лето – предчувствие осени, старость – предчувствие любви.

В женщине люблю предчувствие мышления.

В семье люблю две интуиции.

Двумя одобренную новизну.

Не люблю, когда мы оба настроены против меня.

Люблю скрытое движение: открытую бутылку водки, чистый лист бумаги, пригласительный билет и утро 15 августа любого года.

Люблю, когда проходит боль, но не люблю, когда проходит время.

Люблю друзей смеющихся, то есть одобрительный оскал друзей.

Всё на моих глазах: беззубы смолоду, вдруг к старости обзавелись широкой государственной улыбкой.

Но возраст выдаёт.

Короче, нечем откусить, но есть чем улыбнуться.

Мне их смешить всё легче. Там никаких претензий к тексту: спасибо, что пришёл, спасибо, что пришли.

Впервые вдруг внезапно где-то в полночь перестал любить начальство.

Они меняются. Не успеваешь перепривыкать.

Обманчивая защищённость, потом тревога.

Новый ни черта не понимает в тексте, цитирует певицу, как мыслителя.

Перестаю любить.

Видимо, в ответ на что они тоже перестали.

Но искоса мы друг за другом наблюдаем, чтоб не нагадить.

Мы все из той породы.

Держим зад руками.

Море на фоне зелени люблю.

Снег и море – конец пути.

Начало – парта, девушка, морская форма.

За любовь плачу словами.

Дальше – хуже.

Любовь дороже, реже, одиночнее.

Море больше, шире.

Взгляд защищает зелень.

Планы проще.

«Тьфу-тьфу-тьфу», чтоб не сглазить.

Или «типун мне на язык», чтоб не вызвать.

Два вида планов.

Оба осуществлены.

Когда потянет перечислять слова без воздуха, закончится талант.

Люблю талант.

Талант бывает глуповат.

Если умён, то уникум.

А если мудр, то гений.

Он не зависит от того, поймут или не поймут.

Но всё-таки, по-моему, понимают.

Корни понимают, что крона расцветёт.

Люблю, кого я полюбил за ум, за доброту, за юмор.

Уже люблю, что полюблю ещё и опишу для ощущения всеми нами в том месте, где мы собрались, где зал, где стол, где зелень вышла к морю.

Юрий Михайлик

Все звезды погасли

* * *

Пять тысяч верст от мысли и до мысли.
Беспутный князь, он был, конечно, прав.
И над страной столетьями нависли
невежество и злоба. Крепкий сплав.

Пять тысяч верст от мысли и до мысли.
И хорошо б отправиться домой,
пока еще дороги не раскисли –
зимой иль летом. Лучше бы зимой…

По речке, на санях, и льды зеркальны,
попутный ветер, прошлое не в счет…
Да, жаль, в Сибири реки вертикальны.
Империя. Все к полюсу течет.

А по земле – разбитых, вязких, подлых –
хотя б пяток за сутки одолеть.
На сих широтах жить, конечно, подвиг,
Здесь триста лет – учить, лечить, жалеть.

Пять тысяч верст. Да хватит ли веков
на все твои бессильные печали?
В лесах почти повывели волков,
да в городах собаки одичали.

Бессилие. Вы были правы, князь.
Империя невежества и злобы,
где в октябре – бессилие и грязь,
где в феврале – бессилье и сугробы.

Пять тысяч верст. Родные даль и ширь.
Река. Дорога. Птица-нетопырь.
И умирать глубоким стариком,
как Вяземский, не помня ни о ком.

* * *

«Что, Александр Герцович,
На улице темно?»

Все звезды погасли. И в темном
пространстве на тысячи лет –
в беззвездном, безгласном, бездомном –
летит их отторженный свет.

И в дымных провалах над миром
укрыты для новой игры
органные черные дыры –
прорывы в иные миры.

В разлете, в распаде, в разъезде –
бессветно, бесследно, темно,
но поздние гроздья созвездий
еще источают вино.

Былые звучанья, значенья
из конченного далека
в фантомном посмертном свеченье
летят и горят сквозь века,

и там, по холсту небосвода,
где пламень оплавил кусок,
стихи тридцать первого года
записаны наискосок.

* * *

О, времена как семена – они живут под спудом,
давно ушли под слой земли, и все же тут как тут...
Из темноты, из немоты, неведомо откуда
они еще произойдут, еще произрастут.

Там, в нежном городе моем, в девичьем полукруге,
где прежде был трамвайный круг и книжный магазин,
они щебечут и поют, прелестные подруги,
и аккуратно – не разлей! – в бутылки льют бензин.

В весеннем городе моем зеленою порою,
когда летит по мостовым акаций первый снег,
вовсю гуляют днем с огнем идейные герои,
а контрыдейные горят. Четырнадцатый век.

И век семнадцатый горяч – в нем сабель звон и скрежет,
над Диким полем и теперь все тот же пыл и страх,
волшебный город, подскажи, кто и кого зарежет,
и кто кому кого продаст в Стамбуле на торгах?

В моем дому, в моем дыму, всю злобу отработав,
чему еще четвертый век сумеет научить?
Довольно просто отлучить вестготов от остготов.
Довольно просто отлучить, да трудно отличить.

* * *

С легендарных времен и доныне
в крытом кровью языческом сне
тихо едет по снежной равнине
маршал Жуков на белом коне.
Полководец, любимец народа,
средневолжских степей Ганнибал,
кто позор сорок первого года
к сорок пятому весь расхлебал –

шестикратным напором, навалом
напролом, на убой, наповал…
И не спрашивай, как воевал он,
да и он ли вообще воевал.
И не спрашивай, кто там в ответе
за мильоны безвестных смертей,
плюс уже не рожденные дети,
дети, внуки, и внуки детей.

Но у нас чем страшней – тем любимей.
Непреклонный подручный вождя,
он чужих погребал под своими,
никого никогда не щадя.
Воплощенная воля во взоре,
орденов золотая броня,
а вокруг – горше горького горе.
Море горя. И море вранья.

И от Волги – о да! – до Берлина
по костям, по застывшей крови
все течет эта липкая глина –
половодье народной любви.
Не с того ли под граем вороньим –
тут под Тихвином, там на Дону –
все хороним, хороним, хороним,
все никак не схороним войну.

Потому что тогда, в сорок пятом,
в долгожданное торжество,
будь он воином, будь он солдатом,
он бы вспомнил, где место его, –
не в парадном победном галопе,
не на званом обеде в Кремле,
а под Вязьмой в оплывшем окопе
и с последним патроном в стволе.

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

История, краеведение

14 **Олег Губарь**
Путеводитель по пушкинской Одессе

32 **Андрей Добролюбский**
Имя дрока

51 **Лариса Ржепишевская**
«Уходят дни и годы, и бегут века…»

60 **Иосиф Бронз**
История адвокатуры Одессы

74 **Белла Кердман**
«Собибор» как плохой фильм

84 **Феликс Кохрихт**
Ах, Одесса, жемчужина у моря,
Ах, Одесса, ты знала много горя…

Олег Губарь

Путеводитель по пушкинской Одессе*

Квартал Греческой церкви

В принципе, ранняя история и предыстория сооружения греческой церкви Святой Троицы рассмотрена мною в монографии по истории градостроительства Одессы.[965] Здесь считаю необходимым резюмировать упомянутое исследование на фоне эволюции застройки всего квартала, поскольку это вещи взаимосвязанные.

В первые годы заселения Одессы «греческое предместье» планировалось устроить на так называемой Арнаутской слободке, однако по целому ряду причин проект осуществить не удалось. Одно из неблагоприятных обстоятельств: из-за корректировки генплана предполагаемая «Арнаутская площадь» оказалась на отшибе, да и разрастающийся по соседству Вольный рынок вызывал отток застройщиков и коммерсантов, а десятилетие спустя эту рыночную площадь как бы репрезентовали Бакалейные, Мелочный и Железный ряды – формирующийся Греческий базар. Построенные для средиземноморских переселенцев помещения оказались без присмотра и превратились в руины, а заложенная в 1795 г. церковь Святой Троицы и Спиридона Тримифунтского, на которую Кес-Оглу получил от казны безвозмездно 500 рублей и строительные материалы, была доведена только до окон. Новая волна застройки этого района началась уже после образования Одесского строительного комитета, в 1803 году. На синхронных планах недостроенный здесь храм обозначен и снабжен пояс-

* Продолжение. Начало в кн. 64, 66-76

нительной надписью. Богослужения отправлялись поблизости, во временном помещении.

13 мая 1803 г. одесский купец Н.А. Попандопуло подал прошение на высочайшее имя от «купцов и мещан греческой нации». В нем говорилось, что поскольку таковые не обзавелись домами, «а ныне возымели намерение поблизости Греческой церкви Святой Троицы, ныне строимой, выстроить по плану на пустопорожних местах, с начала города Одессы розданных, дома», то для отвода означенных мест просят дозволения. К прошению прилагается доверенность 50 лиц, составленная в апреле. Доверенность завизирована в магистрате 4 мая 1803 г. В издании, посвященном истории Свято-Троицкой церкви, возведенной на Екатерининской улице в 1803-1808 гг., этот храм ошибочно отождествляют с тем, который так и не был достроен на Арнаутской слободке.

Впрочем, тут есть некоторые неясности. Судя про всему, временный храм на Арнаутской слободке близ недостроенного функционировал до 1799 года, а затем был переведен в деревянный Свято-Троицкий, располагавшийся по Екатерининской. В 1803-м рядом заложили каменную церковь. Об этом, в частности, говорит название двух несохранившихся архивных дел. От 18 мая 1799 года: «По прошению Греческого общества поверенного Георгия Петараки, коим просит учинения, куда следует, о перенесении с нынешнего дома (в коем ныне богослужение отправляется) в новопостроенный дом церковных святостей». В это время община собирала доброхотные пожертвования на сооружение Свято-Троицкой каменной церкви, о чем свидетельствует название другого несохранившегося архивного дела, от 6 сентября 1799 года: «Доношение, рапорт и указ по поводу проверки денежных сумм, собранных путем подаяния для построения в Одессе Греческой церкви». Смольянинов пишет о том, что недостроенный храм на Арнаутской слободке разобрали после закладки нового Свято-Троицкого.

Так или иначе, а Попандопуло от имени греческого общества просит места не вблизи будущего храма по Екатерининской улице, как это может показаться, а как раз на Арнаутской слободке. Да и не было в ближайших кварталах по Екатерининской, Троицкой, Ришельевской, Успенской и др. свободных мест, розданных

ранее и уже частично застроенных. В числе прочих был размежеван и XXXIII квартал, где вскоре заложили новую Свято-Троицкую церковь, так что отдельные строения здесь уже существовали ранее. Это отлично видно из генплана 1802-1803 гг. и различных его версий.

Теперь перехожу к синхронным архивным документам, на которые ранее не ссылался. 1 июня 1803-го подпоручик Ладожского мушкетерского полка *Григорий Кузменко* просит место № 301 в XXXIII квартале Военного форштата. Это место на углу будущих улиц Троицкой и Ришельевской еще в 1795-м было отведено инженерной командой шкиперу Петру Сониту (Сонирсу?), однако осталось пустопорожним. 9 июня Кузменко получил просимый участок под застройку.[966] 16 июня 1803-го смотритель провиантского магазина титулярный советник Былдин (Булдин?) просит место № 303 в том же квартале. В 1797-м это место было отведено известному *архитектору Эммануилу Портарию*, участнику штурма Измаила (секунд-майор), однако тот его не освоил: Портарий застроил место в другом квартале, по Полицейской, от угла Ришельевской. 19 июня прошение было удовлетворено.[967]

Чтобы было понятно, XXXIII квартал представлял собой прямоугольник, длинные стороны которого проходили по Троицкой и Успенской. Всего было восемь мест: по четыре в два ряда, то есть по Екатерининской и Ришельевской – по два места. При этом к 1803-му году основная застройка квартала отчетливо тяготела к Успенской, места № 297-300, где обозначено три довольно значимых строения. Со стороны Троицкой два места, о которых шла речь, и на плане показаны совершенно пустынными. Промежуточный № 302 включает лишь маленький флигель по красной линии. Угловой № 304 к Екатерининской тоже практически пуст, не считая небольшого флигеля посередине квартала Екатерининской, прямиком на границе № 300, выходящего также на Успенскую и застроенного довольно солидным зданием в форме уголка. Чья это собственность (№ 304 и 300), я, к сожалению, пока не знаю; очевидно, кого-то из состоятельных греческих купцов, видных представителей общины; в противном случае строительство нового Греческого храма на частных территориях было бы невозможно.

Изложенное соображение косвенно подтверждает следующая архивная информация. 7 августа 1805 года ктитор строящейся греческой церкви Святой Троицы известный муниципальный деятель и коммерсант *Иван Дестуни* докладывал Строительному комитету о покупке общиной за 350 рублей у знакомого нам поручика Кузменко смежного места «для удобнейшего пространства». Но при обмере оказалось, что восемь саженей из того места незаконно застраивает сосед, капитан (ротмистр) *Дмитрий Гунари* (*Гулдарий, Гулодар*). Комитет поручает городской полиции разобраться с этим делом, а документ на право землепользования, переданный Греческой церкви поручиком Кузменко, возвращают ктитору.[968] Место Гулдария, № 297, – половина всего квартала по Ришельевской от Успенской. В 1795-м инженерная команда отвела участок мещанину Даниле Романовскому, но поскольку тот не застроился, место освоил ротмистр Гулдарий, который строил и перестраивал дом «на собственный капитал», и в итоге к весне 1816-го соорудил хотя и одноэтажное, но вполне приличное плановое здание, освидетельствованное архитектором Фраполли.[969] В метрических книгах Греческой церкви зафиксировано рождение сыновей Димитрия Гулдария и его супруги Аргирии – Феофила (1805) и Иоанна (1811). Восприемниками выступали: «Александр, майор, тесть князя Кантакузина» и «Родеус Екатерина, жена протоиерея Родеуса (настоятеля Греческой церкви Святой Троицы. – **О. Г.**)». Зафиксирована и кончина отставного ротмистра 16 августа 1828 года в возрасте 70 лет.[970]

Греческая церковь в начале 1890-х

Вид на Екатерининскую улицу и Греческую церковь со стороны Еврейской улицы в конце XIX ст.

Вырисовывается общая картина ранней застройки. Начиналась она как обычный жилой квартал. Ввиду концентрации здесь греческой недвижимости появилась возможность переноса прихода общины из периферийной Арнаутской слободки в более престижное, перспективное, да еще близкое к Старому базару, Красным рядам, главным магистралям место. Территория, принадлежащая строящемуся храму, была расширена покупкой смежных участков, что, меж прочим, позволило устроить участок для единичных погребений архипастырей.[971]

Любопытную информацию относительно функционирования Греческого храма в интересующую нас эпоху сообщает Гавриил Гераков: «3-е октября (1820 года. – **О. Г.**), воскресенье, Одесса. Забыв коварный климат одесский, поехал на дрожках в одном фраке в Греческую церковь, и озяб до чрезмерности; не холодно, как зимою, но хуже и опаснее для человека. Первый раз в жизни слушал литургию на греческом языке; чинно и хорошо происходила служба, но напева без привычки не могу похвалить, хотя я и грек; кажется, поют в нос, и далеко от русского церковного пенья, не-

смотря на то, что русские заимствовали оное у греков. Церковь хороша, и прихожане со вниманием и набожностию стояли в храме Божием».[972]

XXXVI квартал

Он ограничен Екатерининской, Базарной, Успенской улицами и переулком Ониловой. Изначально – практически сплошь греческий квартал, вплотную примыкавший к Вольному рынку. Примечателен отлично сохранившимся на углу Екатерининской, № 62, и Базарной зданием пушкинских времен. Одноэтажный, но весьма представительный дом построен по тому же проекту, что и тоже отменно сохранившийся на Александровском проспекте, № 1, дом майора Балтакова: этого сюжета мы коснемся ниже. Ведомость раздачи мест под застройку 1794 года завершается XXXV-м кварталом, включающим места № 313-328.[973] Застройка развернулась в теплый сезон 1795-го, причем нумерация мест была изменена ввиду увеличения площади отводимых мест. Таким образом, XXXVI квартал составили 12 номеров: 325-336.

Чрезвычайная близость к первому городскому рынку способствовала интенсификации застройки уже в конце XVIII – начале XIX вв. Из генплана 1802-1803 годов следует, что освоены почти все места, на которых довольно солидные по тем временам строения. Случалось, конечно, места и готовые постройки переходили из рук в руки. В числе фигурантов известные персонажи ранней истории Одессы откупщики *Беломорский* и *Турчанинов*, штабс-капитан *Бицилли*, майор *Панголо*, подпоручик *Панатор* (*Панетор*), унтер-офицер *Афанасий Ятро* и другие.[974]

Что касается интересующего нас дома, прямых указаний на дату утверждении фасада пока нет, однако по другим собранным данным его история воссоздается вполне отчетливо. В журнале заседаний Строительного комитета от 5 июня 1805 года зафиксирована информация о покупке дворянином *Феодосием Капелети* (сохранилась метрическая запись о крещении младенца Иоанна, сына Феодосия и Анастасии Капелети, от 7 января

Вид на Екатерининскую улицу. Справа – ограда Католического храма. Конец XIX ст.

1805-го; восприемник – упоминавшийся выше купец Димитрий Калафатий) у губернского секретаря *Панатора* дома и двух мест, № 330, 331, в XXXVI квартале Военного форштата. Здесь же указано, что сии места отведены продавцу Панатору, в ту пору подпоручику, в 1795-м.[975] Нынешний дом по Екатерининской, № 62, соответствует месту № 331, смежные по Базарной, № 82А и № 84 (второй одновременно значится по переулку Ониловой, № 9), – месту № 330. Однако из упоминавшегося генплана видно: первичная постройка Панатора занимала лишь половину места по Екатерининской улице, причем вторую от угла. Но уже на плане Фраполли 1807-го угòльное место тоже обозначено застроенным в стык с первичным, а кроме того, появляется квадратный по форме флигель на противоположном углу места № 330. Примерно та же картина – на городском плане 1814-го. Впрочем, протяженность дома по Базарной явно меньше нынешнего, то есть оно либо достраивалось, либо строилось наново. Когда?

Сигнатура аптеки, размещавшейся в доме по улице Екатерининской, 62, угол Базарной

Из городского плана, составленного Торичелли в 1828-м, ясно видно: на местах № 331 и 330 произошли кардинальные перемены, первичные фасадные строения по Екатерининской вовсе разобраны, а интересующий нас дом занимает нынешнее свое положение. То есть дом по Екатерининской, № 62, построен в интервале меж 1814-м и 1828-м годами. А точнее? Об этом, в принципе, можно судить по записи в журнале заседаний Одесского строительного комитета от 22 октября 1824 года. Из нее мы узнаем, что на месте № 330 и половине места № 229 находится плановый дом уже хорошо известного нам одесского купеческого семейства *Пеццер* (*Натали и Антон*), на который оформлена купчая крепость в Одесском коммерческом суде. Из контекста очевидно: недвижимость приобретена у Феодосия Капелете.[976] Принимая во внимание совокупность обстоятельств, в том числе датировку аналогичного дома Балтакова, можно констатировать, что интересующее нас строение в пушкинское время уже существовало.

«Армянский квартал»

Это условное название даю XXX кварталу во 2-й части города, примыкающему к Старому базару и лежащему меж улицами Екатерининской, Базарной, Ришельевской и Большой Арнаутской. По сравнению с предыдущим он имеет большую площадь, квадратную форму, мест здесь тоже больше, 14, но нарезаны они гуще.

По своему местоположению близ главной торговой площади юной Одессы он и застраивался довольно интенсивно. Так, на генплане 1802-1803 гг. здесь обозначено восемь строений, в том числе – относительно больших. Примерно та же ситуация отображена на городском плане Ф. Фраполли 1807 года.[977] На плане 1814-го квартал показан густо застроенным практически по периметру, за исключением разве что Б. Арнаутской, где наблюдается проплешина в пределах нынешних домов № 44, 50, которая сохраняется и на плане Торичелли 1828 года. Далее плотность строений нарастает.

В монографии по истории градостроительства Одессы в большей степени рассмотрена, скажем так, этническая составляющая, и глава «Армянский квартал» (единственная из всех) опубликована без ссылок, как заготовка, заявка, проект.[978] Поэтому здесь несколько ее дополняю.

В числе первых застройщиков квартала были, конечно, «дети разных народов». Скажем, одно из мест на углу Екатерининской и Базарной, где впоследствии построена Армянская церковь, в первой декаде июня 1803-го получил одесских морских провиантских магазинов вахтер *Денисов*.[979] Теперь это пятно застройки домом по Екатерининской, № 71. Местом, на котором в 1814-1817 гг. построил дом григориопольский гражданин *Аким Асфадоров* (*Асвадуров*), ранее принадлежало греку *Златареву*, но тот сумел устроить лишь быстро обветшавшую землянку.[980] Любопытно, что сохранился план и фасад предполагаемого к постройке дома, составленный Ф. Фраполли и выданный на руки Златареву 11 августа 1813-го.[981] Ныне это половина участка застройки по улице Ришельевской, № 60, удаленная от угла Б. Арнаутской. Ранее 21 сентября одесский купеческий сын, представитель известной греческой фамилии *Дмитрий Димо* приобрел дом на том самом месте, каковое в 1803-м получил упоминавшийся выше Денисов.[982]

Однако армянское присутствие и деловое доминирование в этом и отчасти в соседних кварталах быстро становится очевидным. К солидному дому Асвадурова в самом начале 1820-х прибавляются другие, в частности плановое здание григориопольского гражданина Томаса (Томаша), то есть *Тевоса Чекалова*

Армянская церковь на углу улиц Екатерининской и Базарной в начале 1890-х

(*Черканова*), располагавшееся напротив Армянского квартала, на углу Базарной, № 74, и Ришельевской, № 50.[983] Любопытный сюжет 1824 года, связанный с мощением главных улиц и устройством дренажа, по счастливой случайности воссоздает значимый фрагмент истории Армянского квартала. 15 декабря его обитатели григориопольские граждане *Мегердичи* (*то есть Мкртич*) *Асвадуров, Хачик Сукьянов, Аким Асвадуров* и одесский мещанин *Сидор Николенко* обращаются в Строительный комитет с жалобой по поводу того, что из-за сооружения шоссе по Ришельевской улице в их дворах скапливается вода. Комитет подключает к решению проблемы военного инженера Ж.В. Гаюи. В прошении указано: все заявители имеют здесь плановые дома, они же упоминают соседа, одесского купца *Федора Качулкова* – возможно, тоже армянина.[984]

* * *

Речь идет о масштабных работах по устройству шоссе на главных улицах города, которые выполнялись подрядчиком как раз в 1823-1824 годах. В деталях этот и смежные сюжеты представлены в моей монографии об истории градостроительства Одессы.[985] Пушкин наблюдал работы повседневно:

Но уж дробит каменья молот,
И скоро звонкой мостовой
Покроется спасенный город,
Как будто кованой броней.

Однако надо понимать, что благоустройство было, конечно, соразмерно времени и обстоятельствам. Вдоль уличных мостовых пролегали открытые дренажные канавы, из которых лишь малая часть была толком облицована. Шоссе сильно изнашивалось под колесами гужевого транспорта. Выгребная канализация во дворах. Для экономии средств отхожие места нередко выкапывали неимоверной глубины, что даже приводило к гибели парашников. Печное отопление при дороговизне топлива. Дефицит воды в условиях засушливого климата. Содержание дворовых конюшен, коровников и т. п. даже в центре города. Ежедневное перемещение домашнего скота на городской выгон и назад. Проблемы с вывозом строительного и бытового мусора. В итоге – пыль, грязь, зловоние, антисанитария. Все это немало осложняло быт, возвышало повседневные расходы.

* * *

Еще один армянский плановый дом в этом квартале ранее 1831-го находился на месте нынешнего здания по улице Ришельевской, № 56. Принадлежал он григориопольскому гражданину «*Хачуку Сукиасову сыну Сукиасову*» (Сукиас – «счастливое лицо») и был оценен: в несгораемых материалах – 5.000 рублей, в сгораемых – 1.500, итого 6.500.[986]

На месте будущей Армянской церкви в 1800-1830-х годах находились небольшие частные домостроения. В частности, на угловом участке № 265 (Екатерининская, № 69, угол Базар-

ной) находился одноэтажный, в пять окон дом одесского мещанина Лаврентия Палесского.[987]

* * *

О значительном числе армян, прибывающих в нарождающуюся Одессу или, по крайней мере, проезжающих через нее, свидетельствует следующий факт. Согласно штатному расписанию первого портового карантина, в нем значится «переводчик, знающий довольно: российский, французский, итальянский, турецкий, греческий и армянский языки; в случае неотыскания такового, разделить сие жалованье на двух и более».

* * *

Считаю своим долгом привести тут реестр архивным документам, имеющим прямое и опосредованное отношение к истории Армянского квартала и общины в целом.

28 сентября 1823 г. «О выданном открытом листе григориопольскому гражданину Томашу Черканову на 25-десятинный участок земли, состоящий в VI части, № 50».[988]

6 декабря 1823 г. «Об отводе на Молдаванке места мещанину Качикову».[989]

31 декабря 1823 г. «О месте, приобретенном Одесскою городскою думою, состоящем на Военном форштате в XLVII квартале под № 588, которого просит в отвод армянское сословие для построения церкви, одесский мещанин Авдей Иванов, коллежский секретарь Горянинов, и об отводе оного одесскому купцу Димитрию Коколани».[990] (Ныне – это двор дома по улице Б. Арнаутской, № 77.)

9 июля 1824 г. «Об отводе места на Молдаванке гражданке Качиковой».[991]

3 декабря 1825 г. «Об отводе 33 десятин земли армянскому священнику Киркору Шахию для заведения хозяйством».[992]

8 января 1826 г. «О выдаче григориопольскому гражданину Акиму Асвадурову открытого листа на 25-десятинный участок земли, состоящий в VI части под № 47».[993] (Это часть Жеваховой горы, обращенная к городу. О хуторах «армянина Асвадурова» и «армянина Чекомова» см.: Одесский вестник. – 1833, № 16, 25 февраля.)

1828 г. «По жалобе григориопольского гражданина Киркора (Симонова, Семеновича. – **О. Г.**) Амасьянова о делаемых ему утеснениях соседями его титулярным советником Кривчиковым и купцом Герценштейном».[994] (То есть – спор о недвижимости с соседями, титулярным советником Михаилом Кривчиковым и одесским 1-й гильдии купцом Давидом Герценштейном. На самом деле, как выяснилось, никаких утеснений не было. Речь идет не об «Армянском квартале», а о недвижимости по улице Почтовой: нечетная сторона меж улицей Екатерининской и Покровским переулком; см. выше.)

1831 г. «По рапорту архитектора Козлова о утверждении плана для построения дома одесским 3-й гильдии купцом Димитрием (Кирилловичем. – **О. Г.**) Коколани на месте, владеемым им по купчей крепости, состоящем в 2 части города, в XXI квартале, под № 310-м».[995] (Место на углу улиц Екатерининской, № 81 и Б. Арнаутской.)

1832 г. «Об указании границ места григориопольского гражданина Хачикова».[996]

1836 г. «О месте на Молдаванке, на коем находится виноградник григориопольского гражданина Киркора Качикова, перешедшем к Тимофею Торину».[997]

16 января 1843 г. «Об отводе места в 1-й части князю Манук-Бею».[998]

1843 г. «О доме титулярной советницы Анастасии Гуренковой, бывшем Попова, проданном князю Манук-Бею».[999]

1844 г. «О фасаде на магазин князя Манук-Бея».[1000] (План этого магазина см.: ОГИКМ, инвентарный № К-168.)

1844 г. «О фасаде на магазин Устинии Аргутинской-Долгорукой».[1001]

1845 г. «О фасаде стены для обнесения Армянской церкви».[1002]

1846 г. «О фасаде на флигель купца Дмитрия Коколана».[1003]

13 июня 1846 г. «Об отводе места в 3-й части на Пересыпи григориопольской гражданке Розе Бибрилюковой».[1004]

21 августа 1850 г. «Об отводе места в 1-й части ротмистру Сергею Аргутинскому».[1005]

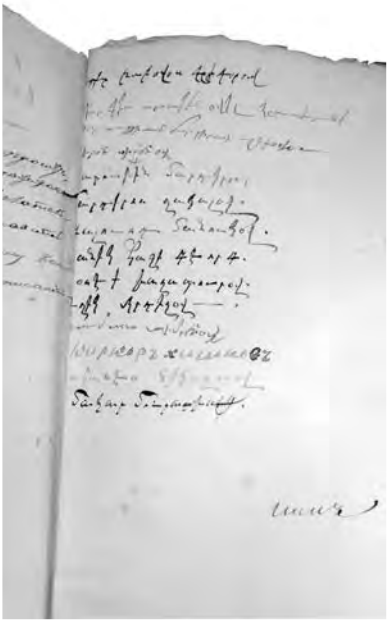
1851 г. «Утверждение фасада на пристройки к дому григориопольского мещанина Илии Крымни».[1006]

22 сентября 1853 г. «По прошению григориопольского гражданина Ильи Кремни об освидетельствовании места на Пересыпи».[1007] (Ясно, что фигурант двух последних дел – одно и то же лицо.)

3 февраля 1855 г. «По прошению григориопольского гражданина Киркора Хачикова об отводе ему под мельницы места».[1008]

См. также: ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 503, л. 11. 19 ноября 1866 г. Касательно достройки колокольни к существующей Армянской церкви.

Об армяно-григорианском участке на Старом городском кладбище см.: Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 239-242.



Автографы представителей армянской общины на прошении в ОСК от 20 декабря 1823 г.

* * *

Дело от 31 декабря 1823 г. «О месте, приобретенном Одесскою городскою думою, состоящем на Военном форштате в XLVII квартале под № 588, которого просит в отвод армянское сословие для построения церкви, одесский мещанин Авдей Иванов, коллежский секретарь Горянинов, и об отводе оного одесскому купцу Димитрию Коколани»[1009] заслуживает того, чтобы ознакомить читателя с резюме. Почему? Потому что сюжет крутится вокруг устройства полноценного армянского храма. Тут и любопытные обстоятельства, и реестр просителей, представляющих «армянское сословие» юной Одессы.

1). 20 декабря 1823 года в Строительный комитет было написано прошение «*от проживающего в Одессе общества армянского сословия*», подано 22-го и рассмотрено 31 декабря. В прошении

сказано, что Общество проживает в городе «несколько лет», желает построить церковь, для чего нашло пристойное место. Документ подписан 14-ю представителями общины, подписи не всегда четко прочитываются и интерпретируются: ?? Григоров; ? Арутинович; Арутюн Мартироси (это отчество) Ашигов (?); Ерем Симонов; Арутин Мардирос; Мартирос Гакалов; Галуст (?) Мануков; Ваник (?) Каджи Геворг; Осеп Хачатуров; Эдик Мкрдичов; Оканес Никохайов; Макар Мурадис; Киркор Хачиков; нрзб.

2). В июле 1817-го Городская дума за 560 рублей приобрела это место у мещанина Тульской губернии города Белева Авдея Иванова, которому оное место отведено 17 марта того же года, для построения 2-й съезжей части. Однако таковая часть в итоге обосновалась в здании бывшей Тираспольской таможенной заставы. То есть на момент запроса армянской общины участок был муниципальной собственностью. Освидетельствовавший в феврале 1824-го место архитектор Боффо обнаружил на нем две старые землянки и разваленный магазин (амбар). Вероятно, эти постройки могли остаться от более раннего владельца места, поручика Вржеца (?), каковому оно отведено 6 октября 1805-го.

3). Со своей стороны, Строительный комитет счел это место узким, непригодным для устройства благолепного храма. Кроме того, по генплану участок предназначен под жилую застройку. А поскольку позднее поступило прошение об отводе от коллежского секретаря Степана Дмитриевича Горянинова, то Комитет согласился передать место ему, но при условии, что тот вернет Думе потраченные ею 560 рублей.

4). Дума согласилась, однако с оговоркою: место выгоднее продать с публичного торга, будет выручено больше денег. Горянинов апеллировал к Воронцову, и тот принял правильное решение. Суть в том, что сделка Думы с Ивановым не могла считаться вполне законной, ибо продажа незастроенных территорий в городе запрещалась. Если бы Иванов исполнил существующие правила, выстроил плановый дом и получил владельческие документы, тогда дело другое.

5). Горянинов вернул Думе 560 рублей, получил просимое место, но из-за «служебных дел» застроиться не сумел. В итоге место досталось греческому купцу Димитрию Коколани, который

в свою очередь вернул Горянинову злосчастные 560 рублей. История затянулась, и лишь 30 июля 1830 года архитектор Риглер составил для Коколани план и фасад для построения одноэтажного дома в 12 окон. Строительство было окончено 24 июля 1831 года, а 12 августа архитектор Козлов доложил Комитету об освидетельствовании.

6). Все это как будто больше не имеет отношения к прежнему прошению армянской общины. Однако план внутренних помещений дома Коколани вызывает вопросы. Если правая фасадная часть здания разделена на части, то симметричная левая, весьма обширная, представляет собой некое специальное отдельное помещение. Не исключено, конечно, что это был магазин. Но нельзя исключать и того, что помещение арендовалось армянским обществом под временный храм. Такое предположение косвенно подкрепляется тем обстоятельством, что буквально в то же самое время Коколани приобрел для себя жилой дом, неподалеку, на углу улиц Екатерининской (№ 85) и Малой Арнаутской (№ 60) – ныне тут трехэтажное здание.[1010]

Напоминаю: в рассматриваемом деле речь идет об адресе по Большой Арнаутской, № 77, находящемся в нескольких десятках метров от «Армянского квартала».

Интерпретация этого архивного дела, но без локализации соответствующего адреса, имеется в издании «История храма Св. Григория Просветителя армянской апостольской церкви в Одессе».[1011] В той же публикации сообщается важная информация о том, что за неимением храма богослужения осуществлялись в нанимаемом частном доме, но тоже без указания адреса.[1012]

Примечания

[965] Олег Губарь. История градостроительства Одессы и функции Одесского строительного комитета. – Одесса, 2015, с. 90-92.

[966] ГАОО, ф. 17, оп. 3, д. 214, л. 69, 70-71.

[967] Там же, л. 97-99.

[968] Там же, ф. 59, оп. 2, д. 13, л. 238-240.

[969] Там же, оп. 1, д. 96, л. 169-172.

[970] Греки Одессы. – Труды Государственного архива Одесской области. Т. XXXVIII. – Одесса, 2014, с. 130-131.

[971] Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 194.

[972] Гавриил Гераков. Продолжение путевых записок по многим российским губерниям 1820-го и начала 1821-го. – СПб., 1830.

[973] Записки Одесского общества истории и древностей. Т. III. – Одесса, 1853, с. 593.

[974] ГАОО, ф. 17, оп. 3, д. 214, л. 10, 13; Там же, ф. 59, оп. 2, д. 13, л. 75, 76, 77; Там же, ф. 2, оп. 5, д. 258, л. 293; Там же, ф. 17, оп. 3, д. 293 и др.

[975] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 257, л. 265.

[976] Там же, д. 287, л. 153 об. – 154.

[977] ОГИКМ, инвентарный № К-602.

[978] Олег Губарь. История градостроительства Одессы и функции Одесского строительного комитета. – Одесса, 2015, с.451-458.

[979] ГАОО, ф. 17, оп. 3, д. 214, л. 87-89.

[980] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 80, л. 412-414; Там же, д. 114, л. 82-84; Там же, ф. 2, оп. 5, д. 267, л. 39; Там же, д. 273, л. 136.

[981] Там же, ф. 895, оп. 1, д. 318.

[982] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 278, л. 230.

[983] Там же, оп. 5, д. 8, л. 7 об.

[984] Там же, д. 287, л. 577-579.

[985] Олег Губарь. История градостроительства Одессы и функции Одесского строительного комитета. – Одесса, 2015, с. 181-194.

[986] Одесский вестник. – 1831, № 34, 29 апреля.

[987] ГАОО, ф. 895, оп. 1, д. 171.

[988] Там же, ф. 59, оп. 3, д. 58. – 4 л.

[989] Там же, оп. 1, д. 299. – 3 л.

[990] Там же, д. 304. – 54 л.

[991] Там же, д. 401. – 6 л.

[992] Там же, оп. 3, д. 92. – 2 л.

[993] Там же, д. 93. – 9 л.

[994] Там же, оп. 2, д. 159. – 22 л.

[995] Там же, д. 306. – 3 л.

[996] Там же, д. 377. – 4 л. (Утрачено.)

[997] Там же, д. 496. – 11 л.

[998] Там же, оп. 1, д. 2706. – 21 л.

[999] Там же, оп. 2, д. 627. – 5 л.

[1000] Там же, д. 713. – 3 л.

[1001] Там же, д. 723. – 4 л.

[1002] Там же, д. 815. – 4 л.

[1003] Там же, д. 891. – 3 л.

[1004] Там же, оп. 1, д. 2930. – 14 л.

[1005] Там же, д. 3264. – 9 л.

[1006] Там же, оп. 2, д. 1614. – 3 л.

[1007] Там же, оп. 4, д. 192. – 6 л.

[1008] Там же, д. 323. – 4 л.

[1009] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 304. – 54 л.

[1010] Там же, ф. 59, оп. 2, д. 306. – 3 л.

[1011] Давид Давтян. История храма Св. Григория Просветителя армянской апостольской церкви в Одессе. – Одесса: Студия «Негоциант», 2004, с. 23-29.

[1012] Там же.

Андрей Добролюбский

Имя дрока*

«Друзья ромеев с давних времен»

Георгий Пахимер

До появления каталонцев большую и лучшую часть византийской армии составляли наемники-аланы (ясы) из Причерноморских степей. Они оказались на византийской службе тоже не от хорошей жизни.

Аланы-ясы известны в Северном Причерноморье и низовьях Дуная с середины I в. н. э. В отличие от не слишком симпатичных альмогаваров, почти все были «высоки ростом, красивы и страшны сдержанно-грозным взглядом своих глаз, очень подвижны вследствие легкости вооружения…». Правда, они, по мнению византийцев, вели «дикий образ жизни». После татаро-монгольского завоевания аланы-ясы оказались под властью золотоордынского темника Ногая и, как пишет

* Окончание. Начало в кн. 74-76.

Никифор Григора, не по своей воле служили монголам. Но, по мнению Георгия Пахимера, служили они у монголов достаточно долго, чтобы усвоить их язык, обычаи и воинское искусство. Они были христианами и «друзьями ромеев с давних времен».

Многие историки отождествляют аланов-ясов с «бродниками» (от *переправа*, *брод*)**, населявшими тогда долины Днестра, Прута, Олта и Нижнего Дуная, то есть территории улуса темника-«сепаратиста» Ногая. Сохранились и топонимические следы их здешнего проживания – Ясский хребет в Карпатах, город Яссы, город Оланешты (от молд. *оланы*), село Яськи на Нижнем Днестре (близ Джинестры) и др.

Около 1270 г. Ногай отложился от Золотой Орды и обустроил собственный улус с центром Исакча в низовьях Дуная. Отсюда он терроризировал Византию и Болгарию – насильственно породнился с Палеологами, женившись на Ефросинье – побочной дочери византийского императора Михаила VIII, а также 15 лет держал в заложниках Федора Святослава – будущего царя Болгарии. Второе Болгарское царство оказалось от него в вассальной зависимости.

Аланы были среди основных контингентов в войсках Ногая и костяком армии его старшего сына Чаки.

Противостояние Ногая и хана Золотой Орды Токты закончилось около 1300 г. битвой при Куганлыке (Куяльнике – место, где вскоре появится наша Джинестра). Ногай был ранен, бежал, а затем убит.*** А Чака был женат на Елене, сестре Федора Святослава. Это важно для нужд дальнейшего повествования. После сражения у Куяльника он тоже бежал, собрал новое войско из аланов-ясов и, подавив мятежников, вторгся в Болгарию. В этом вторжении участвовал и его шурин и заложник Феодор Святослав Тертер. Их целью было совершить государственный переворот. Это им удалось.

Царь Смилец в Тырново был убит по приказу Чаки, его вдова с сыном Иваном бежали в Византию. А Чака стал царем Болгарии, но ненадолго. К началу 1301 г. он был свергнут Федором Святославом и заточен в Тырновский замок Царевец.

** Бубенок О.Б. Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI – начало XIII вв.) / Отв. ред. О.И. Прицак. – К.: Логос, 1997. – 224 с.

*** Веселовский Н.И. Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время // Записки Российской академии наук. – VIII серия. Т. XIII. № 6 и последний. – Петроград, 1922. – 58 с.

Монета Федора Святослава Тертера

А в это время победитель Ногая хан Токта вторгся в Болгарию. Ему нужна была лишь голова Чаки. Желательно отрубленная. Тогда Феодор Святослав велел удавить Чаку в Царевце, обезглавил и послал Токте его голову в подарок.

Токта был очень доволен и благодарен – за это он подарил Федору Святославу все земли бывшего улуса Ногая до низовий Днестра включительно. Это тоже важно для нашего повествования, как и то, что жена Чаки, сестра болгарского царя Елена, стала вдовой.

Так Федор Святослав, захватив болгарский престол, оказался в состоянии войны с Византией, приютившей свергнутых малолетнего Ивана Смилеца с матерью.*

В результате два тумена наемников-аланов в числе 16 тысяч во главе с «темником» Джиаргоном (Георгием), служившим Чаке, остались не у дел. Вместе со своими женщинами, детьми и стариками. Не желая служить ни Токте, ни Федору Святославу, они как «друзья ромеев с давних времен» предложили свои услуги Василевсу.

Император, разумеется, был счастлив возможности приобрести два тумена профессиональных воинов, к тому же христиан, в лояльности которых у него не было особых сомнений. И он принял алан-ясов на службу. Сроком на один год.

«Их приход был воспринят как дар провидения, ниспосланный в необходимое время, чтобы нам помочь… – пишет Георгий Пахимер, – и они по собственному желанию прибыли на своих телегах и крытых повозках. Император назначил им жалование из общественных налогов».

Токта был, конечно же, этим недоволен, но византийцы ублажили его подарками и уговорили.

* Димитров Б. Цар Светослав Тертер. – София: Св. Климент Охридски, 2000. – 52 с.

Аланские наемники были разделены на три части. Их элитные отряды образовали под руководством Джиаргона как бы личную гвардию Михаила IX. Остальные две пополнили контингенты византийской армии, в составе которой они год (согласно договору) воевали против болгар и турок. Эти сражения шли с переменным успехом. На востоке турки-сельджуки и османы все более усиливали давление на Византию. К 1302-1303 гг., после проигранных Михаилом IX сражений, положение оставшихся ее владений в Малой Азии стало критическим: по дорогам угасающей империи бродили турецкие кочевые орды, греки тысячами бежали в Европу, а оставшиеся отсиживались в крепостях. Мусульмане вырубали виноградники, лишив греческих крестьян важнейшего источника дохода.

Андроник II Палеолог

В этих сражениях множество аланов погибло. А оставшиеся наемники требовали полагавшуюся им плату «за услуги». Но Василевс тянул с этим делом. Тогда аланы решили вернуться в Болгарию и полностью перебили весь византийский заградительный отряд. Императору пришлось расплатиться и продлить договор с аланами еще на год. Это было весной 1303 г.

Империя очутилась в ужаснейшем положении. На нее «хлынули целые моря несчастий, как будто тысячи ветров, вдруг сорвавшись с противоположных концов, все взбурлили и взволновали» (выражение Никифора Григоры). С севера Византии угрожала Болгария во главе с царем Федором Святославом. Да и с востока турки уже хозяйничали близ самого Константинополя, в то время как император Андроник II Палеолог «как бы спал, или не был в живых» (выражение Георгия Пахимера). Без посторонней помощи он обойтись никак не мог.**

** Успенский Ф.И. Указ. соч. Разд. 8.

Михаил IX

Такую помощь и предложил ему Рожер де Флор – его альмогавары не желали мирной жизни и искали любого нового случая повоевать, заработать и пограбить.

За это Рожер потребовал от Андроника согласия на его брак с племянницей императора, дарование титула мегадуки (генерал-адмирала) и соответствующей оплаты «услуг». Деньги были немалые – по четыре унции золотом каждому рыцарю в месяц и по две унции оруженосцам, по унции каждому альмогавару. Император согласился – куда деваться?

После чего Каталонская компания покинула Мессину на 36 кораблях (в том числе 18 галер) в количестве 8000 человек (1500 рыцарей и оруженосцев, 4000 альмогаваров и великого множества слуг, женщин, стариков и детей) и прибыла в порт Монемвасия (на Пелопоннесе). Здесь Рожер потребовал предоплаты на четыре месяца. Затем они отправились в Константинополь в сентябре 1303 г., где компания была размещена Андроником в районе Вланхернского дворца, близ Золотого Рога. Там же состоялась оговоренная церемония присвоения Рожеру звания Великого Дука, или Мегадука (греч. *μέγας δούξ* – досл.: *великий командир*), или главнокомандующего как сухопутными войсками, так и военно-морскими силами Византии, а также его бракосочетание с племянницей императора, 16-летней принцессой Марией, дочерью царя Болгарии Ивана Асеня III и Ирины Палеолог. Так Рожер породнился с Палеологами.

В торжестве принимали участие соправитель и наследник Андроника Михаил IX, а с каталонской стороны сенешаль компании Корберан д'Але, капитаны альмогаваров Рамон Мунтенер, Феррандо д'Аонес и другие боевые командиры, almocaden'ы каталонцев. Присутствовали представители республики Генуя. И они попытались сорвать свадьбу. Ибо почти весь византийский флот состоял из арендованных генуэзских кораблей. И назначение Рожера его командиром их совершенно не устраивало, поскольку подрывало позиции Генуи в Восточном Средиземноморье и на Черном море.

Поэтому отряд генуэзских наемников со своим знаменем во главе с капитаном Россо дель Финара прямо во время свадьбы Рожера ворвался во Влахернский дворец. Генуэзцы попытались сорвать эту церемонию. Однако альмогавары, казармы которых располагались поблизости, со знаменем Арагона окружили дворец и перебили всех находившихся там генуэзцев. После чего они направились в Перу (генуэзскую колонию в Константинополе) и перебили там более 3000 генуэзцев. Эта бойня произошла в сентябре 1303 г. Был убит и главнокомандующий генуэзским флотом. Все корабли были захвачены каталонцами. Адмиралом флота Рожер назначил своего капитана Феррандо д'Аонеса.*

Триумф Рожера де Флора

На этих же захваченных кораблях Рожер со своими альмогаварами уже в октябре 1303 г. отправились в Анатолию**, к городу Кизику, где внезапно напали на турецкий лагерь и устроили там еще более ужасающую резню – было перебито более 10 тыс. пехотинцев и около 3 тыс. всадников, не успевших даже сесть на лошадей. А также многие женщины и дети. Это была впечатляющая победа, каталонцы продемонстрировали недюжинное военное мастерство и исключительную жестокость. Император снова щедро расплатился с Рожером и его

* Chronicle of Muntaner. Hakluyt Society – Vol. 2.(Электронная публикация) – P. 489-512 https://ia601609.us.archive.org/13/items/in.ernet.dli.2015.505358/2015.505358.chronicle-of.pdf

** *Анато́лия* (греч. *ἀνατολή;* тур. *Anadolu*) по-гречески значит *восход* (солнца), *восток*. Так называют азиатские владения Турции (в отличие от Румелии, европейской части Турции).

войсками, которые провели зиму в разнузданных грабежах и мародерстве. Окрестности Кизика были полностью опустошены.

Не меньшее мастерство и изощренную жестокость они неизменно демонстрировали и в последующих сражениях с турками на протяжении 1304 г. Впрочем, военная кампания сопровождалась постоянными конфликтами и распрями каталонцев с аланами. Один из них особо значим для нашего сюжета – несколько альмогаваров собрались было изнасиловать жену какого-то мельника-грека. Но аланы вступились за нее. В ответ каталонцы ночью напали на аланский лагерь, и в завязавшейся драке было убито около 300 аланов, среди которых был сын аланского предводителя Джиаргона. Разумеется, Джиаргон поклялся отомстить.

А пока, передохнув после Кизика, каталонцы (6000 альмогаваров) вместе с аланами (1000 всадников) в начале мая продолжили кампанию в том же духе. Они освободили Филадельфию от турецкой осады, оставив после себя около 20 тыс. трупов врагов. Затем они взяли еще несколько крепостей (Герма, Магнесия, Сипилум, Кула, Тира и др.) с такой же жестокостью. Рожер во многих случаях обезглавливал или вешал византийских военачальников за трусость и предательство, захватывал магистраты, изгонял византийских наместников и назначал собственную администрацию.

Все это сопровождалось чудовищными грабежами всех без разбора, насилием и мародерством. В Магнесии Рожер устроил собственную казну и уже на свои деньги подрядил 3000 турецких наемников, которые уже служили лично ему. Эти наемники – туркополы (от греч. *Τουρκόπουλοι – сыны турков*), местные конные лучники – издавна служили в византийской армии, составляя в ней, как и аланы, особые подразделения. Они преимущественно были детьми от смешанных браков между греками и турками и в большинстве своем христианами. Многие из них рекрутировались из христианизировавшихся сельджуков или из сирийских православных христиан. Создав, таким образом, собственную армию и администрацию, Рожер де Флор уже вел себя как правитель, который обустраивает свое государство в Западной Анатолии. Те византийские чиновники, которым удалось спастись, бежали в Константинополь. Император пребывал в бессильном отчаянии. А Рожер тем временем захватил город Тиру. В этой

битве погиб сенешаль Корберан д'Але, который был женат на его дочери. Это событие совпало по времени с прибытием Бернара де Рокафорта.

Бернар де Рокафорт, решившийся наконец-то присоединиться к Каталонской компании, в июле 1304 г. прибыл в Константинополь на нескольких галерах с 200 всадниками и 1000 альмогаварами. Андроник отправил его к Рожеру. Тот принял Бернара как родного – женил на своей дочери (взамен погибшего Корберана) и назначил своим сенешалем (вместо того же Корберана). А также подарил ему 100 лошадей и много золота.

Роджер и Бернар затем вместе отправились к городу Ани. Их альянс оказался очень эффективным – вместе они одержали блистательную победу в битве при Ани, уничтожив многократно превосходившую их числом армию турок в 18 тысяч человек.

Это был апогей их общего успеха. Оба лидера были в эйфории – казалось, уже ничто не может им помешать. После такой победы альмогавары снова предались грабежам и бесчинствам и стали требовать далее продвигаться на восток, в Святую землю.

Месть за месть

Но для этого требовались немалые деньги, которые имелись у Рожера в Магнесии. Однако, вернувшись в Магнесию, он обнаружил, что аланы перебили каталонский гарнизон и захватили всю его казну и добычу. Тут же каталонцев покинули последние 500 аланов, остававшиеся в рядах компании. Это была месть Джиаргона за своего сына. Рожер осадил город, но безуспешно.

Это было, как холодный душ. Ни денег, ни аланов. К тому же, и Андроник понизил оплату каталонцев в пять раз, что вызвало бурю негодования всех наемников.

Это был, конечно же, ошарашивающий удар. Но еще не катастрофа. И взбешенные альмогавары, хаотично передвигаясь от одного греческого города или поселка к другому, стали беспощадно их разграблять. Они просто упивались своим мародерским раздольем и бесчинством. «Они, проходя чрез оставшиеся у несчастных римлян города, поступали как нельзя хуже: они накинулись,

как на неприятелей, на тех, которыми были призваны, говоря в свое оправдание, что не получают от казны определенного годового жалованья, и что потому, прежде чем умереть с голоду им самим, им необходимо уморить тех, которые их призвали, а своих обещаний не выполнили. Таким образом, можно было видеть не только то, как расхищалось имущество жалких римлян, как были насилуемы девицы и замужние женщины, как были связываемы и истязуемы другими способами старики и священники (неприязненная и безжалостная рука латинян была находчива на истязания), но часто и то, как над головой римлянина сверкал обнаженный меч, грозя ему немедленною смертью, если не объявит, где хранятся его деньги. Римляне или отдавали все и сами оставались ни с чем, или же, не имея чем откупиться, валялись по дорогам с отсеченными оконечностями тела, представляя из себя жалкое зрелище, выпрашивая у прохожих ломоть хлеба или какой-нибудь обол и не имея никаких других средств к поддержанию жизни, кроме языка и ручьев слез».*

Пока Рожер с альмогаварами медленно двигался к Галлиполи, греки, устрашенные кровавым разгулом каталонцев, предпочли сами отдаться под турецкую защиту. Кстати, и каталонцы, которым император явно недоплачивал, стали возвращать туркам захваченные ими города за отдельную плату. Так, уже в октябре 1304 г. они вернули туркам Эфес, а несколько позднее – Сарды, Нимфей и Магнесию.

Положение усугублялось и тем, что сами византийцы отвратительно относились к своему изнуренному войной населению. Рамон Мунтанер писал в своей «Хронике», что «Бог покарал греков так, что их может смутить всякий. У них два определенных греха: во-первых, они самые надменные люди в свете и всех считают ни во что, хотя сами не стоят ровно ничего. Во-вторых, они менее кого-либо в свете имеют жалость к ближнему. В бытность нашу в Константинополе греческие беглецы из Азии валялись на навозе и вопили от голода, однако не нашлось никого из греков, кто дал бы им что-либо Бога ради, хотя в городе было изобилие всяких припасов. Только альмогавары, тронутые большою жалостью, делились с беглецами своею пищею. Потому боль-

* Григора Никифор. Указ. соч. Кн. 7, 3.

ше двух тысяч нищих греков, ограбленных турками, следовали за альмогаварами повсюду... Ясно, что Бог отнял у греков всякий рассудок». Это неудивительно – империя Андроника погрузилась «в хаос и безвластие» (выражение Георгия Пахимера).

Как бы там ни было, император вернул каталонскую дружину в Галлиполи, но расплатиться с Рожером не захотел или не смог. А в это самое время, в конце 1304 г., туда же прибыл Беренгар д'Энтенца, посланный в помощь Рожеру королем Хайме II Справедливым и его братом Федериго II Сицилийским, дабы блюсти интересы Арагонского дома. Д'Энтенца был родовитым арагонским аристократом, а потому считался куда выше Рожера, и тем более Рокафорта. И держался он очень заносчиво. Он же привез с собой на девяти галерах около 300 конных рыцарей и 1000 альмогаваров. Тем самым этот гордец становился третьим лидером Каталонской компании. Рожер и Бернар были рады, разумеется, военной помощи, хотя само присутствие д'Энтенцы с его аристократической спесью их нисколько не очаровывало.

Альмогавары, хотя и несколько утомленные мародерством, бесконечными грабежами и бесчинствами, были готовы к новым сражениям. Тем более что турки снова осадили Филадельфию и захватили остров Хиос. Рожер де Флор вновь стал готовиться к походу в Анатолию.

А Андроник все более и более опасался Рожера с его непомерными амбициями и претензиями на собственное государство и, упаси Господи, на императорскую корону. И они с Михаилом IX решили от него избавиться с помощью аланов Джиаргона, которые хоть и захватили львиную долю сокровищ Рожера в Магнесии, все равно считали себя недоотомщенными. Все эти чувства и опасения всячески разделялись и подогревались генуэзцами.

Михаил со своей армией, включающей и элитную «аланскую лейб-гвардию» (выражение Фердинанда Грегоровиуса) во главе с Джиаргоном, проводил время в войне с болгарами. Его ставка была в Адрианополе. Туда и пригласил он Рожера на пир, дабы попрощаться перед походом в Анатолию. Принцесса Мария, глубоко любившая своего мужа, умоляла его уклониться от приглашения. Но Рожер не внял ее мольбам и отправился к Михаилу с сильнейшей охраной в триста всадников и тысячью пехотинцев.

Он был встречен очень торжественно и по-дружески. И в этот же день был зарезан лично Джиаргоном за обеденным столом, а все его люди были почти поголовно перебиты аланами. Это было прекрасно спланированное заказное убийство. Лишь несколько каталонцев сумели бежать и добраться до Галлиполи, дабы передать это страшное известие д'Энтенце и Рокафорту. Слух об этом почти мгновенно распространился среди населения империи. Находившиеся в столице и других городах каталонцы также подверглись избиению.

Михаил, развивая успех, окружил Галлиполи. Его войска – греки, аланы и туркополы – состояли из 14000 всадников и 30000 пехотинцев. Но, по словам Мунтанера, «ярость и отчаянная решимость бушевали в лагере каталанов». Д'Энтенца немедленно «с истинно испанской гордостью шлет в Константинополь большое посольство для объявления войны Андронику по всем правилам рыцарских обычаев». Затем он «сжег Ираклию, возле Родосто, – богатое фракийское прибрежье было опустошено беспощадно, пятна крови долго плавали в море… толпы несчастных беглецов наводнили Константинополь, наводя ужас своими рассказами». Но столица империи была спасена генуэзцами – им удалось разбить д'Энтенцу и захватить его в плен вместе с кораблями и добычей. Его не отдали императору, а отвезли в Геную.

Компания осталась в составе лишь 206 всадников, 1256 пехотинцев во главе с комендантом Галлиполи Рамоном Мунтанером, сенешалем Бернаром де Рокафортом и шестью капитанами. С этими силами Рокафорту удалось прорвать блокаду на суше, переманить на свою сторону значительную часть туркополов и вместе с ними занять северную часть Галлиполийского полуострова, После чего каталонцы с туркополами направились к Стении – имперскому арсеналу к северу от Золотого Рога – и сожгли там более 150 различных судов. А затем они разграбили и подожгли Стению, захватили четыре своих галеры, потерянные ими ранее, загрузили их добычей и отплыли в Галлиполи на виду у константинопольцев.*

* Chronicle of Muntaner. Hakluyt Society – Vol. 2. (Электронная публикация) https://ia601609.us.archive.org/13/items/in.ernet.dli.2015.505358/2015.505358.chronicle-of.pdf – P. 536-542.

Те леденящие душу зверства, которые чинили каталонцы далее, именуются в литературе Каталонской, или Альмогаварской местью. Рокафорт после смерти Рожера де Флора и пленения д'Энтенцы превратился в единственного лидера компании – к концу 1305 г. он объединил вокруг себя рядовых альмогаваров, искавших лишь добычи и подвигов. «Счастливое франкское войско в Романии»** (как себя назвали каталанские банды) под знаменами святого Георгия и святого Петра стало буквально истреблять ненавистных греков. Население было перебито или продано в рабство, на полях Южной Фракии «не осталось ни земледельца, ни плодового дерева». Они сжигали все православные монастыри, которые только попадались им на пути. Компания оставила настолько глубокий след в историческом сознании греков, что само имя каталонцев и производные от него до сих пор употребляются в греческом языке для описания хаоса, бессмысленной беспощадности и живодерства. Были разграблены афонские монастыри, население Халкидики уменьшилось на 25-40 процентов. Память об этом опустошении и чудовищной жестокости альмогаваров продлится в историческом сознании греков на многие века – монахи Афона запрещали посещение каталонцами территории монастыря до 2000 года. До сих пор в некоторых областях Греции, чтобы упрекнуть кого-либо в дурном поступке, говорят: «Этого не сделали бы и каталонцы». В Афинах само слово *каталонец* – бранное, оно синоним *дикаря*, *разбойника*, *преступника*.

В этой ситуации смерть Рожера и пленение д'Энтенцы было Рокафорту очень даже на руку. Если вчувствоваться в его интересы, то более всего его занимало, как бы вернуть себе казну Рожера, которая была отнята аланами у каталонцев в Магнесии. Между тем отношения Андроника и Михаила с аланами резко испортились, поскольку византийцы уже не могли или не хотели им платить. И тогда весной 1306 г. 16000 аланов решили оставить императорскую службу и вернуться домой, в низовья Днестра и Дуная, которые были недавно подарены ханом Токтой болгарскому царю Федору Святославу в благодарность за голову Чаки.

** Грегоровиус Ф. История города Афин в Средние века (от эпохи Юстиниана до турецкого завоевания). Глава XIId. – М.: Издательство Альфа-Книга, 2009.

Они просили Святослава принять их обратно. Святослав, который вел почти не прекращающуюся войну с Византией, охотно согласился – ему нужны были и воины, и население.*

В предвкушении прекрасной Елены

Узнав об этом, Рокафорт решает перехватить аланов прежде, чем они пересекут Дунай, и отнять у них казну. Он забрал с собой для этого почти всех имевшихся в наличии альмогаваров из Галлиполи. Они настигли и разгромили аланов у города Хемуса (июнь 1306 г.), уничтожив 9000 воинов, и захватили огромную добычу, в том числе и вожделенные сокровища Рожера де Флора. Аланы в этой битве потеряли практически все, что они заработали и награбили на византийской службе. Святослав сам направился с отрядом в 1000 солдат на помощь аланам, но было поздно. И тогда он предложил Рокафорту пропустить аланов в Болгарию, самому перейти к нему на службу, а также руку своей сестры Елены, которая была вдовой Чаки.**

Это была выгоднейшая сделка. Если вчувствоваться в соображения болгарского царя, то он этим предложением возвращал себе податное население бывшего улуса Ногая и Чаки, который стал теперь частью его владений, а также приобретал профессиональную армию каталонцев для защиты восточных рубежей своего царства с Золотой Ордой на Днестре. Это освобождало ему руки для продолжения войны с Византией.

Альмогаварам с их семьями было тоже достаточно выгодно покинуть совершенно разграбленную ими же Южную Фракию и перейти грабить на новые территории. Но более всех это было выгодно самому Рокафорту – он, женившись на вдове Чаки, вместе с Еленой получает наследство Чаки – обширную территорию, принадлежавшую некогда самому великому Ногаю. Это же целое королевство! Или царство!

* Известно, что в кочевых обществах число воинов – боеспособных мужчин составляет около 20% населения. Оно обычно и указывается в источниках. Значит, в нашем случае общее число аланов, желавших переселиться, превышает 70 тысяч. Это целый народ.

** Иречек К.Й. Исторія болгаръ. – Одесса, 1878.

Святослав, таким образом, давал Рокафорту такой шанс, упустить который было никак не возможно. Ведь именно это и было пределом мечты «вознесшегося смиренного» кондотьера, рыцаря «Цветочного Креста». Перед Рокафортом открывалась лакомая возможность, упущенная Рожером де Флором, – заполучить себе королевство. Его не нужно было даже завоевывать – оно готовое попадало ему в руки вместе с подданными – аланами.

И тогда, видимо, опасаясь, как бы Святослав не передумал, Рокафорт немедленно организует экспедицию в свои предвкушаемые новые владения, восточными пределами которых было устье Днестра. По тогдашним картографическим представлениям это устье включало также долины Хаджибея, Куяльника и Аджалыкских лиманов. Именно сюда и отправились Рокафорт с альмогаварами на нескольких галерах, дабы обустроить форпосты на восточных рубежах Болгарии с Золотой Ордой. Естественно, что эти форпосты были им именованы по названиям цветов своего рыцарского ордена – Дрока и Лилий. Именно так, думается, здесь возникли приморские поселки с соответствующими именами – Джинестра и Флорделис.

Судя по всему, экспедиция Рокафорта по обустройству Джинестры и Флорделиса состоялась летом-осенью 1306 г. Это была разведка и рекогносцировка новых территорий, которыми он вознадеялся и так жаждал овладеть. А успеху ее способствовало почти полное тогдашнее бессилие Генуи на Черном море после резни на свадьбе Рожера де Флора – болгарские порты были для нее закрыты. К тому же, и хан Токта изгнал генуэзцев из своих владений за то, что они покупали татарских детей и продавали их в рабство. Поэтому на море тогда у каталонцев не было сколько-нибудь серьезных конкурентов. Думается, что свои прибрежные поселки они основали на местах заброшенных генуэзских якорных стоянок.

При этом вся добыча каталанов и аланов находилась в тот момент в руках Бернара – и сокровища Рожера из Магнесии, и добыча альмогаваров во Фракии, и все награбленное аланами. Это были несметные богатства, вдобавок к которым он получал руку Елены. Поэтому в июле-августе 1306 г., когда цветет дрок и расцветают лилии, у Рокафорта были все основания для оптимизма,

радужных грез, надежд, предсвадебных ожиданий и предвкушений. Главное – не спугнуть такую удачу.

Ничто не мешает нам думать, о чем он мечтал в зарослях дрока на наших берегах далеким летом 1306 года, – о том, что, женившись на прекрасной Елене, он становился ближайшим родственником болгарского царя, что чрезвычайно повышало его социальный статус, престиж и даже (чем черт не шутит?) позволяло в случае чего претендовать на болгарский престол. Ведь у Чаки же получилось его захватить. Так чем он, *Бернар де Рокафорт*, хуже какого-то там Чаки? Кроме того, ему могли не быть чуждыми и миссионерские чувства – как *благороднейший рыцарь ордена Дрока* он основывал форпосты на западных рубежах христианского мира против Золотой Орды. Это полностью соответствовало крестоносным грезам Людовика Святого, который мечтал обратить всех монголов в христианскую веру. Тогда не исключено, что цветочное имя ордена Дрока было им дано Джинестре отчасти из миссионерских побуждений. Он был романтиком, если жил по девизу «Ты возносишь смиренных», начертанному на его рыцарском значке.

Это соотносилось и с крестоносными идеями Анжуйского и Арагонского королевских домов, благодаря которым он из худородных министериалов стал рыцарем «Цветочного Креста», и которые, в сущности, и инициировали Каталонскую компанию Востока. Поэтому у Бернара все выходило как бы очень даже «порыцарски» – настоящий подвиг-авантюра (фр. *l'aventure*). И он, видимо, упивался своей удачей.

Но, как назидательно заметил о таких, как Рокафорт, «рыцарях удачи» византийский историк Никифор Григора, «тешить себя такими мыслями прилично только недалекому уму, который такого рода, что направляется в самую глубь тины и не может возвыситься до мысли, что событиями располагает Промысл, соответственно тем вызовам, которые мы делаем Ему нашими делами».*

* Григора Никифор. Римская история Никифора Григоры, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. – Том 1. Книги 6, 4. [Электронная публикация]. https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/rimskaja-istorija-nikifora-grigory-nachinayushajasja-so-vzjatija-konstantinopolja-latinjanami-tom-1/#0_2

Что же устроил «Промысл, все направляющий к пользе людей»?

А тем временем к концу осени 1306 г. Федор Святослав передумал отдавать Елену какому-то заезжему каталану. Ведь он уже добился желаемого – избавился от бесчинствующих альмогаваров на южных границах своего царства, отвоевал прибрежные города у византийцев и вернул своих аланов в родные причерноморские степи. К тому же, каталонские форпосты на восточных рубежах Болгарского царства вряд ли могли понравиться хану Токте. Святославу не было ни малейшего смысла портить добрые отношения с Золотой Ордой, сложившиеся после казни Чаки. Особенно в условиях продолжавшейся войны с Византией.

Поэтому болгарский царь решил эту войну прекратить, помириться с Андроником II, а заодно и жениться на его внучке Феодоре. Для этого он послал две галеры с зерном в голодающий Константинополь, чем завоевал симпатии населения, которое стало оказывать давление на императора. Уже в начале 1307 г. соглашение между Болгарией и Византией было подписано и скреплено браком Святослава с Феодорой. Соглашение подтвердило все территориальные завоевания болгар.

Рокафорт стал Святославу уже не нужен. И тому ничего не оставалось делать, как спешно вернуться со своими альмогаварами в Галлиполи – ведь, упустив свой шанс стать правителем, он мог потерять и власть над компанией. Для этого были все основания – тогда же, к концу 1306 г., в Галлиполи возвращается и д'Энтенца, выкупленный Хайме II из генуэзского плена. Он прибыл вместе с инфантом Фердинандо Майоркским, которого послал Федериго II для контроля над действиями компании. Они привезли с собой 6000 альмогаваров.

По возвращении Рокафорт сразу же ссорится с д'Энтенцей и инфантом Фердинандо. Его поддержали и вновь прибывшие с инфантом альмогавары, которых мало занимали политические интересы Арагонского дома – они искали лишь добычи и удачи. В результате конфликта «славолюбивый инфант» (выражение Фердинанда Грегоровиуса) вынужден был бежать, а брат

Бернара Жильбер вместе со своим дядей как бы «случайно» убили д'Энтенцу во время очередной размолвки.

Так Бернар опять стал единоличным лидером компании. И он снова, с еще большим упоением и «свирепой силой и энергией» принялся со своими альмогаварами грабить Македонию, Халкидику и разорять афонские монастыри. Афонский монах-очевидец писал: «Ужас бе видети тогда, запустение Святой Горы от руки сопротивных». Видимо, раздраженный неудачей своей «болгарско-аланской» авантюры, он вознамерился стать герцогом Афинским.

«Но дело, как видно, было не угодно Богу, – пишет Григора, – и кончилось несчастным образом». Свирепая жестокость и самоуправство Рокафорта достигли такой степени, что вызвали недовольство среди командиров альмогаваров. Те стали роптать и возмущаться.

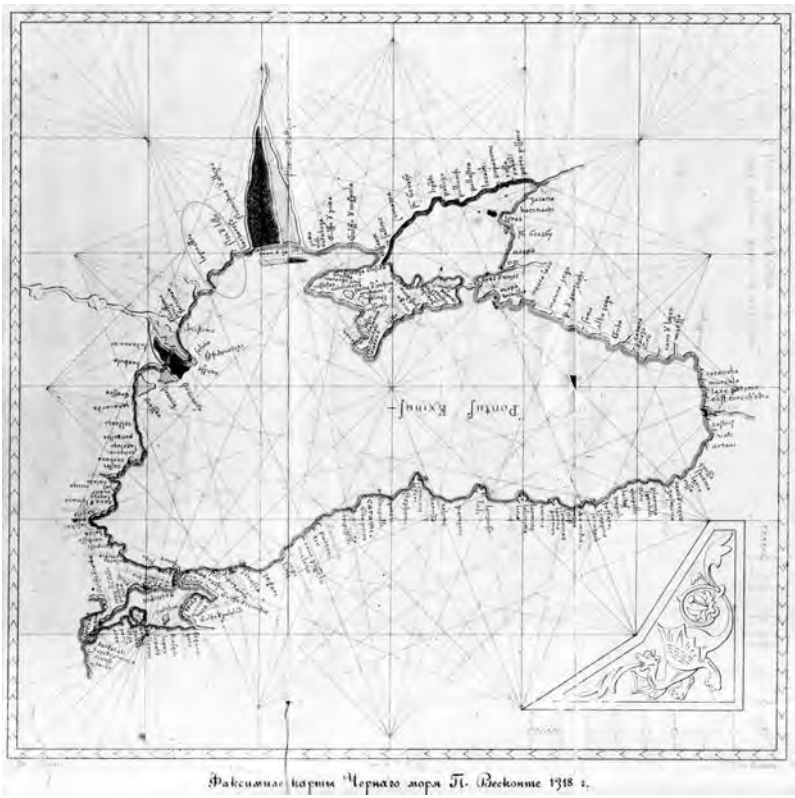
Арест Бернара де Рокафорта

Этим не преминул воспользоваться Карл Валуа, который сам был не прочь стать Афинским герцогом. Его рьяно поддерживали венецианцы, которые «сыпали золотом между вождями каталанов, чтобы низвергнуть Рокафорта… им удалось вызвать мятеж против этого способнейшего наследника кесаря Рожера». В результате венецианский адмирал Тибо де Сепои сумел схватить Бернара вместе с братом Жильбером. А Карл Валуа отправил их к Роберту Мудрому (Доброму), своему давнему другу и союзнику, который незадолго до того стал неаполитанским королем. Тот прекрасно запомнил алчность и вымогательства Бернара за два замка в Калабрии. Видимо, мудрый Роберт с немалым удовольствием заточил братьев Рокафортов в свой замок Аверса под Неаполем и по доброте душевной уморил их там голодом. И оба они, наверное, сразу угодили в девятый круг ада вечно страдать в вечной мерзлоте. Как у Данте и полагается.

Таковой оказалась судьба незадачливого «зачинателя» Джинестры, рыцаря ордена Дрока Бернара де Рокафорта. Зато благодаря этому «странствующему каталану» ее название появляется на морских картах-портоланах с начала XIV в., продолжает там сохраняться вплоть до XVIII в., а затем исчезает. И осталось только имя – имя Дрока, которое и рассказало нам всю эту увлекательную историю.

Историческая память отнеслась к героям этого повествования по-разному. Многие персонажи войны Сицилийской Вечерни упомянуты Данте в «Божественной комедии» и награждены подобающими эпитетами. Из героев Каталонской компании громко прославился лишь Рожер де Флор, поскольку хронику его жизни составил служивший под его началом капитан альмогаваров Рамон Мунтанер – самая, пожалуй, привлекательная личность из лидеров компании. Его «Хроника» легла в основу знаменитого рыцарского романа Жуанота Мартуреля «Тирант Белый»*, написанного в конце XIV в. Мигель де Сервантес был убежден, что «в рассуждении слога это лучшая книга в мире».

* Ж. Мартурель, М.-Ж. де Галба. Тирант Белый: Роман / Перевод П. Скобцева, М. Абрамовой, Г. Денисенко. – М.: Ладомир; Наука, 2005. (Литературные памятники). – 832 с.



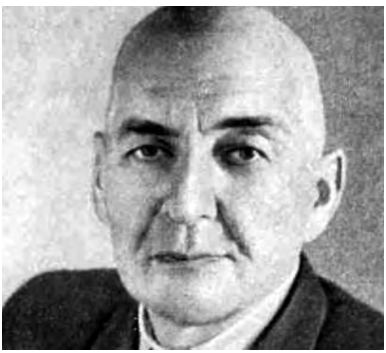
Морская карта Пьетро Весконте, 1318 год

Бернар де Рокафорт не был ранее удостоен подобной чести. Видимо, он все же сумел ее заслужить, поскольку оставил потомкам тайну имени Джинестры, раскрытие которой позволило нам вырвать имя ее зачинателя из мрака забвения. Так обустроил «Промысл, все направляющий к пользе людей», по убеждению Никифора Григоры.

Вскорости после ухода «странствующих каталанов» (выражение Ф.К. Бруна) Джинестру возвращают себе генуэзцы, которые и владеют этой якорной стоянкой почти до самого конца XV в. Но это уже совсем другая история.

Лариса Ржепишевская

«Уходят дни и годы, и бегут века...»



Рассказывать всю биографию этого замечательного человека для меня большая честь и огромное удовольствие. В памяти людской останется надолго жизнь и деятельность выдающегося ученого с мировым именем, историка, лингвиста, археолога Михаила Федоровича Болтенко. Хоть он и не родился в Одессе, но большую часть сознательной жизни провел здесь, в нашем солнечном городе.

Родился Михаил Федорович Болтенко 2 сентября 1888 года в семье военнослужащего, топографа, генерал-майора, недалеко от местечка Осовец бывшей Гродненской губернии (сейчас территория Польши). Отец Федор Дмитриевич был беззаветно предан своему делу, много ездил по стране и за границу вместе с семьей, как того требовала служба. Он был примером и для маленького Миши. Детство Михаила было наполнено незабываемыми впечатлениями, селами, разными городами и странами. В 1893 г. вместе с генерал-майором Юлием Александровичем Шмидтом (отцом известного ученого) отец получает назначение на съемки Сибирской железной дороги. В этот период в России разворачивался грандиозный проект – строительство железнодорожного пути от Урала до Тихого океана. Самая длинная в мире магистраль. Путешествие к новому месту назначения из Гродно

в Иркутск длилось два месяца. Маршрут был следующим: Гродно – Санкт-Петербург – Москва – Нижний Новгород – Казань – Иркутск.

О жизни семьи в Иркутске сохранились воспоминания Михаила Федоровича. Поначалу семья поселилась в одноэтажном бревенчатом бараке. Потом переехали в дом получше и побольше. В летнее время семья выезжала на дачу. Чтобы поступить в гимназию, Михаил занимался с мадемуазель Антуанет, которая была дочерью ссыльного польского генерала.

Антуанет была не просто хорошей гувернанткой, но и блестящим педагогом, хорошим воспитателем, сама увлеченно играла с детьми. С раннего детства Михаил уважительно относился к людям, независимо от их социального положения, происхождения или национальности. В семье всегда царил дух свободомыслия. Были и любимые писатели: Пушкин, Лермонтов, Толстой, Некрасов… Отец был страстным знатоком и любителем истории. И, конечно, свою любовь и знания передавал сыну Михаилу. «Еще до поступления в гимназию, – вспоминал Михаил, – меня уже называли историком».

И вот 1897 год. Михаил идет в первый класс иркутской мужской гимназии. Вскоре и основные предметы определились: история, география, в дальнейшем и иностранные языки. Потом переезжали в Омск, Санкт-Петербург, Варшаву, Китай, в котором семья провела два года. Когда приехали в Одессу, Михаилу надо было оканчивать начальное образование и определиться с дальнейшей учебой. Вначале квартиру снимали, а в 1908 году отец получил шестикомнатную квартиру в новом доме на Пироговской, 3. Когда Михаил женился, отец переехал в дом 5 на той же улице.

Окончив 2-ю одесскую гимназию, Михаил поступает на историко-филологический факультет Новороссийского университета. Кроме истории Михаил изучал и знал много иностранных языков: латинский, греческий, древнегреческий, польский, болгарский, английский, немецкий, французский. После окончания университета Михаил Федорович вместе с профессором Штерном проводил новые исследования на острове Березань, был избран членом Одесского общества археологов. Преподавал иностранные языки в средних учебных заведениях. Свою трудовую

деятельность он начал преподавателем истории в мужской гимназии № 5. После закрытия гимназии его пригласили в Одесский археологический музей. Это дало ему возможность участвовать в археологических раскопках в Ольвии.

Но самым интересным было преподавание иностранных языков в одесских мужских гимназиях. Все свободное от работы время он занимался научно-исследовательской работой.

Женился на последнем курсе университета. Жена Евгения очень любила мужа и делала все, для того чтобы Михаилу было комфортно и удобно работать. Успокаивала детей, а их было трое (три дочери), когда они бегали, объясняла, что они мешают отцу работать. На что Михаил Федорович неизменно говорил, что дети ему никогда не мешают.

Когда произошла Октябрьская революция, Михаил задумался о будущем своей страны. Безусловно, на политические взгляды Михаила повлиял отец, который более 50 лет прослужил в царской армии. И не было ничего удивительного, что в апреле 1917 года Михаил стал членом кадетской партии и возглавил пропагандистскую работу в ней. От партии кадетов Михаил Федорович баллотируется в Городскую думу Одессы. От партии кадетов он и был включен в 1919 г. в Городскую думу. В 1934 году эти факты станут основным доказательством о контрреволюционной деятельности Михаила Федоровича Болтенко.

В 1921 году осуществил археологические раскопки в селе Усатово. За два месяца раскопок открыл сначала стоянку с орудиями труда, с фрагментами посуды из серой глины. Анализируя находки, убедительно доказал и датировал их 2 тыс. лет до нашей эры. Эти находки свидетельствуют о существовании на юге Украины своеобразной культуры, которая ознаменовала собой упадок Трипольской культуры и отделение кочевых племен на границе раннего бронзового периода. Это приблизительно начало 3 тыс. лет до н. э.

После окончания Гражданской войны интересно сложилась судьба Михаила Федоровича. Преподавал, занимался научно-исследовательской работой, раскопками, выступал с инициативой организации Одесского археологического института с подготовкой специалистов в области археологии и музейного дела. Занимался разработкой учебных программ, которые были

утверждены и одержали высокую оценку в отделе народного образования и в наркомате просвещения УССР. И таки добился своего.

Уже в 1921 году археологический институт начал свою работу. Сначала было 68 студентов, потом, в следующем учебном году, – 75. Вместе с другими преподавателями обеспечивал методическими материалами учебный процесс. Знакомил студентов с археологическими памятниками нынешнего археологического музея. Ассистировал профессору Б.В. Варнеке на занятиях по античной керамике. В 1920 году Михаила Федоровича назначают на должность хранителя-демонстратора археологического музея. Работа в музее не оплачивалась, работа в трудовой школе не оплачивалась, вспоминала дочь Ольга.

В 20-х годах он преподает историю и языки в гимназии и в железнодорожных трудовых школах Одессы, на общеобразовательных курсах. В 1921 году Михаила Федоровича выбирают на должность профессора Одесского государственного техникума кинематографии. Он там читал курс лекций по истории культуры и искусства. Работал в лекторском бюро политпросвещения.

С 1924 по 1931 гг. М.Ф. Болтенко руководит раскопками на острове Березань. Эти работы стали возможны благодаря самоотверженной работе Михаила Федоровича и его единомышленников. На острове, куда отправилась экспедиция, была только одна палатка. В нее в непогоду исследователи прятали археологическое оборудование и находки. Сами ютились в сохранившемся на острове блиндаже. В результате исследования было собрано много ценного материала, который дал возможность Михаилу Федоровичу по-новому рассматривать историю острова Березань с его грече-

скими поселениями, временем его заселения греками и его судьбу, после того как главным центром греческой торговли стала Ольвия.

С целью глубокого и всестороннего изучения археологических памятников юга Украины Михаил Федорович в начале 30-х годов обосновал проект основания в Одессе специализированного комбината черноморских археологических экспедиций. Проект получил полную поддержку со стороны сектора науки Наркомпросвещения УССР, который и поручил Михаилу Федоровичу возглавить его. Михаил Федорович руководил работами усатовской, ольвийской, березанской экспедиций, которые входили в комбинат.

В числе немногих советских ученых Михаил Федорович в 1927 г. был избран действительным членом Германского археологического института. В 1929 г. получил приглашение на международный конкурс историков в Оксфорд. В 1929 г. он выступает в археологическом институте в Берлине, в 1932 – на съезде историков в Лондоне.

Казалось бы, все хорошо: любимая работа, любимая жена, дети… Но не тут-то было. Где-то в середине 1932 г. в Одесский археологический музей был назначен некий Ковальский. Назначенный директор начал буквально с первых же дней своей работы вредить музею. Когда готовилась экспозиция, для экспонатов были заказаны рамы. Когда их привезли, то стало понятно, что они маленькие. И тут директор издает приказ: списать то, что не помещалось в рамки. Михаил Федорович, конечно, был удивлен этим диким распоряжением и на собрании выступил с критикой деятельности нового директора. И тут началось. Директор стал угрожать: «Ты будешь помнить, Болтенко!». С этого дня началась травля, создавались преграды, мешающие научной работе ученого. Директор не останавливался не перед чем. Опустился до того, что спрятал обувь Михаила Федоровича в ящик своего стола, когда тот уехал в Харьков (тогда столицу Украины). Это случайно заметила сотрудница музея.

Так как Михаил Федорович блестяще владел английским, французским и немецким языками, то, естественно, когда в музее были иностранные делегации, к нему обращались за помощью. Этим директор обосновал свой донос, обвиняя Михаила Федоровича в контрреволюционной деятельности на благо иностранных государств.

Политическая ситуация, которая сложилась в стране в 1933 году, никак не вдохновляла Михаила Федоровича на активную творческую работу. Он не мог понять мотивы и методы осуществления массовой коллективизации и других начинаний правительства того времени. «Складывается впечатление, что власть только и делает, что занимается вредительством», – говорил он. Волновал курс государственного партийного руководства на революционный и большевистский подход к науке, научным исследованиям, к научным работникам. Вся политика сводилась к замене молодых талантливых ученых, но беспартийных, на совсем не подготовленных партийных и комсомольских работников. «Я не знаю, что будет в дальнейшем с научными исследованиями, – говорил он в мае 1931 года, – но сейчас происходит вредительство делу: заменяют молодых талантливых ученых на плохо квалифицированных людей. И все это делают не потому, что нет кадров, а потому что такая система, политика государства».

Очевидно, уже тогда у него мелькнула мысль, что и ему предстоит столкнуться с подобными фактами. Все чаще он слышал упреки в своей принадлежности к кадетской партии. В 1932 году его увольняют с должности директора, а в 1933 году – и с должности заместителя директора археологического музея по научной работе. Удивленный такой несправедливостью, он, тем не менее, спокойно едет в Харьков, надеясь найти покой, работая в научно-исследовательском институте истории культуры Украины. Но скоро и тут недоверие. В январе 1933 года его увольняют. Таким образом, ученый с мировым именем стал безработным.

Чтобы понять весь трагизм ситуации, в которой оказался Михаил Федорович Болтенко, надо знать, что в то время органами НКВД проводились массовые аресты среди научных работников Харькова, знакомых Михаила Федоровича. Они могли хотя бы добрым словом поддержать его. Стремясь найти выход из круга преследований и обвинений, Михаил Федорович обращается за помощью в НКВД УССР. Там очень внимательно выслушали его объяснения и, успокоив, отпустили. Тишина длилась недолго. 2 июня 1934 года в НКВД УССР пришла телеграмма из Одессы, в которой рекомендовалось арестовать Михаила Федоровича Болтенко по подозрению

в шпионаже. М. Ф. нередко делился с близкими друзьями своими впечатлениями о Дальнем Востоке, Сибири, Китае, Японии.

Вызванный на допрос, Михаил Федорович ничего не скрывал. Рассказал о своих связях с учеными из Германии. Да и скрывать было нечего. Они хорошо были известны среди ученых. Однако воображение следователей рисовало совсем другую картину. «Безусловно, Болтенко М.Ф. представлял собой довольно солидную фигуру и должен был раскрыть серьезную контрреволюционную и шпионскую работу», – читаем в записях НКВД УССР.

Михаил Федорович был арестован и отправлен в Одесский отдел НКВД. За ним закрылись двери 51-й камеры 4-го корпуса одесской тюрьмы. Незамедлительно начались допросы. Следователей совсем не интересовала шпионская деятельность Михаила Федоровича. Они больше старались убедить его в том, что он принадлежит к контрреволюционной организации группы музейных работников. Когда дело приняло такой оборот, в качестве единственного выхода Михаил Федорович согласился с версией следствия, что в 1921 году он входил в ядро подпольной организации, которая действовала под прикрытием Одесской комиссии страноведения. Он согласился и с тем, что в 1925 году, во время всеукраинского съезда археологов, организация вошла в блок украинских националистов и великорусских белогвардейских элементов и вместе с ними стремилась уничтожить советскую власть и установить на Украине буржуазно-демократическую парламентскую республику.

После того как Михаила Федоровича заставили подписать большинство сфабрикованных протоколов допроса, он думал, что про него забыли. Однако 3 июня 1934 года следователь, вызвавший его на допрос, предложил ему дать чистосердечное признание в шпионской деятельности в интересах Японии.

Еще в 1927 году Михаила Федоровича приглашали в Оксфорд выступить с докладом «Трипольская культура на Украине». Этот факт широко освещали одесские газеты. Очевидно, он обратил на себя внимание японского консула в Одессе, который начал приглашать М. Ф. на официальные приемы, заходил в музей, бывал у него дома. Закономерные связи М. Ф. с японскими работниками консульства заинтересовали работников НКВД. Еще в 1928 году была проведена проверка, которая подтвердила, что взаимоотношения

с консулом Японии ограничивались исключительно научными интересами ученого. Но это было в1928 году, а в 1934-м сотрудники НКВД уже по-новому рассматривали дело ученого.

Неизвестно, сколько раз Михаил Федорович садился за стол для допросов или находился в следственной камере. Вспоминает младшая дочь Ольга: «Больше всего меня потрясло, когда я увидела отца с синяками на руках и под глазами, когда пришли на свидание, которое длилось двадцать минут. Я была так напугана, что не могла сказать и слова. Больше мать меня с собой не брала. Только крепкое здоровье и оптимизм помогли отцу перенести все тяготы ссылки. В начале пути в тюрьму отца обокрали. Но уже в тюрьме, увидев его доброту и знания, те же заключенные его уважали. Когда прибывали новенькие, их предупреждали: «Профессора не трогать».

В его следственном деле сохранились три варианта, свидетельствующих о его связях с японцами, но ни один из них не являлся фактом шпионажа. И в обвинительном документе сделан вывод: обратить внимание на принадлежность Михаила Федоровича Болтенко к кадетской партии и его контрреволюционную деятельность. Следствие также утверждало, что М.Ф. Болтенко со своими политическими взглядами был одним из руководителей одесского филиала контрреволюционной организации музейных работников, основной целью которой была организация свержения советской власти путем вооруженного восстания. Для того чтобы приблизить этот момент, Болтенко М.Ф. формировал из антисоветских элементов штат работников музея, организовывал их в своих интересах. В течение нескольких лет занимался враждебной деятельностью в области музейной работы и археологии. Тот вклад, который ученый внес в развитие археологии, во внимание не принимался.

Прокурор Одессы не согласился с решением следствия о пятилетнем заключении М.Ф. Болтенко и предложил ограничиться трехгодичным заключением в трудовом лагере. Однако судебная тройка при комиссии НКВД УССР была солидарна со следствием. Пять лет исправительно-трудовых работ – таково было решение от 25 мая 1934 года. По иронии судьбы отбывать наказание он был направлен на Дальний Восток. Здоровье Михаила Федоровича значительно ухудшилось, и он получил вторую группу инвалидности. И по ходатайству своей жены (а она обратилась

с прошением о помиловании в НКВД СССР) 21 марта 1936 года был условно освобожден из мест заключения тяжело больным.

В конце 1936 года Михаил Федорович обратился с заявлением в НКВД УССР с просьбой пересмотреть его дело. Однако ответ на заявление давали уже работники НКВД СССР, которые в начале 1937 года вели следствие по так называемому делу «Восток», шпионской организации, членом которой, очевидно, был М.Ф. Болтенко. Только тяжелое состояние здоровья Михаила Федоровича не дало возможности доставить его в Киев, как того требовали следователи. Какая бы судьба ждала его, если б он выполнил их требования, нетрудно догадаться. С незначительным улучшением здоровья Михаил Федорович встретил вывод НКВД УССР о невозможности досрочного освобождения. И только 29 июня 1936 года, ровно через пять лет после ареста, Михаил Федорович вышел на свободу.

Сразу вернуться в Одессу ему не удалось, не разрешили. Поселился недалеко от города, в селе Березовка.

Михаил Федорович пережил еще один рецидив нападений в последние годы культа личности Сталина (1951-1954). Только начиная с 1954 года все постепенно утихло. До самых последних дней (умер М.Ф. Болтенко 6 мая 1953 года) он нес тяжесть решения несправедливого суда. В 1949 году в заявлении на имя председателя Президиума Верховного Совета УССР Михаил Федорович просил пересмотреть его дело и снять судимость. Управление КГБ в Одесской области поддержало его просьбу. Но особый совет при КГБ СССР отказал ему в реабилитации. И только 26 июня 1990 года согласно указу Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года несправедливое решение судьбоносной тройки было отменено.

И хотя Михаил Федорович не дожил до этого дня, его дождалась младшая дочь Ольга, которая получила извещение о посмертной реабилитации ее отца, имя которого золотыми буквами записано в истории советской и мировой науки.

Иосиф Бронз

История адвокатуры Одессы

В 1864 г. в Российской империи, часть которой составляла и Украина, была проведена судебная реформа, учредившая суд присяжных и присяжную адвокатуру – элементы демократического и правового государства.

До этого времени вместо суда в России действовала «тайная канцелярия», которая в тиши кабинетов рассматривала дела без проведения судебных заседаний и без присутствия лиц, являющихся участниками процесса.

Естественно, что и адвокатов не было. Вместо них жалобы и заявления граждан подавали стряпчие, ходатаи по делам, сами они и дела их, зачастую гнусные, были описаны многими писателями, в числе которых были Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев, А.Н. Островский, М.Е. Салтыков-Щедрин, увековечившие незабываемые образы этих деятелей.

Современник судебной реформы писал о них: «Приказная строка, со старушечьим лицом, с ястребиным носом и беспокойными глазами, совершенно истасканное существо».

В народе их называли ябедниками, кровопийцами, чернильными душами, составщиками воров и, наконец, крапивным семенем.

По выражению профессора А.В. Лохвицкого, оказание помощи двум сторонам по одному делу и получение денег от каждой из сторон было самым невинным недостатком этих «аристократов тогдашней адвокатуры»

А каким государством была Россия в XIX веке? Это было монархическое государство с единоличной властью царя, без конституции, парламента, свободной прессы, без прав и свобод граждан, в связи с чем достаточное количество скептиков считали, что насаждаемая великим реформатором Александром II реформа работать не будет.

Однако скептики были посрамлены: судебная реформа работать начала сразу, потому что ее подготовка проходила на протяжении 10 лет, и после ее введения и судьи, и прокуроры, и адвокаты были полностью подготовлены к работе в установленных судебных учреждениях.

В напутствии императора судебной реформе было записано: «Водворить в России суд скорый, правый, милостивый, равный для всех подданных наших, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и утвердить в народе уважение к закону…».

Членам адвокатского сословия предписывалось: «Эти лица должны представлять верные ручательства знания, нравственности и честности убеждений».

Как далека нынешняя судебная власть и адвокатура от уровня институтов той далекой судебной реформы!

Прием в адвокатуру вначале, после введения судебной реформы, производился министерством юстиции, а после того как число адвокатов в регионе превышало 20 человек, создавались советы присяжных поверенных, в полномочия которых были переданы все вопросы, связанные с деятельностью адвокатуры.

В 1866 г. были созданы советы присяжных поверенных в Москве и Санкт-Петербурге, а в 1874 г. – в Харькове. Затем на долгих тридцать лет создание советов присяжных поверенных в губерниях было прекращено, что существенно осложняло деятельность лиц, имеющих адвокатские свидетельства. Так, в частности, было и в Одессе, где адвокаты находились под контролем губернских судов, которые осуществляли прием в адвокатуру и исключение из сословия присяжных поверенных, в связи с чем адвокаты Одессы неоднократно направляли прошения в Правительствующий Сенат с просьбами о необходимости учреждения в Одессе совета присяжных поверенных.

Наконец свершилось: 10 ноября 1904 года высочайшим повелением императора Николая II в Одессе был учрежден Совет присяжных поверенных, в состав которого входили адвокаты Кишинева, Херсона, Винницы, Симферополя, Каменец-Подольского, Елисаветграда. Первым председателем Совета присяжных поверенных был избран Осип Яковлевич Пергамент – выдающийся адвокат и общественный деятель.

Адвокаты Одессы занимали достойное место в деятельности присяжной адвокатуры. Г.В. Блюменфельд и Я.Э. Либерман вошли в состав редакционного совета по изданию «Истории русской адвокатуры», а адвокат

А.Я. Пассовер учредил в Одессе Мемориал одесских присяжных поверенных для «сохранения письменных удостоверений, которые относятся к нашей профессии, ко всему сословию и к отдельным ее деятелям».

К пятидесятилетию создания присяжной адвокатуры были изданы «Правила адвокатской профессии», основанные на дисциплинарной практике нескольких советов присяжных поверенных, в том числе и одесского совета.

Чтобы отметить роль Одессы в реформировании адвокатуры и сохранении в памяти потомков следов становления адвокатуры, в «Истории русской адвокатуры» было записано: «На южной окраине России общество, публика, суд, присяжные и, наконец, сами адвокаты понимали задачи и положения адвокатуры, как присяжные поверенные исполняли обязанности, законом на них возложенные, и отстаивали права, тем же законом им присвоенные».

Выдающим адвокатам Одессы и ученым-правоведам посвящается предложенный читателю материал.

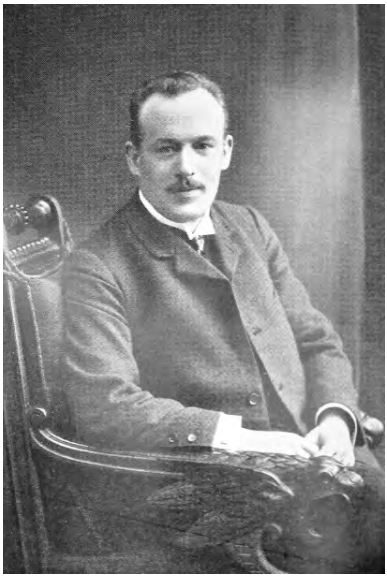
Иван Михайлович Ковшаров

Описывая историю адвокатуры Одесского региона, нельзя не вспомнить одного из самих известных присяжных поверенных того времени Ивана Михайловича Ковшарова, который единственный из адвокатов в истории был признан на Архиерейском соборе Русской православной церкви в 1992 г. мучеником и причислен к лику святых.

И.М. Ковшаров родился в Одессе в 1878 г., в 1903 г. окончил юридический факультет Новороссийского университета. В 1908 г. Ковшаров переезжает в Санкт-Петербург, где вначале состоит помощником известного адвоката К.И. Балицкого, а затем его принимают в присяжное поверенные округа Санкт-Петербурской судебной палаты.

С 1912 г. Ковшаров начинает работать юрисконсультом Александро-Невской епархии, с 1916 г. состоит в правлении Общества объединенных петроградских православных приходов, а в 1918 г. на Петроградском епархиальном съезде его избирают уполномоченным по общеепархиальным делам.

Ковшаров много времени посвящает делам по защите церкви, священнослужителей и имущества церквей от большевистского



И.М. Ковшаров

грабежа. Такая деятельность Ковшарова имела для него самые трагические последствия.

В 1922 г. власть издала декрет «Об изъятии церковных ценностей» под благовидным предлогом помощи голодающим, против чего, естественно, возражали руководители церкви и не равнодушные к ее проблемам граждане. Возглавляли это движение митрополит Петроградский и Ладожский Вениамин, профессор Петроградского университета Ю.П. Новицкий, адвокат И.М. Ковшаров, настоятели соборов, профессура церковных высших учебных заведений. Все они, в том числе настоятели всех главных петроградских соборов, профессора Духовной академии, Богословского института, студенты, задержанные во время уличных беспорядков против грабежа церквей, а всего 80 человек, в скором времени были арестованы и преданы суду. Всем были предъявлены обвинения в «организации преступной контрреволюционной группы, поставившей себе целью борьбу с советской властью».

Поражает спокойствие, с каким Ковшаров отвечал палачам на задаваемые вопросы: Так, на вопрос: «Чем вы занимались до 1917 г.?» – Ковшаров ответил: «Да вас защищал». А в последнем слове, не признавая своей вины и приводя доводы несостоятельности обвинения, сказал: «Грозящее наказание никак не может находиться в соответствии с теми данными, которыми располагает обвинение… Для братской могилы в шестнадцать человек материала для обвинения мало».

5 июля 1922 г. был вынесен приговор, которым к расстрелу были проговорены десять человек, в том числе И.М. Ковшаров,

а остальные осуждены к различным срокам лишения свободы. Решение было обжаловано в Верховный трибунал ВЦИК, который несколько изменил приговор и оставил смертную казнь только четверым подсудимым: митрополиту Вениамину, архимандриту Сергию, профессору Ю.П. Новицкому и Ивану Михайловичу Ковшарову. Расстрел проходил в безлюдном месте на окраине Петрограда, подальше от людских глаз.

Трудно себе представить уровень судебной системы, когда апелляционной инстанцией являлся не суд, а Центральный исполнительный комитет.

Перед казнью всех обрили и одели в лохмотья, чтобы нельзя было опознать священников среди убитых.

Все четверо в 1992 г. были причислены к лику святых за мученическую смерть во имя веры и православной церкви.

Защищая духовенство, И.М. Ковшаров не просто исполнял свой профессиональный долг, ибо иначе он поступать не мог. Для его души вера в Бога была важнее жизни. Поэтому после земной жизни он был причислен к лику святых, и все мы должны низко поклониться памяти этого необыкновенного человека.

Икона с изображением мученика Иоанна (Ковшарова), созданная с помощью настоятельницы Свято-Архангело-Михайловского женского монастыря игуменьи Серафимы, с разрешения и благословения митрополита Одесского и Измаильского Агафангела находится в актовом зале Совета адвокатов Одесской области и в КДКА Одесской области.

Евгений Владимирович Васильковский

Вспоминая людей, оставивших заметный след в истории одесской адвокатуры, нельзя не вспомнить одного из самых известных ученых-юристов Евгения Владимировича Васьковского, 150-летие со дня рождения которого юридическая общественность Одессы отметила в 2016 г. Личность Е.В. Васьковского поражает своей многогранностью и энциклопедичностью знаний в различных аспектах деятельности человека. Ученый, занимавшийся различными проблемами юриспруденции, литератор, поэт, переводчик, фелье-

Е.В. Васьковский

тонист и музыкальный критик – вот далеко не полный перечень пристрастий и увлечений Е.В. Васьковского.

В богатое наследие Е.В. Васьковского-ученого входят учебники по гражданскому праву и процессу, труды по реформе авторского права, по борьбе с беззаконием, монографии по узаконению добрачных детей, о реформе обязательного права, безвестного отсутствия, учебник морского торгового мореплавания, вопросы давности и многое, многое другое, с чем можно ознакомиться в монументальном труде, выпущенном к его юбилею представителями юридической науки. Научным редактором этого издания являлся Владимир Михайлович Зубарь, адвокат, член Совета адвокатов Одесской области, кандидат юридических наук.

Адвокатуре Е.М. Васьковский дал очень многое, в первую очередь, описав историю адвокатуры (в двух частях) за несколько тысячелетий: ее зарождение, развитие, постоянное реформирование у различных государств и народов. Перечень трудов Е.В. Васьковского, посвященных адвокатуре, кроме главного труда «Организация адвокатуры», представляющего исторический экскурс от времен до нашей эры и до XX века включительно, дает возможность нынешнему поколению адвокатов, а также всем последующим поколениям, ознакомиться с происхождением профессии адвоката, ее долгим и трудным путем, а также становлением и развитием адвокатуры.

Нельзя не отметить и другие труды Е.В. Васьковского по адвокатуре, такие как «Основные вопросы адвокатской этики», «Исследование принципов организации адвокатуры», «Значение и задачи адвокатуры», «Преобразование адвокатуры (адвокатская монополия, процентное ограничение)», «Свобода уголовных защит» и многое другое.

На литературном и музыкальном поприще Е.В. Васьковский также проявил себя незаурядным профессионалом: его сатирические статьи на страницах одесской прессы в рубриках «Фельетон» и «Отголоски» вызывали большой интерес у граждан Одессы. Свои произведения Е.В. Васьковский подписывал псевдонимом Мартын Боруля.

В качестве музыкального критика под шорох газетных страниц Е.В. Васьковский свои рецензии на театральную и музыкальную жизнь Одессы подписывал псевдонимом Maestro, однако любители музыки знали, кто стоит за этим псевдонимом, и с удовольствием читали изящные эссе нашего земляка.

В Одессе до и после учреждения Совета присяжных поверенных работали великолепные адвокаты, блестящие ораторы, самым достойным образом, на высоком профессиональном уровне оказывавшие правовую помощь гражданам. Из большой плеяды достойных адвокатов мы хотим выделить нескольких, на наш взгляд, наиболее достойных быть отмеченными. В первую очередь О.Я. Пергамента, А.Я. Пассовера, Ф.Д. Богацкого и В.Я. Протопопова.

Осип Яковлевич Пергамент

Родился он в богатой семье. Свое обучение О.Я. Пергамент начал в дрезденской гимназии. Успешно окончив гимназию, он поступил на физико-математический факультет Новороссийского университета.

В течение двух лет он одновременно преподавал физику в женской гимназии, давал частные уроки и при этом напряженно готовился к государственным экзаменам по юридическому факультету.

Экзамены Осип Яковлевич сдал блестяще. Новоиспеченный юрист становится помощником известного адвоката В.Я. Протопопова, от которого «усвоил взгляд на адвокатуру как на гордое, независимое сословие, взгляд, который он старался всюду проводить». Но у Протопопова практика была небольшая, и помощник не был загружен должным образом. А он рвался к работе. Поэто-

О.Я. Пергамент

му через год с небольшим Осип Яковлевич стал помощником другого известного адвоката, Н.И. Мечникова, благодаря которому окунулся в большую адвокатскую деятельность.

Вскоре у него появилась собственная клиентура, пришли первые успехи, признание. Он был принят в присяжные поверенные. Представительный, элегантный, с открытой улыбкой, приятный в общении молодой адвокат располагал к себе. Блестящий оратор, он со знанием дела, последовательно и логично отстаивал интересы своих подзащитных. Коллеги называли его «одесским Златоустом».

Можно без преувеличения сказать, что Осип Яковлевич был адвокатом от Бога. Он умел кратко и четко сформулировать суть дела, очень убедительно, логично построить свою защиту, привести стройную изящную систему неопровержимых аргументов. Речь его была настолько живой и интересной, что его завороженно слушали обе стороны.

Рабочий день Осипа Яковлевича начинался в девять часов утра и заканчивался не раньше двух часов ночи. При этом загруженность была неимоверной: судебные заседания, прием клиентов, составление бумаг, подготовка к следующему заседанию и т. д. И ни одной свободной минуты! Осип Яковлевич жил любимым делом, горел любимым делом!

И при такой огромной практике он успешно занимался еще и научной работой. Его монографии и многочисленные статьи в «Журнале министерства юстиции», «Журнале министерства народного просвещения», «Праве» посвящены важным вопросам истории права, торгового права, морского права, гражданского

права, так называемого бессарабского права и т. д. Осип Яковлевич был одним из авторов «Учебника морского торгового законоведения».

Отдельно необходимо отметить его книгу «Общественные задачи адвокатуры». Эти солидные труды внесли весомый вклад в изучение права и имели огромное значение для судебной практики. Это значение, как отмечали его коллеги, «трудно преувеличить».

Помимо профессиональной деятельности Осип Яковлевич занимался также общественной. Обладая большими организаторскими способностями, он в 1900 г. возглавил кружок молодых адвокатов. Одним из основных направлений работы кружка было проведение выездных защит. Это значительно облегчало положение подзащитных и давало молодым специалистам более широкие возможности для профессионального роста.

Поворотным в судьбе О.Я. Пергамента стал 1904 год. В ноябре он был избран старшиной присяжных поверенных. 10 ноября 1904 г. состоялось высочайшее повеление об образовании советов присяжных поверенных в округах Казанской, Одесской, Саратовской судебных палат. Осипа Яковлевича избирают, причем заочно, первым председателем Одесского совета.

Принципиальная, высоконравственная позиция либерального, прогрессивного, широко известного и очень популярного председателя Совета присяжных поверенных, разумеется, не очень нравилась властям. Более того, они стали бояться Осипа Яковлевича. Особенно наглядно это проявилось во время восстания моряков на броненосце «Потемкин» в июне 1905 г. Когда броненосец появился на одесском рейде, город бурлил. В Одессе ввели военное положение. Военный генерал-губернатор пригласил к себе О.Я. Пергамента и предложил ему покинуть город. Осип Яковлевич ответил принципиальным отказом и был… сослан в Пермскую губернию.

В конце сентября, когда бурные события улеглись, ему разрешили вернуться в Одессу.

Вернувшись, опальный председатель Совета присяжных поверенных еще активнее занялся общественной и политической деятельностью. В январе 1907 г. он был избран во II Государственную думу, а после ее роспуска – в III Государственную думу. Это был период расцвета его как политика, общественного деятеля, адвоката.

Титанический труд, непрерывная многолетняя работа на износ подорвали здоровье Осипа Яковлевича. И 16 мая 1909 г. его не стало. Преждевременно, в расцвете творческих сил ушел из жизни один из выдающихся отечественных адвокатов, общественных и политических деятелей, первый председатель Совета присяжных поверенных в округе Одесской судебной палаты, верный сын Одессы Осип Яковлевич Пергамент. Его вклад в становление и развитие одесской адвокатуры еще не оценен по достоинству. И дело чести – восстановить историческую справедливость.

Александр Яковлевич Пассовер

К ряду выдающихся одесских адвокатов следует причислить и Александра Яковлевича Пассовера (1837-1910), который много времени помимо своей адвокатской деятельности отдавал и общественному служению адвокатуре.

«Я полагаю, что и для нас самих в будущем, и для поколений адвокатов, призванных сменить нас, полезно сохранить письменное удостоверение разных случаев, событий и приключений, которые относятся к нашей профессии, ко всему сословию, которые показывают, как в Одессе общество, публика, суд, присяжные понимали задачу и положение адвокатуры, как присяжные поверенные исполняли обязанности, законом на них возложенные, и отстаивали права, тем же законом им присвоенные. Пусть память о том и о другом не пропадет для истории».

Так писал в далеком 1873 году присяжный поверенный округа Одесской судебной палаты Александр Яковлевич Пассовер. Для сохранения памяти об адвокатах он учредил в Одессе журнал – «Мемориал присяжных поверенных».

Взгляды А.Я. Пассовера на бережное отношение к истории адвокатуры нашли понимание и живой отклик у его современников, а поскольку мы сейчас читаем его прямую речь, то и у нас, сегодняшних адвокатов Одессы.

Современники А.Я. Пассовера выразили уважение к нему тем, что книга «История русской адвокатуры» (И.В. Гессен, 1914 г.) начинается с рассказа о созданном им «Мемориале». В этом заслуга

известного одесского присяжного поверенного Якова Эрнестовича Либермана, принявшего активное участие в написании и издании «Истории русской адвокатуры».

Александр Яковлевич Пассовер не всегда жил и работал в Одессе. Родился он в 1837 г. в городе Умани, отец и дед его были врачами. В 1867 г. окончил юридический факультет Московского университета. Был оставлен при университете для научной работы и направлен для дальнейшего обучения за границу.

По возвращении выдержал экзамен на звание магистра государственного права, но изменившиеся обстоятельства заставили его покинуть ученое поприще. Он поступил в министерство юстиции, состоял секретарем при прокуроре Московской судебной палаты. Вскоре был назначен товарищем (заместителем) прокурора при Владимирском окружном суде.

Свободное судебное слово в те времена возможно было только в адвокатуре, и выдающиеся юристы устремлялись именно туда.

В 1871 г. А.Я. Пассовер вышел в отставку, переехал в Одессу и стал присяжным поверенным, и быстро занял лидирующее место среди одесских адвокатов.

«Его речи – оригинальные по разработке и искусные по диалектике – вскоре завоевали ему известность выдающегося адвоката-цивилиста. К нему стали обращаться за консультациями, приглашали его защитником по сложным и запутанным делам.

В кассационном Сенате прислушивались к его мнениям, обнаруживавшим у А. Я. большую эрудицию, широкую точку зрения и тонкий анализ. По преимуществу цивилист, А. Я. нередко появлялся и в роли защитника по уголовным делам» (Афанасьев Н.И. Современники: Альбом биографий. Т 1. – СПб., 1909).

В 1874 году Александр Яковлевич переезжает в Санкт-Петербург, где продолжает работать присяжным проверенным. Именно здесь он заключил соглашение на защиту таганрогского миллионера-контрабандиста Вальяно. История не сохранила имен судьи и прокурора в этом процессе, но их диалог с защитником А.Я. Пассовером достаточно точно передал молодой писатель А.П. Чехов в рассказе «Тайна ста сорока четырех катастроф, или Русский Рокамболь».

Итак, дело по обвинению Вальяно.

А.Я. Пассовер

В восьмидесятых годах девятнадцатого столетия Таганрог бойко торговал с заморскими странами. Молодой торговый маклер Вальяно неожиданно для всех сказочно разбогател. Долго никто не мог понять, каков источник его богатства. А когда стало ясным, то Вальяно был уже так богат, что не боялся разоблачений.

Вальяно был контрабандистом особого рода: он ввозил запрещенные товары целыми пароходами. Существовало таможенное правило: после того как чиновники проверяли груз и начисляли пошлину, грузовладелец был вправе или, оплатив пошлину, забрать с парохода товар, или, отказавшись от оплаты, утопить груз на рейде. Акт о потоплении груза подшивался к делу, и пароход уходил в обратный рейс.

В действительности никакого потопления не было. У Вальяно была зафрахтована целая флотилия турецких фелюг – вместительных лодок, и весь груз с борта парохода, а не со дна Азовского моря, попадал в подвалы особняка Вальяно.

В то время в Таганрог прибыл новый прокурор, охваченный жаждой разоблачений. Он возбудил дело против Вальяно, которое двигалось с необычайной быстротой. Никакие попытки подкупить прокурора не удались. Вальяно грозили три месяца тюрьмы, а главное – штраф за контрабанду в размере 12 миллионов рублей. Естественно, что Вальяно не пожалел денег на адвоката. Защищать его приехал Пассовер – звезда санкт-петербургской адвокатуры. Гонорар составил три тысячи рублей – деньги по тем временам очень большие.

И вот идет заседание суда. Допрос свидетелей по делу прошел спокойно. Защитник, к удивлению обвинения, не задал ни одного вопроса.

Вот уже начал обвинительную речь прокурор:

– Господа судьи, господа присяжные заседатели! Доказана ли вина подсудимого Вальяно в том, что он систематически перевозил на турецких фелюгах контрабанду? Да, доказана!

Речь прокурора длилась три часа и выглядела, как хорошо построенная теорема: а) груз прибывал в адрес Вальяно; б) не оплаченный таможенными сборами груз перегружался на фелюги; в) груз на фелюгах подвозился к подкопу в доме Вальяно. Следовательно, Вальяно контрабандист.

Прокурор запросил для Вальяно три месяца тюремного содержания и конфискацию имущества на сумму 12 миллионов рублей.

Защитник в своем выступлении был необычайно краток. Его речь заняла пять минут.

– Вальяно ввозил товары, не оплаченные таможенными сборами на *турецких фелюгах*? Да, господин прокурор это блистательно доказал, и я, защитник, опровергать эти факты не собираюсь. Но составляют ли эти действия состав преступления контрабанды?

По действующему закону – нет. Вальяно должен быть оправдан, так как перевозил груз через таможенную границу именно на *турецких фелюгах*.

А в разъяснении судебного департамента Сената дан исчерпывающий перечень всех видов морского транспорта при контрабанде: лодки, баркасы, шлюпки, плоты, даже спасательные пояса и обломки кораблекрушения, даже пустые бочки из-под рома.

В этом перечне плоскодонные *турецкие фелюги* не упоминаются. А разъяснения Правительствующего Сената распространительному толкованию не подлежат.

Перед тем как сесть, Пассовер добавил, обращаясь к присяжным поверенным:

– А если вы, господа, – чего я не могу допустить, – Вальяно не оправдаете, приговор все равно будет отменен Сенатом как незаконный и впавший в противоречие с сенатским разъяснением.

– Вам угодно реплику? – спросил судья у прокурора.

Бледное лицо прокурора залилось краской. Он вскочил и почти закричал дрожащим голосом:

– Вальяно – контрабандист! Если бы он им не был, он не мог бы заплатить своему адвокату миллион рублей за защиту!

В зале все ахнули. Миллион рублей?! Неслыханная цифра!

– Да, я получил миллион, – спокойно ответил защитник. – Значит, так дорого ценятся мои слова! А теперь посчитаем, сколько же стоят слова прокурора…

В год прокурор получает три тысячи рублей, – высчитывал вслух адвокат, – в месяц – триста, стало быть, в день, в том числе и сегодняшний день, – рублей десять.

Произносил прокурор свою речь сегодня три часа, сказал за свои десять рублей 45 тысяч слов. Сколько же стоит слово прокурора?

Вытянувшись, Пассовер крикнул:

– *Грош – цена слову прокурора!*

В зале раздался гомерический хохот. Когда порядок был восстановлен, прокурор потребовал занесения в протокол судебного заседания «циничной» выходки адвоката.

Однако на судью произвело сильное впечатление вовремя приведенное столичным адвокатом разъяснение судебного департамента Сената по контрабанде.

– Не вижу никакого цинизма, господин прокурор, в приведенной справке о получаемом вами окладе содержания.

Процесс был выигран. Через час из зала суда Вальяно уходил оправданным и сохранившим свои миллионы.

Пассовер возвращался в Санкт-Петербург с победой. А ведь этот процесс – тот самый золотой случай из адвокатской практики, который, как искренне считал Пассовер, «полезно сохранить для будущего поколения адвокатов, чтобы показать, как присяжные поверенные исполняли обязанности, законом на них возложенные, и отстаивали права, тем же законом им присвоенные».

Присяжный поверенный Александр Яковлевич Пассовер не только сохранил для нас «письменное удостоверение разных случаев, событий и приключений, которые относятся к нашей профессии», но и сам навеки вошел в историю адвокатуры, историю адвокатов Одессы.

Белла Кердман

«Собибор» как плохой фильм

Этот фильм мы ждали. Вернее, ждали не этот, который появился сейчас (не знаю, насколько широко его прокатывают в российских кинотеатрах). А пока мы ждали, художественный фильм на тему единственного удавшегося восстания в лагере смерти был сделан в Голливуде: «Побег из Собибора» по книге Ричарда Рашке (1987 г.). К слову, на премьеру американского фильма был приглашен организатор восстания – пленный красноармеец-еврей Александр Аронович Печерский, которому оставалось жить всего три года. Но его за рубеж не пустили – просто не пустили, без объяснений. Появилось и несколько документальных лент, в том числе знаменитого французского режиссера Клода Ланцмана: «Собибор, 14 октября 1943, 16 часов». А также обстоятельная работа «Собибор. Непокоренные» Сергея Пашкова (чуть было машинально не назвала его российским режиссером, но, проверив на всякий случай в «Википедии», узнала, что Сергей уже 15 лет живет в Израиле, женат на известной нашей телеведущей Алие Судаковой, у них трое детей).

Я произведение Константина Хабенского, режиссера и исполнителя главной роли, посмотрела в Интернете дважды. И стала весьма удивлена и огорчена. А когда из того же Интернета узнала, что автором идеи сделать такое кино был российский министр культуры Владимир Мединский, удивление ушло. Осталось огорчение. Однако автор идеи остался доволен ее воплощением: «…настоящим и при этом безоговорочно положительным героем, с которого действительно хочется «делать жизнь», – такие сказал он слова. Боже ж мой, будто в стране, чью идеологию сегодняшняя российская власть шаг за шагом восстанавливает, не гноби-

ли этого «безоговорочно положительного героя»! Не отправляли в штрафбат – смыть кровью свой плен и выживание в нем, не унижали, не допуская до творческой работы как «безродного космополита», то есть еврея, не брали подписку о неразглашении факта, что возглавленное им единственно удавшееся восстание в лагере смерти было именно еврейским. Печерский не посетил Нюрнбергский и ряд других процессов над военными преступниками, хотя собирался свидетельствовать против нацистов, не побывал на открытии мемориала погибшим в лагере Собибор. Его из страны не выпускали. Александр Аронович Печерский умер в 1990-м году в нищете и безвестности.

О восстании в лагере смерти и его организаторе – пленном красноармейце (он в своих воспоминаниях называет себя «младшим командиром») – я впервые услышала от Миши Лева, известного писателя-идишиста, жившего в Реховоте, когда готовила о нем статью («Лев с острова Идиш», «Вести», 3 декабря 2009 г.). Он первым стал собирать сведения об истории беспримерного восстания еврейских узников. Судьбы Лева и Печерского чем-то схожи: Миша тоже воевал, тоже попал в плен, бежал, продолжил войну в партизанах… Они были близко знакомы. М. Лев, в частности, хлопотал, чтобы именем героя Собибора была названа улица в Израиле, и улица Александра Печерского появилась – в Цфате. А в 2007 году издательский дом «Гефен» (Иерусалим – Нью-Йорк) выпустил роман Лева «Собибор» на английском языке.

Не стану пересказывать историю героического восстания узников-евреев Собибора, о ней сейчас можно узнать из бумажных и электронных СМИ. Скажу лишь, что фактически она драматичнее, динамичнее и даже куда как «детективнее», чем выполненный Хабенским в качестве режиссерского дебюта заказ российского минкульта. Причем эта драматичность и детективность вполне относятся и к послелагерной жизни спасшихся героев, которую создатели ленты не показывают. В зрительских откликах на этот фильм немало конкретных упреков и замечаний. Кого-то удивляет, что женщины содержатся на одной лагерной территории с мужчинами; кто-то обратил внимание на новую, будто только из магазина одежду узниц-женщин;

Александр Печерский

кому-то кажется невозможным поджечь человека, облив его двумя бутылками шнапса, как это происходит в эпизоде игры пьяного немца в Иоанна Крестителя, и т. д. и т. п.

В своей отличной публицистической статье «У нас украли Собибор» журналист Владимир Бейдер справедливо обвиняет создателей российского фильма в фальсификации истории. Не знающий правды зритель может понять так, что трусливых евреев, «терпил», как он их называет, спасли некие пленные славянские воины, истинные храбрецы. Да и сам Хабенский в одном из интервью допустил знаковую оговорку, характеризуя своего героя как «хотя и еврея, но…». В. Бейдеру кажутся непонятными люди в черной форме со свастикой на белой нарукавной повязке, говорящие даже между собой на немецком языке (возможно, это у него «якобы» непонимание). Мне как раз все тут понятно: это полицаи-украинцы, которых в Собиборе было в разы больше, чем немцев. Примерно сотню их порешила команда Печерского в придачу к одиннадцати немецким офицерам в день «Икс». Почему они в фильме говорят по-немецки? Видимо, пригласили немецких актеров – такая уловка, фальшак, чтобы не раскрывать правду об участии местного, советского (!), населения в геноциде евреев, ведь до сих пор только поляки открыто признают этот грех за своим народом.

Там был настоящий Вавилон: узники из республик СССР, Чехословакии, Австрии, Нидерландов, Бельгии, Франции. Но это

был еврейский Вавилон! И евреи в нем разнились не только языком, а и опытом прожитой жизни, традициями, интеллектом, характером. Кто-то рвался к борьбе, а кто-то предпочитал затаиться и выжить любой ценой, дождавшись наступающей Красной армии. Да и в принципе, для еврея убить человека вот так, самолично, сойдясь с ним вплотную, серьезная проблема. Печерского, кстати, знавшие его до и после войны характеризуют как человека среднего уровня, ничем особо не выдающегося. Ну, прилично играл на фортепиано, руководил самодеятельностью, немного писал. В Собиборе рискнул назваться плотником, хотя таковым не был, и его не отправили сразу на уничтожение, а зачислили в рабочую команду. Однако же, хотя он пробыл в лагере всего три недели, за это время был разработан план не только восстания и массового побега узников, а и возмездия палачам! Свершилось единственное в истории Третьего рейха удачное восстание евреев в лагере смерти. Воистину, человек не знает, не может знать о себе всего!

В одном из писем в Израиль своему другу Мише Леву Александр признается, что очень устал, совсем обессилел в попытках открыть людям правду о Собиборе: «Я понимаю, что это нужно. Люди должны знать правду о фашизме и понимать, что фашизм – это действительность, а не выдумка евреев». Письмо датировано 6 ноября 1985 года. А сегодня эта правда, похоже, все дальше от людей, ибо число отрицателей Холокоста со временем не иссякает.

Открыть людям эту правду Александр Печерский стремился всю свою послевоенную жизнь, хотя очень боялся советской власти и КГБ. Небольшая брошюра в Ростове – городе, где он жил, вышла в 45-м: «Восстание в Собибуровском лагере». Однако же слова «еврей» в том тексте не было – мы же помним: «непечатным» было это слово! А год спустя в Москве была опубликована еще одна брошюра Печерского о Собиборе, на идише. Редактировал ее известный еврейский писатель – одессит Нотэ Лурье, которого вскоре загребут в ГУЛАГ как «безродного космополита». Там уже вещи названы своими именами, и еврейские имена героев восстания зафиксированы. Но кто там и тогда умел и хотел читать тексты на идише?

Теперь о фильме как продукте кинопроизводства. Это просто слабый, откровенно плохой фильм. Он сделан по самым примитивным, убогим образцам советского периода. Начать с того, что половина, если не больше, экранного времени (интересно бы сделать хронометраж) занята демонстрацией издевательств, чинимых немцами над беззащитными узниками. Посильнее бить по нервам зрителя, чтобы смотрел он это кино с валидолом под языком, время от времени зажмурившись, – такова, видимо, была задача авторов российского «Собибора». Нам показывают, как корчатся голые женщины в камере-душегубке. Как хлещет плетью по заднице молодого еврея ражий фашистюга, а тот вслух считает по-немецки удары, и если собьется, счет начинает сначала. И на значительное время свист плети и сбивчивое бормотание счета несчастного еврея становятся звуковым фоном действа. А устроенные немцами бега верхом на узниках, которых подгоняют плетьми! Главного героя, Александра Печерского, оседлал главный мучитель – начальник лагеря Карл Френцель (известный американо-французский актер Кристофер Ламперт), причем седлом ему служит солидных размеров кресло. И под улюлюканье и гогот собутыльников (а это весь состав немецкого начальства) он загонял и исхлестал своего «коня» до изнеможения.

А чего стоит бессмысленное задание того же Френцеля тому же Печерскому: разрубить за пять минут здоровенный пень – иначе будет убит каждый пятый еврей из занятых на тот момент рубкой леса. Печерский, конечно, справился, но зритель испереживался, что, очевидно, российские киношники считают своей особой удачей. Подозреваю, что в изобретении козней и казней для узников экранного «Собибора» создатели фильма превзошли нацистов. Все немцы, без исключения, показаны в этом фильме не просто садистами, а еще и полными идиотами. Между прочим, Константин Хабенский на пресс-конференции признался, что эпизод вечеринки, где один из фрицев изображает Иоанна Крестителя, выдуман для большего художественного эффекта. Ну-ну…

Из официальных источников известно, что «Собибор» был оборудован для быстрого уничтожения евреев – война уже про-

шла переломный момент, нацисты спешили. Технологию разработали четко, дело поставили на непрерывный поток. Примерно три тысячи человек в день, прибывающих на тупиковый железнодорожный полустанок Собибор, прямо с колес доставляли к якобы душевым, а на самом деле душегубкам, загоняли по 800 человек в каждую и умерщвляли выхлопными газами, которые подавались танковым мотором. На перроне оставались отобранные единицы – для обслуживания лагерных офицеров и охраны, для сортировки и упаковки добычи, доставшейся палачам после уничтожения узников, для ликвидации останков убитых людей. Естественно, оставляли относительно крепких, а также некоторых специалистов. Спустя короткое время таких «избранных» также убивали, набирая новых. Всего, по приблизительным оценкам, в этом лагере, действовавшем с 15 мая 1942 года по 15 октября 1943-го, было уничтожено около 250 тысяч человек. В подавляющем большинстве – евреев; но были среди жертв Собибора, утверждают некоторые исследователи, поляки и цыгане.

Александр Печерский

34-летний Печерский, человек почти двухметрового роста, физически крепкий, уже успевший как-то «обкататься» в плену с 41-го года, к тому же, назвавшийся плотником, попал в «избранные». О жизни главного героя фильма «до того», как и «после того», зрителя, о чем сказано выше, в известность не ставят, мы узнаем лишь, что он был доставлен в Собибор из Минска. Вообще, активисты сопротивления и побега в этом фильме личностно не проявлены. Не проявлены не только судьбами и характерами, но даже внешне. Если не считать особой приметой

Памятник Александру Печерскому в Ростове-на-Дону

их зачем-то вымазанные черным (мазутом, что ли?) лица, так что мне и самого главного героя, то есть хорошо известного актера Константина Хабенского, не сразу удавалось распознать. Там определенно отличим только мальчик Тойви, говорящий по-польски.

По злой иронии рока тогда, 14 октября 43-го, от возмездия организаторов побега уцелел и надолго остался в живых только главный преступник – начальник лагеря Карл Френцель. Он же руководил уничтожением Собибора и заметанием следов злодеяний нацистов. До 62-го года ему удавалось скрываться на территории Германии. Спустя время его все же поймали и приговорили к пожизненному заключению. Однако этот военный преступник пережил героя беспримерного восстания и умер своей смертью в 1996 году…

В последнее время воспоминания Печерского охотно печатают, в том числе и в России. Они написаны без литературных изысков, зато в них есть детали, на которые тот, кто не прошел ад нацистского лагеря, вряд ли обратил бы внимание. Например, эпизод с гусями, которых гонят мимо камер-душегубок, где корчатся в муках и исходят криком узники: своим гоготом птицы заглушают эти крики. Печерский все оставшиеся ему годы жизни разыскивал уцелевших солагерников и хранил память о тех, кто погиб, горько сожалея, что не всех удалось спасти. К сожалению, создатели российского фильма не вникали в особенности характеров главного героя и его соратников, готовивших восстание. Им не до тонкостей – обходятся плакатом.

В финальных титрах фильма упоминается об одном из организаторов восстания – Станиславе Шмайзнере, которого Печерский в своих мемуарах называет Шлёймо. Существует то ли факт, то ли легенда, что этот человек, эмигрировав в Бразилию, продолжал преследовать сбежавших туда нацистских преступников. Был причастен к обнаружению и убийству заместителя коменданта Собибора – Густава Вагнера. Шмайзнера подозревают в убийстве 20 скрывавшихся там эсэсовских офицеров. К сожалению, я после двух просмотров фильма Хабенского не могу понять: где же там этот герой? Ах, какой сюжет для отличного детектива пропадает! Для сериала с использованием довоенных

Участники восстания

и послевоенных фактов из жизни героев Собибора – хотя бы тех, что сегодня о них известны.

Из Интернета я скопировала несколько справок о бывших солагерниках А. Печерского. Увы, сегодня никого из них уже нет в живых.

Семен Моисеевич Розенфельд, 20 лет, красноармеец. В плену с 1941 года. После побега пробрался к нашим. Воевал до конца войны и брал Берлин. Оставил на стене рейхстага надпись «Барановичи – Собибор – Берлин». Один из самых известных ветеранов Израиля.

Аркадий Моисеевич Вайспапир, 20 лет, сержант РККА. В плену с 1941 года после тяжелейшего ранения. Один из главных помощников Печерского, человек большой силы и мужества. После побега был в партизанском отряде, потом воевал в рядах РККА. Закончил войну на берегу Балтийского моря в Германии. После войны успешно работал на Донбассе и Луганщине. Ушел от нас в январе 2018 года.

Томас «Тойви» Блатт, 16 лет, попал с семьей в 1943 году в лагерь из Польши. После побега прятался в деревне, но его чуть не застрелили местные жители. Стал связным в партизанском отряде. После войны уехал в США. Написал две книги о Собиборе:

мемуары «Из пепла Собибора» (1997) и «Собибор, забытое восстание» (1997). В 1983 году взял интервью у своего мучителя Карла Френцеля, и это было очень необычно. Умер в 2015 году.

Но не дай бог Мединский с Хабенским и прочими создателями нынешнего фильма решат изготовить вторую его серию! Еще одну фальшивку. И не дай бог (а слухи такие ходят) подадут свой «шедевр» на одну из престижных международных премий – позора не обобраться, в том числе и евреям, хранящим память о героях и жертвах Холокоста.

Иерусалим

Феликс Кохрихт

Ах, Одесса, жемчужина у моря, Ах, Одесса, ты знала много горя…

В минувшем апреле увидел свет труд, в основу которого легли уникальные документы, собранные профессором, доктором технических наук и литератором Михаилом Пойзнером – исследователем истории Одессы, главным образом периода Второй мировой – Великой Отечественной войн. Выход альбома был приурочен к 75 годовщине освобождения города-героя от фашистских захватчиков. Это уже второй том авторского коллектива, посвященный героическим и трагическим страницам биографии Одессы и ее граждан – тех, в чью жизнь вошла самая страшная война в истории человечества.

Мне довелось участвовать в презентациях 2004 и 2019 годов. Сложные чувства испытываю, приступая к этим заметкам. Отрадно, что и сегодня, спустя 15 лет, эта тема вызывает большой интерес у общества. Печально, что за эти годы ушли из жизни мои земляки – и фронтовики, и те, кого нынче принято именовать «дети войны». К ним принадлежу и я. В нашем, образно говоря, «детском саду» две группы – старшая и младшая. Среди моих друзей извест-

ный врач, писатель Леонид Григорьевич Авербух. Его отец погиб в Севастополе, а сам школьник Леня трудился в госпитале и имеет свидетельство участника войны. Я же, умудрившись родиться между двумя войнами – финской и Отечественной, встретил 22 июня 1941 года полуторагодовалым. Был, собственно говоря, в «яслях»…

Тем не менее и мне есть что вспомнить, и я буду это делать, переходя от одного раздела новой книги к другому. Но сначала спрошу Михаила Пойзнера:

– Помню, как 15 лет назад получил от тебя необычное приглашение на презентацию: оно было сложено в треугольник, напомнивший те, что приходили с фронта от моего старшего брата, с печатями и штампом военной цензуры. Книга называлась «Оккупация Одессы» и потрясла нас ужасными, непереносимыми свидетельствами зверств оккупантов и канцелярской обыденностью расстрельных документов, издававшихся ими, и познанием того, что иные обитатели города жили, как в мирное время, а то и, прости господи, получше… Тогда я подумал, что ты сполна реализовал свой замысел, вернее, свою миссию. Но вот сегодня убедился: тема не только продолжает тебя волновать, но в твоем собрании появились новые свидетельства того времени. Вот почему вторая книга озаглавлена «Одесса.1941-1944. Неизвестные страницы»*. Неужели спустя 75 лет со дня освобождения города, 74 – со дня Победы в войне, ты находишь то, что относится к категории неизвестных документов… И сразу же ответь: есть ли у тебя материалы для третьего тома?

– Начну со второго вопроса. К сожалению, я вместил в эту книгу далеко не все документы, которые могли бы быть интересны и историкам, и читателям, – не хватило места в формате альбома. Что до главного, есть ли еще неизвестные материалы в архивах разных служб мира, то их, поверь мне, предостаточно. Казалось бы, сразу после смерти Сталина, в годы оттепели и гласности в СССР, а позже в России и Украине, других странах, многое тайное стало явным, но далеко не все. В том числе и то, что касается Одессы в войне, например – партизанского движения. По мере возможности продолжаю искать то, что важно и сегодня: свидетельства

* «Одесса. 1941-1944. Неизвестные страницы». Михаил Пойзнер, Александр Грабовский, Олег Губарь, Олег Этнарович, Гаррий Михайлов, Андрей Кисловский. Леонид Брук – дизайн. – Одесса, 2019.

участников событий тех лет, их родственников, разыскиваю старые документы, письма, фотографии. Пользуюсь случаем – я это делал и в твоей телепрограмме, и делаю это сейчас – обращаюсь к одесситам с просьбой: бережно относитесь к наследию ваших родных, тех, кто пережил войну. Важно все.

Вот я и откликаюсь на просьбу друга, иду по разделам книги и вспоминаю. То, чему был свидетелем и что узнал от родителей и брата.

Раздел «Утомленные солнцем»

Фильм Никиты Михалкова, получивший «Оскара», рассказывает о предвоенных событиях, происходивших в средней полосе России, где герои бегут по траве, влажной от утренней росы, к речке, вода в которой только начинает нагреваться.

Привет из Одессы. Мне примерно полгода

А вот мы, одесситы, в июне уже давно загорали на горячем песке, и солнце утомляло нас в полную свою силу. Правда, я в свои полтора года большую часть времени пребывания на Ланжероне спал в коляске под цветастым зонтиком, пока мои родители располагали на марселевом одеяле вареную картошку с укропом, икру из кабачков и холодные котлеты. Всем хотелось есть, но ждали, когда вернется мой старший брат Аба, заплывший с одноклассницей за волнорез… В июне 1941 года они окачивали десятилетку и собирались поступать в институты. Регина в пищевой, Аба на филфак: писал стихи и даже печатался в молодежном сборнике…

Через несколько дней он, сдавший 22 июня последний экзамен, отправился в военкомат вместе с отцом. Мы с Абой – единокровные братья, он старше меня на 16 лет. Наш родитель Давид Израилевич Кохрихт воевал в Первую мировую, заслужил два «Георгия» и две медали, был сильно контужен. На медкомиссии в военкомате его забраковали – и по возрасту, и из-за последствий контузии. Брат же, скажу, забегая вперед, несколько месяцев с боями отступал, а затем получил направление в Краснодарское артиллерийское училище (его же тогда окончил и отец Олега Губаря, кавалер ордена Красного Знамени), где прошел ускоренный курс и был выпущен в конце 1941 года на Кавказский фронт лейтенантом, командиром огневого взвода. Сразу же заслужил медаль «За отвагу» – старую, на прямоугольной колодке, которую вскоре и потерял, о чем, уже имея другие награды, горевал, особенно когда выпивал.

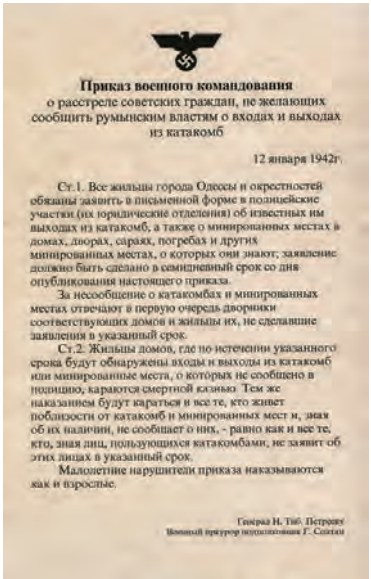
А что же мы – папа, мама, бабушка по маме? По их рассказам, сначала никак не собирались покидать Одессу, затем, когда начались бомбежки, напряглись, но, собственно говоря, уезжать нам было не на чем, нас никуда не звали, а батя мой – тот и вовсе готовился записываться в ополчение… После гибели парохода «Ленин» с тысячами эвакуировавшихся одесситов на борту о море думать не хотелось, да нам никто и не предлагал. Где-то в августе все же засобирались, стали разыскивать по городу папину родню – у него было три брата с семьями, а главное – мать, моя бабушка Катя Кохрихт из рода знаменитых ювелиров… Она была дамой с характером, сталинской пропаганде не верила, полагала, что немцы остались теми же приличными партнерами, с которыми ее тесть, купец первой гильдии Исаак Кохрихт, до революции торговал бриллиантами. В общем, она от нас спряталась, и мы ушли без нее пешком со двора дома № 13 по Софиевской, где я родился, и соседи провожали нас за ворота…

В те дни выбраться из Одессы можно было лишь через прореху в линии обороны – по Николаевской дороге. И мы пошли в толпе, состоявшей в основном из женщин с маленькими детьми. Меня несли на руках, а скарб сложили в кузов каруцы – телеги, на которой молдаване возят сено. Нас бомбили, на меня наваливалась мама. Здесь придется признаться, что я родился семимесячным, и она почти до двух лет кормила меня грудью, благодаря чему я тогда выжил. Большинство малышей, пивших воду, порой из луж, умерли от дизентерии… Это, как оказалось, на всю жизнь запомнила наша попутчица, которая шла с сыном постарше.

Спустя много лет, в 70-е годы, друг, художник Лев (Люсик) Межберг привел нас к Раисе Исааковне Ойгензихт, преподавателю консерватории, как оказалось, той самой попутчице по отступлению в Николаев, и она, услышав мое имя и фамилию (довольно редкую), глянув на мою тогда еще густую шевелюру, узнала рыжего мальчика Феликса из знойного лета 41 года, уже вполне разговорчивого, но сосавшего материнскую грудь.

Чудом добрались до Николаева, за нами рухнул Варваровский мост, в который угодила бомба… Оттуда через Кубань – в Грузию, где осели в горном городке Душети…

Первые виселицы… Одесса, октябрь 1941 г.



Приказ военного командования
о расстреле советских граждан, не желающих сообщить румынским властям о входах и выходах из катакомб

12 января 1942г.

Ст.1. Все жильцы города Одессы и окрестностей обязаны заявить в письменной форме в полицейские участки (их юридические отделения) об известных им выходах из катакомб, а также о минированных местах в домах, дворах, сараях, погребах и других минированных местах, о которых они знают; заявление должно быть сделано в семидневный срок со дня опубликования настоящего приказа.

За несообщение о катакомбах и минированных местах отвечают в первую очередь дворники соответствующих домов и жильцы их, не сделавшие заявления в указанный срок.

Ст.2. Жильцы домов, где по истечении указанного срока будут обнаружены входы и выходы из катакомб или минированные места, о которых не сообщено в полицию, караются смертной казнью. Тем же наказанием будут караться и все те, кто живет поблизости от катакомб и минированных мест и, зная об их наличии, не сообщает о них, - равно как и все те, кто, зная лиц, пользующихся катакомбами, не заявит об этих лицах в указанный срок.

Малолетние нарушители приказа наказываются как и взрослые.

Генерал Н. Тиб. Петреску
Военный прокурор подполковник Г. Солтан

Приказ оккупационных властей

Ул. Дерибасовская, 1943 г.

Молебен в оккупированной румынами Одессе, октябрь 1941 г.

Немцы на Приморском бульваре, октябрь 1941 г.

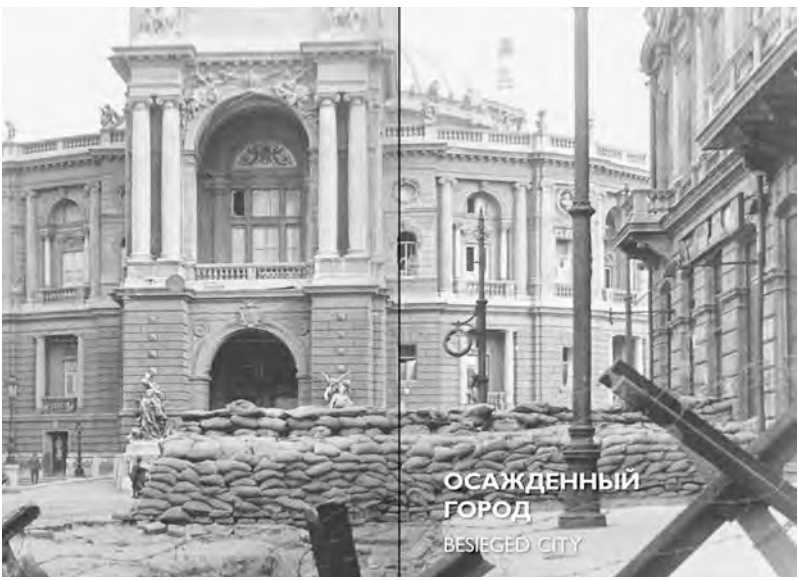
Евреи по дороге в гетто Богдановка и Доманевка

Красное знамя над Одесским оперным театром. 10 апреля 1944 г.

Раздел «Осажденный город»

…А в это время Одесса продолжала обороняться в кольце врагов, из которого можно было вырваться лишь морем. Что я знаю об обороне города? То, что вычитал в книгах, то, что слышал от фронтовиков, от земляков, переживших эти месяцы в Одессе. И главное – от незабвенного Григория Поженяна, одарившего нас, молодых журналистов газеты «Знамя коммунизма», своей дружбой. Сначала мы смотрели фильмы, которые он снимал о своей военной молодости, читали его стихи, а затем стали и участниками празднеств, которые Уголек (фронтовые позывные разведчика морской пехоты), устраивал на склонах у 411 батареи.

Григорий Михайлович приезжал в Одессу по весне – ко Дню освобождения Одессы или к годовщинам Победы. Закупал на Привозе всякую снедь, бессарабское вино и приглашал нас разделить с ним и воспоминания, и трапезу, когда первый стакан пили не чокаясь, второй – за тех, кто в море, а последний (крайний!) – за Одессу…



Знал я и защитника города Измаила Гордона. В 60-70-е годы он был редактором газеты судоремонтного завода. Помню его, красавца, талантливого поэта, который никогда при мне не говорил о том, что юношей записался в ополчение и оборонял город до последнего дня, до приказа оставить Одессу и уйти в Севастополь… Лишь сравнительно недавно я узнал от его младшего брата Гарри такую историю. Летом 41 года в большой семье Гордонов ждали пополнения. Как говорится, нашли время и место: в родилке на Комсомольской появился на свет самый маленький из всех, сын Гарик. Измаил отпросился у командира, выбрался из окопа под Дальником и пополз под огнем румынских пушек к трамвайной остановке. Добрался до Комсомольской на 28-м, забрал мать и братика, отвез их домой (по-моему, где-то недалеко от медина), а затем… Не знаю, как, но мама и младшие Гордоны сумели эвакуироваться, а Изя вернулся на фронт…

Гарик Гордон уже в наше время дружил с Валентином Хрущом и Колей (Мокой) Морозовым. Гарик и Мока поступили в наше художественное училище и долго уговаривали юного Валика присоединиться к ним, но тот предпочел свободу. Нынче Гордон, известный поэт и художник, написал книгу о Хруще и мечтает снять о нем фильм…

«…Одессу покидает последний батальон…» Из песни слов не выкинешь, но не здесь и не сейчас в который раз обсуждать то, что произошло. И сегодня нет единства не только среди нас – детей войны, но и историков, политологов, военных специалистов: был ли высокий смысл в том, что войска, достойно и успешно оборонявшие город, получили приказ тайно покинуть его, оставляя население на поругание и муку со стороны не только жестоких, но и коварных врагов, одержимых бесчеловечными идеями.

Раздел «Оккупация»

…И в первой, и во второй книге Пойзнера и его команды эта их составляющая невыносима для чтения, и тем более для обсуждения.

На комментарии, полагаю, имеют право те, кто пережил эти годы и чудом остался жив. Один из них – Роман Маркович Шварцман, председатель Одесской региональной ассоциации евреев –

бывших узников гетто и нацистских концлагерей. Когда началась война, ему было пять лет. Отец ушел на фронт, а мать с двумя сыновьями фашисты угнали в гетто, где старшего застрелил охранник. История спасения маленького Ромы достойна и фильма, и книги, но он далек от тщеславия и уже много лет все силы отдает на то, чтобы жила память о погибших мучениках, а те, кто с нами, были окружены уважением и заботой.

Увы, все меньше их сегодня среди нас – всего 151 человек на всю Одесскую область. Уходят и праведники – те, кто, рискуя жизнью, спасал евреев в Одессе и нашем регионе. Роман Маркович с грустью говорит о том, что в 1991 году их было 175, а нынче осталось трое…

Я знал две такие одесские семьи, более того, был в добрых отношениях с ними.

Полина Георгиевна Никифорова, замечательный врач и обаятельная женщина – ее родители укрывали в годы оккупации

еврейскую семью и навеки записаны в книгу Праведников мира, и в Иерусалиме, в музее Яд ва-Шем, в их честь посажено дерево.

Анна Матвеевна Мюллер, муж и дочь которой в начале войны были репрессированы НКВД как немцы, прятала в своей квартире соседку-еврейку и помогала подпольщикам распространять листовки. Никакой награды она не была удостоена, но и не нуждалась в ней – праведница.

Я не знаю фамилий наших соседей по дому № 13, угол Софиевской и Торговой, которым удалось прятать мою бабушку Катю до зимы 1942 года, но наша семья причисляет их к праведникам мира. И проклинает того, кто выдал ее оккупантам и их пособникам. Знаю только, что это был дворник одного из соседних домов. Бабушку выгнали на лютый мороз, облили водой. Всего в дни обороны города и оккупации погибло около 40 Кохрихтов. Неизвестно, кто и где встретил свой последний час. Лишь опять же недавно я узнал из книги моего друга, писателя и музыканта Анатолия Горбатюка (тоже ребенок войны) о том, что мой дядя по отцу Соломон погиб 13 сентября 1941 года при попадании бомбы в дом № 108 по улице Мечникова. Книга эта называется «В списках погибших значится…» и основана на записках удивительного человека – хирурга Бориса Волоха, в которых он фиксировал фамилии тех одесситов, кто погиб от бомбежек и обстрелов в дни обороны.

Погибла и вся семья младшего брата моей матери Якова Ставницера. Он пропал без вести на фронте, а его жена и двое маленьких детей сгинули в гетто. Дядя Яша был талантливым актером труппы довоенного ТЮЗа, и сравнительно недавно в этом театре работали те, кто помнил его молодым и веселым.

В день, когда пишутся эти строки, во Всемирном клубе одесситов состоялась встреча с родственниками нашего земляка, известного актера Андрея Совы, прославившегося в послевоенные годы исполнением веселых миниатюр, звучавших и со сцены, и по радио. Он снимался в кино, в том числе и в знаменитом фильме «Два бойца», в котором Марк Бернес создал яркий образ одессита. В беседе один из его внуков рассказал о том, что отец артиста в дни обороны был ранен в спину осколками авиабомбы, взорвавшейся на Привозе. Спасла его младшая дочь, а когда в город вошли

Папа, мама и я. Душети, 1942 год

румыны, ей пришлось откупаться от них при обыске квартиры единственной ценной вещью – часиками… Казалось бы, эпизод, не содержащий трагического исхода, но характерный для атмосферы тревоги и несвободы, в которой жили наши земляки…

Раздел «Освобожденная Одесса»

…Наконец-то могу поделиться и своими вполне реальными, пусть детскими, но воспоминаниями. Делаю это с облегчением: речь пойдет о времени, когда стало ясно – мы побеждаем лютого врага, победа будет за нами.

Наша семья, эвакуировавшаяся через Николаев и Кубань в Грузию, оказалась в горном городке Душети. К сожалению, с 1944 года я так и не побывал там, где нас окружили заботой те, кто и сам нуждался во многом. Почти все здешние мужчины были на фронте, но с нами делились последним, как с родными… Мы были единственными из эвакуированных, кто добрался до этих

удаленных мест, и я в раннем детстве говорил по-грузински так же, как и по-русски, и даже сегодня помню поговорки-скороговорки, которым меня научили местные ребята…

В те дни проявился боевой характер моего отца и его высокий класс работника Одесского губернского уголовного розыска, в котором он служил с начала 20-х годов и до середины 30-х (поэтому и уцелел), – ловил банды, был знаком с опером Евгением Катаевым, а значит, наверное, и с Анатолием Фиолетовым. В 1942 году он узнал, что Аба воюет под Туапсе – на приморском плацдарме, и… Можно было бы снять приключенческий фильм о том, как отец сумел перебраться через Кавказский хребет, пройти все комендатуры, заслоны СМЕРШа, разыскать часть, в которой служил лейтенант Кохрихт, и однажды, откинув плащ-палатку, закрывавшую вход в блиндаж, броситься к сыну и обнять его…

А ведь надо же было еще возвратиться к нам – в горы, в Душети. Я узнал об этом рискованном предприятии уже почти взрос-

лым и удивился, как же ему это тогда удалось, но услышал лишь намек на то, что немного (в самом начале) помог ему бывший сослуживец-грузин, подчиненный отца по службе в Бульварном районе милиции…

О том, что Одессу освободили от оккупантов, мы узнали при необычных, даже драматичных обстоятельствах. Весной 1944 года меня укусила «незнакомая» собака, и местная фельдшерица заподозрила, что она бешеная, и с тревожным возгласом «Вай ме!» настояла на том, чтобы председатель сельсовета выделил единственную полуторку на ходу, которая отвезла меня с мамой в Тбилиси, в инфекционную больницу, где мне должны были сделать сорок уколов в живот…

Больница стояла над рекой Курой, куда выходили окна процедурной. Я уже перенес десяток больнючих уколов, когда однажды медсестра, для того чтобы заглушить мои вопли, включила на полную катушку репродуктор. Грянул марш, а затем громых-

Отец и сыновья. 1949 год

нул голос Левитана: «Приказ Верховного главнокомандующего!». И далее – разные слова, из которых мама и я услышали: «*Одесса!*» – и потом: «*Салют!*». Мама от неожиданности ослабила хватку, и я вывернулся, и медсестра выронила шприц… Такой к нам пришла Благая весть.

Через несколько дней нас на радостях отпустили в Душети – уже давно было понятно, что на сей раз бешенство мне не грозит. Мы начали рваться домой в Одессу, но сделать это немедленно было невозможно. Одесса и после освобождения оставалась прифронтовым городом – ее бомбили вражеские самолеты. Но мои родители все же доказали, что одесситы не знают преград, когда хотят вернуться домой, пусть даже неизвестно, сохранился ли этот дом.

Додумались написать в просьбе о реэвакуации место назначения не Одесса, а Раздельная, что вполне удовлетворило грузина-коменданта, ведавшего разрешениями. Откуда мог он знать, что наш город и последнюю станцию перед одесским вокзалом отделяет всего час езды…

Прощались с приютившими нас грузинами, обязуясь непременно встретиться после Победы.. Пока не пришлось – так и не добрался, к стыду и огорчению своему, до Душети, хотя в Тбилиси бывал…

Много лет спустя из телепередачи, посвященной творчеству Георгия Данелии, узнал, что фильм «Мимино» снимался в Душети, и увидел этот край с высоты полета, который совершал над ним вертолет летчика Мизандари. И почудилось мне, что узнаю

тот дом, где мы жили давным-давно, когда эти тутовые деревья были молодыми, а я – маленьким.

…До Одессы добирались несколько недель в товарном вагоне. Выгрузились на Товарной же станции, вышли с пожитками на площадь. Я увидел рельсы и спросил у мамы: «Трамвай?». Откуда я мог знать это? До сих пор не знаю.

С вокзала каким-то образом добрались до Софиевской, 13, вошли во двор, мама поднялась со мной на второй этаж, и мы увидели распахнутую дверь, коридор, а в нем –на лесах маляров, которые белили потолок. Кисти они макали в детский эмалированный горшок («Это твой…» – сказала мама). Потом к нам вышел человек в военной форме, повел маму в комнату, и они о чем-то говорили… Потом мама спустилась со мной во двор, где папа и бабушка маялись с нашими бебехами… Потом папа рванул к лестнице, но женщины повисли на нем…

Я ничего не помню о том, что было дальше: где мы жили несколько суток, пока не обрели ордер на кров. Коллизия, случившаяся с нами, как я осмыслил, уже будучи журналистом, и сравнил с другими подобными случаями, была не то чтобы массовой, но случалась в недавно освобожденной Одессе довольно часто. Как правило, захватчиками квартир, обитатели которых еще не вернулись из эвакуации, становились военные в чинах или силовики. Особенно падки были они на престижное жилье в центре города… Приходится констатировать, что, по сути, мародерами становились не только интенданты и «чекисты», но и боевые офицеры, и генералы, Нас выгнал из родового гнезда,

У памятника Воронцову на Соборной площади.
Слева направо: Сима, Аба с дочерью Ниной, папа и я. Начало 50-х

откуда ушел на фронт мой брат, полковник, выходец из известной в Одессе семьи, ставший впоследствии многолетним и успешным руководителем престижного вуза.

Теперь о том, где же мы спустя время поселились, и надолго. Сразу по возращении в Одессу отец был назначен заместителем начальника Горжилуправления, которое размещалось тогда в огромном доме № 10 по Дерибасовской, и был среди тех, кто ведал распределением квартир. Вот он и выбрал (идеалист и бессребреник) для нас коммуналку в доме № 6 по улице Садовой – без отопления (к зиме оборудовали в единственной комнате печку-буржуйку и вывели трубу в форточку), без воды и с туалетом во дворе… Здесь я и провел детство, отрочество и юность.

Сюда я в 1964 году привел молодую жену Таню, выпускницу мюнхенской гимназии. История жизни их дворянской семьи Завалишиных-Вербицких заслуживает отдельного рассказа, но Таня, человек непубличный и деликатный, сама должна решиться на это.

Если об освобождении Одессы я узнал в далеком грузинском Душети, то о Победе – в родном городе. Под утро 9 мая 1945 года нас разбудила беспорядочная стрельба буквально под окнами дома на Садовой. Она доносилась с угла напротив, где находился экипаж Одесского военно-морского медицинского училища. Высыпавшие на улицу караульные курсанты и их начальники палили в воздух из трехлинеек и наганов. (Символично, что спустя много лет я поступил в это училище.) Мы ликовали, обнимались с соседями! Уверен, радовались исходу войны и пленные немцы, ремонтировавшие полуразрушенное здание Главпочтамта. В 45-м их расконвоировали, и они забредали в наш двор, Худые, но опрятные в своих поношенных мундирах, летом – в деревянных сандалиях на босу ногу. Ловко мастерили из дерева смешные игрушки, которых нам так не хватало… Сейчас это покажется странным, но тогда, когда война еще шла, и в Одессу все еще приходили похоронки из Венгрии и Восточной Пруссии, женщины нашего дома (русские, украинки, еврейки, молдаванки) выносили немцам хлеб, помидоры, а то и сало… А ведь были среди них (нас) и вдовы, и сироты, и потерявшие всех близких…

Зимой то ли в декабре 45-го, то ли в январе 46-го на побывку впервые за всю войну к нам прибыл Абрам Давидович Кохрихт – гвардии капитан артиллерии с орденами и медалями – от «Обороны Кавказа» до «Взятия Берлина». Вот из столицы Германии,

расписавшись на стене Рейхстага, мой старший брат и пришел пешком с Одесского вокзала к нам на Садовую с небольшим чемоданом и солдатским «сидором» (вещмешком) за спиной.

Важно вот что. Мать Абы умерла в 1923 году при родах, и папа растил его один до 15 лет, и лишь в 1938-м женился на моей маме. Через год родился я, а через полтора мы с братом расстались. Я его вообще не помнил, а он знал полуторагодовалого пацанчика…

В году 1944-м мы получили от Абы с фронта письмо со стихами, которые, увы, не сохранились, а мама запомнила лишь два фрагмента. В одном: «…и, может, у казарм Каховских убита девушка моя…» – это о Регине, погибшей в оккупации; во втором – обо мне: «…с золотой, золотой головой…». Нетрудно посчитать, что в Одессу Аба вернулся, имея от роду 22 года, уже зная о том, что квартира, где он родился и откуда ушел на войну, захвачена, и был полон намерений ее освободить от врага, как освобождал города и села Советского Союза и Польши, как брал штурмом населенные пункты Германии.

Сначала о том, что же артиллерийский капитан привез из побежденной фашистской страны в виде контрибуций и репараций. Не стану называть тех наших знакомых и дальних свойственников, в чьих квартирах после возвращения домой – и тех, кто был на войне, и тех, кто около, – появились радиоприемники и радиолы «Телефункен», аккордеоны, напольные часы «Мозер», майсенские статуэтки и сервизы, кто обзавелся «Опелями» и «Мерседесами». Аба же предпочел трофеи в стиле эрзац (искусственный заменитель), который из жесткой экономии был внедрен в Германии, когда стало ясно, что война проиграна. Эрзац-чемодан, склеенный из картона «под кожу», содержал несколько плиток шоколада из сои, и лишь камешки для зажигалки были настоящими. В «сидоре» – теплые носки, свежее бязевое солдатское белье с «поморозками», бутылка «Московской» водки да пара банок тушенки.

Водку в тот же вечер отец и сын выпили под тушенку и картошку, испеченную на листе жести при помощи буржуйки, и хлеб, полученный утром по карточкам. И, чуть отдохнув, брат собрался сходить домой – на Софиевскую, и навести порядок, разобраться с отобранной жилплощадью. Вот тут-то выяснилось, что в эрзац-

чемодане завернутый в парадную гимнастерку с наградами дремал еще пистолет ТТ со снаряженной обоймой… И вот ствол был привычно передернут, и пистолет сунут в кобуру. На шинель натянут ремень с портупеей – и выяснилось, что брат мой и высок, и силен, что у него зычный голос командира противотанковой батареи…

Было еще светло, хотя и темнело. В то время зимы были снежными, а улицы никто не убирал. Папа и Аба дошли до угла Торговой и пошли вниз, а я увязался за ними, и плачущая мама не сумела меня ухватить за шиворот…

На ходу папа умолял сына проспаться и отложить разговор с полковником М. (не выдержал – и назвал первую букву) на завтра, скажем, в горжилуправлении. Оба Кохрихта были выпимши: отец унтер-офицер, кавалер наград Первой мировой, и сын-капитан, орденоносец Второй. Преимущество было у сына – он и моложе, и привык к бою, и злость его брала лютая.

Где-то не доходя Щепкина, они свалились в снег, и папа попытался вытащить из кобуры сына пистолет, чему тот противился, и в итоге в борьбе отцовский палец сломался. Тут уж Аба с готовностью, но с видимой неохотой сдался. Они повернули назад, заметили меня… Мы вернулись на угол Садовой и Торговой, где рядом со входом на цирковую галерку была бодега – винарка, оставшаяся «с румын», где старшим налили в кружки теплого красного вина, а мне чаю с сахаром. Закусывали кукурузными лепешками и солеными огурцами, а мне досталось блюдце со сливовым повидлом… Если бы Аба в тот вечер добрался до захватчика, то завалил бы его или погиб в перестрелке. В лучшем случае попал бы под трибунал и в штрафбат.

Примерно года через два, когда я уже ходил с нелюбимой виолончелью в первый класс школы имени Столярского, Аба приехал в Одессу из Эстонии, где стояла его воинская часть, чтобы познакомить нас с женой – Симой Юкельзон, хорошенькой фронтовой медсестрой родом из Бендер. В войну она служила и в госпитале, где после ранения лечился легендарный красавец генерал Рокоссовский, в которого все медички были влюблены, и этим по праву гордилась. Вскоре у них родилась дочка Нина, моя племянница.

«Беда не к лицу Одессе…»

Так Михаил Пойзнер озаглавил вступительную статью к новой книге. Он процитировал слова из статьи, написанной в 1944 году выдающимся писателем и гражданином Ильей Эренбургом: «Я бродил по Одессе, она была печальной. Беда не к лицу Одессе, она казалась обиженной, оборванной и заплаканной модницей».

И далее мой товарищ Миша, продолжающий искать и находить новые неизвестные свидетельства пусть трудной, но победительной истории города, добавляет к словам писателя то, что же отличает Одессу, делает ее неповторимой и в горе, и в радости: «Заплаканной, но все-таки модницей!». Согласен с ним!

В заключение этих заметок: пишу их, следуя призыву создателей книги делиться воспоминаниями о том, что пережили. Бесценны свидетельства тех, кто воевал, кто защищал и восстанавливал город, кто во время оккупации перенес ужасы гетто и концлагерей. Но и наши воспоминания – детей войны – привносят в общую картину свои краски.

Признаюсь, вот и не думал, что вынесу в заголовок этой статьи припев из песни, которую ранее не выделял из тех, что посвящены Одессе. Честно говоря, считал ее если не «ресторанной», то как бы легкомысленной и излишне сентиментальной. Но вот заметил, что уже несколько дней, вспоминая судьбы близких и родных людей, напеваю: «Ах, Одесса! Жемчужина у моря. Ах, Одесса! Ты знала много горя…».

Вот и сейчас не выходит она из головы.

Раз уж так случилось, споем же полностью припев песни, сочиненной уже после войны нашим земляком композитором Модестом Табачниковым на слова достойного автора, имя которого доподлинно неизвестно. Тем более что в целом рефрен песни полон оптимизма, который, несмотря ни на что, мы с вами разделяем. Такими уж нас мама родила!..

Ах, Одесса! Жемчужина у моря!
Ах, Одесса! Ты знала много горя,
Ах, Одесса, веселый южный край,
Живи, моя Одесса, живи и процветай!

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Одесский календарь

Французский бульвар

104 **Сергей Решетов**
Дача Маразли

123 **Алена Яворская**
Флирты Французского бульвара

Сергей Решетов

Дача Маразли

Повествуя о Григории Григорьевиче Маразли, нельзя не рассказать о его великолепной даче*. Среди 37 дач, список которых приведен в «Новороссийском календаре на 1836 год» под 9 номером упомянута дача купца Маразли. О.О. Чижевич в работе «Город Одесса и одесское общество» писал: «В черте порто-франко существовали приморские дачи: Ланжерон, Илькевича, барона Рено (Бухарина), Маразли, Лицейский хутор (университетский), Ралеевский фонтан, Сен-При (Дунина)…».[1]

Дача Маразли делилась на две части: приморскую – ту, что расположена по левую сторону Французского бульвара над берегом моря (эта часть дачи, в свою очередь, делилась на «верхнюю» и «нижнюю», находящуюся почти на самом берегу), и ту, что позже появилась на противоположной стороне бульвара, более известную как «Школа садоводства». В лучшие годы приморская дача Маразли занимала пространство от нынешнего переулка Верещагина и до основной территории Одесского ботанического сада, что теперь соответствует территории санатория им. Чкалова. «Школа садоводства» – это часть территории нынешнего санатория «Одесса», расположенного прямо напротив санатория им. Чкалова.

Территориальными предшественниками дачи Маразли были располагавшиеся здесь в начале XIX века большой хутор коммерции советника барона Ивана Петровича Рено (ок. 1765 – 1835), и хутор поменьше, принадлежавший г-ну Рашковичу. Известно, что Малым фонтаном в первой четверти XIX в. назывался фонтан (источник воды, родник) на участке Рашковича, в связи с чем фонтан назывался также Фонтан Рашковича, Рашковский фонтан и Малый Рашков-

* При написании данной главы использованы материалы краеведа С.В. Котелко.

ский фонтан. Впоследствии Малым Фонтаном начала называться дачная местность близ Одессы, вдоль Одесского залива. По обеим сторонам дороги, ведущей к Малому Фонтану, располагались хутора (дачи) разных владельцев, а в 1902 г. Малофонтанская дорога постановлением Думы была переименована во Французский бульвар.

Малый (Рашковский) фонтан славился хорошим качеством воды. Согласно опубликованного в 1831 г. в «Одесском вестнике» исследования инженера Ю.В. Гаюи, Рашковский (Малый) фонтан был вторым по величине источником воды в окрестностях города и давал до 603 бочонков воды в 30 ведер в сутки (первым был Большой фонтан с показателем в 840 бочонков).[2] Предполагалось использовать Рашковский источник как самый выгодный для доставления воды в Одессу путем водопровода, однако этот проект так и не был осуществлен.[3]

Именно участок, на котором находился бывший хутор Рашковича, стал первоосновой дачи Маразли. Хутор Рашковича был распродан. В феврале 1818 г. Ришельевский лицей купил «загородный двор Рашковича, расположенный вблизи фонтана и заключавший в себе 13 д. и 192 кв. сажени земли». На 1824 г. большая часть хутора принадлежала подполковнику артиллерии Никанору Облеухову. В 1829 г. хутор, расположенный на бывшем участке Рашковича по Малофонтанской дороге, приобрел Григорий Иванович Маразли, положив начало почти столетнему владению семьей Маразли этой землей. В «Собрании семейных документов баронов Фредериксов» приложена купчая от 13 декабря 1829 г., по которой Г.И. Маразли пробрел «хутор на одесской городской земле во 2-й части под №74… мерою пять десятин и девятьсот пятьдесят квадратных саженей за 14000 руб. ассигнациями», ранее принадлежавший помещику Шолайскому (согласно другим источникам, размер участка был 5 десятин и 915 кв. саженей). Указанный хутор ему продал помещик Северин Осипович Мигурский по доверенности от наследников умершего помещика Станислава Осиповича Шолайского – дочерей Соломеи Давидовской и графинь: Февронии и статской советницы Ефросинии Тышкевичей, урожденных Шолайских.[4] Вскоре Маразли расширил размеры своих владений – за 600 руб. приобрел из городской земли, отведенной Ришельевскому лицею, соседний с его дачей участок земли на выгоне под № 11, размером 5 десятин 1775 квадратных саженей, получив на него временное свидетельство от 6 марта 1834 г. (участок был утвержден

за ним 3 февраля).[5] В «Новороссийском календаре на 1836 год» уже упоминается фамилия Маразли-старшего как одного из немногих владельцев одесских дач.[6] Судя по приведенной росписи владельцев, его соседями слева указаны наследники коммерции советника Рено, а справа значилась дача Ришельевского лицея. По ведомости 1848 г., на территории дачи находилось два дома почетного гражданина Григория Маразли, оцененные в 3571 руб.[7] В дальнейшем местность, где находилась дача Маразли, называлась в справочниках по-разному: «дачи, идущие от Ботанического сада до Фонтанской таможенной заставы» (1848 г.), «дачи по берегу моря, от Бульвара к М. фонтану» (1873 г.), Приморские дачи (1878 г.), дачи по дороге к Малому Фонтану (1899-1902 гг.), Французский бульвар (с 1902 г.).

В 1855 г. имена наследников барона Рено остались лишь по береговой линии – на карте за этот год обозначены дача княгини Кантакузен (дочери барона Ивана Петровича Рено) и дача, принадлежавшая еще кому-то из его наследников, возможно, старшему сыну Осипу Ивановичу. Таким образом, приморская дача Маразли оставалась еще без выхода к морю. Хотя сама дача Г.Г. Маразли-младшего (отец скончался в 1853) значительно расширилась – Маразли выкупил у наследников Рено (либо у Бухарина) часть бывшего большого хутора покойного барона, и теперь дача Маразли простиралась от нынешних переулка Верещагина до Ботанического сада. Сейчас примерно в этих границах расположен Клинический санаторий им. Чкалова (современный адрес – Французский бульвар, 85).

5 февраля 1861 г. Г.Г. Маразли обратился через своего поверенного в Думу в с прошением выдать ему документ на право владения участком, полученным в наследство от отца и приобретенным последним в 1834 г. (на выгоне под № 11 размером 5 десятин 1775 квадратных саженей). 18 мая городской землемер докладывал Думе, что на участке находятся «дом и флигель каменные, крытые дранью, дом каменный крыт черепицею, тоже дом крыт железом, сарай и конюшни, крыты железом, две оранжереи и систерну. Дерев фруктовых до ста, диких до пяти тысяч штук, винограду до восьми тысяч кустов, кругом хутора канава».[8] Прошение заявителя было удовлетворено. После переезда в Одессу на постоянное жительство и службу (1867 г.) Г.Г. Маразли принялся за обустройство своей дачи с большим размахом и вкусом. В нише возле ворот у главного входа

в санаторий Чкалова висит табличка, на которой указано (в переводе с украинского): «Парк-памятка садово-паркового искусства. Парк санатория им. Чкалова. *Парк основан в 1867 г.* Территория парка занимает 18 га, на которых произрастает более 80 видов древесно-кустовых пород». Видимо, к началу 1870-х годов дача Маразли уже славилась красивым парком, так как 3 мая 1872 г. ее посетили сыновья императора Александра II великие князья Сергей и Павел Александровичи, прибывшие в Одессу на пароходе из Ливадии.

Справочник Коханского, описывая Малый Фонтан в конце XIX в., сообщал: «В самом начале Малофонтанской дороги, в аристократической части ее, находятся лучшие дачи – Бухарина (бывш. Новосельской), Маразли <…> тут же с правой стороны дороги находится школа общества садоводства, построенная на земле г. Маразли, предоставленной им для этой цели. <…> Лучшая дача Маразли, с дорогой роскошной оранжереей; в особенности же прекрасна нижняя часть дачи над самым морем».

Первая всероссийская перепись населения, проведенная в январе 1897 г., сообщает, что на даче Маразли по Малофонтанской дороге (номер участка не указан) постоянно проживало 14 человек – садовники, их помощники, дворники и члены их семей.[9]

По свидетельству современников, Г.Г. Маразли проводил на своей малофонтанской даче много времени, временами приглашая к себе знатных гостей и высшее одесское общество. Так, его современник А.М. Де-Рибас писал: «Летние месяцы Г.Г. Маразли проводил сперва в Карлсбаде <…>, затем ехал в Париж, неизменно возвращаясь в августе на свою малофонтанскую роскошную дачу»; «Раннею весной, в четверг на Страстной неделе священник читает двенадцать Евангелий в церкви училища садоводства, помещавшегося в половине восьмидесятых годов прошлого столетия на Малом Фонтане, даче Маразли. В числе молящихся находятся одесский городской голова Г.Г. Маразли, его товарищ барон Витте и несколько знакомых. В течение с небольшим часа времени чтение Евангелий было окончено, так что к семи часам вечера все названные лица успели приехать с Малого Фонтана в дом Г.Г. Маразли на углу Дерибасовской и Пушкинской, где их ждал обед радушного хозяина»; «Очень редко Г.Г. Маразли приглашал к себе одесское общество. По случаю столетия города Одессы он устроил у себя на даче, на Малом Фонтане, вечер с фейерверками и иллюминацией, да в другой раз в конце девяностых годов зимой пригласил к себе на любительский спектакль, в котором принимала видное участие М.Ф. Кич, игравшая роль маркизы во французском водевиле вместе с бароном Штейгером, исполнявшем роль ее поклонника».[10]

Бывший пермский губернатор Александр Владимирович Болотов, женатый на внучатой племяннице Маразли, писал в своих воспоминаниях: «А наши поездки с ней (Стефанида Сергеевна, урожд. Толстая, супруга А.В. Болотова. – **Авт.**), сперва в Одессу, на окруженную почти сказочным садом дачу Маразли на Малом Фонтане…».[11]

В августе 1879 г. «Новороссийский телеграф» опубликовал яркое описание роскошного приема, организованного Маразли на своей даче: «*Вечер у г. Маразли*. В воскресенье, 19 августа, местный beau monde был приглашен на *чашку чаю* (выделено а газете курсивом. – **Авт.**) на дачу нашего почтенного городского головы Г.Г. Маразли, но вместо скромного чая на свежем воздухе приглашенных угостили великолепным, выходящим из ряда обыкновенных, праздником. Роскошная дача г. Маразли и прилегающая к ней часть моря были буквально залиты светом. Сплошные линии фонариков вдоль аллей, гирлянды фонарей, эффектно переброшенные над дорожка-

ми, букеты огней в газон, блестящий фейерверк на море, казавшемся зажженным на значительном расстоянии; несколько яхт, великолепно иллюминированных бенгальскими огнями, – все это вместе было исполнено с замечательным артистическим вкусом и представляло какую-то волшебную картину. Прекрасная погода с вечера и наступившая затем чудная ночь много содействовали удаче праздника. Все время играл оркестр военной музыки; кроме того, пели цыгане, и еврейский квартет братьев Земмель смешил общество своим неподражаемым комизмом. В особенности были эффектны группы цыган в их ярких, живописных костюмах, залитые фантастическим светом. На празднике присутствовало избранное общество. Дамы соперничали богатством и свежестью туалетов. Искреннее веселье царило на этом волшебном празднике до 3 часов утра; радушие и любезность хозяина не знали пределов; вообще, праздник удался вполне и по своей роскошной обстановке, выполненной притом с замечательным вкусом, должен занять первое место в ряду великосветских удовольствий текущего сезона».[12]

Согласно списку памятников архитектуры, к таковым отнесены строения на территории бывшей дачи Маразли и соседних владений по адресу Французский бульвар, 85: «Комплекс дач в составе: 1. Дача Маразли, 1880-е, арх. Ф.В. Гонсиоровский; 2. Корпус № 2, 1880-е, арх. П.У. Клейн; 3. Корпуса № 3, 4, 5, 1880-е, арх. Ф.В. Гонсиоровский; 4. Корпуса № 6 (клуб, музей), 1880-е, арх. Ф.В. Гонсиоровский; 5. Корпуса № 7, 1910, арх. А.Б. Минкус; 6. Корпус оранжереи, 1880-е, арх. П.У. Клейн» и «Декоративный садовый трельяж (малая архит. форма), 1890-е».

Необходимо отметить, что большинство дореволюционных зданий, не действующих ныне фонтанов и т. д., расположенных на территории санатория м. Чкалова, никогда не принадлежали Маразли, так как находились на соседних участках, принадлежавших Баржанской, Бродскому, Родоканаки, Шехтеру, Егорову, Ашкинази и другим. Принято считать, что известное здание белого цвета, подписанное на плане сан. Чкалова как «зимний клуб» и ныне занимаемое Одесской областной федерацией футбола (Французский бульвар, 85/5), – это и есть «дача Маразли». Однако на самом деле это здание – «дача Ашкенази», принадлежавшее Анне Горациевне Ашкинази, урожденной баронессе Гинцбург.

Из целого ряда построек на даче Маразли до наших дней в сильно разрушенном виде дошла только знаменитая оранжерея. По некоторым сведениям, проект ее постройки возник у Григория Григорьевича во время его частых визитов во Францию, где он увидел нечто подобное. Для осуществления задуманного он обратится к архитектору Павлу (Паулю) Ульриховичу Клейну, с которым имел большой опыт сотрудничества, – например, Клейн выстроил для Маразли на другой его даче здания, располагавшиеся на противоположной стороне бульвара и переданные потом Григорием Григорьевичем Маразли для нужд Школы садоводства и огородничества. Эти постройки Павел Клейн осуществлял для Маразли в период с 1886 по 1889 гг., и в том же 1889 г. он построил и оранжерею. После окончания строительства в прессе оранжерею называли «грандиозная и образцовая» – ее длина составляла сорок метров. Оранжерея была увенчана остекленным куполом, собранным из американских металлических переплетов. Для поддержания постоянного микроклимата внутри ее снабдили паровым отоплением. Стоимость постройки оранжереи составляла тридцать тысяч рублей.

Впоследствии Маразли расширил территорию своей дачи, приобретя участок, расположенной на другой стороне Малофонтанской дороги (ныне занимаемый санаторием «Одесса»). На плане Одессы 1855 г. за Маразли значится только «приморская» дача, а большой участок напротив нее занимает дача Родоканаки (имеется в виду купец Федор Родоканаки*). На плане 1864 г. (дополненном в 1867 г.) за Маразли уже числятся оба участка (при этом часть дачи, занимаемая потом «Царством цветов» Бруна, а ныне – Ботаническим садом, оставалась за Родоканаки еще в 1890-е годы). Таким образом, этот участок был приобретен Маразли между 1855 и 1867 гг.

Спустя десятилетия Маразли приобрел у Родоканаки (сына предыдущего) еще один участок, вошедший в состав его большой дачи. На плане Одессы 1894 г. показан большой участок Родоканаки, расположенный между дачей Маразли и Баржанской (на территории санатория Чкалова). 25 ноября 1896 г. потомст-

* *Федор Павлович Родоканаки* (1797-1882), купец 1-й гильдии, его сын – Перикл Федорович (1841-1899).

венный почетный гражданин Перикл Федорович Родоконаки продал Маразли за 11531 руб. 25 коп. участок земли размером 1 десятина 11 и ½ кв. саженей из хутора, «состоящего в г. Одессе, на городской земле, на выгоне, под номером 10».[13] Этот же участок земли «мерою 1 десят. 7 кв. с., состоящем в г. Одессе на городской земле на выгоне под № 10 по Мало-Фонтанской дороге и доставшемся завещателю от потомственного почетного гражданина Перикла Федоровича Родоконаки по купчей крепости, совершенной у одесского нотариуса Коррадини 19 октября 1896 г. и утвержденной старшим нотариусом сего суда 25 ноября 1896 г., каковое имущество нигде не заложено и не застраховано, и оценено Одесской городской управой для взимания налогов в 5024 р., и по акту укрепления – 11531 р., каковая сумма и является наивысшей для взыскания наследственных пошлин» фигурирует и в завещании Маразли. Таким образом, эта часть дачи Маразли не была включена в майорат, перешедший к барону Фредериксу-Маразли, и после смерти Г.Г. Маразли данный участок отошел Сафонову**, а затем – Толстому***.

Впоследствии на той части дачи, где ныне распложен санаторий «Одесса», на средства Маразли от имени Одесского отдела Императорского российского общества садоводства были построены несколько зданий Школы садоводства, открытие которой состоялось 1 октября 1886 г. (ныне Французский бульвар, 52). Для постройки школы Г.Г. Маразли предоставил в безвозмездное пользование сроком на 10 лет участок земли в 5 десятин. Одесский

** *Александр Степанович Сафонов* (24.02.1855, Санкт-Петербург – 2.10.1908, Ницца, Франция). Племянник Г.Г. Маразли, после кончины которого унаследовал большую часть его состояния. Полковник лейб-гвардии гусарского его величества полка. Скончался бездетным, и его состояние унаследовал племянник П.С. Толстой.

*** *Петр Сергеевич Толстой* (17.06.1876, сельцо Ельцы Осташковского уезда Тверской губ. – 1/14.12.1918, Одесса). Сын Марии Степановны Сафоновой (23.04.1842 – 18.11.1927) и генерал-лейтенанта Сергея Ивановича Толстого (12.03.1838, Санкт-Петербург – 23.12.1897, там же). Офицер лейб-гвардии Кавалергардского ее императорского величества императрицы Марии Федоровны полка, с 1912 г. – полковник, состоящий при его императорском высочестве великом князе Дмитрии Павловиче. Внучатный племянник Г.Г. Маразли, большая часть наследства которого досталась ему после кончины бездетного дяди А.С. Сафонова.

отдел Общества садоводства как председатель возглавлял Маразли, товарищем председателя был его соратник по городской управе Валериан Николаевич Лигин, в число членов правления входили: Станислав Иосифович Дунин, он же казначей общества, в его доме на Почтовой, 21, находилось правление общества; двое соратников Маразли по управе – барон Николай Андреевич Витте и Генрих Генрихович Штапельберг; ученый садовник Иосиф Иосифович Штехер[14]; Анатолий Федорович Докс, брат которого Виктор Федорович был членом управы и действительным членом Общества садоводства. Попечителем школы садоводства также являлся В.Н. Лигин. Управляющим школой и одновременно преподавателем специальных наук был ученый садовник Николай Федорович Карпов, проживавший при школе. При школе также состояли преподаватели М.Н. Ливенцов и С.С. Мингалев.[15]

В первой всероссийской переписи населения (январь 1897 г.) о Школе садоводства на даче Г.Г. Маразли по Малофонтанской дороге, № 24, приведены следующие сведения:[16]

Одесская низшая (2-го разряда) школа садоводства и огородничества. 4 жилых строений каменных, крытых железом, в них 8 квартир, все занятые. Учащихся – 26 человек. На территории школы проживают преподаватели, садовники, дворники, надзиратели.

Староста при церкви (на жаловании) Искржицкий Александр Владиславович, 40 лет, потомственный дворянин Волынской губ., родился в местечке Мирополь Нововолынского уезда указанной губернии, католик. Обучался в уездном училище, староста при церкви на жаловании (будучи католиком, староста в православной церкви. – **Авт.**), жена и двое детей.

Управляющий Одесской школой садоводства Карпов Николай Федорович, 40 лет, мещанин, род. в Симферополе Таврической губ., приписан там же, проживает здесь, учился в Никитском училище садоводства и в школе, при нем жена, 3 сыновей и мать.

За месяц до открытия школы садоводства, 24 августа 1886 г., произошло освящение церкви, построенной на средства Г.Г. Маразли при этой школе. Храм был освящен во имя святого пророка Илии. Эта церковь не была постоянно действующей. Как сообщалось о храме в справочнике «Вся Одесса»: «Ильинская церковь при даче Маразли по Французскому бульвару. Богослужения совершаются священнослужителями, приглашаемыми особо каждый раз».[17]

Здания школы садоводства и церкви были построены в 1886-1889 гг. архитекторами П.У. Клейном и Н.Н. Толвинским. Большинство зданий бывшей школы садоводства сохранились до наших дней и используются как лечебные корпуса санатория «Одесса».

Школа садоводства была построена на даче Маразли и на его средства, но при этом город оплачивал ему 945 руб. ежегодно за наем помещений школы. Эти средства уплачивались школою Маразли в виде процентных денег за капитал, затраченный им на постройку зданий школы. Постепенно отдел Императорского российского общества садоводства задолжал ему данные выплаты на сумму около 3000 руб., после чего, как отмечается в очерке к юбилею школы, «владелец угрожал насильственным удалением школы»[18] (при этом Маразли не раз субсидировал средства на нужды школы). Кроме того, в 1896 г. истек 10-летний срок, установленный Маразли для пользования школой его участком. Исходя из этого, в 1898 г. по просьбе отдела Общества садоводства городом был выделен участок земли для размещения школы – «из бывших салганов, против новых городских питомников». Избранный в феврале 1903 г. новым председателем Одесского

отдела Императорского российского общества садоводства член городской управы Н.П. Дмитриев в мае приступил к постройке зданий Школы садоводства на новом месте. 26 октября того же 1903 г. состоялось открытие и освящений новых зданий школы. В справочниках 1912-1913 г. ее адрес указан как 1-я Застава.[19]

Тем не менее и после переезда школы с дачи Маразли на новое место Маразли принимал участие в ее делах: в 1905 г. Н.П. Дмитриев являлся председателем Одесского отдела Императорского российского общества садоводства, а Маразли был его почетным президентом.[20]

Кроме школы садоводства на даче Маразли в одном из зданий располагалось также училище для глухонемых.[21]

В.П. Катаев оставил в своих произведениях несколько описаний дачи Маразли. Так, в романе «Кладбище в Скулянах» он дал ее описание (по тексту, события происходят летом 1870 г.):

«По пыльной Малофонтанской дороге тащится конка – летний вагон, занавешенный с солнечной стороны полотняной шторой. По обе стороны – виллы одесских богачей: вилла Маврокордато – каменная серая стена, как бы составленная из глухих арок с вазами наверху, за которыми угадывается роскошный южный сад… Против нее вилла Маразли – кованая железная решетка, сквозь которую видна какая-то итальянская растительность – может быть, пинии! – и огромный яркий газон, окруженный каймой алых гераний, а посередине газона отличная, в натуральную величину мраморная копия знаменитой скульптуры «Лаокоон»: отец и два сына, удушаемые змеями, ползущими по их мускулистым телам с напряженными мускулами.

…И еще вдали какие-то мраморные античные статуи, особенно белые на фоне пламенного моря с хвостом темного пароходного дыма…».[22]

Не менее красочное описание дачи Маразли Катаев приводит в знаменитом произведении «Белеет парус одинокий»: «Здравствуй, Петя! Наконец-то ты приехал! А мы все без тебя так соскучились! Неужели ты нас не узнаешь? Посмотри хорошенько: это же я, твоя любимая дача Маразли. Ты так любил ходить по моим великолепно выстриженным изумрудным газонам, хотя это строжайше воспрещалось! Ты так любил рассматривать мои мрамор-

ные статуи, по которым ползали крупные улитки с четырьмя рожками, так называемые «Лаврики-Павлики», оставляя за собой слюдяную дорожку! Посмотри, как я выросла за лето! Посмотри, какими густыми стали мои каштаны! Какие пышные георгины и пионы цветут на моих клумбах! Какие роскошнейшие августовские бабочки садятся в черной тени моих аллей!».

В конце XIX – начале XX вв. по инициативе Василия Ивановича Зуева, назначенного в марте 1894 г. городским архитектором, начинается расширение и улучшение Малофонтанской дороги. Как сам он писал в известной книге «Французский бульвар», «Мало-фонтанская дорога находилась в то время в хаотическом состоянии. Многие дачи не имели оград по своим фасадным линиям, – а вместо них имелись безобразные валы, обсаженные акациями <…>. Дорога имела по своему протяжению разную ширину и с явными внешними признаками захвата земли дачевладельцами от дороги <…>. Дорога до дачи Училища слепых была шоссерована из местного дикарного камня, – а далее была просто грунтовая дорога».[23] Составив в 1897-1898 гг. план расширения Малофонтанской дороги, Зуев начинает реализацию своего проекта – сделать в недалеком будущем эту местность «самой симпатичной частью Одессы». Одной из своих задач архитектор видел превращение ломаной линии дороги в прямой проспект, однако при этом он вступал в конфликт с интересами дачевладельцев, которые при реализации проекта лишались части своих дачевладений. Одним из них был и Г.Г. Маразли. Зуев пишет: «Почетный гласный, бывший городской голова Г.Г. Маразли, просил меня ознакомить его с проектом дороги, который сильно отрезал его дачу на левой стороне дороги и прирез земли к его же даче с правой стороны (бывшая Школа садоводства) с целью выровнять дорогу и получить прекрасную перспективу, с видами на море. Г.Г. Маразли ужасно был недоволен такою кройкою его земли и просил переделать проект так, чтобы его дача с левой стороны была оставлена в существующих границах, обещая за это полное свое содействие задуманному делу. По докладу городскому голове такой просьбы я был принужден переделать проект, но обещанной помощи и содействия от Г.Г. Маразли в деле

расширения дороги не получил, а прекрасная Мало-Фонтанская дорога получила поворот против его дачи и тем лишилась прямолинейности и перспективного вида на море».[24]

Интересно, что дача Маразли еще при его жизни была доступной для прогулок горожан, по сути, являясь городским парком. Так, художник П.А. Нилус в публикации «Парк Маразли» (август 1907 г.) писал:[25]

«Когда я впервые постучался в калитку дачи Маразли и попросил разрешения приходить иной раз в парк, мне привратник сказал:

– Кто же вам может препятствовать?

Ответ меня удивил; но потом я узнал, что покойный Маразли любил, когда посещали его парк, – очевидно, традиция поддерживается и теперь – и, кто знает, может быть, она раздвинет свои рамки, и со временем ворота этого молодого, улыбающегося парка никогда не будут запертыми?..»

В 1889 г. Г.Г. Маразли, желая сохранить свою фамилию в лице потомства своей сестры, обратился к императору с прошением об учреждении заповедного имения и передаче его после своей смерти во владение двоюродному внуку барону Григорию Владимировичу Фредериксу* и в связи с этим о присоединении фамилии Маразли к гербу и фамилии Фредериксов. Именными высочайшими указами Правительствующему Сенату от 13 февраля 1889 г. и 11 февраля 1891 г. принадлежавшие Маразли недвижимые имения были обращены в одно заповедное. Предусматривалось, что «По смерти учредителя, Маразли, заповедное имение поступает во владение двоюродного внука его, барона Григория Владимирова Фредерикса, и его потомства. В случае беспотомственной смерти этого наследника или пресечения его потомства, заповедное имение переходит к младшим братьям его…».

* *Барон Георгий* (*Юрий*) *Владимирович Фредерикс* (28.02.1890, Одесса – 2/15.09.1927, Париж, Франция). Внучатный племянник Г.Г. Маразли, по линии Сафоновых двоюродный брат П.С. Толстого. Сын Зои Степановны Сафоновой (18.10.1862, Париж, Франция – 15.06.1959, Москва) от ее первого брака с офицером лейб-гвардии бароном Владимиром Платоновичем Фредериксом (15.07.1855, Москва – 2.08.1898, Санкт-Петербург). С 10.12.1908 – барон Фредерикс-Маразли. Наследник майората Г.Г. Маразли. Офицер лейб-гвардии гусарского его величества полка.

Поскольку барон Григорий Фредерикс скончался в детстве, унаследовать майорат и двойную фамилию оказалось суждено его младшему брату.

Пунктом III именного высочайшего указа императора от 13 февраля 1889 г. «Об обращении принадлежащих тайному советнику Маразли имений в заповедное» предусматривалось, что к заповедному имению присоединяются принадлежащий учредителю «участок земли, расположенный во 2 части города Одессы, на выгоне по дороге к Малому Фонтану, под № 11, с находящимися на оном строениями и угодьями, пространством 5 десятин 1775 квадратных сажень». Таковым же указом от 11 февраля 1891 г. «О присоединении к заповедному имению тайного советника Григория Маразли участка земли, состоящего в гор. Одессе, с наложением на имение запрещения» было предусмотрено, что «принадлежащий просителю участок земли, пространством 9 десятин 2056 квадратных сажень, состоящий в 5 части города Одессы под № 74 (по составленной в 1834 году ведомости – во 2 части городских земель под № 11), с находящимися на оном строениями и обзаведениями, на каковое имение Григория Маразли наложить запрещение».

Это означало, что после смерти учредителя заповедного имения, то есть самого Г.Г. Маразли, эти участки становились собственностью назначенного им наследника – сначала барона Григория, а после его смерти – его младшего брата, барона Георгия Владимировича Фредерикса, при условии, что он примет двойную фамилию – Фредерикс-Маразли, что было в точности исполнено.

В различное время адрес дачи Маразли отличался. Отчасти это связано с тем, что она была составлена из хуторов, приобретенных у разных владельцев. Так, в 1829 г. был приобретен «хутор на одесской городской земле во второй части под номером 74», у Ришельевского лицея – «земля, расположенная во 2-й части г. Одессы на выгоне по дороге к Малому Фонтану под номером 11».

При этом в императорском указе Сенату от 11 февраля 1891 г. «О присоединении к заповедному имению тайного советника Григория Маразли участка земли, состоящего в гор. Одессе, с наложением на имение запрещения» повелевалось «присоединить к составу заповедного его (Г.Г. Маразли. – **Авт.**) имения, учрежденного указом нашим, данным Правительствующему Сенату в 13 день февраля 1889 года, на основаниях, в том указе изображенных, принадлежащий просителю участок земли, пространством 9 десятин 2056 квадратных сажень, состоящий в 5 части города Одессы под № 74 (по составленной в 1834 году ведомости – во 2 части городских земель под №11), с находящимися на оном строениями и обзаведениями».

Различно и обозначение местонахождения дачи в списках домо- и дачевладельцев. Так, в справочниках «Вся Одесса» она обозначена: на 1899 г.: Малофонтанская дорога, приморская часть (территория будущего сан. Чкалова) «номера в натуре не имеет», школа садоводства – № 24[26]; на 1900-1905 гг.: приморская часть – № 31, школа садоводства – № 24[27] (в 1902 г. Малофонтанская дорога была переименована во Французский бульвар); на 1906 г. и далее: приморская часть – Французский бульвар, № 85, школа садоводства – Французский бульвар, № 52[28]. В справочниках «Вся Одесса» конца XIX – начала XX века указан и размер земельного участка Маразли: на 1900-1905 гг.: приморская часть – 9 десятин 150 квадратных саженей (в высочайшем указе

1891 г. размер участка (видимо, приморского) указан в 9 десятин 2056 квадратных саженей), Школа садоводства – 5 десятин 1689 квадратных саженей.

После смерти Маразли в 1907 г. и скорой кончины в 1908 г. его первого наследника А.С. Сафонова территория дачи была разделена между его внучатыми племянниками П.С. Толстым и бароном В.Г. Фредериксом-Маразли (последний получал часть дачи сразу после смерти Маразли, так как она входила в майорат, учрежденный самим Маразли). Таким образом, владельцами участков в справочниках после 1907 г. значатся: бывшей школы садоводства, Французский бульвар, 52, – Фредерикс-Маразли; приморская часть: Французский бульвар, № 85, – П.С. Толстой; № 87 – Фредерикс-Маразли (большая часть участка Маразли).

Толстой и Фредерикс-Маразли постоянно проживали в Петербурге и окрестностях (Царском Селе), так как оба служили в лейб-гвардии. Дома, принадлежавшие ранее Маразли, они сдавали внаем. Не избежала этой участи и обширная территория бывшей дачи. В письме от 30 сентября 1909 г. доверенное лицо Толстого П.С. Лефи писал доверенному лицу барона Фредерикса-Маразли Г.М. Пекаторосу (оба – бывшие секретари Г.Г. Маразли):[29]

«Милостивый государь Георгий Михайлович!

Возвратил Вам при любезном посредстве П.У. Клейна чертеж предположенного ограждения между имуществами барона Ю.В. Фредерикса-Маразли и П.С. Толстого на Малом Фонтане.

По вопросу о возведении стены между двумя смежными дачами, после наших переговоров, могу предложить Вам следующую комбинацию:

Барон Ю.В. Фредерикс-Маразли на свой счет возводит по всему протяжению границы, там, где сейчас нет стены, оградную стену толщиною не меньше пяти вершков, возведя ее на своей земли с тем, чтобы этим ограждением не было занята совершенно земля П.С. Толстого.

От обрыва до дома, где жил покойный Григорий Григорьевич, высота стены должна быть три аршина. Вдоль дома остается на земле П.С. Толстого в целом виде крытая стеклянная галерея, которую прошу Вас отделить стеною до самой крыши (высота приблизительно 6 аршин). От стеклянной галереи до дома, где

живет г. Крейтерер*, и дальше должна быть возведена стена высотою в 3 аршина. От второй оранжереи до улицы высота стены также 3 аршина. Скаты переделываются за счет барона Ю.В. Фредерикса-Маразли.

Как мы говорили уже, от квартиры Г.Г. Крейтерера к даче П.С. Толстого отходят целиком две комнаты, находящиеся на земли его же, П.С. Толстого. Прачешная и сарай, как находящиеся также на земли П.С. Толстого, также отходят к даче П.С. Толстого, как строения цельные, чтобы сохранить целость отходящих к даче П.С. Толстого комнат, я позволяю себе предложить Вам построить также на счет барона Ю.В. Фредерикса-Маразли стену толщиною в 14 вершков со стороны – границы для отделения двух комнат от квартиры г. Кретерера и, в тех же целях, стену толщиною в 10 вершков для отделения прачешной и сарая от стены дачи Вашего верителя.

Ограждение и все названные работы должны быть закончены к 1-му мая будущего 1910 года.

С своей стороны мой веритель П.С. Толстой отдает Ю.В. Фредерикс-Маразли весь материал, какой остается, от разбора выходящих в его сад частей – большой и малой оранжереи, а также и котел, который находится на его, П.С. Толстого, земле, и может Вами быть использован и впредь для нужд названной оранжереи.

Если Вы согласны со всем изложенным, я немедленно испрошу утверждение всех этих условий, без чего, понятно, не считаю для себя удобным, хотя и имею надлежащие полномочия, дать Вам на случай согласия окончательный ответ».

На территории, ранее занимавшейся Школой садоводства на Французском бульваре, 52, открылся пансион (санаторий) Самуила (Шмуля) Моисеевича Шарнопольского, который существовал уже в 1911-1912 гг.[30] Этот санаторий также занимал и не сохранившиеся до наших дней постройки, существовавшие

* Крейтерер Генрих Генрихович (род. ок. 1860) – мещанин, садовник, постоянно проживавший на даче Маразли. В 1902 Г. Маразли продал ему в числе прочих лиц при распродаже часть своего участка на Среднем Фонтане. Также в завещании Маразли он возглавил список из 35 служителей Маразли, которым полагалась денежная выплата по завещанию, при этом указано, что он «служит с 1 ноября 1886 г. (таким образом, со дня открытия Школы садоводства. – Авт.), т. е. в течение 20 лет и 6 месяцев, следует ему к выдаче 2050 р.».

на берегу моря и представлявшие собой так называемую Нижнюю дачу Маразли. Их внешний вид хорошо известен по фотографиям и открыткам. Так, например, в справочнике «Вся Одесса на 1912 год» было помещено изображение Нижней дачи с большой рекламой: «Villa Pension (дача пансион) С.М. Шарнопольского. Одесса, Французский бульв. № 85, на даче бывш. Г.Г. Маразли на берегу моря. Отделение vis-a-vis, Французский бульв. №52. Здоровый воздух. Покой. Усиленное питание. Морское купание».[31] Далее следовало подробное описание пансиона, где среди прочего было сказано: «Villa Pension помещается в лучшей местности города Одессы, на самом берегу моря, в известном обширном парке Г.Г. Маразли». При этом владельцем участков оставался барон Фредерикс-Маразли. После 1920 г. участки были национализированы, на приморской части бывшей дачи Маразли был создан санаторий им. Чубаря, на территории бывшей Школы садоводства – санаторий им. Ф.Э. Дзержинского. В настоящее время на Французском бульваре, 85, расположен Клинический санаторий им. В.П. Чкалова, а на Французском бульваре, 52, – санаторий «Одесса».

Примечания

1 Чижевич О.О. Город Одесса и одесское общество. Воспоминания одесского старожила // Из прошлого Одессы. Сб. статей / Сост. Л.М. де-Рибас. – Одесса, 1894, с. 10-11.

2 Одесский вестник. – 1831, 4 апреля, № 27, с. 109.

3 Синцов И. Об одесских буровых скважинах // Записки Новороссийского общества естествоиспытателей. Т. XVIII. Вып. 1. – Одесса, 1893, с. 97.

4 Собрание семейных документов баронов Фредериксов // РГИА, ф. 1101, оп. 2, д. 303, л. 120.

5 По прошению надворного советника Григория Маразли о выдаче документа на право владения обзаведенным им участком городской земли (5 февраля 1861 г.) // ГАОО, ф. 16, оп. 37, д. 579, л. 1-2.

6 Новороссийский календарь на 1836 год. – Одесса, 1835, с. 127.

7 Список домам и прочим строениям, оцененным для платежа полупроцентного сбора с 1848 года. – [Одеса, б. г.]. [С.] 72.

8 По прошению надворного советника Григория Маразли о выдаче документа на право владения обзаведенным им участком городской земли… – Л. 4 – 4 об.

[9] ГАОО, ф. 2, оп. 8, д. 1154, л. 1-11. Сообщено С.А. Желясковым.

[10] Григорий Григорьевич Маразли // Де-Рибас А. Старая Одесса: исторические очерки и воспоминания. – Одесса, 1913, с. 345-355.

[11] Болотов А.В. Святые и грешные. Воспоминания бывшего человека. – Париж, 1924, с. 237. Сообщено М.Ю. Катин-Ярцевым.

[12] Новороссийский телеграф. – 1879, 21 августа. Сообщено В.В. Морозаном.

[13] Сенатские объявления по казенным, правительственным и судебным делам. – СПб., 1897. – № 13942, разряд XVI, ст. 309. Сообщено А.В. Лебединской.

[14] АКОГ на 1889 г., с. 211-212.

[15] Там же, с. 212.

[16] ГАОО, ф. 2, оп. 9, д. 74, л. 1-11. Сообщено С.А. Желясковым.

[17] Вся Одесса на 1912. – С. 42.

[18] Шестериков П.С. К 25-летию Одесской школы садоводства и огородничества. – Одесса, 1912, с. 2.

[19] Вся Одесса на 1912 год. – С. 73; То же на 1913 год, с. 161.

[20] АКОГ на 1906 г., с. 170.

[21] АКОГ на 1906 г., с. 193.

[22] В. Катаев. Кладбище в Скулянах. – М., 1990, с. 284.

[23] Зуев В.И. Французский бульвар в г. Одессе. – Одесса, 1915, с. 12.

[24] Там же, с. 14.

[25] Нилус П.А. Парк Маразли // Одесские новости. – 1907, 29 августа.

[26] Справочник недвижимых имуществ Одесского градоначальства на 1899 г. Вся Одесса / Изд. В.К. Фельдберга. – Одесса, 1899, с. 187.

[27] Справочник недвижимых имуществ Одесского градоначальства на 1900 г. Вся Одесса / Изд. В.К. Фельдберга. – Одесса, 1900, с. 129-130; То же на 1901 г. – Одесса, 1901, с. 133; То же на 1902-3 г. – Одесса, 1902, с. 111; Вся Одесса: Адресная и справочная книга на 1904/5-й год / Изд. и ред. Л.А. Лисянского. – Одесса, 1904, с. 106.

[28] Вся Одесса на 1906 г. // Изд. и ред. Л.А. Лисянского. – С. 105.

[29] Собрание семейных документов баронов Фредериксов // РГИА, ф. 1101, оп. 2, д. 303, л. 108 – 108 об.

[30] Вся Одесса на 1911. – С. 286; То же на 1913 г., с. 434.

[31] Вся Одесса на 1912 год. – С. 6 [Объявления].

Алена Яворская

Флирты Французского бульвара

Пять бульваров есть в Одессе: старые Приморский, Итальянский, Французский, Лидерсовский, и молодой – Жванецкого.

Все они красивы, но, бесспорно, самый красивый, самый длинный и самый «одесский» – Французский.

Да и как иначе? Французская речь звучала здесь с первых дней оснований города, французские аристократы управляли Одессой, французские модистки одевали одесситок, а одесситы пили французские вина. И слово «любовь» так красиво звучит именно на французском…

«Бульвар Французский весь в цвету», – поется в знаменитой песне. И что с того, что черемуха здесь никогда не цвела, а цвела сирень и благоухали акации?

Воздух Французского бульвара кружит голову, совсем рядом, за зеленью и дворцами-дачами – море. И девушки в таком обрамлении становятся красивее и возвышеннее, и слова любви легче слетают с уст.

Яркий пример тому – Валентин Катаев, трубадур Французского бульвара. Почти в каждой его повести об Одессе этот бульвар упоминается. Да и как иначе – здесь он впервые целовался. «Я тоже не захотел отстать от товарищей и, замирая от страха, так как еще никогда в жизни не целовался, посвистел Зойке. Она проворно сбежала по лестнице со своего третьего этажа в развевающемся розовом платье и, не выразив никакого удивления, что свистел я, мало знакомый ей мальчик, взяла меня за руку, и мы через узорчатые чугунные ворота, сохранившиеся еще с пушкинских времен на Французском бульваре, побежали

к морю, вскарабкались на скользкую скалу, поросшую снизу водорослями и мхом, и, не теряя времени, начали целоваться, причем я был страшно смущен своим неумением целоваться, даже покраснел от стыда, но она не обратила на это внимания».

И самая литературная любовь Вали Катаева – Ирен Алексинская – жила на Французском бульваре, 23.

Ирен, я видел Вас во сне,
И нынче полон только Вами.
Как хорошо, как сладко мне
Писать о Вас, Ирен, стихами…

Твое сиреневое имя
В душе, как тайну, берегу…

И стихи, написанные о доме на Французском бульваре:

И вновь к тебе. Который раз?
Которое звено?
За мигом – миг. За часом – час.
И вот – твое окно.
И все как прежде. Тот же дом,
И только ночь светлей.
И только свет в окне твоем
От месяца темней.

В этот дом приходил Валя Катаев – влюбленный гимназист, затем влюбленный прапорщик, из этого же дома 18 ноября 1918 года он вышел после разрыва, оглушенный горем, и через Французский бульвар спустился вниз, к морю:

Вверху молчали лунные сады,
Прибой у скал считал песок, как четки.
Всю эту ночь у дремлющей воды
Я просидел на киле старой лодки.
И ныло от тоски все существо мое.
Тоска была тяжелей черной глыбы,

И если бы Вы поняли ее,
То разлюбить, я знаю, не смогли бы.

Это он написал в 1918.

А через 32 года в «Зимнем ветре» тетя Пети Бачея будет сердито выговаривать племяннику: «Хорош же ты будешь, друг мой, когда твоего милого тестюшку благоверное воинство повесит на первом же фонаре на углу Пироговской и Французского бульвара! Кроме того, я совершенно не понимаю, что ты нашел в мадемуазель Ирен? Самая банальная генеральская дочка».

А спустя 62 года, в 1980, Ирен-Миньона станет героиней «Юношеского романа»: «Миньона была хороша собой, не слишком, но все-таки… Она была нарядна, неглупа, начитанна, дочь генерала, у нее были сиреневые глаза, бронзовые волосы в крупных завитках. Она была склонна к флирту, который называла на английский манер флёрт. <…> короткий и грустный роман с Миньоной, ее горячие руки, кошачьи глаза в осажденном, лишенном света городе, при звуках ночной винтовочной стрельбы, и быстрое охлаждение Миньоны, когда она вдруг меня разлюбила, и я всю ночь просидел на берегу моря на шаланде, перевернутой дном кверху».

В том же 1918 часам к пяти на Французском бульваре можно было встретить веселую компанию молодых, но уже знаменитых поэтов. Они направлялись к Зинаиде Шишовой, которая жила на даче в глубине бульвара.

«Собирать всех не нужно было. Все сами сходились ко мне ежедневно к пяти часам дня. У меня в комнате не было стола и стульев. Двери тоже не было. Единственная – в соседнюю комнату – была заложена кирпичом. Входили ко мне через окно. Я не была любезной хозяйкой, внешняя сухость была у нас в большом ходу. Но я ждала товарищей и волновалась, когда они запаздывали.

Раньше всех приходил Багрицкий. Он шел, ворча, и камни скатывались из-под его ног. Визжали подошвы по щебню. Он шел напрямик, через малофонтанские свалки, по битым чашкам и куриным перьям. Он приходил и требовал есть.

Потом легко спрыгивал Толя Фиолетов. Я и сейчас узнала бы его походку. Олеша в то лето мало у меня бывал. Мы были разделены территориально, так как не ходил трамвай. Нам пятерым

было меньше ста лет, а самому старшему из нас не минуло еще двадцати трех. Забавлялись мы разно, но всегда Эдуард был инициатором и главным актером.

Иногда расставлялись на ковре белые, даренные «на счастье» фаянсовые слоны, и он извивался между ними и шипел. Он был «старший питон» джунглей.

Я очень хорошо помню, как Эдуард, по-пиратски повязанный красным платком, с петлей на шее, изображал Фому Ягненка, идущего на виселицу, а Толя Фиолетов с подушкой на животе – его беременную и вероломную подругу.

Этот же красный платок участвовал в другой картине. Эдя повязывал им лицо, нахлобучивая кепи на глаза, подымал воротник, вытягивал вперед руку и крючком выпускал палец. Он крался вдоль стены, как кошка. Это была «Маска, которая смеется, или Железный Коготь».

И не об этой ли даче писал влюбленный в очаровательную Зику Анатолий Фиолетов:

Решетка, сделанная грубо,
Над нею светит цифра «пять».
Ах, на прощанье только губы
Позвольте мне поцеловать.

На небе – добрая старушка –
Куда-то спряталась луна,
А мне смешная ваша мушка
Над верхнею губой видна.

В конце бульвара – роскошная дача Григория Маразли, бывшего городского головы, мецената, человека известного и уважаемого. Но и здесь не обошлось без коварного Амура.

Маразли был ценителем женской красоты, увлечения его были воистину королевскими – ему приписывали и роман с Евгенией Монтихо, будущей французской императрицей, и с Сарой Бернар – королевой сцены.

Но то, что в 70 с лишним он женится? На женщине, почти вдвое младше, – невесте было 45 лет. И здесь без коронованных особ

не обошлось. Об ухаживаниях Григория Григорьевича написал сам «король фельетона» Влас Дорошевич:

«Дорошевич был остроумным человеком. Вот одно из его *mots*: всем в Одессе было известно, что богач Маразли ухаживает за m-me Кич, которую звали Тамара. Дорошевич по этому поводу сказал:

Маразли кичится,
а Тамара злится
(а та – маразлится)» –

вспоминал Александр Биск.

Мария Кич часто выступала на сцене в любительских спектаклях, которые ставились все на той же даче Маразли. Имя ее окутано легендами. В Одессе рассказывали, что во время революции обнищавшая красавица торговала пирожками, а потом король Греции послал в Одессу греческий военный корабль специально за одной женщиной, Тамарой Маразли.

Впрочем, жизнь ее была интереснее легенд, об этом написали Сергей Решетов и Лариса Ижик в статье о Марии Фердинандовне Кич-Маразли в 36 выпуске альманаха «Дерибасовская – Ришельевская».

А потом Французский бульвар стал Пролетарским. Но еще долго называли его старым названием.

Именно по Французскому бульвару шли в город с кинофабрики ВУФКУ Юрий Яновский и Александр Довженко. Молодые влюбленные друзья-соперники направлялись в оперный театр. Там танцевала коварную Тайах, жену фараона Потифара, прекрасная Ита Пензо.

Первым увидел ее Яновский: «Перші хвилини я не думаю ні про віщо. Я відчуваю насолоду, милуючись чудесною жінкою. Трохи згодом я кажу собі, що справа більша, ніж я собі уявляю. А ще згодом – мені хочеться переплисти для неї океан і море».

Всего через два года он напишет повесть «Майстер корабля» – о кино и о любви, о своем друге Довженко (в книге – Сев) и Ите (называя ее именем ее героини, Тайах):

«Ми сидимо всі гуртом на ліжкові: я, Тайах і Сев. Навпроти нас ходить високий режисер, а на канапі сидить кінооператор в окулярах.

Я відчуваю біля себе тепле плече жінки, вона чудово пахне – якийсь солодкий, тремтячий запах, як звук віоліни. Мені хочеться

сказати їй якусь приємність, показати себе веселим і цікавим, і... красивим.

– Ви танцювали, як єгиптянка, – наче жагуча пристрасть текла в вас.

Тайах весело сміється й лукаво поглядає на мене й на Сева. Вона дуже стримана й холодна взагалі, а коли сміється – робиться близькою. Для всіх людей в неї холодний погляд і професійна усмішка балерини – одним ротом, білими зубами. <…>

Троє голів укупі, три перемішаних дихання, троє рук разом (Сев поклав і свою руку на наші), сутінь кімнати, дружба, до якої увійшла жінка повноправною серединою. Цю групу можна вирізьбити на піраміді, бо вона є синтез і натхнення. Тишу перекласти на камінь, і вона буде тремтіти в напруженні. На неї падатимуть тіні подій, але вона вічна. Троє голів укупі!».

Яновский напишет о ней в книге, Довженко снимет ее в своем фильме «Сумка дипкурьера», но все же прекрасная Тайах выйдет замуж не за одного из друзей, а за гениального оператора Владимира Нильсена. Его жизнь напоминала лихой приключенческий роман. В 1923 году за непролетарское происхождение отчисленный из Ленинградского университета, он нелегально пробирается в Германию – учиться. Увлекается кинематографом, становится членом компартии Германии, знакомится с Эйзенштейном и возвращается с ним в СССР. Он снимал фильмы «Веселые ребята», «Цирк», «Волга-Волга». В 1937 был арестован и расстрелян.

И это последняя история Французского бульвара. Потом он окончательно стал Пролетарским.

Все флирты Французского бульвара с легким привкусом горечи – словно раскусили цветок сирени с пятью лепестками. Той самой сирени, запах которой доносится с дач Французского бульвара.

Горькое счастье, но оно было.

И цветет Французский бульвар каждую весну, и цветение это в памяти – на всю жизнь. Гуляйте, влюбляйтесь, пока еще есть Французский бульвар, пока бежит по нему трамвай, стоят ворота Отрады и старые дачи в глубине бульвара.

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Проза

129 **Ольга Ильницкая**
Три истории из жизни кота Платона

140 **Яков Шехтер**
Эстафета

133 **Александр Бирштейн**
Наши люди

151 **Игорь Потоцкий**
Проза разных лет

165 **Владимир Кигель**
Еврейская мама

170 **Виктория Петренко**
Записки хвостатой сосиски

177 **Майя Димерли**
Девочка из Рима

Ольга Ильницкая

Три истории из жизни кота Платона

Пых

Сначала он выскочил из леса и орал как положено. Тощий, драный, расцветкой на жужелку похожий. Жрал все, от сырого лука в маринаде под шашлык – до польской сметанки, в которую влез всеми лапами сразу.

Поверив в привалившее счастье, что он нашел тех самых, кто не оставит, в этом диком вологодском лесу, где до ближайшей избы сорок километров, подошел, внимательно посмотрел в глаза и сказал: «Пых!».

С этого момента он никогда не повышал голос, перестал разговаривать, как положено представителям его рода, периодически произнося свое философическое «пых», за что и назван был Платоном.

Платон серьезный двухгодовалый кот с белой стрелой на лбу, три ноги в перчатках – четвертая в валенке, белизны необычайной. А на груди у него такой же великолепной белизны ангел небесный с головой, упирающейся в подбородок. Голова же и уши – ярко-черные. А усы…

О, эти огромные, чуткие, подвижные, бело-огненные – прямо дымящиеся вокруг него усы! И брови! Словно облако вокруг головы.

Смотреть без недоумения на Платона не получалось. Интеллигентность его вышибала почву из-под ног. И всякий раз, произнося «животное» или «кот», я испытывала чувство стыда. Как-то не касались Платона эти определения.

Когда ему хотелось поговорить, обычно это происходило перед рассветом, раздавался определенный набор звуков – очень определенный, всегда один и тот же. Мелодичный – словно тихонько стеклянные колокольчики звякали сквозь серебро мурлыкания.

И если я не реагировала или реагировала не так, как ему хотелось, задерживаясь с ответом, потому что сон был в разгаре, где-нибудь в полтретьего-полчетвертого утра, он садился возле подушки.

Чувствуя его бесстрастный взгляд, я внутренне сопротивлялась, не отзывалась. И тогда он вежливо трогал меня за голову лапой. Когти выпускал с четвертого раза, не больно проводя по волосам, как бы причесывая. После этого отмалчиваться было уже невежливо. И мы беседовали.

Он мог укусить, общаясь, он вообще был диковатый зверь. Но голоса не повышал. А вчера я обнаружила, что в нем есть беличье. Во-первых, он перетекал по плоскости, не как беличья шкурка, распластанная полетом, а как белка в прыжке, наполненная движением, из самой себя происходящим. Сверкая бурой подпушкой глянцево-черной долгой шерсти, Платон взлетал по плоскости шкафа вверх, переливаясь внутри себя, как живая ртуть. И исчезал, недосягаемый, замирая там, наверху.

Я влезла на стул и увидела, что он вглядывается в птицу, сидящую на березе, вдумчиво повторяя свое «пых».

…Катя сидела на полу. Они смотрели друг на друга, шло активное общение. Платон сказал ей свое «пых». Катя ответила – пых. Платон промолчал. Катя, наклонившись к его лицу, сказала «пых-пых».

Слегка помедлив, Платон отозвался, дважды пыхнув. И тогда, рассмеявшись, Катя сказала громко и весело: «Пых-пых, Платон!». А Платон поднял лапу, замахнулся раз, второй… и припечатал Катину щеку.

У меня шерсть дыбом поднялась от такой картинки. И я спросила: «Катя, а когти он выпустил?».

– Нет, – потрясенно прошептала Катя. – Он интеллигентно, без когтей вмазал.

Платон повернулся к нам и, подняв хвост трубой, вышел на балкон, закрыв за собой дверь.

– Фига себе! – сказал Сережа, также пронаблюдавший результаты общения. – Таки Платон, – и задумчиво: – Очень много шерсти. Как на медведе.

В этот вечер свое «пых» Платон больше не произносил, был задумчив, даже отрешен. А утром стало понятно, что он переживал. Потому что он ел, ел и ел. Как любой нормальный человек, которого задели, и ему не удалось справиться со своей обидой.

Мы стали ждать, когда же Платон снизойдет к нам со своего балконного поднебесья и скажет философически «пых». Дело уже к вечеру, а пыха все еще не было.

Поэтому я нервически весь день мою его тарелку, подкладывая новые и новые порции «Китекета». Он открывает лапой окно на кухне, проходит к тарелке, мрачно съедает и так же мрачно уходит назад, на балкон, на шкаф. Молча.

Ни тебе привета, ни тебе спасибо. Хочется подойти к нему и сказать «пых», но страшно обидеть. Я же не знаю, что обозначает это замечательное слово, произносимое на глубоком выдохе проникновенно и поучительно.

– Пых!

Платон и Паскаль

Водитель, беженец из Узбекистана, – с рисованным профилем, чудными миндалевидными глазами с хитринкой – говорил, по-московски акая:

– Садимся ужинать обязательно вместе. Мы почему-то стесняемся ужинать без него. Но ест он очень быстро, и когда время приходит пить чай, у него уже проблемная фаза. И этот аромат… вечно чай пьем не так, как нам хотелось бы. Но он такой белый и пушистый, что всякий раз, садясь за стол, стесняемся не пригласить, забывая, как быстро он жрет, сволочь.

Я спросила водителя, давно ли он в Москве.

– Восьмой год. А вот мама только приехала. Никак прижиться не может. И русский плохо знает. Но кот ее понимает. Они вообще быстро поладили.

Теперь у нас за чаем проблемы иного качества. Мама делит его порцию на две части – и возникает необходимая для чаепития пауза. Это позволяет отодвинуть тот самый «приятный» момент, когда кот начинает загребать, стуча когтями так, что всякий раз думаю: стригут же собакам когти, а котам?..

При маме мы пьем чай в теплой дружной компании, и чай пахнет бергамотом, а не обормотом. Ну, а когда чашки мыть начинаем, тогда уж все… как обычно.

Сволочить его перестали. Ох, и не любит он, когда – сволочью! Запомнил и не простил, и чай для него всегда повод к вредительству. Ну, тогда мы и ругаемся. А он как услышит, уходит за торшер обижаться. Я ему говорю, прячься где-нибудь в другом месте. Но он очень глупый.

С мамой – дружит. И понимает только ее. А она-то с ним по-узбекски разговаривает… Я раскусил, в чем дело. Интонации важны. Все дело в интонациях. А мама слова этого ругательного по-русски не знает.

Надир все рассказывал о том, как жили под Ташкентом, и там тоже был кот, и собака, и две козы.

Язык Надира, точный и озорной, удивил меня. Спросила, откуда русский выучил так.

– Как, – сощурился, – я ж в нашем Союзе учился, на философском. Преподавали на русском, как везде, да и жили мы на русском, – поправился, – по-русски. И коз наших величали Дашкой да Машкой.

И вдруг резко:

– Я почти защитился. Но – бежал. Когда резня началась.

…Ехала я грустная, и не просто ехала в этой мало приспособленной к «бомбежке» машине – столько в ней было хлама всякого доброго: книжка, кукла, газеты… – а возвращалась, оставив друга своего Платона на временное проживание в доме друга своего Катерины. Но расстаться с Платоном предстояло надолго.

Катя успокаивала:

– Да когда он тебя выбирал, я рядом стояла. Он ко мне привычен, поладим.

…Еду, вспоминаю, как Платон отреагировал на главную хозяйку дома, спаниеля Леську, взлетев на тумбочку, с грохотом скинув

цветочный горшок. Как, устраиваясь, перепуганно подобрал под себя лапы. Утробно зарычал.

Зверское урчание было таким глубоким и низким, вибрация – так устрашающа, что удивленная Леся перестала улыбаться, ошарашенно уставившись на Платона.

Платон был зол, зол, зол. Я – в перепуге. Потому долго не уезжала, ждала – и дождалась. Он вынул из-под себя лапы, перестал чревовещать и сказал внятно – ну, в общем, иди… раз тебе так надо. Иди… – пых-пых-пых.

Грустно смотрю на интеллигентный профиль Надира, слушаю о его белом и пушистом, но глупом. Невежливо говорю:

– А мой Платон умница. Философ, – и осекаюсь.

Надир смеется:

– Не смущайтесь, теперь я философствую, лишь когда бомблю. Остальное время отсыпаюсь. Слишком часто бомбить приходится.

А белый действительно глуп. Так и не научил его прятаться. Да и с кошкиным домиком проблема – гадить предпочитает специально, наверное, когда мы чаевничаем. И орет дурным голосом.

– Как зовут вашего глупого?

Хмыкнул:

– Паскалем.

Время сунок

Платон не спускал с меня взгляда. Я проснулась оттого, что два золотистых солнца прожгли мой сон насквозь. Надев очки, поверх стекол посмотрела в упор. Платон зажмурил глаза, а я забегала по комнате в поисках блокнота. Не написав ни слова, легла и отключилась внезапно, так же, как проснулась, – и опять почувствовала взгляд. Пришлось раскрыть блокнот. Текст пошел сразу, но на второй странице Платон стал подбивать локоть. Текст застопорился. Я поняла, что Платон возражает, но часть истории уже была записана…

Сюда просыпаться не любила. Это было опасное место. Мне приходилось долго сидеть на перекрестке улиц города, похоже-

го на Барселону, но не Барселоны… До тех пор, пока не приходил Костриди с вечной фразочкой. Произносил он ее с ухмылкой, и я не выносила этого:

– Опять вляпалась? И опять не отследила сбой кода?..

Ко брал меня за руку и вел в ближайшую кафешку, заказывал пиво, а я уходила в дамскую комнату. В кармане рабочего хитона всегда лежал коробок, из которого вытаскивалась паутинка скорой помощи. Заменив хитон на голубую тунику из тончайшего шелка, в каких ходили местные, шла к Костриди. Мы обсуждали, как вернуть меня в лабиринт Альмаира, где предстояло разгадать тайну повторяющейся фразы: «Профессор, я всегда вспоминаю три желтых позвонка».

У Костриди проблем с возвращением не было. Его не клинило, и резьбу не срывало – он никогда не сбивал код. А со мной что-то было не так. С этим предстояло разобраться. И вдруг Ко спросил:

– А что Платон? Ты продолжаешь свиданничать с ним?

Я отвернулась.

– Думаю, дело в Платоне. То есть в тебе, – поправился Ко. – Отключись, пожалуйста, не отзывайся и не корректируй. Ты должна быть здесь безвылазно. Не устраивай пробои времени и месту.

– А то ты вынужден будешь вставить в отчет лирическое отступление обо мне и Платоне? Ты знаешь, для кого пишешь отчеты?

– Нет, – спокойно ответил. – Не имеет значения. Имеет значение только одно: есть ли о чем, и пишу ли я их…

В Альмаире, на высоком берегу Днери, я жила жизнью странной. Были дни, когда, глядя вниз, на город, видела Помилура, тренирующего своих дьяри. Дьяри на огромных драконьих лапах гонялись за его синей тенью, сами сине-зеленые, хлопая клювами так, что я отвлекалась от своего дела. В это время я обычно сидела на теплом ракушняковом полу пещеры и двигала взглядом слева направо и наоборот магнитофон, иногда пытаясь его поворачивать. Поворот вызывал особенные затруднения. Не хватало выдоха. Обычно это было предзакатное время, золотившее все вокруг утомленными за день жара лучами: горы, крыши города внизу, зеленые острова парков, ровное кольцо реки,

обрамляющее город-остров… Солнце здесь бывало высоким и безжалостным, но к четырем часам сдавалось.

А то, бывало, доносились голоса из лабиринта. Я шла на них; неуловимые, они звучали глухо. Вот и теперь: «Профессор, я всегда вспоминаю три желтых позвонка»… И тишина. Голоса за очередным поворотом затихали. Никогда не удавалось настичь их. Думаю: из какого тысячелетия прорывались они ко мне?

Пещера, в которой я жила, как бы половинкой яичной скорлупы накрывала меня, и в этом домике я чувствовала себя комфортно. На скошенном полу, как бы стекающем к выходу, кроме пролвинировой подстилки и магнитофона у скошенной стены, стояли таз нефритовый, большой и тяжелый, лукавой овальной формы, и высокий пластиковый кувшин. Проблем с водой у меня никогда не было – выливала из кувшина в таз, мылась, а потом нефрит оказывался пустым и сухим, а кувшин полным водой студеной, сине-зеленой и прозрачной, и так всякий раз. Я уже не заморачивалась думать об этом. Рюкзак лежал у выхода из пещеры, у более низкого среза «яйца» – всегда самоосвещенного тем предвечерним, как бы волшебным светом, какой наблюдала в Летнем саду Петербурга и здесь, когда солнце опускалось за Кирозямой, далеко внизу отсветы его со дна процессора (над установкой его долго колдовал Костриди) фокусировались в моей пещере Джормидогери…

По винтовой дороге из города поднимался Костриди, близилось время нашего общего планового времени, «нашей совместности», – шутил, как обычно, Ко. Он вошел и хвастливо сказал:

– Видишь, вот, купил на ярмарке.

Я фыркнула: на обгоревшем торсе, могучем и всегда смущавшем белизной, а сегодня красном от возмущения солнцем, болталась черная со спины майка, серая спереди, в мелких цветах.

– Ко, это женская майка, ты все время покупаешь женские майки.

Ко удивился. Поправил бандану – она тоже была в тон майке, графитовая с мелкими белыми цветами арукар.

– Наверное, у меня женская сущность…

Но я перебила, не дослушав:

– У меня получилось, Ко! Смотри внимательно. Я покажу.

И я сосредоточилась взглядом на том месте, где только что стоял магнитофон. Но его там уже не было. Ко стибрил его и, ухмыляясь, ждал, чтобы я начала возню. И мы ткнулись друг в друга, но Ко отпрянул, протянув маг:

– Давай, показывай!

– А по-моему, не до того. Тебя кефиром надо смазать, – поняла я, почему он вдруг отпрянул. – Больно?

В этот момент мы узнали, что уже не одни. Ко тоже услышал сначала покашливание и: «Профессор, я всегда помню эти три желтых позвонка»… И мы побежали на голоса.

Шли девятые сутки нашего внедрения во времена сунок.

…А когда я просыпалась на площади и прямо из моей пещеры выходила на угол улиц Берди и Крига, я знала: начались непредвиденности, сбой кода. Но проходившие мимо не обращали на меня внимания. За спиной я ощущала лабиринт, а вернуться в него не могла. Мне иногда подавали. Я не любила сюда просыпаться, это было опасное место.

Вот и в этот раз. Я просто сидела и ждала, когда Костриди отследит, появится и уведет меня отсюда. И Ко появился. Но в этот момент я увидела на тротуаре кота. Костриди тоже его увидел и сказал:

– Доигралась! Что делать будем?

– Это не Платон, – сказала я.

– Вижу! Не хватало еще Платона здесь.

– Ну, так зачем же что-то делать?

– Чтобы в следующий раз ты не приперла сюда Платона! Ты подумала о хозяйке этого? Где ей его искать?

– Вернуть не сможем?

– Нет. И, кроме того, ты хоть одного кота в Альмаире видела? Это первый кот в этом мире.

И мы забрали этого пришельца с собой в Джормидогери. Но до этого предстояла обычная процедура внедрения меня в лабиринт через кафе. Как пронести туда с собой кота?

Ко вытащил из кармана коробок, из него – рюкзак, и бедный кот оказался котом в мешке. А дальше было новое утро, и я правильно проснулась в новом дне в пещере лабиринта высоко над городом Альмаир времени сунок.

В этом дне мы с Ко решили настичь голоса.

– Ты сначала вызови их, сконцентрируйся, – проворчал Ко.

Я концентрировалась, но этот кот… Он все время мурлыкал, терся, ему жутко нравилась и пещера, и пролвинир, который он драл когтями, но больше ему нравилось убегать в лабиринт, и приходилось его отлавливать. Он опять удрал сегодня в самый неподходящий момент, когда уже почти получилось. Только нам пришлось прерваться и идти не на голоса, а на поиски кота.

И мы дошли… этот странный кот и привел нас к трем желтым позвонкам. Они лежали прямо под ногами, фосфоресцируя в мягкой темноте рукава лабиринта, достаточно далекого от пещеры и на большой глубине. Кот сидел рядом и завороженно на них смотрел. Через некоторое время оказалось: мы так же, как и он, сидим и так же завороженно смотрим. И Ко произнес:

– Так вот почему голос все время помнит про три желтых позвонка! Невозможно взгляда отвести… Как же им удалось уйти от позвонков? Куда они ушли? Когда? И кто они?

– Думаю, мы никогда не узнаем об этом , – ответила. – Мы не сможем оторвать взгляда и задниц. Может быть, это были мы сами?..

– Не думаю, что надо так думать, – почему-то прошептал Ко. – Мы не могли бы слышать самих себя, и потом – я не профессор. Ты тоже. Смотри!

Кот, как бы охотясь, подкрался к позвонкам ближе – и вдруг начал скрести.

– Он закапывает их? – спросила.

– Нет, он откапывает!

Неожиданно почва как бы расступилась, и через некоторое время обнажилось продолжение позвонков. Кот откопал скелет. Находка очень не понравилась ему. Кот лег рядом, и стало понятно, что пришелец никакой не пришелец, а второй – в этом месте и времени. Мурлыканье превратилось в музыку печальную, хриплую и затихло. Они лежали рядом: застывшая меховая музыка – словно звук заледенел – и светящиеся позвонки. Скоро точно такие же три засветились среди густого меха… Мы замерли.

– Твой Платон маг, – сказал Ко.

– Это не Платон. Ай да я, – сказала я, – ай да сукин сын!

– Не примазывайся к чужой славе. Ты не Пушкин, не Платон. Ты существо с нарушенным кодом, и вечно из-за тебя мы попадаем в истории. Эта – странная и печальная. Пора возвращаться.

Но ушли не сразу.

Мы закопали его рядом. Время схлопнулось. Не было в Альмаире котов. Все стало на свои места.

Отчет Ко писал в тяжелейшем состоянии духа: «Мы давно преодолели смерть, и вот теперь – опять возвращение туда, где встречи с ней возможны. Это позволяет нам датировать с точностью до дня время сунок».

– О! Ты помнишь, когда изобрели вечную жизнь? Так я ставлю эту дату? И он написал: «Время – Пасха. Вознесение Господне – переход, отмечаемый на 40-й день, в честь вознесения плоти Иисуса Христа и обетования о Его втором пришествии».

Яков Шехтер

Эстафета

– Сталину не нужны были раввины. Сталину были нужны солдаты!

Гриша резким движением распечатывал пачку одноразовых пластиковых скатертей и яростно застилал столы. Он походил на маленького кота с безжалостно отстриженными усами. Словно компенсируя их недостаток, снежная щетина щедро топорщилась из морщинистых щек, кустистые брови нависали над глазами. Даже из носа торчали пучки седых волос.

Ему было изрядно за семьдесят, и он подрабатывал в нашей синагоге помощником старосты. Подготовить столы к общественной трапезе в субботу, убрать мусор, расставить книги по местам. Мелкая суета, за которую платили смешные деньги. Но приученный советской властью к бедности, Гриша всегда искал, где заработать живую копейку.

Каждое утро он приходил раньше всех и отпирал дверь в синагогу.

– А, Гриша, ты опять первый, – снисходительно шутили прихожане.

– Нет, – отвечал солдат Сталина, указывая пальцем вверх. – Он уже здесь, так что я второй.

Изъяснялся Гриша на смачном литовском идише. Иврит за тридцать лет в Израиле он так и не удосужился выучить, кроме, разве что, самых простых слов. А зачем? Ему вполне хватало идиша и русского.

Я иногда помогал ему, заодно расспрашивая о прошлом. Честно говоря, жизнь солдата Сталина меня мало интересовала, воп-

росы я задавал из милосердия, как сейчас понимаю, полностью лживого. Мне представлялось, будто старики любят поговорить о себе и всегда ищут свежие уши. А Гриша сразу уловил лживость, и, вероятно, поэтому делился весьма неохотно.

Солдат так бы и остался периферийным персонажем на сцене моей жизни, если бы не один случай. Раввин, с которым мы каждую субботу перед началом молитвы учим страницу-другую из старых книг, в то утро почему-то не пришел. Я заглянул в маленький зал, где обычно проходило общественное застолье. Гриша расставлял одноразовые тарелки, и я взялся ему помогать. Он бы прекрасно справился сам, но принял мою помощь с благодарностью. Честно признаюсь, в тот момент я ощущал некую гордость за себя самого, за свою помощь старому человеку. Самодовольный идиот!

Стеклянная банка с томатным соусом от моего неловкого движения съехала на край стола и накренилась. Я невольно затаил дыхание, представив, как, свалившись на каменный пол, она разлетается вдребезги, усеивая пол десятками мелких осколков, а брызгами пунцового соуса только что выбеленные стены.

И тут случилось чудо, то есть нечто идущее вразрез с привычными законами бытия. Банка, накренившаяся на угол, существенно превышающий сорок пять градусов, вместо того чтобы продолжить падение, вдруг выпрямилась и, чуть отъехав от края, замерла как ни в чем не бывало.

Я резко обернулся и успел заметить пристальный взгляд Гриши, устремленный на банку. В то же мгновение он погасил глаза и принялся с прежним простецки-престарелым видом вытаскивать пачки крекеров из большой картонной коробки.

– Гриша, – спросил я, – что это было?

– Что? – он поднял на меня честно недоумевающее лицо.

– Банка. Ты взглядом остановил ее падение, выровнял и отодвинул от края.

– Заметил-таки, – недовольно произнес Гриша.

– Научи меня. Пожалуйста!

– Этому невозможно научить.

– А откуда ты умеешь?

– Как-нибудь расскажу, – он повернулся и вышел.

Дожидаться пришлось долго. В один из сумрачных зимних дней, когда дождь безжалостно хлестал по окнам синагоги, я пришел на вечернюю молитву. Смеркалось, прихожане, напуганные дождем, собирались медленно. Большой зал заливал яркий свет люстр, а мне хотелось посидеть в тишине и полумраке.

В маленьком зале уютно потрескивал кондиционер, испуская животворное тепло. Гришу я заметил не сразу. Он устроился на стуле между шкафами и тихонько сидел, дожидаясь завершения молитвы. На сегодня ему оставалось подмести, протереть столы, погасить свет и запереть синагогу.

Помогли шум дождя, полумрак, тепло и уют. Гриша заговорил.

– Отец разбудил. Мне было десять лет, перед войной, русские уже пришли. Мы жили в местечке под Вильно, две трети евреев, поляки и литовцы. Дружно жили, мальчишками гоняли мяч на пустыре за околицей, мешая идиш, польский и литовский.

Отец потащил меня в поле за тем самым пустырем, подвел к озерку и велел окунуться восемнадцать раз. Середина ночи, луна огромная, круглая, как футбольный мяч.

– И попей воды, как можно больше попей.

На пустыре я проводил целые дни, без устали сражаясь в футбол, и никогда не замечал на поле никакого озерка. Но оно было, и я, выполняя указание отца, послушно разделся и залез в воду. Холодная, аж зубы застучали. Потом мы пошли в синагогу и до утра читали псалмы.

– Постой, Гриша! – воскликнул я. – Почему же ты говоришь, что не знаешь иврита, если до утра читал псалмы?!

– А я забыл, – невозмутимо ответил Гриша. – Целая жизнь прошла. Столько в нее вместилось, что для иврита просто не хватило места. Так вот утром после молитвы я вместо завтрака побежал на поле, удостовериться, что озерко на месте. А его там не было. Не было – и все. Хоть тресни. Я поле обежал вдоль и поперек. И ничего, никаких следов озерка.

Не могло мне такое присниться. Одежда еще сырой оставалась после ночного купания. Я к отцу – объясни. Он слово с меня взял, что никому не расскажу. Эх, где отец, где мое слово, где вся та наша жизнь?

Гриша замолчал. Я тоже молчал, не решаясь нарушить тишину. Тяжело ударил гром. Белая молния осветила окна.

– Это был колодец пророчицы Мирьям, сестры Моисея. В пустыне он сорок лет шел за евреями, снабжая водой. А потом исчез. В книжках написано, будто колодец скрылся в Кинерете. Лет сто назад его еще можно было там увидеть. Отец сказал, что время от времени он выходит из озера и путешествует между поселениями, где живут евреи. В ту ночь колодец оказался возле нашего местечка. Вот как я воды из него попил, да окунулся восемнадцать раз, со мной такое и стало происходить. Понимаешь?

Я вежливо поблагодарил и перешел в большой зал. Когда такую историю передают от имени Бааль-Шем-Това или Алтер Ребе, со скрипом, но отворяешь в сердце дверку доверия. В устах сталинского солдата Гриши она звучала фарсом, насмешкой, анекдотом. Если бы я своими собственными глазами не видел, как Гриша остановил падающую банку с соусом, просто бы отмахнулся от его рассказа. Но банка осталась на столе, и с этим ничего нельзя было сделать.

Человеческое подсознание очень ловко умеет выпутываться из подобного рода тупиковых ситуаций. Сам того не замечая, я попросту забыл о рассказе Гриши. Или сделал вид, что забыл, продолжив бег по эстафете проблем и забот. Одна неприятность передавала палочку другой, вместе с новым днем рождались новые заковырки и заморочки, и каждую надо было срочно распутывать.

Прошло несколько месяцев. Прошло? Нет, пронеслось, промелькнуло тенью птицы, протекло сквозь пальцы горячей водой ежевечернего душа. Гриша вдруг пропал. Я спохватился примерно через недели полторы после того, как он перестал приходить в синагогу.

– Старик приболел, – ответил староста. – Сомневаюсь, что вернется. А если и вернется, то уже не как мой помощник, я подыскал другого.

«Вот так вот оно так, – подумал я. – Реальность, в которой мы пребываем, кажется нам неизменной и вечной. Кажется, что и дальше будет точно то же, что сейчас. И только так. Иначе ведь не выжить, человек не может примириться с мыслью, что его когда-нибудь не станет, причем это «когда-нибудь» совсем

не за горами. Поэтому сознание играет с нами в такую игру, облачая каждый прожитый день в одежды вечности».

Гриша жил неподалеку, и я отправился его навестить. Дверь открыла сумрачная женщина и, подозрительно прищурив глаза, спросила:

– Вы к кому?

– Я к Грише, мы вместе молимся. Можно его увидеть?

– А… Сейчас спрошу отца. Заходите.

Оставив меня в гостиной, она ушла в боковую комнату, плотно прикрыв за собой дверь. Я огляделся. Обшарпанная дешевая мебель, часть еще из Союза. Чешские книжные полки, за стеклами собрания сочинений Фенимора Купера, Майн Рида, Достоевского. Стандартный набор подписных изданий. На одной полке вместо стекла красовалась некрашеная фанера и ушки для замочка. Я не удержался, отодвинул и заглянул.

Ого, раввинские респонсы, «Нефеш Ахаим», «Решит Хохма», книги по Каббале. Кто их читает, неужели Гриша?

Вошла дочка, поправляя сбившийся платок.

– Пожалуйста, заходите, папа ждет.

– Спасибо! Вы позволите один вопрос?

Она удивленно подняла брови.

– Чьи это книги на полке за фанерой?

– А-а, эти… Эти папины.

– Он их читает?

– Конечно. С утра до утра. Чем ему еще заниматься? Он же на пенсии.

Я медленно двинулся в комнату, краснея на ходу от стыда. Вот тебе и дедуля-простачок, вот тебе и солдат Сталина. Скрытый праведник, вот кто такой наш Гриша! Может статься, даже ламедвовник. Я о таких людях только в книжках читал, мне и в голову не могло прийти, будто праведник подметает пол в синагоге и выносит мусор после общественной трапезы. Впрочем, обычно чудеса так и происходят.

– Ребе Гирш, – сказал я, усаживаясь возле постели, – хватит притворяться.

– Ты это о чем? – с искренним недоумением спросил ребе Гирш. Он лежал, облаченный в пижаму, явно привезенную тридцать

лет назад. Такие сегодня можно увидеть только в старых советских фильмах.

– Да вот об этом, – сказал я, указывая на замочек от полки, забытый на столике у кровати. Книги ребе Гирш успел спрятать.

– Ты и это заметил, – недовольно произнес ребе Гирш. – Глазастый.

Он помедлил минуту, а потом неожиданно улыбнулся.

– Ну ладно, оно и к лучшему. Раз догадался, так тому и быть!

– Как вы себе чувствуете, ребе Гирш?

– Соответственно возрасту, – снова улыбнулся он. – Болею вот. Говорят, мало осталось. Но я не жалуюсь, жизнь я прожил длинную, интересную.

– Расскажите о себе, – попросил я. – Как вы всему научились?

– Тебя банка с соусом удивила, про нее спрашиваешь? – прищурился скрытый праведник. – Я же говорил, такому не учатся. Оно открывается в тебе само, а дальше думай, что с ним дальше делать. Банка ерунда, мелочь. Я ведь пулю от себя отвел во время расстрела.

Он выжидающе поглядел на меня, ожидая реакции. Но я уже ничему не удивлялся, дверца доверия распахнулась, и в сердце могла проникнуть любая небылица, вернее, то, что считалось такой при закрытой дверце.

– Немцы вошли в наше местечко двадцать пятого июня. Через неделю собрали на площади всех мужчин, забрали отца и старшего брата и куда-то угнали. Больше их никто не видел. Меня мать спрятала, мне было одиннадцать, но выглядел я старше.

А спустя месяц забрали всех нас. Женщин, стариков, детей. Повели в рощу, к карьеру, где добывали гравий. Мы стояли в очереди и слышали выстрелы. Все было понятно. Когда подвинулись ближе, увидели расстрел. Они ставили по пять-шесть человек на край ямы и залпом сбивали вниз.

На меня навалилось оцепенение, словно у мухи в паутине. Вижу, понимаю, а двинуться не могу, тело стало ватным. Впрочем, даже если б я и захотел, делать было нечего.

Под деревом стоял стол, на нем канистра со спиртом, полицаи пили, сколько хотели. Наверное, чтобы страх заглушить или человека в себе растоптать, иначе ведь не выдержишь. Чуть что –

били прикладами. Страшно били. Одна девочка сильно плакала, ей проломили голову, я видел, как мозг брызнул. Отволокли за косы и сбросили вниз.

Меня поставили перед ямой, грянул залп, я увидел, нет, почувствовал пулю и отбил, точно теннисист мяч. Не знаю, как, не могу объяснить, само вышло. Все мои силы на это ушли, ноги подкосились, я упал вместе с остальными и притворился мертвым. На меня сверху валились и валились, текла горячая кровь. Так я пролежал несколько часов, до окончания расстрела. Самые страшные часы в моей жизни.

В яме не было тихо. Предсмертные стоны, хрипы, звуки, которые издает душа, покидая тело. Иногда одинокий выстрел. Я не понимал, что это, ведь расстрел уже закончился. Спустя два часа стал выкарабкиваться. Ох, как тяжело! Вылез, а на краю ямы стоит полицай.

– Живой, значит, – и осклабился нехорошо так. – Добро пожаловать на тот свет!

Он поднял винтовку. Тогда я понял, что это были за одиночные выстрелы. Видимо, раненые выбирались из-под трупов, а он их приканчивал.

– А ты меня не видишь, – вдруг сказал я полицаю. – Отвернись и иди на другой конец ямы.

Он послушно повернулся и ушел. Я выбрался наружу и что есть силы пустился наутек. Через три недели я отыскал партизан в Рудницких лесах и прибился к ним.

Меня посылали на самые опасные задания. Что я говорил, то все и делали: и полицаи, и немецкие офицеры, и даже эсэсовцы. Командир партизанского отряда прознал про мои необычные способности и доложил в центр. За мной прислали самолет. Фанерная этажерка, ПО-2. Знаешь, как на них летали?

Ребе Гирш сделал паузу, ожидая моего ответа. Но я лишь пожал плечами: откуда мне знать, как летали на ПО-2? Похоже, наш разговор забавлял праведника.

– Перед линией фронта они поднимались на большую высоту, такую, что трудно становилось дышать, а потом выключали двигатель и бесшумно планировали десятки километров. Ночью их невозможно было ни услышать, ни увидеть.

В Москве прямо с аэродрома машиной прикатили в огромное здание, передали офицеру с малиновым кантом на фуражке и обшлагах рукавов. Он отвел меня в кабинет, посадил на табуретку, достал пачку бумаги и приказал рассказывать все без утайки. Ха-ха, мне он приказал!

А я ему велел записать меня в танковое училище и немедленно туда отправить. Он помедлил, словно раздумывая или колеблясь, а потом попросил документы. А какие у меня документы, справка о расстреле?

Ребе Гирш усмехнулся, взял со столика стакан воды и сделал несколько глотков.

– Сушит во рту, – пожаловался он. – Говорить трудно.

– Как же вас НКВД отпустило? – спросил я.

– Я сказал, что мне уже шестнадцать, и хочу воевать, – продолжил ребе Гирш. – «Еще повоюешь, – хмыкнул офицер. – А на шестнадцать ты не тянешь, комиссия не пропустит. Так что отправляйся в интернат на два года, а потом уже в училище. Но почему именно в танковое?» – Давить их хочу, сказал я.

Училище я окончил в сорок шестом, так что повоевать не успел. Направили меня для прохождения службы в Минск, ну, по дороге я заехал в свое местечко. Чужие люди в родном доме, чужие лица на улицах, ни одной вывески с еврейскими буквами. Словно и не жили мы тут никогда, словно сотни лет еврейской истории в Литве смыты бесследно.

Пошел я к яме, в которой должен был лежать. А там зеленая лужайка, небольшой холм, поросший травой. Птицы поют, тень от деревьев, солнечные пятна, свежий запах весны. Опустился я на землю, ближе к маме и сестренкам, и тут словно морок на меня навалился. Сплю и не сплю.

Отца увидел. Понимаю, не живой он, спрашиваю: папа, почему ты не спасся, почему пулю не отвел? Ты ведь тоже из того колодца воду пил! А он мне отвечает: газ не пуля, Гирш, от него не спрячешься. Ты вот что сделай. Поезжай в Вильно, найди большую синагогу, где Виленский Гаон молился. Ее еще не разрушили, только забором огородили. Найди его место, возьми свиток, прочти и носи с собой.

Подробно объяснил, как отыскать место, и попросил не откладывать, прямо сейчас и отправляться. Ну я и поехал. Оторвал

доску от забора, забрался вовнутрь. Место нашел быстро, только там никакого свитка и в помине не было, битый кирпич, мусор, обгорелые доски. Я уже решил уходить, когда заметил в стене щель между кирпичами, прямо там, где когда-то была спинка кресла Гаона.

Раздвинул я ножом кирпичи и вытащил тоненький свиток, один лист пергамента, скрученный в трубочку. Развернул, прочитал, и все во мне перевернулось от этих слов. Сила появилась, страшная, большая сила.

– И что же вы делали с этой силой, ребе Гирш? – не удержался я от вопроса.

– А ничего. Сила приходит вместе со знанием. А чем больше знаешь, тем лучше понимаешь, что все делается правильно, и вмешиваться ни во что не нужно.

– А как же праведники? Они ведь вмешивались, да еще как.

– Так то праведники… А кто я? Выпускник танкового училища.

Ребе Гирш вздохнул и снова приложился к стакану с водой. Ему было трудно говорить.

– Дальше нечего рассказывать. Ничего интересного, обычная жизнь. Вот, приехал в Израиль, с хорошими людьми познакомился, книжки стал читать интересные.

– Да ладно вам, ребе Гирш. Неужели вы так ни разу и не использовали полученную силу?

– Один раз было. Во время первой войны в Персидском заливе. Когда Саддам Хусейн «Скадами» нас обстреливал. Тогда еще толковых ракет-перехватчиков не существовало, а от американских «Патриотов» толку было мало. Хусейн пусковые установки прятал в пещерах, их выкатывали за час до залпа. По радио и телевизору сокрушались, что эти установки обнаруживают с опозданием, и американские ВВС не успевают их уничтожить. Ну, и я решил помочь.

Пошел в наш генштаб. Он в Тель-Авиве находится, в самом центре города.

– Знаю, ребе Гирш, знаю.

– Часовой на входе пропуск попросил. Я ему велел офицера позвать, а офицера попросил отвести меня к начальнику генерального штаба. Начальника не оказалось, меня принял его замес-

титель, высокий такой еврей с красным от гнева лицом. Больше всего его интересовало, как я к нему попал.

Ну, я ему предложил за два часа до обстрела указывать точное расположение ракетных установок, которые Саддам Хусейн выводит на позиции старта. Он меня внимательно выслушал, записал адрес и телефон и пообещал, что в ближайшее время со мной свяжутся. Не посмеялся, не унизил, а так вежливо и аккуратно меня завернул.

Связались? Как же! Знаешь, в чем отличие израильской бюрократии от русской? Российский чиновник сразу закатывает тебе оплеуху и посылает на хрен. Израильская система проволочек похожа на резиновую стену. Она мягко принимает тебя, поддается, а потом так же мягко выкидывает обратно, причем куда дальше, чем ты был до начала процедуры.

Разумеется, никто ко мне не обратился, и тогда я во время ракетных атак, после сирены, когда весь Израиль забивался в герметизированные комнаты, стал делать кое-что. Один-единственный раз в жизни. В итоге 39 ракет упали на Тель-Авив, но ни один человек не погиб.

Ребе Гирш снова схватился за стакан и жадно прильнул к его холодному краю. Я понял, что пора уходить. Мы распрощались очень тепло, ребе Гирш взял с меня обещание приходить еще.

Выйдя на улицу, я полчаса бродил как очумелый, не в силах отыскать дорогу домой. Не понимая, что происходит, не зная, как на все это реагировать. Разговор представлялся мне то Божественным откровением, то бредом сумасшедшего. Здравый смысл отказывался принимать участие в дальнейшем.

«Хорошо, – сказал я себе. – Давай обойдемся без выводов и решений. Поживем с этим недельку, а потом наведаемся еще раз к скрытому праведнику или явному сумасшедшему. Там видно будет».

Спустя десять дней я снова стоял у входной двери в Гришину квартиру.

– А папы нет, – сказала дочка, откровенно не собираясь пускать меня внутрь. – Улетел в Америку.

– Как в Америку? Ему стало лучше?

– Да, он поправился. А в Америке у него сын от первого брака и большая семья. Внуки, правнуки.

– А когда он вернется?

– Он не вернется. Он теперь там будет жить. А вам он просил передать, чтобы вы его не искали. Он сам напишет, если будет нужно.

Прошло несколько лет. Я почти забыл эту историю. Попутно и как-то само собой выяснилось, что Гаон никогда не молился в большой синагоге Вильны, у него был маленький клойз, который для него выстроил богач, похороненный рядом с ним, а самолеты ПО-2 не летали в Рудницкие леса. Видимо, Гриша все это придумал. Скорее всего, он был большим фантазером и замечательным артистом и поймал меня на удочку своего таланта. А банка с томатным соусом… ну что ж, всякое бывает на свете, невозможно из-за одного непонятного эпизода перелопачивать всю картину мира.

Прошлой осенью я получил посылку из Америки. От ребе Гирша. В посылке лежали записка и картонная коробка. Сначала я прочитал записку.

«Здравствуй, Янкл. Если ты читаешь это письмо, значит, меня уже нет в живых. Посылаю тебе подарок. Он тебя не очень порадует. Но делать нечего, раз ты прикоснулся к палочке, будь любезен принимать эстафету. Когда придет твой час, отыщи того, кому сможешь ее передать».

Я открыл коробку. В ней лежал тоненький свиток, один лист пергамента, скрученный в трубочку.

Тель-Авив

Игорь Потоцкий

Проза разных лет

Дядя Сеня пишет пьесу

Первый класс я закончил в Одессе.

Я жил тогда с бабушкой Цилей, тетей Лидой, ее мужем Сеней и моей двоюродной сестрой Беллой. Белка училась в третьем классе и считала себя ужасно взрослой дамой и, понятное дело, крутилась постоянно возле зеркала.

– Белка, тебе не надоело?

– Вот еще, приставучка, – томно говорила Белка. – Не суй свой нос, куда не следует. Дай мне завершить туалет.

Она всегда опаздывала в школу, а я опаздывал из солидарности.

Когда мы шли в школу на улице Комсомольской, Белка меня поучала:

– Веди, Гарик, себя прилично.

– Постараюсь, – раздраженно буркал я, потому что уже тогда не терпел поучений.

Но сейчас я хочу рассказать о дяде Сене, потому что больше людей с таким огромным темпераментом я не встречал, будто они внезапно исчезли из нашей жизни.

Дядя Сеня любил зарабатывать деньги. Он был игроком, заранее продумывающим все свои ходы; из него мог бы получиться сносный полководец, но никто ему армии не доверил. Даже дивизии, полка, батальона, роты, отделения. Вот и пришлось дяде Сене направить свою необузданную энергию в другую сторону – стать делаваром. Делаваром он стал отменным – по высшему

разряду. Если бы он дотянул до нашего времени, то наверняка открыл бы самую процветающую фирму в Одессе и без особого труда стал наиболее известным бизнесменом, но он за свои немаленькие деньги не смог создать машины времени и перенестись в наше время.

Дядя Сеня, командуя совсем крошечным цехом по производству тортов и пирожных, всегда выполнял план на 120 процентов. Госплан. Свой личный план он выполнял на 240 процентов, при этом муки, сахара, яиц, масла ему всегда хватало. Все эти (вышеперечисленные) продукты скапливались в нашей квартире в неимоверно больших количествах.

Моя бабушка Циля довольно часто говорила:

– Это добром не кончится, воровать можно, но не в таких количествах. Зачем нам столько муки и сахара? Да и сливочное масло приходится выбрасывать на помойку.

Бабушка моя в юности была комсомолкой и ненавидела буржуев лютой ненавистью, а муж ее старшей дочери был из их числа.

– Какой же я буржуй? – возмущался он. – Ведь я член партии, а буржуев в партии не принимают.

Бабушка презрительно фыркала и уходила в свою комнату смотреть телевизор…

Дядя Сеня процветал. Он купил себе «Москвич» и гонял по Одессе. Легковушек в Одессе тогда было мало. Красивых молодых девушек и женщин дядя Сеня развозил бесплатно. Он обзавелся первым частным гаражом на улице Хворостина. А еще он приобрел югославскую мебель. И лишь тогда он сшил себе парадный костюм, но надевал его только в самых исключительных случаях и побоялся взять с собой в Москву, когда поехал на очередной слет ударников пятилетки, потому что его основным жизненным кредо было: не выделяться.

А затем я совершенно случайно подслушал разговор тети Лиды и бабушки.

– Я ему никогда не прощу, – при частых всхлипах повторяла, как попугай, тетя Лида, – что он завел себе молоденькую любовницу.

– Ты его бросишь? – спрашивала бабушка.

– Как же мы будем жить? – вопросом на вопрос отвечала тетя Лида.

Тут я, вспомнив, что подслушивать плохо, поплелся спать.

Утром я думал, что увижу тетю Лиду печальной и заплаканной, но она выглядела довольно сносно и даже пыталась шутить. И не покрикивала на Белку за ее обычное кружение перед зеркалом.

Но вот все стали завтракать.

Дядя Сеня, как обычно, куда-то торопился.

– Послушай, – сказала ему тетя Лида, – ты, кажется, всего достиг, но, к сожалению, одного не можешь, – глаза ее хитро поблескивали из-под полуопущенных ресниц.

– Что же я не могу? – вскипел дядя Сеня.

– Он только считает, что все-все может, – ехидно сказала бабушка Циля.

– Папа Сеня все может, – вступилась за отца Белла.

– А вот и не все, – величественно сказала тетя Лида. – Мой муж не умеет писать пьесы, потому что бог обделил драматическим талантом.

Я совсем не удивился, когда вечером дядя Сеня торжественно объявил о своем решении стать драматургом. А уходить от тети Лиды он на время раздумал. Он никогда не делал два дела сразу.

Все-таки молодец моя бабушка, ведь тетя Лида сама до этого додуматься не могла.

Бабушка Циля

– Ты ничего не понимаешь, – говорит мне бабушка Циля. – Я признаю только один город – Одессу. В этом городе лучший район – Молдаванка. А на Молдаванке есть лучшая улица – Хворостина.

Бабушка Циля делает жаркое. Она колдует над мясом, моет сушеные сливы, режет стебли укропа. Я сижу на табуретке возле кухонного окна и веду светскую беседу. Мне десять лет, а бабушке шестьдесят пять.

– Бабушка, а почему ты готовишь так медленно?

– Ты, Гарька, проголодался. Потерпи еще часика два, не больше.

У меня нет выдержки. Я хочу попробовать бабушкино кисло-сладкое жаркое. А потом, съев первую порцию, я обязательно попрошу добавку.

– Бабушка, а если ускорить приготовление еды?

– Всему свое время, Гарька.

У моей бабушки Цили философский склад ума. Она говорит афоризмами, но не замечает этого. Мясо уже в казане. Казан стоит на примусе.

– Ты можешь сделать себе бутерброд, – разрешает бабушка.

– Не буду, – гордо заявляю я. – Я пока не голодный. Мне просто хочется попробовать твое жаркое.

Бабушка поет песенку на идише. У меня нет слуха, и я ей не подпеваю. На идише я знаю несколько слов. Бабушка поет и улыбается. Наверное, ее мама пела ей эту песенку. Или бабушка. Несколько поколений Школьников из Балты пели эту песенку на идише, а вот я ее никогда не спою.

Бабушка Циля хорошо поет. А ведь она никогда не училась пению. Талантливая самоучка.

– Гарька, о чем ты думаешь?

– На ум, бабушка, мне приходят разные глупые мысли.

– Хорошо, что ты сам знаешь, какие они, твои мысли. Но глупые мысли надо выбросить из головы. Зачем они тебе, Гарик?

– У меня не получается, – честно говорю я. – Я пытаюсь, но их становится все больше и больше.

– Вот еще, – говорит бабушка Циля, – не будь глупым: открой окно и выброси их на улицу, только никому об этом не говори. Представь себе, что все наши соседи начнут из окон выбрасывать свои глупые мысли, а те потом будут цепляться к случайным прохожим, и все жители Молдаванки станут глупыми занудами.

– Неужели, бабушка, я – глупый зануда?

– Пока нет, но задатки занудства есть у твоего отца Иосифа. Он хороший человек, но иногда делает глупые поступки.

– Я не замечал ничего подобного, – говорю я.

– У меня более острое зрение, Гарька. Твой отец Иосиф не умеет отстаивать себя. Он хороший врач, муж и человек. Но у него есть глупые принципы, которые он отстаивает с пеной у рта. И он ни-

когда не станет известным врачом. А врач должен быть известным. К нему на прием должна быть большая очередь. Твой отец живет сегодняшним днем, а должен жить завтрашним. Надеюсь, ты меня понимаешь?

Я выбросил в окно глупые мысли, а умные ко мне сегодня не идут. И я не знаю, что мне ответить бабушке Циле на ее вопрос. И я снова думаю о кисло-сладком жарком из телятины. Я его буду есть маленькими кусочками, не торопясь. Я не понимаю: зачем моему отцу Иосифу лишняя слава? Основная слава у него есть. Он храбро воевал, заработал на войне ранение, два ордена и три медали. И никогда ими не хвастается. Больные и сослуживцы его любят. И мама Рая его любит. И я, Гарик, люблю моего отца.

– У тебя замечательный отец, – говорит бабушка Циля. – Он любит свою семью, терпит меня, свою тещу, лечит людей, не принимает подарки и после каждой зарплаты покупает книги. Азохен вей, я люблю твоего отца. И желаю ему всего самого лучшего, но он должен поставить перед собой цель и неуклонно двигаться к ней. А у тебя, Гарик, есть цель?

– Есть, – говорю я бабушке Циле. – Мне хочется попробовать твое жаркое.

Боцман

Боцман Жора Брусько любит трепаться о женщинах. Сорок лет он проплавал на сухогрузах. Ему есть о чем рассказать.

Он пьет пиво из бутылки маленькими глотками. Смакует.

– В Марселе я познакомился с мадам Облонской. Ее дедушка, бабушка и ее отец были дворянами. Она была утонченной женщиной, и она была влюблена в меня.

– Жаль, что ты не из дворян, – говорила она мне.

– Я из потомственных одесситов, – отвечал я.

По мне, лучше быть потомственным одесситом, чем дворянином. Больше толку.

Лиза Облонскаая представляла меня своим знакомым:

– Потомственный одессит Жора Брусько.

Женщины вздыхали, а мужчины приподнимали шляпы. Они не были в нашем городе, но знали о нем все. Понятное дело, знали со слов Ивана Бунина и Исаака Бабеля. Знали совсем не ту Одессу.

Я следил за своей речью и старался говорить медленно и внятно. Я боялся, что Лиза Облонская разочаруется во мне.

Она делала мне подарки. От нее у меня остались часы, зажигалка, портсигар и десять галстуков. А я ей ничего не дарил. У меня было катастрофически мало денег, а надо было появиться домой с подарками жене и детям.

Лиза расстроилась, когда узнала, что я женат. Но не стала выяснять отношения.

– Ты будешь мне писать? – спросила она.

– Буду, – соврал я. Я знал, что не напишу ей ни одного письма. По той причине, что я не умею красиво изъясняться. Для этой цели мне нужен секретарь, но где мне его взять? Да и зачем? Только для того, чтобы он написал за меня несколько писем мадам Облонской?

Я знал, что о семье Лизы писал великий писатель Лев Николаевич Толстой. Я целовал Лизу и думал, что мне привалило большое счастье: целоваться с аристократкой. Я был обыкновенным боцманом, а в ее жилах текла голубая кровь.

Когда мы приступали к любви, она говорила мне «нет!», но не выпускала из своих объятий. Ей было чуть больше сорока, и она была ненасытной в любви. Я подчинялся любому ее капризу.

Три дня и три ночи. А потом…

А потом море смывало с меня грехи…

Он встал, и я удивился, каким он был тщедушным и маленьким. Но и таких любят женщины.

Все-таки он был одесситом.

Софка и Саша

Тетя Клава приехала в Одессу из Рыбницы и привезла с собой свою дочь Софку. Мне было одиннадцать лет, а Софке тринадцать.

Тетя Клава попросила меня показать Софке Одессу.

«Больно надо!» – подумал я, но вслух сказал, что согласен, но пусть моя троюродная сестренка знает, что гид из меня никудышный.

– Но другого нет! – сказала Софка и показала мне язык.

Софка была привлекательной девочкой. Я мог бы в нее втюриться, но я тогда был отвергнут Сашей Ходорченко. Я ей показался плохо воспитанным мальчиком, а она выбирала себе исключительно маленьких джентльменов. Я хотел стать джентльменом, но не успел – Саша меня бросила на большой перемене, громко сказав:

– Гарик, ты мне не подходишь.

Если честно, Софка была соблазнительней Саши. У Саши был плохой характер: она на всех сердилась. На химичку, на меня, на Дерибасовскую и Одессу. Даже на себя она сердилась, но только по пятницам. И еще она никогда не улыбалась. А мне улыбаться за нас двоих быстро расхотелось.

Когда Саша меня бросила, я первую неделю страдал. Я стал ненавидеть всех девчонок моей школы. Мне казалось, что они шепчутся за моей спиной: это тот пацаненок, которого бросила Саша Ходорченко. Если бы у меня был автомат… Хорошо, что у меня его не было.

С горя я стал регулярно делать домашние задания. И из троечника выбился в хорошисты. Классная учителка Мария Степановна стала со мной здороваться за руку – я попал в десятку ее любимчиков.

Саша Ходорченко каждый день подходила ко мне, словно еж к яблоку, и спрашивала:

– Гарик, ты уже не страдаешь?

Я, понятное дело, ничего не отвечал на ее дурацкий вопрос. Ах, если бы у меня была рогатка!

Ладно, вернемся к Софке. Я ее привел на Дерибасовскую и сказал:

– На этой улице исполняются все желания. Только надо прислониться к коре дерева и поводить по ней носом.

Софка так и сделала.

– У меня получилось, – весело сказала она. – Что дальше?

– Теперь ты должна загадать желание, но про себя, и мне о нем ничего не говорить.

– Жаль, что тебе только одиннадцать лет!

Неужели она это сказала, или мне померещилось? Впрочем, уточнять я ничего не стал.

Потом в кафе «Алые паруса» мы поели мороженое. Софке я заказал двести грамм, а себе сто – боялся, что у меня не хватит денег. Слава богу, хватило.

А потом я водил Софку по Дерибасовской и боялся, что на нас нападут пираты. И захватят девочку в плен, а меня отпустят. Но пираты, наверное, в этот день отдыхали.

Я рассказал Софке из Рыбницы, что одесский оперный театр прилетел из Вены. Просто ему надоели австрийцы, и он решил пожить среди одесситов. В нашем театре, говорил я Софке, живут настоящие домовые. Они наряжаются по ночам в театральные костюмы и поют свои оперы. Каждая из которых длится тринадцать минут.

– А хор у них есть?

– Разумеется, есть. И балет. И оркестр. И балетная труппа. Жаль только, что я на их спектаклях был только три раза.

– Пошли в театр, – попросила меня Софка.

– Домовые, – печально сказал я, – уехали на гастроли в Лондон.

– Лучше бы в Рыбницу, – совсем тихо сказала Софка. – В Лондоне все есть, а в Рыбнице только зачуханный Дом культуры.

– Я скажу их администратору, когда они вернутся в Одессу, – пообещал я.

С Софкой мне было легко. Так легко, что я ей рассказал о Саше. Вернее, о моих страданиях, когда Саша меня бросила. И даже Одесса меня тогда не смогла спасти от плохих дней и ночей.

– Надо было подойти к дереву, потереться о его кору носом и загадать желание.

– Я забыл об этом чудесном способе обрести душевное спокойствие, – признался я.

– Замнем этот способ, – разрешила мне Софка. – А какая она, эта Саша?

И тут я понял, что не могу ничего конкретного сказать о Саше. Я даже не помнил, какого цвета ее глаза, и есть ли на ее лице родинки. Я впервые в этот вечер начал запинаться. Слова-звездочки стали заурядными льдинками.

– Все с тобой ясно, – сказала Софка. – Саша тебя больше не интересует. С тобой произошла метаморфоза.

– И в кого я превратился?

– В себя, – сказала Софка. – Но, Гарик, ты повзрослел на целый год. Разве ты этого не чувствуешь?

И я почувствовал, что мне уже двенадцать лет, хоть до моего дня рождения оставалось восемь месяцев и двенадцать дней.

Учитель

Мне под пятьдесят. Я преподаю в лицее литературу. У меня пять классов – три шестых и два седьмых. Классы как классы. С двоечниками и отличниками. С умницами и тупицами.

Я и сам чувствую себя порой двоечником, а иногда отличником. Мне надо сеять в душах подростков любовь и добро, но не всегда это у меня получается. Я на себя порой злюсь и вывожу в своем воображаемом дневнике плохую отметку. От этой плохой отметки я становлюсь еще злей и мечтаю о звонке на перемену. А он, такой-сякой, все никак не звенит.

У нас хороший лицей и учителя хорошие. Особенно физик Кузьма Савельевич и географичка Екатерина Михайловна. Они – мои друзья. Самые близкие. Остальные учителя мне нравятся, но близко сходиться мне с ними не хочется. В них нет шарма Екатерины Михайловны и обаяния Кузьмы Савельевича.

Он в школе всегда подтянут и деловит. Старается обходиться без лишних слов. Его интересует только физика и ученики. И директорский кабинет он обходит – не любит начальство, не лебезит, не переносит нравоучений. Да и Екатерина Михайловна улыбки свои редко кому из учеников дарит. Все мои семиклашки и шестиклашки стараются заслужить ее улыбку. Прилежно учат географию, никогда не путаются в названиях рек, озер, океанов, островов и континентов.

Мои друзья довольны своими учениками. Между ними и классами, где они преподают, существует идиллия.

После последнего урока я сижу в учительской и смотрю в одну точку. И вспоминаю свой педин. На моем курсе филфака учились

четыре парня и девяносто восемь девушек. Парни делали вид, что учатся. Их больше интересовали флирты с девушками. Обязательно со старшекурсницами. Они выбирали самых красивых. Я был замыкающим этой славной четверки. Я всегда влюблялся медленно и не умел танцевать и рассказывать анекдоты. Но я быстро научился клясться в любви. И эпитеты у меня были возвышенны. И глупые девушки мне верили, а потом я расставался с одной из них и искал себе новую. Так я, помнится, влюбился в Сашу Огневу. Она была ассистенткой на кафедре русского языка. Строгая и стройная девушка, старше меня на пять лет.

– Я старуха, – говорила она мне, а я ее целовал и бурчал: – Саша, хватит врать. Ты самая классная и красивая девушка. И в тебе есть вечная молодость, у других девушек с филфака ничего подобного нет.

Она жила в нашей общаге в сто тридцать третьей комнате. Одна. Так получилось. И я приходил к ней поздней ночью, а уходил ранним утром. Юноша-невидимка. И у нас были замечательные ночи любви. А потом она ушла от меня. Почему ушла? Я не помню. Мы поссорились по пустяшному поводу. Она меня не простила, а я, дурак, не попросил у нее прощения. Перед нашим расставанием она мне всю ночь читала стихи Беллы Ахмадулиной. Здорово читала. А я ей читал английского поэта Джона Донна, того самого, которого любил Иосиф Бродский.

– Тише, – просила она. – Нас могут услышать.

И я переходил на шепот. И она переходила. И два шепота сливались в темной ночной комнате.

Я сижу и смотрю в одну точку. И ко мне приходит шестиклассник Вася Жилкин. Он нахален, но свое нахальство уже научился маскировать.

– Гарик Осипович, – говорит он мне, – я написал потрясное стихотворение. И хочу вам его прочесть. Можно? Вы должны оценить силу моего таланта. Как Державин юного Пушкина.

– Валяй, – разрешаю я. – Но не забывай о домашнем задании по литературе. Или ты только пишешь, а не читаешь других авторов?

– Вот еще, – говорит несносный Вася Жилин. – Я и пишу, и читаю, слово одесского мушкетера.

Мне нравится Вася Жилин. Он большой проказник. Это из-за него я однажды решил поменять профессию, а он только надо мной ехидничал и говорил, что литература никому не нужна. А класс вздрагивал от его нахальства и с нетерпением ждал моего ответа.

– Я с тобой, Вася, полностью согласен. Теперь тебе остается стать министром науки и образования.

– Зачем? – Он явно ждал подвоха.

– Министр Жилин однажды запретит уроки литературы в средней школе.

– Я подумаю над вашим предложением, – пообещал нахальный Жилин.

Слава богу, уроки литературы в школах до сих пор не запретили.

…Жилин читает мне свое стихотворение. Вернее, внятным голосом произносит набор рифмованных строчек. В них нет таланта. Это я понимаю сразу.

– Клево? – боязливо спрашивает меня Вася. Он явно волнуется, но старается этого не показать.

– Не очень! – честно говорю я. – Проза с рифмами. Плохая проза и плохие рифмы.

Лицо у Жилина вытягивается, как на византийской иконе. Он, кажется, становится ниже ростом.

– Может быть, мне над этим стихотворением еще поработать? – с надеждой спрашивает он.

– Лучше напиши новое, – выношу я свой окончательный вердикт.

Жилин пятится и пропадает из учительской.

Я снова смотрю в одну точку. И вижу свое прошлое.

– Зачем, Гарик, ты так сурово разговаривал со своим учеником? – спрашивает меня Саша Огнева. – Не боишься, что он бросит писать стихи и станет заурядным чиновником-взяточником, дурным и важным?

– Все зависит от него самого, – говорю я и неожиданно добавляю: – Саша, вернись ко мне!

Хорошо, что в учительской я один.

Мой крик остается без ответа.

В Хитрово

Я летел в Мексику с пересадкой в аэропорту Хитроу, где мне предстояло провести двадцать часов. Аэропорт огромный, но я примостился на третьем этаже в маленьком уютном кафе, где было несколько мягких диванов под кожу. Впрочем, я ходил многократно по пустому пространству – оно было внушительным, – не заполненному людьми. Вечером я подумал смотаться в Лондон, но потом решил никуда не трогаться из аэропорта.

Мотание из одного конца в другой сокращало ночь. А потом я увидел молодую пару – парню было лет двадцать пять, а девушке на несколько лет меньше. Волосы у нее были густые, словно ночь, быстро окружившая сумраком здание аэропорта, пробиться сквозь которую было невозможно, и почти золотистые, черты лица тонки и восхитительны, а парень был не очень красив, но лицо его было каким-то мягким, зазывающим – мне сразу захотелось с ним познакомиться. И с девушкой. Но как это сделать? Да и нужно ли обременять себя ничего не значащими знакомствами, которые слишком быстро прерываются, как строчки стихов, о которых не вспоминаешь десятилетиями? Когда-то давно мой друг, лучший владивостокский поэт Геннадий Лысенко сказал мне, что каждый новый человек – строчка стихотворения, а я тогда был слишком молод и ему не поверил. Я тогда, помнится, отмел и афоризм Евтушенко: «Людей неинтересных в мире нет – их судьбы, как истории планет».

Однажды в Тирасполе я познакомился с писателем Ахто Леви. Я читал его прозу – жестокую и настоящую. Мы жили в одной гостинице, а я тогда только начинал писать прозу и дал ему свой рассказик. О чем он был? Кажется, о земле, которую насилуют и убивают – клочок за клочком. Ахто Леви сказал, что убивают души, а не землю. Он был хмур и печален, потому что писал повесть, которая у него не выходила, а его постоянно отрывали от работы встречами с читателями, а ему эти встречи изрядно надоели, но отказаться от них он не мог. И лицо его было печальным, как у циркового клоуна после представления. Но со мной он говорил мягко и доверчиво, а я ему тараторил свои глупые мысли, ведь тогда от смущения я спасался многоговорением. А вот теперь, на-

писав и напечатав несколько книг, я прячу слова в себе – оставляю их для бумаги. И не хочу походить на политического деятеля, для которого слова ничего не значат.

Этот парень кого-то мне напоминал. Может быть, меня в молодости? Тем более что в Хитроу наверняка могли происходить чудеса. С одним моим приятелем чудо произошло: он встретил свою первую любовь, но она быстро исчезла, не хотела, чтобы он видел ее такой, как она считала, некрасивой, а в Хитроу, где несколько огромных терминалов, исчезнуть немудрено, но Павел Зотов все равно ее нашел, хоть ему пришлось полететь в Москву следующим рейсом. И он сказал ей слова, похожие на воздушные шарики, а она сразу засветилась от счастья и нежности, но своего телефона ему не дала, а только записала его телефон. И позвонила ему через три недели, но они больше так и не встретились, потому что Павел в Москве ее найти не смог – она давно уже вышла замуж и переменила фамилию. Эта ее новая фамилия представилась ему гробом их первой любви. Глаза у него были темными, когда он мне это рассказывал, вернее, двумя печально светившимися точками на черном небе, покрытом тучами, где осталось только две звезды, передающие боль.

Эти парень и девушка могли быть чехами, албанцами, словаками, французами, португальцами, греками… Плохо, когда с трудом объясняешься по-английски, а прочих иностранных языков не знаешь совсем. Но они говорили по-английски, и мне захотелось услышать и понять обрывок их диалога, чтобы выяснить, кто они такие, но они говорили слишком тихо. Я медленно прошел мимо них. Я не мог понять, чем вызвано мое любопытство именно к этой молоденькой паре. Но я не стал заниматься поисками ответа на этот случайно возникший вопрос. Может быть, я чувствовал, что, разгадывая его, я быстрее скоротаю вялотекущую, как всегда в аэропортах, ночь?

На шестой мой проход от одного конца до другого мне померещилось, что девушка, приподнявшись, потянулась мне навстречу, но вполне допускаю, что мне это всего лишь показалось. И все-таки она хотела встать, но парень ей что-то сказал, и она осталась сидеть рядом с ним, встряхнув своими золотистыми волосами. А я подумал, что это она сделала для меня. И мне, честное слово,

послышался звон, вернее, внезапно зазвучала флейта. И под пение флейты я пошел дальше. Парень обнял девушку, словно накрыл ее своим крылом. Я этого не видел, но чувствовал, и начал ей нашептывать «Ноктюрн» Гарсиа Лорки, его я слышал не один раз и с детства знал наизусть.

Тут засветился огромный экран, и на нем возникли силуэты его и ее. Да-да, именно этого парня и этой девушки, я не мог ошибиться. И громко на весь зал зазвучал Лорка со своим стихотворением-мольбой, ведь только так пишутся стихи, чтобы мольба была услышана.

А я подбежал к ним, хоть и знал, что бегаю совсем некрасиво, и сказал, что давно уже люблю Гарсиа Лорку, а девушка мягко произнесла:

– Мы знаем это, ведь мы встречались на поэтическом фестивале в Брюсселе несколько месяцев назад. И тогда вы читали нам Лорку. А эту запись мы попросили поставить для вас.

Но ведь они никуда не отлучались?

И тут я вспомнил, что в аэропорту Хитроу случаются разные удивительные истории.

Я забыл сказать, что тогда мобильных телефонов еще не было.

Владимир Кигель

Еврейская мама

Олег вернулся из Одессы. Домой. В Лос-Анджелес. Где жил уже 26, нет, 27 лет.

Привез каким-то незнакомым людям письмо, которое его попросили передать родственники. Как будто почта не работает, или им марку жалко купить, что ли? Ладно, не убудет. Нашел этот дом, в извечном Вест-Голливуде, на Мартеле, где селятся все «русские». Вошел в квартиру и обалдел: как будто время замерло здесь… Он помнил эти квартиры!

Кожаный, настоящий кожаный диван с валиками. На полу – поверх «карпета» – ковровая дорожка. Круглый полированный стол, покрытый белой вышитой скатертью. «Горка» – самая настоящая «горка» – с фарфоровым петухом внутри застекленной витринки. И выстроенные там же рядами хрустальные фужеры розового цвета. Да. Еще граненая бутылка, отделанная снаружи позолоченным чем-то.

А на стене, над диваном, ковер. Видимо, узбекский. И явно с вывезенными клопами.

Его усадили пить чай. Как ни отнекивался, как ни ссылался на нехватку времени: «Ой, я вас прошу, чашечку чая с айвовым вареньем, такого не нигде не купите, я сама варила». Слегка подкрашенная желтым водичка – чай, в чашке из сервиза для гостей и засахарившееся, видно, давно открытое, но вкусное айвовое варенье.

– Вы здесь давно живете? – приступила к расспросам хозяйка. – И что, хорошо устроились? Я извиняюсь, вы женаты? И что жена?

И вздохнула…

У них, у Блюменталей, несчастье – их сын…

Э нет, так не пойдет.

Пусть сами рассказывают.

Сара Блюменталь, 78 лет. Крепкая, полная, с крашенной в какой-то дикий зеленоватый цвет сединой. При ходьбе переваливается, как «качка», с ноги на ногу. Носит платье с коротким рукавом. Ситцевое, темного цвета. Поверх – вязаная кофточка. Розовая. А на ногах – кроссовки на шерстяной носок. Только в них Сара чувствует себя человеком.

– Я должна с вами поделиться. Чтоб люди знали. Золотко мое, Сенечка. Мы себе во всем отказывали, чтоб все было как у людей. Чтоб ему светило! Заканчивал школу – мы ему репетиторов наняли: по математике – 10 рублей в час, по русскому – 8, по английскому – 12. И что же? Он таки поступил. Поехал в Киев и поступил. Ман таирс… Он был такой худенький. Глазки горят, личико бледненькое. Красавчик! Это я вам говорю.

Был такой конкурс, такой конкурс. 120 человек на место! А евреев – так вообще не брали. Вы же знаете – Киев! Но мы нашли одного человека. Он помог, к Сенечке не придирались. Как мы радовались, какой мы имели нахэс! Нам все звонили. Родственники, двоюродная сестра мужа, даже эта хулиганка Фимина жена: ну что Сенечка? Аф зе юр оф зей. Сенечка поступил, вот вам.

Абрам, муж. Хочет что-то сказать, машет рукой…

– А-а…

Абрам чуть моложе Сары, на год или полтора. Сара явно в доме глава. Что она скажет – так и будет. Абрам, тихий худощавый покладистый еврей с добрым лицом, лысиной и диабетом: весь набор, как положено. Он был торговым работником в Балте, маленьком селе-местечке под Одессой, обеспечивал семью. Стаж работы – 55 лет, и все в одном и том же магазине «Лоскут»… Ему даже готовились дать медаль «За трудовую доблесть». А в райсобесе поговаривали о надбавке к пенсии…

Вообще, такая семья, как Блюментали, – исчезающая редкость. Настоящие «местечковые» евреи, еще и разговаривающие на смеси русского с идишем! В Красную книгу таких!

Так нà тебе, ради Сенечки, сорокалетнего балбеса, который, как выяснилось, все не мог жениться и сидел у мамы с папой на плечах, решено было уехать в Америку. В смысле, так Сара решила. Каково Абраму было оставить магазин, каких мук это стои-

ло, знал только его извечный друг Федя… Простой такой русский мужчина. Но очень приличные люди, очень.

Сара:

– Что ты рукой машешь, я тебе помашу. Так вот. Мы ему сняли комнату у женщины. Хорошая женщина, чистенькая. Пожилая. Недалеко от института. Не жить же ребенку в этом бедламе, в общежитии! А она ему готовила еще. Представляете, я нашла такую мицию: и квартира, и готовка – за 50 рублей в месяц. А? И она еще стирала, да. Все как у людей…

Абрам:

– И скажи еще о Левике…

Сара, гневно сверкнув глазами:

– У меня что, склероз? Я как раз собиралась сказать о Левике. Так ты меня перебил.

Абрам, покивав головой:

– А-а…

Сара:

– Левик, это мой племянник, работал там (!) на кафедре. Большой человек! На кафедре! Это он нас познакомил с тем человеком, вы меня понимаете? Да. Так он работал там на кафедре. Какая-то там кафедра, я не знаю. Но его все ж знали. И он помогал Сенечке – что вы хотите, они ж почти троюродные братики. У ребенка были какие-то цурес с одной преподавательницей. Так Левик помог. Я не знаю. Как. Что. Данкен Гот, все обошлось. И так, мало-помалу, по воле, Сенечка закончил институт. Не с красным дипломом, не страшно. Ой, я вас прошу, кому нужен этот красный диплом? Выкинутые деньги! Ну, и по распределению его должны были послать – я знаю, куда? В такую даль, в такую даль – в Сибир! Чтоб я отпустила ребенка в Сибир? Через мой труп. Я им так и сказала: через мой труп! Чтоб молодой человек, с дипломом, поехал туда и замерз? Вы что, ненормальные? Мишигине? Так вы своих детей туда шлите. Не хотите, а Сенечку моего хотите?

Я им такое устроила, такое устроила – все, гиниг, уже никто никуда не едет. Вышел какой-то пуриц и говорит: «Успокойтесь, мамаша, успокойтесь. Мы ему дадим открепление». О! Я что, не понимаю? Приличный человек, мы ему потом сделали хороший подарок. Через Левика человека, ну, вы меня понимаете…

Абрам:

– Сарочка, момалэ, налей товарищу еще чаю…

Олег попытался отказаться. Куда там! Сара завладела им, как бульдог, чьи челюсти сомкнулись на штанине несчастного пацана, пытавшегося нарвать черешню на чужой даче.

– Ой, я вам бутербродик сделаю, с такой колбаской, с такой колбаской!

Через минуту он вяло жевал бутерброд с невкусной колбасой, положенной на хлеб с маслом.

– Ви сами отец, да? У вас мальчик или девочка? – продолжала Сара.

– Мальчик.

– О! С девочками проще. А мальчик – это такая сложная натура. Как Сенечка…Вы понимаете, почему я спрашиваю?

– Не очень, – признался он.

Она огляделась по сторонам. Посмотрела на Абрама. Тот обреченно вздохнул. Сара наклонилась ко мне и почти шепотом произнесла:

– Не надо было сюда приезжать.

Олегу это надоело.

– Ну, ладно, спасибо, я пошел, – начал было отодвигать он стул.

– Он – гей.

– Что? – не понял Олег.

– Наш Сенечка, – Сара шмыгнула носом. – Как вы здесь говорите – «гей», он любит мальчиков. Такое несчастье. Боже, какое горе… Что, я заслужила? Вей из мир…

И она зарыдала.

Он не знал, куда себя девать. Абрам делал какие-то движения руками рядом с мощными плечами Сары, видимо, успокаивал.

– Ай да Сенечка, ай да йолд! Гомик!

Сквозь слезы Сара продолжала рассказывать, как по приезде в Америку, где они пытались найти ему наконец невесту, он забился в свою комнату и никуда не выходил. До одного прекрасного дня, пока не вышел, прошелся по Санта-Монике и остановился у бара «Rage». «Реж», – как сказала Сара.

С тех пор Сенечка стал выходить по вечерам. А затем к ним в дом стали заходить какие-то мужчины, «настоящие американ-

цы», что очень импонировало Саре. Она пыталась с ними общаться, используя запас слов в пять. Ее всегда хлопали по плечу, смеялись.

Наконец-то, наконец ее Сенечку оценили по достоинству. Вот у него появились новые друзья, скоро они найдут ему работу, а там глядишь – и приличную еврейскую девушку из богатой американской семьи.

– И я, старая дура, кормила их, за стол сажала, варила им борщ – Абрам, скажи какой я борщ варю!

– Во! – показал Абрам.

– Чтоб им поперек стало! – вскричала Сара. – Я старалась не мешать, пока они у Сенечки в комнате запирались. Я думала, они английский учат!

– Сара, это Америка. Ничего страшного. Разные бывают, гм… сексуальные ориентации, – бормотал Олег.

Чуть даже не сказал «это пройдет», но вовремя спохватился. Вообще, какого черта: ему было очень неловко оказываться в ситуации, когда на него вываливали кучу чужого грязного белья.

– Ну, мне пора, – направился он быстренько к двери.

– Подождите! – вскричала Сара. – Мне нужна ваша помощь!

Ну, все. Приехал. Что сейчас произойдет?

– Я же ж по-английски не говорю, Абраша тоже… Мы тут зашли в один магазин…

Абраша закивал головой.

– Понимаете, у Сенечкиного, ну этого, – она мялась, пытаясь найти нужное слово, – ну, с которым, – тут она громко всхлипнула, умоляющего глядя на Олега…

– «Бойфренд», здесь говорят «бойфренд»…

– О! Так у него завтра день рождения, Сенечка переживает, такая нервная душа, я же вижу. И мы хотим ему что-нибудь подарить. Вы не подскажете, что? Что-нибудь, чтоб недорого, но чтоб было видно, что от семьи… Долларов сорок – это нормально?

Абрам расстроганно всхлипнул за компанию. Подошел к Саре, обнял за плечико.

– Сорок – это в самый раз, очень даже нормально, – сказал Олег, уже выходя.

Оглянулся.

Так они и стояли. Абрам и Сара.

Еврейская пара.

Виктория Петренко

Записки хвостатой сосиски

Глава первая

Здравствуйте, меня зовут Добби, и я счастлив сегодня быть здесь. Так могло начаться наше знакомство на церемонии вручения «Оскара», Букеровской премии или другой награды, достойной меня, но вряд ли мне уготованной. Я обыкновенный таксапес с необыкновенным обаянием. Вы улыбнулись? Я рад – ведь именно для этого пришел знакомиться. И пусть вас не смущает моя скромность (в характере такс нет такой настройки). Пожалуйста, не удивляйтесь моей болтливости – длина языка таксы пропорциональна длине ее тела! А еще я – норная собака, а значит, будьте готовы к тому, что я легко и бесповоротно вырою путь к вашему сердцу. Однажды я так сделал с моими хозяевами. Это было непросто – их сердца были заняты памятью о любимом далматинце Элвисе и, мне показалось, плотно закрыты. Но ведь таксы – норные собаки. И я ведь уже говорил о своем обаянии?

Больше всего на свете я люблю любить. Например, свою семью, своего друга Джека, огурцы и сыр. Люблю спать под одеялом, играть с носками и коробками от молока, бегать вдоль моря, да и просто бегать! А еще я сочиняю стихи и задаю тысячу вопросов. Ведь таксы очень любознательны. А вы?

Глава следующая

Здравствуйте, меня зовут Вика, я хозяйка самой обаятельной, на ее скромный взгляд, таксы Добби. Так могло начаться наше

знакомство на вручении «Оскара», Букеровской или другой премии, которая не уготована таксам, даже таким необыкновенным, как Добби. Так представляет меня пес своим друзьям и знакомым, а значит, здравствуйте!

Наша история началась осенним вечером, когда от звука дождя за окном мы прятались под одеялом из печали и грусти. Мы тосковали по ушедшему на радугу далматинцу – лучшему другу и члену семьи. Перебирали воспоминания и тосковали. Именно в этот момент в экран монитора стукнуло объявление: маленькая такса ищет семью. «Не нужен. Не до него. Нет времени и сил».

А ведь ему хуже, чем нам, – подумали мы.

Мы вместе, а он один, – вздохнули мы.

Но нет, только не сейчас, – категорично заявили мы. И поехали знакомиться.

Такса была без имени. Грустная длинная сосиска. Пугливая и молчаливая.

– Смотри, как он похож на Добби из «Гарри Поттера», – сказал наш сын Даня, самый мудрый член семьи.

– Привет, Добби! – согласились мы.

А пес, как настоящий Добби, печально повесил уши и закрыл глаза. Он не верил, что кто-то обращается к нему, – обычно с ним не говорили, не играли, не ласкали. И это был последний день, когда Добби-такса молчал…

Добби оказался весьма любопытным – все, на что не находил ответ, он пробовал на вкус. Так за пару месяцев мы поменяли интерьер квартиры, мебель, обувь и домашнюю утварь. Обнаружили, что такса – это не просто порода собак, а состояние души, вид инопланетных существ и национальная особенность. Мы даже не поняли, как эта хитрая сосиска прорыла траншею к нашему сердцу. И впустили ее туда.

Добби оказался прекрасным собеседником – ему всегда есть что сказать, о чем спросить и что обсудить. Пожалуй, на этом месте я остановлюсь. Дабы не быть голословной – я приоткрою дверь в наши разговоры. Вы сами все услышите!

Глава охотничья

Сегодня Добби осознал «самого себя». Он вдруг понял, что все эти месяцы прошли нелепо и бессмысленно. Нет, он, конечно, сделал много полезных дел: дрессировал хозяев, сменил в квартире мебель, уяснил, что в его вкусе блондинки, хурма и гулять без поводка. Но все это ерунда по сравнению с сегодня: Добби понял, что он охотничий и беспощадный к добыче. Жизнь обрела смысл. Самоидентификация, как сказала бы мама.

«Утка!» – подумал Добби, глядя на ворону.

«Дурак!» – крякнула ворона, покосившись на Добби. Четыре короткие лапы таксы, как ни сложи их, оказались короче крыльев, и это дало фору утке.

«Сама ты дичь», – закончил охоту Добби в финальном шпагате…

«Куропатка!» – взбодрился Добби.

«Даже не начинай», – ответил голубь и улетел. Добби не успел начать.

«Колибри?!» – завилял хвостом Добби. Большая зеленая муха обалдела от комплимента и уселась туда, куда мама точно не разрешит прыгнуть. Даже по-охотничьи грациозно…

«Знаешь, – повернулся ко мне Добби, – я же не по пернатым охотник. Жарко это и хлопотно. Пойдем домой, я там лису ждать буду…»

Глава философская

– Кто эти люди? – спросил Добби.

– Главные мудрецы, – ответил Даня.

– Будда, Иисус Христос, Махатма Ганди, Лао-Цзы, Эхнатон… – читал Добби подбегая к скульптурам. – Как интересно! Оказывается, кроме меня есть еще мудрецы и философы.

– В отличие от тебя, они были очень скромными, – заметила я.

– Но таксы априори не могут быть скромными! – удивился Добби. – К чему прятать свою неподражаемость?

Даня улыбнулся:

– А в чем твоя неподражаемость, Добби? Ну, кроме того, что ты, как никто другой, похож на наглую сосиску?

– Я создал формулу счастья! – возмутилась наглая сосиска.

Мы не удивились. Почти.

– Я готов поделиться с вами – я ведь ко всему и щедрый! Итак: лето + добрые мысли + улыбка, умноженные на любовь. Не благодарите! Хотя… Благодарность тоже входит в эту формулу. Это любовь, возведенная в степень. Такая вот математика. Хотя что с вас взять, гуманитариев… – вздохнул Добби.

И побежал на занятие йогой. Навстречу к просветлению.

Глава хозяйственная

Сегодня небо баловалось. Разбрасывало краски – как будто смешивало черный молотый перец с красной паприкой.

– А гром – это значит, небо лает? – спросил Добби. – А радуга – это хвост неба?..

– Добби, что с тобой? У тебя на носу вата!

– Это не вата, а пух! Я нашел прекрасную начинку для подушек – натурпродукт, чистый тополь! Все-таки я у вас очень хозяйственный!..

Добби побежал по тополиной аллее, чихая от гордости. И немножечко от пуха…

Глава птичья

– А почему, – спросил Добби, – ты решила, что я собака? Думаю, я птица – птица-такса!

– Наверное, потому, что у тебя нет крыльев, – ответила я.

– Вовсе есть! – обиделся Добби. – У меня на голове растут крылья, я могу ими махать!

Добби завилял ушами, а заодно и хвостом.

– Ну, может, еще потому, что ты крупноват для таких маленьких крыльев? – снова обидела его я.

– Знаешь, у тебя отвратительные аргументы. Страус вот крупнее меня. Пингвин, кстати, тоже. И ничего – как-то с этим живут…

Добби вздохнул и улегся возле окна. Через минуту он видел сон о прекрасной крылоухой, хоть и крупноватой таксоптице…

Глава летняя

Очередное июльское утро сматывается в летний клубок. Все короче нить, все толще клубок. Дни – как падающие с дерева абрикосы – сладкие, теплые, солнечные…

– Скажи, абрикосы действительно вырастают из косточек? – стряхнул с меня лирику своим вопросом Добби.

– Именно так, – подтвердила я.

– Тогда давай посадим куриные косточки, или рыбные! – предложила практичная такса.

– Увы, невозможно, – улыбнулась я. – Живые организмы иначе появляются на свет.

– Странно… Деревья ведь живые, а рождаются из косточек! Как знать, может, в будущем появится таксовое дерево – длинное, с короткими веточками. Оно будет цвести красивыми цветами, а плодоносить крошечными таксами. Не веришь? Зуб даю на это дерево! – хитро подмигнул Добби.

И слопал абрикос. Сладкий, теплый и солнечный…

Глава музыкальная

– Будь добра, возьми ручку и запиши, – попросил Добби.

Я даже не успела удивиться, как он продолжил:

– Мягкое кресло, бутылка йогурта «Джек Дэниэлс», сырная косточка, дюжина сосисок и пара длинноногих блондинок любой породы. Пожалуй, все, – я не привередлив.

– Прости, ты о чем?! – все же изумилась я.

– Я о райдере. Обычном райдере скромного таксо-рок-музыканта. Мне кажется, я нашел себя, а вы, благодарные слушатели, нашли меня.

– Но «Джек Дэниэлс» – это виски, а не йогурт!

– Ну, хорошо, капни мне в йогурт пару капель виски. Я согласен на коктейль! И кстати, отправь мою благодарность «Пинк Флойдам» – я внес в свой репертуар песню «Догс». You gotta be crazy, гав-гав-гав!.. – громко запел Добби.

– Гав-гав-гав, – послышалось за окном. Это длинноногие блондинки разных пород столпились на собачьей площадке за автографами…

Глава обнимательная

– А ты знаешь, где находятся ладони у таксы?

– Разве у маленькой таксы есть ладони? У тебя ведь крошечные лапки, там ладони и не поместятся!

– Почему ты мыслишь так мелко – еще мельче, чем мои лапки? Ладони – это то, куда можно спрятать, чем можно обхватить, обнять, а можно погладить. Разве это обязательно должна быть рука или лапа? Ладони – это оболочка души, какая разница, где они? Посмотри на мои уши. Они не только слышат – они мягкие и теплые, могут обнять тебя и целый мир вместе с тобой. Хочешь?

31-го августа глава

Оторвитесь от дел,
Отвлекитесь от скучных идей.
Задержите дыханием крайний день лета.
В упаковке из августовских сластей
Нераскрытой осталась последняя, ваша конфета.

Распахните коробку, как в детстве, зажмурив глаза, –
В ней конфета завернута в солнечный лучик.
Угостите меня, я же вам, отключив тормоза,
Притащу мячик свой и от осени ключик…

Глава служебная

– Я все решил, – сказал Добби и серьезно посмотрел на нас. – Никакая я не охотничья собака, а очень даже служебная. Теперь я Добби Данилович. Прошу любить и жаловать.

– Чего это вдруг? – удивились мы.

– На днях я встречался с одним серьезным человеком со странным именем Адвокат. И мне кажется, я ему понравился. Я ведь компактный, умею молчать, могу закопать или выкопать улики, ну и готов защищать! В общем, незаменимый партнер в адвокатском деле. Так что, прошу купить мне ошейник-галстук, и заверните с собой косточку для обеденного перерыва! Добби Данилович может задержаться, к обеду не ждите – дела!

Глава главная

– Эта осень подарила мне важную мысль, – сказал Добби и отхлебнул бульон из чашки. – Все мы ищем друг друга: как Маленький Принц – Лиса, а Лис – Маленького Принца. Мне повезло, я встретил своего Друга. По возрасту он щенок породы «человек», а имя его – Лев. Здорово, да?

– Здорово, – согласилась я.

– Мы играли с ним в прятки, обнимались всеми лапами и, кажется, приручили друг друга навсегда.

– Ты скучаешь по нему?

– Очень… – вздохнул Добби. – Но я всегда помню о нем. И, закрыв глаза, представляю, что он снова спрятался. Ведь самого главного глазами не увидишь. Зорко лишь сердце…

Будапешт

Майя Димерли

Девочка из Рима

Он, и правда, выглядел очень подозрительно. Непонятно, как могло случиться, что все зашло настолько далеко.

Он любил прохаживаться по Приморскому бульвару в своем белом парусиновом костюме. Хотя белым этот костюм можно было назвать лишь потому, что именно такого цвета была его ткань, когда попала к портному. Просторные штаны. Пиджак надет прямо на майку. На шее золотая цепочка, спускавшаяся к седой волосатой груди. На ногах старые коричневые сандалии, надетые поверх застиранных зеленых носков. Костюм, как и полагается, был тщательно измят. Уже серый и местами засаленный. Особенно возле правого кармана пиджака, откуда его хозяин частенько доставал большой носовой платок. Он снимал толстые очки, сдвигал на затылок бывшую когда-то белой шляпу (кажется, ее мяли вместе с костюмом) и вытирал мясистое лицо с крупным носом и широкую шею. Ведь всем известно, что летом в Одессе очень потно даже в тени каштанов аллеи Приморского бульвара. Вот он и потел. Обычно он выбирал лавочку посередине между памятниками Дюку де Ришелье и А.С. Пушкину, располагался на ней и, слегка приоткрыв свой потертый кожаный портфель рыжего цвета, запускал туда пухлую руку. И тогда на его лице появлялась блаженная улыбка. Казалось, что там, в портфеле, он перебирает пальцами драгоценные камни и золотые дукаты. Ну, или гладит пушистого котенка.

Однако настоящей целью его отдыха на лавочке Приморского бульвара было совсем не это. Вот так, держа одну руку в портфеле и блаженно улыбаясь, он начинал неспешно поглядывать по сторонам. И когда ему везло, он видел девочку, которая несла в руке футляр со скрипкой. Он вообще высматривал именно девочек.

– Ты учишься в школе Столярского? – мурлычущим голосом спрашивал он проходящую мимо девочку и приветливо улыбался.

И та произносила свое первое «да».

– А что ты сегодня играла? – звучал второй вопрос.

И девочка чистосердечно признавалась, был ли у них урок сольфеджио, или они разучивали этюды, и как вообще прошли занятия.

Тогда он задавал свой третий вопрос:

– Хочешь посмотреть, что у меня в портфеле?

Какая же девочка, особенно если она играет на скрипке, откажется заглянуть в портфель к странному незнакомцу? Да еще и с такой соблазнительно загадочной улыбкой. И она произносила свое второе «да», и доверчиво улыбалась ему в ответ.

Тогда он – совершенно счастливый – широко распахивал свой потертый портфель и вместе с ней заглядывал внутрь. Он был готов расплакаться от переполнявших его чувств гордости и восторга. Улыбка на лице девочки постепенно сменялась выражением недоумения. Но он, не глядя на девочку, доставал из портфеля такую пухлую, круглую, аккуратную, черную-черную, хоть и заезженную местами, блестящую с синей этикеткой, свою любимую пластинку, которую надо было слушать на 78 оборотов, меняя в головке звукоснимателя иголку на более толстую. На обеих сторонах пластинки был записан голос Робертино Лоретти. Если поставить пластинку на проигрыватель, то с одной стороны иголка, покачивая бедрами, заскользит по дорожке, рассказывая историю «Черазеллы». На другой стороне была записана песня «Девочка из Рима».

– Девочка, ты хочешь увидеть Рим? – спрашивал он своим низким и приятным, почти гипнотическим голосом. – Если тебе повезет, ты увидишь фонтан, который звучит, как самая прекрасная музыка в мире!

Девочка, уже начинавшая подозревать неладное, все же невольно соглашалась. И тогда он протягивал ей пластинку и предлагал заглянуть в отверстие в самом центре.

– Для того чтобы увидеть Рим, надо, чтобы пластинка была повернута «Черазеллой» к тебе. Ведь Рим находится с другой стороны.

Девочка заглядывала в отверстие и видела сквозь него Приморский бульвар, лавочки, каштаны, через листву которых на все вокруг падали солнечные блики, кусочек моря, переходящего в небо… и прохожих – они улыбались, глядя на нее. Девочка как громом пораженная моментально осознавала, до чего глупо выглядит, и ее осеняла догадка, что дяденька просто с приветом. Тогда она быстро возвращала пластинку и, поблагодарив странного незнакомца, убегала домой, даже не попрощавшись.

А он как ни в чем не бывало с беззаботным видом продолжал сидеть на лавочке, высматривая следующую девочку. В том году этот трюк он проделывал с девочками из школы Столярского почти все лето.

Иногда обманутые девочки даже обзывали его дураком. Но он как будто не слышал их слов. Снова и снова приходил на Приморский бульвар, садился на свою любимую лавочку и ждал очередную девочку, которая училась играть на скрипке.

Все это, конечно, не более чем слухи, но все же говорили, что некоторым девочкам удавалось увидеть Рим. Они визжали от восторга и вприпрыжку бежали домой, как безумные, размахивая футляром со скрипкой. Они спешили рассказать родителям о фонтане, который звучит, как самая прекрасная музыка в мире. И тогда происходило одно из трех. Родители или посмеивались над рассказом дочки, считая его полной выдумкой, или читали длинную лекцию о том, что ни в коем случае нельзя заговаривать с незнакомцами на улице. Но бывали и такие родители, кто, услышав эту историю, приходил на Приморский бульвар. Они тоже хотели увидеть Рим. Незнакомец протягивал им «Девочку из Рима», и если они тоже видели, он предлагал им кое-что еще. Дело в том, что в рыжем портфеле были и другие пластинки. На пластинках этих было написано: «Вена», «Париж», «Берлин», «Нью-Йорк», «Тель-Авив»… Но на этих пластинках не было дорожек. Говорят, что в эти пластинки тогда заглянули несколько семей. И все эти семьи бесследно исчезли. И когда семья исчезала, на пластинке появлялась дорожка.

Итак, в Одессе начали исчезать целые семьи. Следователи из отдела по особо запутанным делам сбились с ног, пытаясь найти хоть какую-то зацепку в этом загадочном явлении. Но никаких

хоть сколько-нибудь внятных версий происходящего они так и не смогли предложить своему руководству, которое уже трясло, как грушу, столичное начальство.

Конец таинственным исчезновениям положила ревность и гражданская совесть жены владельца пластинок. Вернее, сообщения неравнодушных соседей, которые, не сговариваясь, один за другим поведали ей о том, что видели, как ее благоверный сидит на бульваре и пристает к девочкам с глупостями. И ладно бы еще к девицам постарше, а то ведь совсем к малолеткам… Сначала жена отказывалась верить, а потом решила убедиться сама. Выследив мужа, она стояла так, чтобы оставаться незамеченной, и наблюдала за ним. Он заговаривал только с девочками. Пять девочек – и все в смущении убежали прочь. Слезы застилали ей глаза. Как стыдно перед людьми… Как понапрасну прошла ее жизнь… Своих детей у них не было, и теперь она понимала, почему. Жалость к себе и ненависть к мужу вложила в ее руку химический карандаш, наслюнила грифель и написала заявление в районное отделение милиции о том, что такой-то и такой-то проявляет нездоровый интерес к несовершеннолетним девочкам.

Вокруг такого-то и такого-то развернулась слежка. Девочки, заглядывавшие в пластинку, были допрошены, и выяснилось, что все они учатся в школе Столярского. Больше того, каждая учится на скрипичном отделении. Этот же факт связывал и все пропавшие семьи. Следователи сложили два и два достаточно быстро.

Однажды к сидевшему на скамейке и блаженно улыбающемуся человеку в мятом и засаленном парусиновом костюме подошла девочка с футляром от скрипки в руках и бойко сказала:

– Я хочу увидеть Рим.

Он снял очки, достал из кармана большой носовой платок, протер линзы и снова нацепил очки на свой мясистый нос. Футляр в руках девочки не вызвал никакого интереса у человека в парусиновом костюме. Тень от листьев каштанов вперемежку с солнечными бликами оплела его фигуру так, что на какое-то мгновение девочка подумала, что этот человек ей только кажется.

– Рим очень далеко отсюда, девочка. Вряд ли ты его когда-нибудь увидишь, – ответил он и сдвинул шляпу на затылок.

– Я знаю! Вы показываете Рим! Я тоже хочу на него посмотреть! – не унималась девочка. – Если вы не покажете мне Рим, я закричу!

– Я не показываю Рим. Я только даю возможность его увидеть. Видишь ли, только очень одаренные люди могут увидеть Рим тем способом, который я предлагаю. И здесь не может быть никаких гарантий.

– Покажите мне Рим! – требовала девочка.

Человек в парусиновом костюме тяжело вздохнул и достал из потертого портфеля свою любимую пластинку.

– Смотри в дырочку посередине пластинки. Если тебе повезет, ты увидишь фонтан, который звучит, как самая прекрасная музыка в мире! – грустно прошептал он. – Для того чтобы увидеть Рим, надо, чтобы пластинка была повернута «Черазеллой» к тебе. Ведь Рим находится с другой стороны.

Девочка заглянула в отверстие в центре пластинки и закричала. Она кричала и кричала, пока ей на помощь не подоспела милиция. Подоспела она подозрительно быстро. Заявлений девочки о том, что такой-то и такой-то приставал к ней, оказалось достаточно для немедленного ареста. Свидетелей «не пойми чего» тоже оказалось в избытке.

И началось это длинное громкое уголовное дело, о котором до сих пор помнят почти в каждой одесской семье. Еще бы! Город гудел. В каждом одесском дворе, в каждом подъезде двух-, трех-, четырех- и даже пятиэтажного дома Одессы и, разумеется, на каждой лестничной клетке соседи громко и в лицах, отчаянно жестикулируя и со всеми подробностями, как будто они видели все это сами, рассказывали друг другу, что же и как именно произошло на самом деле.

Подозреваемый не отпирался. Он во всем признался следователям, а в качестве доказательства показывал пластинки, объясняя, что для того чтобы увидеть Рим, надо, чтобы пластинка была повернута «Черазеллой» к смотрящему. Ведь Рим находится с другой стороны. Если вам повезет, вы увидите фонтан, который звучит, как самая прекрасная музыка в мире! И еще он добавлял, что только очень одаренные люди могут так увидеть Рим.

– Сам я, – говорил обвиняемый, – таким человеком не являюсь.

К огромному сожалению, сотрудники оперативно-следственной группы, судьи, представители обвинения и защиты такими людьми тоже не оказались.

Трупы найдены не были, пластинки ничего не доказывали, но факт оставался фактом. Пластинки были, а люди бесследно исчезли. Однако самым загадочным обстоятельством этого дела было то, что летом в школе Столярского каникулы, поэтому там никто не занимается. К тому же, где школа, а где Приморский бульвар…

В конце концов, обвиняемого признали невменяемым, и свою жизнь он должен был окончить в лечебнице на Слободке. Он был спокойным и доброжелательным пациентом. Ни к кому не приставал, регулярно принимал лекарства, улыбался сам себе и тихонько мурлыкал под нос «Девочку из Рима».

Ночами, когда шел дождь, снег, или просто небо было затянуто тучами, он спал крепким безмятежным сном. Но если в окно его палаты в безоблачную ночь заглядывала полная луна, он не спал. Он смотрел на луну, улыбаясь блаженной улыбкой, потому что она напоминала ему его любимую пластинку. И однажды он разглядел маленькое отверстие прямо в центре луны. Ему даже удалось заглянуть внутрь, и он увидел фонтан на площади Рима, и услышал самую прекрасную музыку в мире!

Наутро в отделении было объявлено о ЧП. Один из пациентов бесследно исчез. Его так и не нашли.

Прошло еще несколько лет, и Одессу накрыла волна новостей о том, что на самых знаменитых мировых сценах блистают талантами молодые скрипачки, появившиеся словно ниоткуда. Их талант был настолько ярок, что в одесских корнях сомневаться не приходилось.

А пластинки до сих пор хранятся в Главном архиве Управления МВД Одессы и области в качестве вещественных доказательств к делу № 39/17-54-з «О бесследном исчезновении семей в г. Одессе». Само дело было утеряно, когда материалы архива перевозили из старого помещения в новое, поэтому имя человека в парусиновом костюме сегодня уже никто не вспомнит.

А пластинки… Это прекрасные пластинки, замечательные пластинки. Заезженные. Проторенные. Но дело в том, что без человека в парусиновом костюме они совершенно бесполезны.

Поэзия

184 **Людмила Шарга**
Пылает закат в окне

189 **Татьяна Партина**
По ком звенят колокольчики

193 **Илья Рейдерман**
Шесть стихотворений

197 **Анна Даш**
«Английские» стихотворения

Людмила Шарга

Пылает закат в окне

Человек человеку – яблоко

Не спеши
расставаться с родимым садом в преддверии осени,
где на ветке два наших яблока – две души,
где бросает безжалостно северный ветер оземь их.
И одно другому пытается прошептать:
Не спеши, не падай…
Успенья дождись, пожалуйста.
Коли выпало в эту осень с тобой упасть,
то ни слез не надо, ни жизни, ни глупой жалости.
Не спеши. Сгоревшее лето идет ко дну –
в предстояние осени.
Близятся дни ненастные.
Были яблоки – скажут – и умерли в ночь одну.
Были яблоки – долго – и были счастливы.
Человек человеку – яблоко, свет и боль.
Только чтобы усвоить нехитрое это правило,
то разводит меня судьба, то сводит с тобой
в том саду, где старая яблоня свет оставила.
На него наши яблоки-души еще летят,
на восток – к восходу,
где станет печаль легка.
Человек человеку – свет и, конечно, – сад.
Человек человеку – боль – и, конечно, – яблоко.

*

Пол-августа – на двоих,
забытая жизнь в подарок,
страницы любимых книг,
щемящая грусть гитары.
Далекого лета блик
на утренний дождь нанизан,
и августа черновик дописан,
почти дописан,
и падевый выпит мед,
и столько звезд в поднебесье…
Здесь лето еще поет
свою негромкую песню,
здесь пишется так легко
и так же легко молчится
об осени, что возком
небесный везет возница.
Пылает закат в окне
заброшенного сарая,
и рукописи в огне
рождаются и сгорают,
от боли – как мы – крича.
И пепел летит над миром…
Здесь яблони по ночам
в садах источают миро –
лекарство от всех забот,
от горестей и лишений.
Здесь каждый из нас пройдет
свой путь до преображения.
И каждому будет сад –
зови, если хочешь – раем.
Здесь рукописи горят,
но, к счастью – не все сгорают.

*

Деревья влаги заждались
и замерли, и заскучали,
а лето просится на лист
и много солнца обещает
в саду, где венский круглый стол,
накрытый к утреннему чаю,
послужит временным холстом
для чайных чашек и для чаек,
что, над верандою кружа,
о скорой осени вещают,
и предрекают, ворожа,
разлуку с милыми вещами.
И переезда кутерьма
в пустые хлопоты упрячет
осиротевшие дома
и в спешке брошенные дачи.
А мы…
Мы стали привыкать
к дыханью моря за окошком,
к певучим сходням чердака,
к дорожке лунной,
к странной мошке,
что в свете фонаря кружит
то облаком, то позументом,
и свято верит, что бессмертна.
А нам бы до утра дожить.
В ладонях смуглых летних дней
дымится моря сизый ладан,
и белоснежных простыней
все вожделеннее прохлада,
и берег пуст и каменист,
и лодку нам волна выносит…
и лето просится на лист,
а остается только осень.

*

От меня и следа не останется,
только легкая тень у моря,
что – как день в межсезонье – тянется
между осенью и зимою
и блуждает июльским вечером
в коридоре лунных затмений.
Рядом тени судьбой отмеченных –
позабытых поэтов тени,
что ходили по этим улицам
и слагали стихи, в которых
море с солнцем легко рифмуется,
ветер ждет в парусах и шторах
и гнездится в белье, развешанном
во дворе моем – на веревке.
Он бывает ручным и бешеным,
мне знакомы его уловки –
он любитель осенних шалостей:
притворится, что мирно дремлет,
и к утру оборвет безжалостно
все остатки листвы с деревьев.
Вот по этой листве – как пò морю
уплываю от жизни прочь я,
вспоминая давно знакомые
позабытых поэтов строчки.
В них деревья хрипят простуженно,
словно петли скрипят дверные,
и дожди, хоть зовутся южными –
ледяные, сплошь ледяные.
Пролетит зима-бесприданница,
станет притчей наимудрейшей,
от меня только тень останется –
тенью больше,
иль тенью меньше,
лишь бы синим июльским вечером
над водою прошелестели
строчки странной судьбой отмеченных –
позабытых поэтов тени.

*

Не называешь имени – и ладно.
Я по глазам прочту его, листая
прохладу взгляда,
тихих слов прохладу,
горчащих оттого, что жизнь тает.
Ее полупустую оболочку
раскачивает глупое заклятье:
ни взгляда,
ни слезы,
ни дня без строчки.
Сомнительное, мнимое занятие.
Размениваю лето – пядь за пядью –
на несколько смешных стихотворений,
и лист из недописанной тетради
сжимается полоскою шагрени.
Не называешь имени – и ладно.
где тени безымянны – осень ближе,
прохладны ночи и дожди прохладны,
и месяц – как лимон – до капли выжат.
Но полнится моими именами
наш странный дом,
наш мир страннoприимный,
где прошлое сумерничает с нами,
едва лишь затихает город дымный.
Не называешь ангелом – и полно
о прошлом причитать – не растерять бы.
Бутылочную почту носят волны
и раковины – для жемчужной свадьбы.
И эту жизнь до дна придется выпить –
смешать морскую соль с дорожной пылью…
Но там, где все иные тени видят,
ты видишь свет моих незримых крыльев.

Татьяна Партина

По ком звенят колокольчики

* * *

Еще желтеют на деревьях листья,
Еще местами даже зеленеют…
Ноябрь линяет, словно шуба лисья,
И скоро будет изгнан вместе с нею.
И скоро неуемные уймутся,
И зимние начнутся посиделки.
Любимый торт и чай, варенье в блюдце –
Где мелок жемчуг, там забавы мелки.
И хорошо: за мелкое безделье
За тем пределом меньше нас накажут –
Где бабушки, отметив новоселье,
Нас, постаревших, ждут и вяжут, вяжут…
И пирожки пекут нам по привычке,
Но к бабушкам мы не спешим с визитом.
Они учили: сахар, соль и спички,
И этим наши головы забиты.
А к ним – не скоро. Но по чьей-то воле
Мы все-таки к тому подходим краю,
Где спичек нет, и сахара, и соли,
И даже пирожки не подгорают.

Конец эпохи вампиров

Вампиры съежились и стали как-то мелки
На фоне настоящих кровопийц.
Ботаник Дракула со скуки шьет поделки
И носит крейзи-фильц.
Он встретит донора с приветом в каждом слове,
Потом подругу плазмой угостит.
У нас на станции полно ненужной крови –
В которой гепатит.
Он без анализов увидит все бациллы –
Наш главный супер-пупер лаборант.
Ну, спит в гробу… А так он, в общем, милый
И безобидный франт.
И лишь в Хэллоуин выходит он в одежде,
Вскрывающей его худую суть,
С клыками острыми, в бессмысленной надежде
Вспугнуть кого-нибудь.
Но каждый раз его встречают чумовые
Такие же товарищи в клыках.
И он не знает, кто – вампир или живые –
Остался в дураках.

Марджари*

Марджари – Сашт, хранительница очага,
Бродила меж двух миров.
В том, кто мне предоставил кров,
Я видела лишь врага.
Я уходила,
Ночью была иной.
Я любила смотреть на лица идущих в ад,
Когда тигрица из-под города Чампават
Вставала у них за спиной.
Сансара скрипит, как простой чигирь,

* Марджари – кошка (санскр.).

Девять раз провернется – свищи-прощай.
Ночного солнца льется имбирный чай,
Согревая сильнее, чем сам имбирь.
Лишь одной луне я прощаю все.
По моей спине
Скользит только лунный свет,
Восхищенные взгляды, а руки – а руки – нет!
Провернулось Сансары моей колесо.
Зацвела ашока – это я подошла к ней.
Застучала кровь в висках моих горячо,
Красный цвет осыпался на плечо,
И глядит Кама на стан мой сквозь сеть ветвей.
По земле катаюсь, устала ждать
И кричу ему гортанно: «Меня! Возьми!
Восемь раз тебя просила я из восьми,
Ты в последний раз
не можешь
мне
отказать!»…

В ошейнике. Домашний, зараза, пришел опять.

* * *

Начинается время чаев.
Ты готовишь имбирный чай,
Пересаживаешь молочай…
Смотришь – счастье идет, ничье.
Ты берешь его под локоток.
– Можно вас пригласить к себе?
Вам, при вашей-то худобе,
Так полезно попить чаек.
Чай с пироженкой заварной
Свежевыпеченной как раз…
Видно, плохо кормили вас
Этим летом, да и весной.
Ну а я-то живу одна.

Был один тут жилец, да сплыл.
В жизни важен надежный тыл…
Может, Счастье, бокал вина?..
В сковородке шипит омлет.
Мы смеемся, едим кизил…
Все, кто счастье не накормил,
Пусть не брешут, что счастья нет.

Колокольчики

По ком звонят колокольчики
В регулярных парках, садах и лугах,
Качаясь на тонких ногах,
Растопырив лепестков голубые кончики?
Звонят и бренчат, как тоскливый дутар
По эльфам, уснувшим в чаше цветка алтея,
По двум муравьям, тянувшим травинку, потея,
По бойкой пчеле, несущей в улей нектар.
Кто из них доживет до зимы, до преклонных дней?
Их жизнь короче самой короткой малости.
Буддийский монах подметает тропинку из жалости
К муравьям; но он не один, кто пройдет по ней.
Мотылек на пламя зажигалки/костра летит,
Пчела не вытащит жало из чьей-то пятки…
Небо не рухнет на землю, и мир в порядке,
Но колокольчик в саду надрывается и звенит
По всем, кто меньше пальца твоей руки.
Девчушка сорвала цветок, делает селфи…
Осиротевшая королева эльфов
Смахивает ладошкой слезинку с щеки.

Илья Рейдерман

Шесть стихотворений

* * *

Изо рта – вырывается крик.
Сквозь лицо – прорастает лик.
Больно! И обнажается суть.
Отшелушивается ерунда.
О, как ясно очерчен путь!
И уже не свернуть – не туда.
Если плачу – слезы утру.
И хотел бы соврать – не совру.
И хотел бы уснуть – не засну.
И не сброшу свою вину.
Разрывая живую плоть –
Лик. И велено не пищать.
Обобщай же меня, Господь –
Дальше некуда обобщать…
«Я» – сказать уже не могу.
С «Мы» – еще не могу начать
Перед всем бытием в долгу
(не расплатишься!) – помолчать…

* * *

…Как все неслышно, как все неспешно,
время не хочет казаться новей!
Этим деревьям стоять неизбежно
в зимнем размахе голых ветвей.

Мчатся куда-то автомашины,
ну а деревьям – куда им бежать?
Ждать, чтоб их снегом припорошили,
в землю вцепившись, стоять и дрожать.
Тихо деревья листья теряют,
нищенской жизни последнюю медь.
Но и во сне – о весне они знают.
Можно надеяться верить терпеть…
Ведь неизменны законы природы.
Снятся деревьям зимние сны.
Нам – в беззаконности нашей свободы –
верить в весну, дотянуть до весны?

* * *

Три голубя на проводах.
Три. Два. Ни одного.
Неуследимый крыльев взмах –
И больше ничего.
Есть только облачная высь.
И факт – исчерпан весь.
Вот кто-то – вверх. А кто-то – вниз.
Был кто-то – и исчез.
Случайный мир. Случайный миг.
Но все же – поспеши.
Ведь это только черновик.
А беловик – пиши.
Так не ищи житейских благ,
Творец, но мир твори.
…Три голубя на проводах.
Три ноты. Целых три.

* * *

На языке забытом древнем
о чем во мне шумят деревья?
Тоскуют, что не слышу их?
Но шум листвы – уловит стих.

И птицы, что во мне, как в небе,
летят, и рыбы, что плывут, –
все у меня не просят хлеба,
а просто так поют, живут.
Во мне живущая природа –
моих не ведает забот.
Без внутреннего небосвода –
не светел этот небосвод.
Но как глядеть ее глазами,
снять пелену с уставших глаз,
и, без преграды между нами,
увидеть мир как в первый раз?
И к ней, забытой, природниться,
и вновь, как в детстве, полюбить.
И знать: в тебе, быть может, птица.
И даже рыба, может быть…

* * *

То, что я жив еще – случайно.
А не случайно – то, что жил.
Я верил: жизнь – необычайна,
стихи слагал и жизнь сложил.
И никакой новейший идол
мечты моей не соблазнил.
Имен не предал, тайн не выдал,
к случайной славе не спешил.
Осталась жизни сласть и горечь,
преображенная в стихах.
А со стихами – не поспоришь,
им смерть неведома и страх.
Они, как птицы, что бесстрашно
кричат – меж небом и землей –
тем, кто внизу, кто в рукопашной
со злом всегдашним, долей злой…

* * *

И на старости лет, на старости –
еще, открывая уста, расти.
Не таи своей горечи,
не жалей своей ярости,
говори, что осталось, ты
на пределе усталости.
Ну а если правды сказать не смог, –
встанет невысказанное поперек,
и, задыхаясь, в ночную тишь,
увидав свою душу до самого дна,
что-то самое главное прохрипишь.
И запомнит сказанное тишина.

Анна Даш

«Английские» стихотворения

Мейплдерхем*

Снова лето дразнит запахом травы,
птичьим пеньем разгоняет ранний сон
и, развесив изумрудные дары,
посылает колокольный чистый звон.
Потому ли он так долог над рекой
и протяжно-нежен в сизых тополях,
что одною мы задуманы рукой,
и обоим обратиться нам во прах?..

* * *

Привет вам мой, английские равнины,
святые камни замков родовых
и парков райский щебет, и картины
живых оград, небес предгрозовых!

И вам, речушки с древними мостами,
тропинки меж раскидистых дерев,
где бродят тени любящих веками,
в любви все признаваясь нараспев.

Вам, пастбища зелено-луговые,
овечек стадо, тонущих в меху,

* Мейплдерхем – местность близ Лондона, упоминаемая Джоном Голсуорси в «Саге о Форсайтах».

и перезвоны сельские литые,
и радуга на радость иль беду.

Привет прощальный! Вас мне не увидеть
и частью жизни счастливой не стать,
но, может быть, – боюсь судьбу предвидеть –
вам будут скромный томик мой читать.

Английская считалочка

У английской королевы
сотня с лишком кавалеров,
двести слуг и лошадей,
тридцать замков и детей,
пятьдесят собачек вздорных
и услужливых придворных,
и супруг числом один.
И порой находит сплин,
обитатель вездесущий,
англичанам столь присущий,

оттого, что королеве
нужно столько кавалеров,
двести слуг и лошадей,
тридцать замков и детей,
пятьдесят собачек вздорных
и услужливых придворных,
и супруг числом один.
Интересный господин!
Делит с нею сплин английский,
добавляя к чаю виски,

неизменно сожалея,
что в придачу к королеве
двести слуг и лошадей,
тридцать замков и детей,

пятьдесят собачек вздорных
и услужливых придворных,
и супруг числом один
на зеленый этот сплин.
Правда, кто-то уверяет,
что в душе он не страдает,

а считает в самом деле,
даже мало королеве
двести слуг и лошадей,
тридцать замков и детей,
пятьдесят собачек вздорных
и услужливых придворных,
хоть супруг пускай один.
Но, конечно, это сплин,
и когда б супруга знала,
тотчас сплетней бы назвала,

не достойной королевы,
у которой кавалеры,
двести слуг и лошадей,
тридцать замков и детей,
пятьдесят собачек вздорных
и услужливых придворных,
и супруг числом один.
Но раз выпущен уж джин
и пошла молва такая,
королеву удручая,

а супруга веселя,
в спор вступили и друзья,
защищая королеву,
у которой кавалеры,
двести слуг и лошадей,
тридцать замков и детей,
пятьдесят собачек вздорных
и услужливых придворных,

и супруг числом один.
Порази паршивцев сплин!

После жаркой перепалки –
не летели разве палки, –
по свидетельствам различным,
нынче тихо и прилично,
и вся рать при королеве:
сотня с лишком кавалеров,
двести слуг и лошадей,
тридцать замков и детей,
пятьдесят собачек вздорных
и услужливых придворных,
и супруг числом один.
Как хорош английский сплин!

* * *

Приятно быть английской леди,
вписать в ближайшие соседи
потомка Мальборо, полдня
пускать полями вскачь коня,
листать роман под сенью вязов
и, не надеясь ни на что,
влюбиться за зиму два раза
и раз один сменить авто.

Приятно гончей быть поджарой
и на охоте мчать стремглав,
и спать вблизи камина жара,
раскинув лапы, хвост поджав,
во сне погоню продолжая
и получая главный приз –
пирог телячий. Что за жизнь!
Что за эклога мировая!

Приятно соколом садиться
на плечи близлежащих гор
и понимать, о чем-то птицы
ведут немолчный разговор.
Приятно деревом подняться
и слиться кроной с синевой
и надо всеми возвышаться.
Приятно... только не собой!

В самих себе нам нет покоя:
то дум навязчивых чреда,
то непогода, то иное,
хоть небольшая, но беда.
Самих себя мы ею мучим,
причины тщимся разгадать.
О как же разум злополучен
в сравненьи с телом, знавшим мать!

Сильнее нас желанья наши,
счастливей нас порой мечты
и оболочки бренной краше,
на мир взирая с высоты,
пусть иногда понять не можем,
чего действительно хотим,
и Бога попусту тревожим,
и просто так себя едим.
Когда бы знать все изначально
и глупой доли избежать!
Но продолжаем в мыслях, тайно,
того, что сгубит нас, желать.

Цветок, живой сонет природы…
Вглядитесь лучше, может быть,
внезапным гневом небосвода
ему здесь завтра уж не быть.

Склонитесь к маленькому чуду,
смахнув задумчивость с чела,
приметен, свеж и юн покуда,
воздайте капелькой тепла
и милым вам воспоминаньем.
Когда ж еще, как не сейчас,
его одаривать вниманьем?
Когда засохнет? Так и нас
должны до сумерек заметить
и непременно отличить,
и нашим чувствам всем ответить,
и долго в памяти хранить.

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Первые шаги

204 Миша Кирпан
Степная Берегиня

Миша Кирпан, ученик 9 класса лицея «Ланжероновский»

Степная Берегиня

Работа подана на конкурс краеведческих работ
(руководитель Н. Бондаренко)

«Люди, отошедшие в вечность, живут в стране воспоминаний до тех пор, пока мы помним о них».

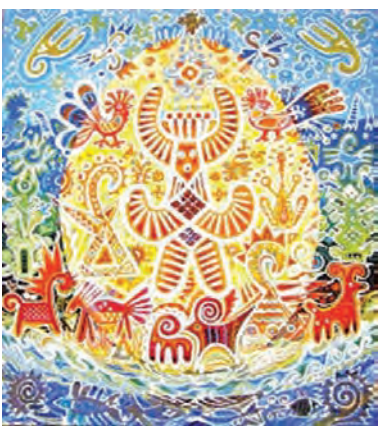
Морис Метерлинк

Сегодня я хочу рассказать о человеке, которого уже нет с нами. Зоя Сергеевна Пасечная ушла 1 октября 2018 года, как говорится, на радугу. На ту радугу, которая присутствовала во всех ее работах, которая радовала нас, украшала нашу жизнь.

Ушел Художник навсегда,
И никогда не возвратится…
Внезапно прервана страница,
И не продлится никогда.
Ушел светлейший человек,
Унес кусочек вдохновенья,
Оставив от себя навек
Свои чудесные творенья.
Играют тихо акварели
«Мелодии степи и моря»,
Узнав, «Жар-птицы» прилетели,
«Дидух», «Цветы» поникли в горе.
Когда душа, оставив прах,
Сольется с Вечностью, отныне
Хранит тебя пусть в тех мирах
Твоя «Степная Берегиня»!

Виктор Ситниченко

Работы Зои Сергеевны Пасечной



Зоя Сергеевна Пасечная (1947-2018)

Зоя Сергеевна Пасечная родилась в 1947 году на Житомирщине. В 1967 году окончила Киевское училище декоративно-прикладного искусства Украины (в настоящее время Киевский институт декоративно-прикладного искусства и дизайна им. М. Бойчука). С 1968 г. жила в Одессе. С 1974 г. активно принимала участие в тематических выставках. А с 1997 г. начала персональную выставочную деятельность. Творчески работала в области декоративной живописи и росписи. Член Национального союза мастеров народного искусства Украины, член Национального союза художников Украины, заслуженный мастер народного творчества Украины, лауреат премии им. Г. Палецкого в 2007 году. На счету мастерицы – более 40 персональных выставок в городах Украины (Одесса, Киев, Канев, Винница, Хмельницкий и др.). Произведения хранятся в фондах музеев Украины и частных коллекциях отечественных и зарубежных ценителей народного декоративно-прикладного искусства (Польша, Канада, Россия, США, Франция, Германия, Китай, Израиль, Нидерланды, Болгария, Италия).

Истоки творчества Зои Пасечной лежат в фольклоре. Но при этом работы разные. На некоторых художница использовала, гармонично совмещала и переосмысливала древние символы и узоры. А на других картинах и графических работах использовала фольклорные образы (казака Мамая, вещих птиц).

Некоторые работы напоминают творчество Екатерины Билокур, а что-то – подобно петриковской росписи, которую Пасечная изучала еще в училище.

Зоя Сергеевна долгое время не могла вписаться ни в какие рамки, ее творчество было «неформатом». Только в 2007 году она

получила звание «Заслуженный мастер народного искусства». Только после этого посыпались другие награды и звания, и многоопытная художница была наконец принята в Союз художников Украины.

Используя разнообразные приемы традиционной народной росписи, храня ее особенности, художница постоянно работала над созданием собственной образно-стилистической манеры, где народная традиция не только не теряла свою привлекательность, а наоборот – расцветала в новой интерпретации.

Фантазия, вкус и безукоризненное мастерство вызывают желание постоянно совершенствовать собственный стиль. В произведениях художницы представлены фантазии на тему народной жизни с ее оригинальной живописной колористкой. Они содержат жизнеутверждающее начало, пульс безудержной энергетики добра, любви и тепла.

Зоя Пасечная была автором иллюстраций к десяти детским книжкам, сборнику стихотворений, украинских сказок и колыбельных.

По инициативе З.С. Пасечной в Одесской области вышили уникальное семиметровое полотенце. Она разрисовала полотно традиционными украинскими символами и путешествовала с ним по городам и селам области, где вышивала вместе с местными мастерицами и школьницами. Так Зоя Пасечная хотела вовлечь людей в национальную культуру.

На полотне изображено так называемое древо жизни: его корни символизируют прошлое, а крона – будущее. По замыслу художницы, самый крупный цветок изображает Одессу, а города и села представлены в виде больших и маленьких бутонов. На полотенце есть и традиционные орнаменты: волнообразные линии, символизирующие море, и виноградная лоза, которая обозначает богатство земли.

Над полотном уже успели поработать мастерицы из Одессы, Белгород-Днестровского, Сараты, Черноморска, Рени, Кодымы и Южного. По окончании вышивки полотенце передадут в Одесский областной центр украинской культуры. Его также будут показывать на фолк-фестивалях.

Много планов было у Мастера. Не успела…

Но ее яркие жизнелюбивые работы останутся с нами как символ нашей цветущей Украины!

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Искусство – жизнь – искусство

208 **Вера Зубарева**
Cherchez la rose, или А есть ли «роза дивная»?

214 **Виталий Амурский**
Пространства и ориентиры А. Гинзбурга в годы изгнания

232 **Юрий Дикий**
Время минувших поколений

245 **Анатолий Горбатюк**
Джаз и театр миниатюр

253 **Леонид Авербух**
Одесские музы поэтов

273 **Евгений Деменок**
Одесситы пишут Бурлюку

290 **Игорь Лосинский**
Из плаща Одиссея

299 **Валерий Бодылев**
«Сказаны были серебряные слова…»

302 **Ирина Озаринская**
Венеция Озаринская

Вера Зубарева

Cherchez la rose, или А есть ли «роза дивная»?*

О, чего только не срифмуют поэты! «Розы-морозы», например. Даже Пушкин не устоял перед соблазном потрафить (в шутку, конечно!) читателю, ожидавшему этой заветной рифмы:

И вот уже трещат морозы
И серебрятся средь полей…
(Читатель ждет уж рифмы розы;
На, вот возьми ее скорей!)

(IV глава «Евгения Онегина»)

Шутки шутками, но какое отношение розы имеют к зиме? Вяземский в сатирическом посвящении В.А. Жуковскому, в частности, высмеивал и эту рифму, говоря о соотношении «между стиховой формой и мыслью»**:

Умел бы, как другой, паря на небеса,
Я в пляску здесь пустить и горы и леса
И, в самый летний зной в лугах срывая розы,
Насильственно пригнать с Уральских гор морозы.

Рифма «розы-морозы» трактуется Вяземским как «насильственно пригнанная», надуманная, идущая вразрез с законами природы. В то же время мы знаем, что Пушкин определил себя

* Полная версия статьи опубликована в «Новом мире» № 2, 2019.

** Л. Гинзбург. П.А. Вяземский. Вступительная статья. // П.А. Вяземский. Стихотворения. – Л., 1984, с. 43.

как поэт действительности, и для него, по словам Ю.М. Лотмана, «пошлы претензии на необычность».*** В чем же дело? Почему Пушкину важно было сохранить эту рифму уже не в шутливом стихотворении о «розе дивной»?

Стихотворение «Есть роза дивная», которое столько раз уже обсуждалось в критике, было написано Пушкиным неизвестно когда неизвестно кому и неизвестно зачем. Иными словами, дата написания, предмет посвящения и причина появления этих стихов до сих пор дебатируются. Как отмечает Н.Л. Дмитриева, «главный парадокс заключается в том, что невозможно точно определить время создания произведения, имеющего проставленную дату»****. Наверняка лишь известно, что «Роза дивная…» была опубликована в 1858 году, то есть спустя 21 год после смерти Пушкина. Что же касается причины написания, то тут литературоведы явно находились под влиянием французов и воспользовались советом *cherchez la femme*. Поэтому в интерпретациях возобладало клише «роза – красотка – Пушкин». Например, Д.Д. Благой называл это стихотворение «блистательным мадригалом», и поиск той таинственной красавицы, вдохновившей Пушкина наподобие того, как Елизавета Киндякова вдохновила П.А. Вяземского на «Запретную розу», продолжается до сих пор.*****

Упуская весь развернутый список исследований на эту тему, отметим главное: во всей этой занимательной истории с поиском женщины отсутствует сама дивная героиня – ее величество роза. Если о ней и говорят литературоведы, то лишь как об условности и довольно прозрачной метафоре «чувственной любви», «цветке Венеры»,****** поэтическом клише французской поэзии XVIII в.******* Но ведь не состязанием же с французскими

*** Ю.М. Лотман. Пушкин. – СПб., 2003, с. 54.

**** Н.Л. Дмитриева. Еще раз о стихотворении Пушкина «Есть роза дивная. Она…». // Пушкин и его современники. Сборник научных трудов. / «Нестор-История». Выпуск 5 (44). – 2009, с. 140.

***** См. Горчаков В.П. Выдержки из дневника об А.С. Пушкине // Пушкин в воспоминаниях современников. 3-е изд. – СПб., 1998. Т. 1, с. 236.

****** Н.Л. Дмитриева. Указ. соч., с. 134.

******* Алексеев М.П. Споры о стихотворении «Роза». // Пушкин: Сравнительно-исторические исследования / АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом). – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972, с. 349.

поэтами занимался Пушкин, создавая свою розу, и не литературоведческие же тонкости увлекали его в момент сотворения этого маленького шедевра! А что если неувядаемая роза – не плод воображения поэта? Что если она существует в действительности? Если да, то как это обогатит понимание смысла этих стихов? Пушкин ведь всегда и во всем следовал четкой концепции. Его муза «проясняла» ум поэта:

Прошла любовь, явилась муза,
И прояснился темный ум.

«Две символики розы встретились на почве русской народной поэзии, языческая и христианская», – писал Веселовский.* В общем и целом разнообразие пушкинских роз сводится к трем основным типам – природному, где роза увядает как всякое дитя природы («Роза», 1815), античному, как, например, в черновом наброске «Лишь розы увядают» (1825), и к стихам, где роза выступает как «дева», окруженная нимбом целомудренности («О дева-роза, я в оковах…», 1824).

Эволюция розы достигает своего расцвета в «Розе дивной», где наблюдается необычное соединение античной и христианской символики, но последняя присутствует в скрытом виде, ее образ закодирован. Ключ к коду Пушкин дает в определении розы как «неувядаемой».

Есть роза дивная: она
Пред изумленною Киферой
Цветет румяна и пышна,
Благословенная Венерой.
Вотще Киферу и Пафос
Мертвит дыхание мороза –
Блестит между минутных роз
Неувядаемая роза…

(III, 1; 52)

* А.Н. Веселовский. Избранное. На пути к исторической поэтике / Сост., послесл., коммент. И.О. Шайтанова. – М.: Автокнига, 2010, с. 308.

С одной стороны, «роза дивная» благословлена Венерой. С другой, в отличие от своих элизийских подруг, она наделена признаками бессмертия. При этом бессмертие здесь явно не призрачного толка – это не блуждания «благовонных теней» над Летою. Это бессмертие *иное*, невиданное ранее, о чем свидетельствует эпитет «изумленная» по отношению к Кифере – острову, около которого была рождена Афродита (с ней позднее отождествляли Венеру). Стало быть, «неувядаемая роза» являет красоту, неведомую языческому миру.

Мороз становится своего рода проверкой и выявлением чудодейственных свойств розы. Его дыхание «мертвит» все сиюминутное, очищая поле зрения для созерцания вечного. И по-новому начинает играть рифма «роза-мороза», над которой иронизировал Вяземский. В ней проявляется символика, связанная с Таинством.

Срифмованная с морозом, бессмертная роза уводит к зиме – времени Рождества Христова. Только вот не верится, что пушкинская роза это чистый символ наподобие «розы без шипов» Жуковского (1819). Пушкин не работал ни в манере Жуковского, ни в манере метафизической школы, чья поэтика выстраивалась вокруг значений и символов надмирного толка, не связанных с реалиями бытия. Его роза должна была иметь свой ботанический прототип, который и вдохновил бы Пушкина на размышления и сопоставления сакраментального толка.

Судя по признакам, на которые указывает Пушкин, описывая свою героиню, речь идет о «снежной розе», известной также как Роза Христа, Рождественская роза, или Helleborus niger (черный морозник). Это растение из семейства лютиковых, и с ним знаком любой ботаник. Черный морозник получил свое название по окраске корней. В Западной Европе у него есть еще одно название – «Рождественская звезда». Роза Христа цветет с декабря по февраль, и поскольку процесс цветения у нее очень плавно переходит в созревание плодов, то она никогда не выглядит увядающей. Разновидности ее могут быть довольно крупными с розовыми и даже темно-красными лепестками, что отражено и в пушкинской «румяной и пышной» розе.

Поначалу «Снежная роза» произрастала только в Южной и Центральной Европе, что объясняет метафору зимней Киферы и Пафоса в пушкинском стихотворении. Ее свойства были хорошо известны в Древней Греции, где из нее приготовляли снадобья и яд. А в России «впервые о морознике стало известно в XVIII в. Именно тогда академик П.С. Паллас, обследуя в конце века флору России, обратил внимание на выносливое растение, начинающее цвести во время еще не отступивших морозов».* Helleborus niger выращивают в умеренном климате как один из выносливых видов.** Пушкин мог видеть его в окрестностях Москвы или в другой области средней полосы России, в частности – в Псковской, где находилось его родовое имение в Михайловском, или в Нижегородской, куда он ездил в Болдино, и где по сей день выращивают Helleborus niger. Кроме того, черный морозник мог встретиться ему на Кавказе или в Молдавии.

Символика ботанического названия четко очерчивает границы пушкинской концепции. «Минутные розы» на острове Афродиты противопоставлены розе неувядаемой, как культура античности христианской культуре. Речь идет о победе эстетики христианства над эллинизмом, представленным в образе Венеры, благословившей «неувядаемую розу» как красоту духовную, одержавшую победу над античной красотой. Благословение в данном случае – это метафора преемственности по отношению к новому вероисповеданию: именно в эпоху эллинизма сформировался общегреческий язык койне, ставший впоследствии языком Нового Завета.

В контексте христианской символики «неувядаемая роза» ассоциируется с известной иконой Богоматери «Неувядаемый цвет», написанной в XVII веке в Греции (по одним источникам, на Афоне, по другим – в Константинополе).*** Основой образа Девы Марии послужили тексты византийских акафистов, где она сравнивается с неувядаемыми цветами. На иконе Пречис-

* Алевтина Корзунова. Морозник. Эл. книга. https://www.litres.ru/alevtina-korzunova/moroznik/chitat-onlayn/

** См. Анна Рубинина. Неприхотливые садовые многолетники – морозник. // Мир растений и деревьев | № 1 (82), 2015.

*** Об иконе в творчестве Пушкина см. Б.А. Васильев. Духовный путь Пушкина. – М., 1994.

тая Дева чаще всего изображается с белыми лилиями или розами. Нужно сказать, что русские иконописцы редко обращались к этому образу, поскольку он относится к греческому, а не византийскому письму. Однако словесный образ неувядаемого цветения как метафоры Богородицы присутствует в православных молитвах. В заключительной молитве из «Канона молебного Пресвятой Богородице, творение Феостирикта монаха» говорится: «О Мати Господа моего! Ты еси корень девства и неувядаемый цвет чистоты». Канон обычно читается либо дома, либо в храме перед св. причащением. Сомнительно, что Пушкин мог этого не знать, или, зная, не уловить своим поэтическим слухом созвучности своей «неувядаемой розы» с «неувядаемым цветом чистоты».

Таким образом, и география ботанической розы, и метафора «неувядаемого цвета» перекликаются с пушкинской розой, которая несет в себе предысторию, символизируя путь от красоты тленной, физической, воспетой язычеством, к красоте Неувядаемой, воспетой в христианстве. «Его обращение к античной мифологии было связано с тем, что он видел в ней замечательный источник поэзии и красоты», – пишет Феликс Раскольников в статье «Пушкин и религия».**** И тот же критерий поэзии переносится им и на христианство у Пушкина: «в Евангелии его, помимо нравственного и философского содержания, привлекала именно поэзия, или, как он выразился, «Божественное красноречие».***** А оно всегда концептуально и зиждется на сочетании Таинства, пронизывающего тварный мир, с конкретикой и жизненностью.

Филадельфия

**** Феликс Раскольников. Вопросы литературы, 2004, 3, с. 107.
***** Феликс Раскольников. Указ. соч., с. 106.

Виталий Амурский

Пространства и ориентиры А. Гинзбурга в годы изгнания

Есть такое понятие – шестидесятник, уже вошедшее в язык, в литературу.

Для меня самым ярким представителем шестидесятничества был и остается Алик Гинзбург. Никогда не называл его Александром, тем более Александром Ильичом: когда мы познакомились, подружились в конце 50-х годов, и ему, и мне было по 23 года. Мы ровесники. Он родился 21 ноября 1936 года, я на две недели позднее.

Это сегодня об Алике говорят, цитируя его шутку, – «зек в третьем поколении». Тогда еще он не был «зеком», работал в «Московском комсомольце», дружил с андерграундными поэтами и художниками, расстался с профессией актера, но любил театр… И вообще, его квартира в Москве, всегда радушно всех принимавшая мама Людмила Ильинична, были центром, средоточием жизни литературной богемы…

Отец Алика Сергей Чижов, архитектор, был арестован в 1936 году. Умер в застенках, не увидев сына. Дед Алика – археолог Чижов – погиб в 1918 году, став одной из первых жертв «красного террора». Алику было в кого пойти. Но это был мягкий, интеллигентный, смешливый, отнюдь не героический человек. Но оказалось, что обостренное чувство справедливости может сделать интеллигента – борцом.

В доме Алика Валя и я познакомились с Наташей Горбаневской, видели Олега Целкова, слушали Александра Марченко. Это Алик возил меня в Лионозово к Кропивницким и Рабину, водил слушать Булата Окуджаву.

Простая идея пришла ему в голову – выпускать неподцензурный журнал поэзии. В каждый номер – стихи десяти поэтов, тех, кого не печатают. Алик выпустил три номера журнала «Синтаксис», дал путевку в жизнь 30 поэтам. Я держал журналы в руках, два из них привез в Одес-

су. Там были стихи Бродского и Ахмадулиной, Сапгира и Холина, Окуджавы и Глазкова… Хороший вкус был у Гинзбурга и предвиденье.

Правда, и у КГБ был нюх, а не вкус. Уже готовился четвертый номер «Синтаксиса», когда пришли с обыском. Вывезли, как рассказывал мне Алик, полгрузовика стихов. И получил Гинзбург первый срок – два года во «Вятлаге». А когда вышел, поступил в историко-архивный институт. И стал документировать преступления режима. По делу Андрея Синявского и Юлия Даниэля составил «Белую книгу». Теперь уже – пять лет в мордовских лагерях. В третий раз его посадили как члена Хельсинкской группы, распорядителя фонда Солженицына…

Очень много дал мне Алик Гинзбург для осознания самого себя. Могу гордиться, что я познакомил его с Ирой Жолковской, ставшей его верной спутницей, помощницей, женой – Ариной Гинзбург.

Умер Алик в Париже в 2002 году. Сердце. Сегодня о нем есть замечательная 800-страничная книга Владимира Орлова «Алик Гинзбург. Русский роман», вышедшая в 2017 году, есть документальные фильмы. Очень обрадовался, когда узнал, что у нашего постоянного парижского автора Виталия Амурского есть для нас текст об Алике Гинзбурге, и с удовольствием предлагаю его читателям.

Евгений Голубовский

Александр Ильич Гинзбург (1936-2002) для меня, как и для тех, кто знал его близко, дружил с ним, – а таких людей ему всегда доставало и на родине, и в эмиграции, – был просто Алик Гинзбург… Так он, кстати, представлялся сам, так предлагал обращаться к нему. Познакомились мы в Париже во второй половине 80-х. Сейчас не помню точно, где именно и при каких обстоятельствах, – возможно, в редакции ныне не существующей газеты «Русская мысль», где я изредка публиковался и под псевдонимами, и под собственной фамилией, и одним из ведущих сотрудников которой он тогда стал. Невысокий, худощавый, с копной седых волос, со стреляющим лукавством взглядом, он выглядел значительно старше своего возраста. Но зная о том, какие испытания выпали ему на родине, сколько он сделал для того, чтобы там не угас появившийся после смерти Сталина огонек надежды

на свободу и демократию (я извиняюсь за столь высокий тон, но в данном случае не чувствую неловкости, ибо это было так), удивляться этому не приходилось.

Больше всего при нашей первой встрече я, помнится, оказался поражен его простотой, тем, как он, не зная меня, сразу же заговорил, словно мы просто давно не видели друг друга. В этой простоте не было панибратства, искусственной вежливости, которую подчас проявляют известные, влиятельные персоны по отношению к остальным. Знакомство – как я его ощутил, во всяком случае, – оказалось равно встрече земляков, разными путями оказавшихся в новой стране, в новом мире, где такие слова, как Маяковка, Тишинка или Полянка, являлись не столько московскими топонимами, сколько знаками общей любви и духовной насыщенности, обретенной там.

Да, в Париже Алик Гинзбург появился в ореоле известности, которую обрел в СССР и как редактор одного из первых в самиздате литературных журналов «Синтаксис», – хотя при его непосредственном участии в 1959-1960 годах удалось издать всего три номера (кстати, во втором были опубликованы стихи Иосифа Бродского); и как автор документальной «Белой книги» о процессе Синявского и Даниэля 1965-66 годов; и как правозащитник, член московской Хельсинкской группы, которого властям не удалось сломать многочисленными преследованиями и тюремно-лагерными судебными приговорами, – вырваться же из их дьявольской системы удалось лишь благодаря тому, что в руководстве США проявили знак доброй воли: в 1979 году в обмен на него и еще четырех советских узников (Эдуарда Кузнецова, Марка Дымшица, Георгия Винса, Валентина Мороза) американцы освободили из своей тюрьмы советских шпионов Рудольфа Черняева и Вальдика Энгера. Холодная война была в разгаре, и об этом обмене, как до того, в 1976 году, об обмене Владимира Буковского на лидера чилийских коммунистов Луиса Корвалана, писали во всех западных газетах – в СССР такую информацию получали, в первую очередь, слушатели радио «Свобода» и других западных радиостанций.

Позднее сам Алик не только писал о разных событиях на родине, которые замалчивались режимом, но и выступал у разных

микрофонов, делясь со слушателями той информацией, которую по собственным каналам получал из-за железного занавеса. Не помню ни одного случая, когда бы он отказал в подобных просьбах мне как сотруднику русской редакции Международного французского радио (RFI), – все, что он говорил, было при этом безукоризненно точно по фактам, сдержанно и корректно в части комментариев. Очень интересно, помнится, рассказывал о том, как осенью 1994 года во время командировки в Москву он был приглашен в КГБ, чтобы… забрать конфискованный у него еще в 1960 году машинописный экземпляр второго тома пастернаковского «Доктора Живаго», и как отказался он забрать его (хотя и чрезвычайно дорожил этим экземпляром, в свое время полученным лично от автора), потому что счел: архив гэбэшников окажется более надежным хранилищем столь ценного экземпляра, чем шкаф дома… Публикация моя об этом эпизоде под заголовком «Возвращение «Доктора Живаго» появилась в нью-йоркской газете «Новое русское слово» 4 ноября 1994 года. К теме этой беседы, несколько расширив ее рамки, замечу попутно, мы вернулись еще раз в следующем году – материал назывался: «Мне хочется, чтобы вокруг нас было некое поле правды…» (НРС, 27 сентября 1995). Да, несомненно, для Алика было важно ощущать всегда именно некое поле правды. Поле порядочности. И со стороны людей, и со стороны государства. Хотя, разумеется, идеалистом его считать отнюдь не следовало бы.

Тюрьмы, лагеря, гэбэшная возня, которую он знал не понаслышке, не лишили его данного ему, видимо, с рождения, особого дара находить даже в темных сторонах жизни что-то доброе; он любил шутить – правда, повторяя подчас одну из своих любимых, запомнившихся поневоле, поговорок: «Не плачь, не бойся, не проси». Лишь один раз мне показалось, что к глазам его подступили слезы – в январе 1997 года, на похоронах Михаила Яковлевича Геллера.

Вспоминая Алика в редакции «Русской мысли», я вижу, прежде всего, узкую комнатушку, стол, заваленный кипами газет, журналов, гранками, – и среди них его, погруженного в какие-то бумаги, но моментально снимающего трубку вдруг зазвонившего рядом телефона или вскидывающего голову: а, это ты, привет!.. В отличие, скажем, от Наташи Горбаневской, от которой словно

исходило электричество, когда она была занята, Алик сохранял прямо-таки олимпийское спокойствие, мягкость, доброту и как бы извинялся за то, что в этот момент не может уделить тебе время. Работал же он, впрочем, не глядя на часы. Работал и в редакции, и дома, где помимо часто звонящего телефона были постоянно включены два телевизора с трансляциями из СССР. Не из того, конечно, где все закрыто за прочными замками, а из СССР, где началась перестройка…

При всем том он умел чудесным образом совмещать невероятное количество дел с посещением художественных выставок, литературных встреч, концертов, которых в «русском Париже» во второй половине 80-х годов было немало. Встречал я его, к примеру, и на вернисажах у Оскара Рабина и Олега Целкова, и на спектакле «Женитьба», в котором играл Лев Круглый, и в клубе «Симпозион» у Леши Хвостенко, и в мастерских Виталия Стацинского, Николая Дронникова, и на выступлениях приезжавших из Москвы Генриха Сапгира, Айги, Булата Окуджавы (да и не только на выступлениях, но во время других встреч)[1]. Некоторые творческие встречи Алик инициировал сам. Именно с его подачи вне официальных программ и мы с женой как-то принимали у себя, увы, в не слишком большой квартире в парижском пригороде Кретей приезжавших в конце 80-х годов во Францию со своими песнями Веронику Долину, Сергея и Татьяну Никитиных, Олега Митяева и Константина Тарасова… Кстати, через несколько лет Алик спросил меня о том, нельзя ли организовать у нас еще одно выступление Никитиных, на что я вынужден был дать отрицательный ответ – в то время мы жили уже в другом месте, в более стесненных условиях. Нашел ли он кого-либо для этого – не знаю. Пишу об этом сейчас лишь для того, чтобы отметить очень доброе отношение Алика к этим исполнителям.

Для некоторых, кто не жил в Париже в 80-е годы (а это был в какой-то мере наиболее насыщенный событиями период «третьей волны» эмиграции), русская жизнь в столице Франции представляется неким ярким полотном. Это так, здесь жили и работали, сюда приезжали известные люди – писатели, художники, барды… Однако именно наличие крупных фигур являлось причиной и раздробленности. Полного единства (плохо или хорошо

В редакции парижской газеты «Русская мысль», ноябрь 1994 года. Стоят: Алик Гинзбург, Булат Окуджава и Арина Гинзбург. В первом ряду: Виталий Амурский и Ольга Арцимович (жена Булата)

это – другое дело) не было. Круг Андрея Донатовича Синявского и Марии Васильевны Розановой – это была одна «вселенная», круг Владимира Емельяновича Максимова – другая; художники тоже не всегда ладили между собой… Были фигуры и весьма самостоятельные, хотя порою получали поддержку то в одном, то в другом «лагере»: Виктор Платонович Некрасов, Дмитрий Михайлович Панин… Сказать о том, кому был ближе всех Гинзбург, – значило бы ошибиться. Он был в равных, или, может быть, правильнее сказать, в равных и ровных отношениях со всеми «большими величинами» – не только потому, что сам являлся «величиной», но потому, что даже при наличии разногласий с тем или иным земляком умел сохранить не только корректность в отношениях, но и необходимую в каждом отдельном случае дистанцию.

Я любил и уважал его таким, каким он был.

Поток этих отрывочных, не укладывающихся в некое русло воспоминаний налетел на меня не просто так. Поводом тому послужила вышедшая в Москве в 2017 году в издательстве «Русский Путь» большая книга «Александр Гинзбург: русский роман» – книга, составленная из материалов семейного архива, фрагментов мемуаров, дневников, официальных документов и различных публикаций в советской прессе об этой замечательной и, вне сомнения, одной из ключевых фигур диссидентского движения в СССР. Составителем этого поистине огромного, но главное – захватывающего обилием интереснейших моментов (не только в биографии Гинзбурга, но и в истории страны) труда явился московский исследователь Владимир Орлов. Однако почти весь корпус книги его оказался посвящен тому времени, когда Алик находился на родине; тому, как сложилась его жизнь в эмиграции, отведено лишь несколько страничек «Эпилога». И вдруг – вот уж, право, странное стечение обстоятельств! – именно в то время, когда я погрузился в страницы, собранные Орловым, мой добрый парижский знакомый, историк русской эмиграции Андрей Корляков сообщил, что обнаружил в своем архиве видеозапись моей беседы с Гинзбургом, датированную 17 декабря 1998 года. Вспомнилось: именно по просьбе Андрея перед камерой, приехав домой к Алику (тогда только что вернувшемуся из больницы, где он находился с тяжелой болезнью), я задал ему ряд вопросов, касающихся именно его жизни в эмиграции. И вот вдруг эта старая запись вынырнула из глубины лет!

Получив от Андрея звуковую ее часть, я испытал, прежде всего, огромную радость услышать знакомый голос, но мне также подумалось о том, что распечатка записи может представлять интерес для тех, кто хотел бы познакомиться с биографией Гинзбурга вне родины (свою работу В. Орлов, к счастью, продолжает!), но и со все дальше и дальше уходящей в прошлое реальной историей последней русской эмиграции (ибо говорить о приехавших во Францию и другие страны людях из постсоветской страны как об эмигрантах, конечно, нельзя, или можно лишь об исключениях). Главную же ценность сохраненной А. Корляковым записи я увидел в том, что о себе, о своем опыте в эмиграции Алик Гинзбург, не оставивший по-

сле себя мемуаров, рассказывает сам. Сам проводит основную канву собственной жизни.

Как обычно, перевод живой речи на бумагу потребовал некоторых сокращений, легкой правки, а также больше пояснений, чем к этим своим страничкам (ибо об упоминаемых мною некоторых фигурах достаточно известно и без этого). Но самая главная работа при этом все же отведена комментариям, без которых читателю, мало знакомому с названиями, именами и местами, которые упоминаются моим собеседником, будет трудно разобраться.

* * *

– Мне хотелось бы начать наш разговор с более-менее широкого вопроса: духовный опыт эмиграции… Что дала тебе жизнь в изгнании: принесла больше добра или зла, открыла глаза как-то по-новому на мир, на себя?

– На себя – едва ли. На людей – едва ли. На мир – безусловно. Просто первые пять лет эмиграции для меня были годами сплошных путешествий. Когда мы стали считать, то получилось, что в самолете или, скажем, в машине по дороге в аэропорт и обратно я провел больше, чем где бы то ни было. Такая у меня была работа. Я был международным представителем американских и одновременно французского профсоюза Форс Увриер.[2] После чего я несколько угомонился с путешествиями, хотя, в принципе, ездить не переставал; просто вернулся к нормальной своей профессии – к журналистике. И тут как раз произошло очень забавное: я начал работать в газете, которая первый раз меня напечатала за 13 лет до моей эмиграции.

– О какой газете ты говоришь?

– Я говорю о парижской газете «Русская мысль», которая и потом еще меня неоднократно печатала, на свободе ли я был, в тюрьме ли… В общем, мне удавалось поддерживать с этой газетой какую-то связь, а тут у меня появился «большой блат» (улыбаясь. – **В. А.**) – моя жена работала заместителем главного редактора. Вот и я начал просто работать, но тоже не без поездок по миру, но, по крайней мере, уже с какой-то возможностью

строить новый дом. Потому что, скажем, когда я приехал на Запад – меня, так сказать, «привезли» в обмен на советских шпионов в 1979 году, – все мое хозяйство составляла пачка фотографий, которые я за свое лагерное время получил из дому; потом, почти через год, приехала семья – их было четверо: мама, жена, двое мальчишек, пяти и семи лет; на четверых у них было три чемодана – один занимали мамины любимые подушки… Поэтому начинать строить дом надо было с самого начала. Я не построил своего собственного дома, так сказать, – я живу в квартире, которую снимаю, но тем не менее у меня есть дом, в котором стоят собранные мною книжки, висят собранные мною картины. У меня вообще есть любовь к собирательству: я вот сейчас начал собирать колокольчики, их у меня уже больше пятисот штук…

– А как получилось, что именно во Франции ты решил остаться, а не в США, в Германии или какой-то другой стране? Почему Париж оказался последней станцией?

– До тех пор, пока не приехала жена,[3] я базировался, в основном, на Америку. Меня «меняло», вообще, американское правительство, и бумаги какие-то – не паспорт, но проездные бумаги, – у меня были американские…

– Беженские бумаги?

– У меня не было беженских бумаг, просто потому что я не был беженцем. Вот этого опыта у меня нет. Мне американцы сразу дали так называемую «грин карт» – вид на жительство. А жена прилетела буквально через несколько дней после того, как американцы отменили из-за начала войны в Афганистане прямые рейсы Москва – Нью-Йорк. Поэтому она летела через Париж. Встречал я ее в Париже, и уже на следующий день мы улетели в Нью-Йорк. Но в первый же свой парижский день она получила приглашение на работу от главного редактора «Русской мысли». Это была какая-то первая зацепка. Потом я уже расстарался и устроился на работу в американские профсоюзы АФТ-КПП[4] в качестве их представителя для связей с Европой, Африкой и Азией. Это было одним из двух их международных бюро – другое было для Латинской Америки. Бюро и место, где я получал зарплату, было в Париже.

– В Африке ты побывал?

– Побывал. Почти во всех странах Африки. Побывал – что это значит? Нужно было, чтобы профсоюзы самых разных стран на ежегодных сессиях Международной организации труда поддерживали всякие американские инициативы, в частности, инициативы американских профсоюзов. Такие переговоры не продолжаются неделями, это, как правило, одно-двухдневный визит, во время которого я был с переводчиком. Кстати, переводчики в Африке у меня почти все были из московского университета Дружбы народов им. Лумумбы, и, должен признаться, мне казалось, что, как говорится, по отношению к коммунизму правее меня только стенка, но в «любви» к коммунизму эти ребята меня очень сильно переплюнули! Вот такая была работа, при которой я практически не бывал дома, хотя и пытался, по крайней мере в первый год,[5] когда Никита Алексеевич Струве[6] выделил нам квартиру в Монжероне[7], в его большом пространстве устроить нечто вроде Русского культурного центра. Но, видимо, для того, чтобы получился центр, нужно, чтобы он и находился в центре. А для Парижа, скажем, расстояние в 17 километров от него очень сильно мешает такому существованию.

– То есть, проще говоря, для парижанина ехать за 17 километров довольно далеко?

– Конечно. Да, люди приезжают. Но гораздо меньше, чем если это где-то в черте города. И поэтому, хотя в эту идею было вложено немало и физических, и интеллектуальных сил, она не получилась.

– Для понимания неуспеха с монжеронским культурным центром, видимо, нужно говорить и о неуемной активности каких-то людей, которые хотели занять там больше помещения…

– Думаю, в какой-то мере это касалось еще только двух людей[8], которые имели прямое отношение к Монжерону. Это касалось Саши Глезера, коллекционера и владельца действительно замечательной коллекции русской нонконформистской живописи, у которого в другом здании в том же Монжероне был музей[9]. Но вот, кстати говоря, его пример – то же самое, что мой пример:

коллекция замечательная, когда на какое-то время она переехала в Париж, была недалеко от Ле-Аль, там всегда был народ. Я имею в виду галерею Мари-Терез[10], хотя по объему, по количеству картин она была гораздо меньше, чем в Монжероне. Хорошо, если в Монжерон приезжало человек пять-шесть. Вполне могли ужиться и с монахами, которые были католиками, а стали православными, и т. д., и которые там использовали еще одно помещение – церковь, на которую мы никак не претендовали… Нет, это все можно было бы! Но невозможно вкладывать душу по-настоящему в то, что нужно нескольким десяткам людей…

– Так или иначе, интересы разных людей могут сталкиваться, расходиться…

– Да это и нужно! Никита Алексеевич Струве, по-моему, вполне успешен со своим семинаром этих монахов, богословов-французов. Просто потому, что когда они собираются все, а их всех не больше десяти, то это уже замечательно. Они – все здесь. А мы, хотим или не хотим, даже если к нам приезжает сто человек, то знаем, что это далеко не все. И волей-неволей пришлось бросить. После этого еще несколько человек пытались что-то там сделать, но мне кажется, что у них получилось не больше, чем у меня. Только у каждого еще более короткое время.

Монжерон продолжался всего год. Весь смысл жизни в Монжероне заключался в том, что вот здесь мы живем и здесь же занимаемся этим самым Культурным центром; а какое у нас есть право там жить, тем более что квартплату с нас брали чисто символическую, – если мы этого не делаем?! Поэтому мы перебрались в Париж. Освободили свое помещение для следующих.

– Это то самое время, когда в Париже было очень много интересных фигур – писателей, художников из тогдашнего Советского Союза… Некрасов, Максимов… Галич сюда наведывался (жил потом)…

– Галича я не застал. Он погиб, когда я был в лагере.[11]

– Из тех людей, которых ты здесь застал, кто больше всех запомнился? Из писателей, скажем?

– Очень забавно!.. Все, кого ты перечислил (кроме Галича), у нас были, и у меня даже сохранились их записи, сделанные американской любительской видеокамерой. Но больше всех мне почему-то пришелся по душе, по какому-то такому настроению, Абдурахман Авторханов[12], который в Париже был гостем. Он приезжал из Германии, и для него был устроен один из вечеров. Все вместе это называлось «Пятницы на Санлиской мельнице».[13] Действительно, в течение года мы не пропустили почти ни одной «пятницы», а это – почти пятьдесят событий[14], включая литературные, музыкальные вечера, выставки… Там много чего было!

– Говоря об Авторханове: чем именно он запомнился тебе больше всех?

– Видимо, этот человек был создан (притом, что он был уже почти совсем глухой) для живого общения; для третьей эмиграции, по крайней мере, – человек легендарный. Вот это – получилось!

– Авторханов стал легендарным благодаря своей «Технологии власти»…

– Да, это 67-й – 68-й год[15]… С того времени уже прошло 12 лет, выходили другие книги… И наконец перед нами появился живой! Он обаял не просто меня[16] – это всегда видно по общему настроению аудитории. Притом, что он что-то недослышивал, говорил громче, чем обычно привыкли мы слышать, орал… Это было страшно интересно!

– Коль скоро речь идет о специалисте по России, по СССР, наверное, в таком случае правомерно вспомнить тоже о Михаиле Яковлевиче Геллере?

– Его в это время у нас не было. По самой простой причине. Аудиторией Геллера в это время были, с одной стороны, – Сорбонна, французские студенты; с другой стороны, его аудиторией были читатели журнала «Культура»[17]. В «Русской мысли» он практически не публиковался. Он как-то не входил в сферу, скажем, русской культурной жизни, появился даже позже меня,

а я там появился году в 1985-м… Реально, то есть когда я кончил работать в профсоюзах. Я тогда несколько месяцев поотдыхал, кое-как пришел в себя и начал работать в газете. Это был процесс переустройства этой газеты.

– После Шаховской[18]?

– Нет, более пяти лет там уже была Иловайская[19], но для того чтобы понять ситуацию (ситуацию в эмиграции, в частности, а «Русская мысль» изначально была эмигрантской газетой), требовалось какое-то время, и далеко не сразу все делалось. И Аринино, и мое, и других людей появление в газете было процессом некоей переориентации в газете. Мы все, с одной стороны, обратили внимание на довольно заметное уменьшение контингента читателей, с другой стороны, на то, что те, на кого мы привыкли ориентироваться, в газете уже стали читать почти исключительно предпоследнюю страничку, то есть некрологи… Та культурная жизнь, в которой они могли принять участие, к этому времени – к началу 80-х годов – была заметно меньше, чем, скажем, лет пятнадцать назад. Ну даже, допустим, существовал бы Монжеронский культурный центр и еще два таких центра, но это – абсолютное ничто в сравнении с теми десятками эмигрантских организаций, которые были созданы и существовали благодаря первой эмиграции. Первая же эмиграция постепенно перемещалась на Сент-Женевьев-де-Буа, а газета, которая теряет читателей, – теряет свой смысл. И тогда, не без труда и не без дискуссий, мы постепенно решили, что мы будем делать газету для не только, так сказать, но и в большей части для людей в Советском Союзе. Когда мы это решили, у нас еще совсем не было, или почти не было, непосредственных сотрудников там. Мы начали пользоваться материалами так называемого архива самиздата, который существовал при радио «Свобода» и издавал свой регулярный бюллетень. Мы что-то оттуда печатали, что-то из других мест, что-то иногда к нам прорывалось непосредственно, но, в общем, это была такая западная газета, ориентированная на население Советского Союза.

Тогда мы гораздо ближе познакомились (с Геллером. – **В. А.**), он оказался просто идеальным автором для такого рода газеты.

А кроме того, произошло достаточно серьезное событие в самой российской жизни… Говорят, что перестройка началась в 1985 году. Если считать борьбу с алкоголизмом началом перестройки, то с этим можно еще поспорить. Но я обратил внимание на это событие не по словам Горбачева, которого мы видели по телевидению, иногда и читали, – и надо сказать, что он не сильно отличался (возрастом, правда, отличался) от предыдущих властителей… Но вдруг в журнале «Огонек» появилась статья – не помню сейчас, как она называлась, – о пытках советских тюрьмах. Причем не при Сталине, не при Ленине, не при Ягоде, Ежове и так далее, – а сегодня. Вот это уже было таким реальным свидетельством о переменах. И очень вскоре после этого произошло несколько событий. Первое из них – это освобождение Сахарова из горьковской ссылки и почти сразу следом за этим (только надо не забывать, что Сахаров был освобожден через очень короткое время после того, как в Чистопольской тюрьме в результате голодовки умер Анатолий Марченко – человек, который одним из первых рассказал о послесталинских лагерях[20]) – первое, что Сахаров сказал, когда его торжественно встречали на вокзале в Москве: нужно спасать остальных полизаключенных, – и начался этот процесс освобождения… Это был очень непростой процесс, это был процесс иногда омерзительный…

– То, о чем ты рассказываешь, происходило все-таки в Советском Союзе, а не здесь, в эмиграции, но ты рассказываешь об этом так, будто в эти самые времена находился там. Видимо, все остальное, что тебя окружало здесь, отошло куда-то на задний план?

– Можно сказать и так.

– Интересно было бы понять твой внутренний мир. Рвался ли ты туда, или тебе было важнее оставаться, и ты себя лучше чувствовал здесь?

– Сказать, что рвался туда жить, я не могу, потому что единственное, чего я за свою жизнь не сделал, как мне кажется, – я не стал богатым. На самом деле мне в России всю жизнь надо было бы начинать с самого начала, а что это такое –

эмигранты еще помнят. Хорошо, если ты сумел хотя бы накопить деньги на квартиру. С другой стороны, я очень рвался туда ездить, и, увы, мне это удалось не первому, а, пожалуй, одному из последних. Для этого уже понадобилось вмешательство (кроме газетных тамошних вмешательств) на уровне министра иностранных дел Козырева[21], потому что первый раз меня впустили в Россию в феврале 1992 года, когда уже не было Советского Союза. Я успел один отказ получить даже из России. Я был в наичернейшем списке. А дальше, получив единожды разрешение, я получил уже аккредитацию как журналист и начал ездить довольно свободно, практически чуть ли не каждый месяц на неделю.

– Давай вернемся немного назад, к людям, которые здесь жили, многих из которых, к сожалению, нет. Вот, например, Максимов. Какие воспоминания ты сохранил о нем?

– Скажем, мы были в весьма и весьма глубоком разладе, потому что я очень плохо встретил переезд «Континента» в Москву, причем речь тогда шла даже не о Виноградове[22], а о людях, к которым я отношусь гораздо хуже. В общем, мы с Максимовым разругались. Но проходит время, и я сейчас о нем вспоминаю все как-то теплее и теплее. Хотя, надо сказать, что ссориться все мы умели, даже нельзя сказать, что не любили. Мы ссорились. Иногда после этого мирились, но сейчас, когда уже, так сказать, помириться не с кем, вспоминается все-таки лучшее, что он сделал. Буквально вчера у нас был большой довольно разговор о недавнем праздновании в Париже юбилея «Всеобщей декларации прав человека». В результате это празднование превратилось фактически в коммунистическое мероприятие, хотя уж, казалось, как это можно сделать?! Непонятно! И я вспомнил опыт Максимова, у нас были такого рода провалы, как у наших друзей сейчас на этом юбилее, но когда состоялась очередная встреча в Вене – «Хельсинкская встреча», так называемый «Хельсинкский саммит», то именно Максимов сумел организовать… Во всяком случае, это – то, что остается в результате. Не в биографии (в биографии много чего остается дурного), а в душе, все-таки, я думаю, что лучшее.

– А если я назову Синявского?

– С Синявским в течение последних пятнадцати лет его жизни мы здоровались, сохраняли внешние знаки благорасположенности, но были в глубоком идейном разладе.

– Из-за?

– Во всяком случае, как сегодняшний, так и завтрашний мир, Россию, русскую культуру мы представляли абсолютно поразному. Мы абсолютно по-разному относились к явлениям русской жизни. Например, к такому явлению русской жизни, как Солженицын[23]…

(К сожалению, на этом месте запись беседы была остановлена. И досказывать ее своими словами я не вижу смысла, ибо в таком случае она утратила бы значение документа.)

Париж

Примечания

[1] См., к примеру, публикацию: В. Амурский. Окуджава – Андерсон, шведский дуэт. // Голос надежды. Новое об Окуджаве. Выпуск 9. – М.: Булат, с. 180-181.

[2] Force Ouvrière, один из крупнейших французских профсоюзов.

[3] Арина Сергеевна Жолковская-Гинзбург (г. р. 1937) – филолог, правозащитница, журналист.

[4] АФТ-КПП – Американская федерация труда (Конгресс производственных профсоюзов) / American Federation of Labor – Congress of Industrial Organizations.

[5] Имеется в виду первый год пребывания во Франции.

[6] Н.А. Струве (1931-2016) – видный французский славист, литературовед, историк Церкви, издатель, общественный и религиозный деятель, главный редактор журналов «Вестник РСХД» и «Le Messager Orthodoxe».

[7] Имеется в виду старинный замок в пригороде Парижа, который в начале XX века был приобретен П.Б. Струве (1870-1944) и отдан им на нужды русских эмигрантов.

[8] К сожалению, А. Г. не уточнил, кого именно, кроме упоминаемого далее А.Д. Глезера (1934-2016), он имел в виду как «второго». На эту деталь я обратил внимание только теперь, при распечатке записи.

[9] Этот «Русский музей в изгнании» там более не существует. История же коллекции А.Д. Глезера вообще заслуживает отдельного изучения, учитывая, что

вывез он ее из СССР в 1976 году явно без особых административных трудностей, в то время, когда даже сами художники, пожелавшие эмигрировать, были крайне ограничены в правах на вывоз собственных работ.

[10] Galerie Marie-Thérèse Cochin, Париж. В данном случае нужно уточнить: галерея Мари-Терез (хозяйка была вторая – после Майи Муравник – жена А. Глезера) находилась по адресу: 73 quai de la Tournelle 75005 Paris. Переезд же «Русского музея в изгнании» из Монжерона в центр Парижа, о котором говорит А. Г., состоялся 7 марта 1988 года. Тогда в трех залах другого помещения (также принадлежавшего Мари-Терез, по адресу 49 rue Quincampoix, 75004 Paris) на базе свыше 160 картин, скульптур, акварелей и рисунков из Монжерона был открыт «Музей современного русского искусства» (Le Musséé de l'art contemporain). В самом Монжероне на еще какое-то время осталась лишь часть глезеровской коллекции, в основном графика.

[11] А.А. Галич (1918-1974) – поэт, сценарист, писатель, исполнитель собственных песен, эмигрировавший из СССР, трагически погиб в своей парижской квартире 15.12.1977 года (по некоторым версиям – стал жертвой КГБ).

[12] А.Г. Авторханов (1907-1998) – писатель, публицист, один из крупнейших советологов.

[13] Постройка в Монжероне: Moulin de Senlis.

[14] Арина Сергеевна Гинзбург, вдова А. Г., в телефонном разговоре со мной, состоявшемся уже после того, как я подготовил распечатку беседы, выразила некоторое сомнение относительно такого большого числа организованных там встреч; по ее словам, их было все же меньше…

[15] Первое издание этой книги вышло в 1959 г.; 2-е издание – в 1976 году.

[16] Тут в значении: «не только».

[17] «Kultura» – польский журнал в Париже, основанный в 1947 году Ежи Гедройцем, Юзефом Чапским и Густавом Герлинг-Грудзинским. Сыграл важную роль в сохранении свободной мысли и культуры не только Польши, но и других европейских стран, находившихся под контролем коммунистических режимов. Послужил В.Е. Максимову моделью для создания журнала «Континент».

[18] З.А. Шаховская (1906-2001). Русская писательница, мемуаристка. Была первым главным редактором газеты «Русская мысль» (1968-1978).

[19] И.А. Иловайская-Альберти (1924-2000), журналист, общественный деятель. С 1979 г. – гл. редактор «Русской мысли». Член редколлегии журнала «Континент»; в 1987 году организует вещание экуменической радиостанции «Благовест». С 1999 года назначена папой Иоанном-Павлом II аудитором «Европейского синода».

[20] А.Т. Марченко (1937-1986) – диссидент, правозащитник. А. Г. имеет в виду его книгу «Мои показания», которая вышла впервые на русском языке во Франции, в 1969 году в издательстве La Presse Libre.

[21] А.В. Козырев (род. 1951). Занимал пост министра иностранных дел РФ с окт. 1990-го по янв. 1996 гг.

[22] В Париже журнал выходил с 1974 по 1992 год. Позднее стал выходить в Москве, где место главного редактора В.Е. Максимова (1930-1995) занял И.И. Виноградов (1930-2015).

[23] Касаясь темы отношений А. Г. с А.Д. Синявским (1925-1997), следует не упускать из виду то обстоятельство, что именно А. Г., несмотря на высокий риск для себя, явился составителем опубликованной эмигрантским издательством «Посев» в 1967 г. «Белой книги» по делу А. Синявского и Ю. Даниэля. Что касается отношений А. Г. и А.И. Солженицына, то, вне сомнения, можно считать знаменательным тот факт, что «Русский фонд помощи политзаключенным и их семьям», созданный на основе доходов за издание «Архипелаг ГУЛАГ», автор доверил А. Г. Именно он с 1974 г. явился первым распорядителем этого фонда.

Париж

Юрий Дикий

Время минувших поколений

85 лет со дня рождения Леонида Вениаминовича Мордковича

Очередной раз убеждаюсь в ошибочности утверждения «на детях гения природа отдыхает», несмотря на якобы доказанность данного факта. Таланты родителей не замирают в их отпрысках, это видно на многочисленных примерах не только мирового уровня – как в поколениях семьи Баха, а и в масштабах одесских талантов, оплодотворявших современную культуру.

Вспомним хотя бы семью Могилевских-Лейзеровичей, чьи поколения рядом два столетия… Да и не только их…

Эти строки навеяны стремительно увеличивающимся объемом материалов личного архива о знаменитых одесских музыкантах – Д. Ойстрахе, Э. Гилельсе, Л. Гинзбург, С. Рихтере, К. Данькевиче, В. Малишевском, В. Повзуне, Г. Бучинском… наряду со множеством других замечательных одесситов, оставивших «след в истории Одессы».* Имена одесских струнников, пианистов, вокалистов, хоровых мастеров прошлого не часто возникают в круговерти современного «мозаичного» (А. Моль) сознания. И если мы не беремся утверждать, что они канули в Лету, то все же они не часто возникают даже в специальных образовательных программах для нынешнего подрастающего поколения. При этом отнюдь не по недомыслию, тем более неуважению или умыслу их старших современников, сколько из-за повсеместно растущего нашего равнодушия.

Еще тридцать лет назад в «Декабрьских лекциях» рихтеровских «Декабрьских вечеров» знаменитый питерский музыковед

* Подготовка к Большому концерту в Одесской филармонии 25 ноября 2018 г. как итогу 15-летней деятельности Миссии Д. Ойстраха и С. Рихтера всколыхнула «дела давно минувших дней»…

Юный Леня Мордкович играет перед комиссией во главе с П.С. Столярским

Л. Гаккель обратил внимание на центробежные и центростремительные силы в искусстве в различные эпохи, акцентируя внимание на их особенностях в конце XX века: «В нашей сегодняшней музыке ведущая сила – центробежная; музыка расколота, и музыкальную жизнь у нас во многом определяет любительщина».

Всеобщность процессов глобализации, их неумолимость и всеохватность прячут в себе рост ряда негативных черт, специфика которых обрела уродливо новые масштабы безобразного, выдвигая на передний план обыденного и злободневного сознания сиюминутного «героя», отодвигая на задворки примеры подлинных историй и биографий.

В «Воспоминаниях» Н.Я. Мандельштам сквозь «дымку времени» просвечивает генезис экстраполяций поэта по отношению к явлениям современности – «у него был как бы положительный ряд и отрицательный. (...) В постоянно возникавших у нас разговорах, – писала Н.Я. Мандельштам, – о новой жизни

и о будущем тысячелетнем царстве непрерывного прогресса О. М. впадал в ярость и бросался в спор. В этих теориях он чуял давнишнюю «всеславянскую мечту об остановке истории». (…) Под культурой О. М. понимал идею, лежащую в основе исторического процесса; история же для него была путем испытания, действенной проверкой добра и зла».

Действие ряда негативных центробежных сил глобализации ускоряет процессы коррозии высших форм сознания посредством обыденной и упрощенной целесообразности, столь заметных в СССР в середине XX века: идей мичуринства вопреки генетике, рационализации вопреки кибернетическим теориям, старой и новой физики, не говоря уже об извращениях социального устройства государств.

Длящаяся и поныне «действенная проверка добра и зла» разметала поколения и семьи, поглотив их генеалогию. Сегодня в контексте процессов глобализации все еще приносит свои «результаты» (по Мандельштаму) из недр довоенных доносов, когда «вся страна заболела манией преследования. И до сих пор мы не выздоровели от этой болезни», – в 60-е годы прошлого века писала Н.Я. Мандельштам.

Одесские истории уже послевоенного периода лишь дополняют общую картину семейных драм доносительской эпохи, соединившую в себе сталинско-репрессивный и постсталинский синдром анонимного ябедничания, пережившего множество вождей – вплоть до нашего времени. «В любом учреждении, особенно в вузах, служат множество людей, начинавших свою карьеру «внутри», – писала Н.Я. Мандельштам. – Они прошли такую прекрасную выучку, что начальство готово продвигать их в любой области».

Изменилось ли что-либо к лучшему в поведении и карьерных стимулах наших «заслуженных» современников более чем за три четверти века? Или мы наблюдаем неистребимую хронику измененно-доносительского давнего смердяковского сознания, устремленного на поощрительный результат для весьма тривиальных устремлений расплодившихся посредственностей? Событийная злободневность, мимикрируя под актуальность (мысль Ю. Лотмана), не оставляет времени и внимания на предупреждения истории культуры в их адрес – «все они пишут», по вы-

Класс Л. Мордковича - молодого преподавателя школы им. П.С. Столярского

ражению В.М. Жирмунского, преобразовывая «отрицательный ряд» (по Мандельштаму) в якобы научное или творческое достояние общества.

Тематика далеко не новая в высокой литературе конца XIX, начала XX столетий, но заметно истаявшая к XXI веку. Образы Клода Лантье у Э. Золя, Юджина Витлы у Т. Драйзера, Мартина Идена у Дж. Лондона, Жана-Кристофа у Р. Роллана, Адриана Леверкюна у Т. Манна, трансформировавшиеся в дальнейшем у Г. Гессе в Мастера игры и героя вымышленной Касталии Йозефа Кнехта, постепенно сошли на нет в идеалах старшего поколения, практически исчезая из духовных горизонтов наших современников.

Поднимая в небо так называемые «бренды» (?!) выдающихся имен в юбилейных постановочных «мероприятиях», мы заметно теряем непосредственную связь с противоречиями их окружения и судьбами сопричастных им героев. Говоря о мировой славе Д.Ф. Ойстраха или С.Т. Рихтера, растворяем в дымке прошлого противоречия, формировавшие их биографии. Не из этих ли

«упрощений-усреднений» рождается массовая амнезия к тем именам, в кругу которых и возникала историческая действительность прошлых эпох?

Как тут не обратиться к имевшимся в прошлом литературным примерам исторических биографий (к слову, книги Э. Эррио «Жизнь Бетховена»), где «почва культуры» в живых лицах является не фоном или «сценическим задником» для гения, а его естественной средой.

Безусловно, проще и результативнее описывать триумфы и легенды в полумифических подвигах великих на Олимпе, чем погрузиться в человечески непростую, если не сказать порой драматическую, их судьбу.

В одесской биографии Д.Ф. Ойстраха редко обнаруживаются следы его дружбы с В.З. Мордковичем (они были учениками П.С. Столярского), тогда как сложнейшая послевоенная биография В. З. «благодаря» коллегам по Одесской консерватории подлинно отражает репрессивно-доносительскую эпоху в ее проявлениях «добра и зла». Стараниями «близких коллег» В.З. Мордковичу на протяжении семи лет пришлось доказывать свою причастность к искусству скрипичной игры и право преподавать в вузе.

Отзыв Д.Ф. Ойстраха, написанный в 1948 году на основании подлинных фактов, так и не возымел действия ни на анонимщиков и доносителей, ни на властные структуры в течение семи лет, до 25 марта 1954 г.*

«*Скрипача В.З. Мордковича, в прошлом одного из любимейших учеников покойного Петра Соломоновича Столярского, я знаю еще с ученической скамьи, – писал Д.Ф. Ойстрах.*

Еще будучи совсем молодым человеком, В.З. Мордкович, талантливый скрипач и яркий исполнитель, проявлял большой интерес к педагогической работе и, пользуясь близостью к Петру Соломоновичу, с большим вниманием с его стороны, начал свою педагогическую деятельность под его непосредственным руководством.

* Разве вызывает удивление в этом контексте факт полного игнорирования местными властями авторитетнейших мнений Д.Ф. Ойстраха и С.Т. Рихтера по поводу профессиональных характеристик таких дирижеров-одесситов, как М. Паверман и М. Корсавин?

Последующие годы напряженной и целеустремленной работы в этом направлении принесли ему большие успехи.

На протяжении нескольких лет В.З. Мордкович преподает в Одесской консерватории. Ряд студентов его класса, прослушанных мной на днях (Файн, Климов, Бродский и др.), обнаружили превосходную подготовку, свидетельствующую о крупных педагогических успехах В. Мордковича.

Большое количество подготовленных им музыкантов говорит о своевременности присвоения ему звания доцента.

Лауреат Сталинской премии
Заслуженный деятель искусств,
Профессор Московской госуд.
консерватории (Давид Ойстрах)
14/II – 1948 г.»

«*Витяг з наказу № 95*
По Одеській державній консерваторії від 26 серпня 1949 р.
Відповідно до висновків комісії:
Зобов'язати в. о. доцента струнних інструментів тов. Мордковича В.З. та викладача тієї ж кафедри тов. Бродського протягом 1-го семестру скласти державні іспити за курс музичного вуза, беручи до уваги, що довідки, які знаходяться в їх особистих справах про закінчення ними Одеського муздрамінституту в 1929 р,. не були стверджені архівними матеріалами.
Директор консерваторії
Професор (Данькевич)
С оригіналом згідно: Керсправами ОДК (Сінельнікова)»

Унизительной процедуры сдачи экзаменов и. о. доцента В.З. Мордковичем «близким коллегам» оказалось мало. Лавина анонимок не оскудела, несмотря уже на поддержку Комитета по делам искусств УССР за подписью зампредседателя Комитета М. Казневского.**

Последовавшие ответы в Комитет по делам искусств УССР уже от ректора С.Д. Орфеева, поступавшие начальникам управлений

** Поведавшего мне эту историю в далекие 70-е годы близкого друга нашей семьи.

Ансамбль скрипачей школы П.С. Столярского в пору своего расцвета

Лапчинскому, Деряному, позднее Сокальскому, не останавливали мутный поток компромата вплоть до прокуратуры, ответ которой 22/XI 1955 г. за № 495 заканчивался словами: «Сообщая изложенное, считаю, что полученное нами анонимное заявление – очередная клевета. Прокурор г. Одессы юрист 1 класса В. Иванов».

Казалось бы, история В.З. Мордковича обрела свое окончание к последней четверти XX века. Ничуть не бывало, ведь у него был сын, тоже талантливый скрипач-педагог, окончивший консерваторию в 1958 году в классе профессора Л.Д. Лемберского.

И здесь возникает новое поле анонимных посланий, поводом для которых служит пресловутая семейственность.

Работая в оркестре оперной студии Одесской консерватории и струнном отделе школы им. П.С. Столярского, проявляя свои

творческие возможности, молодой педагог Леонид Мордкович обретает свое самостоятельное лицо. Ученики класса Л.В. Мордковича демонстрируют незаурядные исполнительские возможности. Их классные и сольные концерты, поездки и выступления показывают потенциал молодого преподавателя не только в пределах Одессы и Украины, а и в столичных консерваториях – Москвы, Ленинграда, Таллина, Еревана, Кишинева.

Появление в школе ансамбля скрипачей (по инициативе Л.В. Мордковича) и его успех позволяет значительно расширить приток талантливых скрипачей в школу. География выступлений коллектива постоянно расширяется, достигая крупнейших сцен того периода – Московский дворец съездов (1964 и 1969 гг.), гастроли в Болгарии (1965), регулярные выступления на Центральном и Украинском телевидении, запись трех дисков на фирме «Мелодия».

К концу 70-х гг. устанавливается прочная репутация ведущего педагога струнного отдела школы-десятилетки им. П.С. Столярского, выпустившего не один десяток скрипачей, продолживших свою учебу в вузах, что подтверждает грамота Министерства культуры УССР от 10.04.70 г.

В 1971 г. Л.В. Мордкович закономерно обретает место на кафедре струнных инструментов Одесской консерватории, а с 1972 г. переходит на основную работу в консерваторию, совмещая ее с дальнейшей работой в десятилетке. Среди его питомцев, число которых растет, уже будущие знаменитости – М. Вайман, А. Винницкий, П. Верников, С. Котлярская, преподаватель Одесской консерватории Т. Водопьянова. У молодого педагога вуза появляются солидные публикации в крупных изданиях – сборниках и журналах: «Вопросы начального музыкального образования (1979, 1981), «Советская музыка», (1972, № 3), «Вопросы музыкальной педагогики» (1986, 1987), не считая широкой и обильной прессы, о чем и мечтать не могли его анонимствующие коллеги.

Вполне достаточно привести еще один фрагмент отзыва Д.Ф. Ойстраха о его успехах: «Л.В. Мордкович проводил в Москве классные вечера, которые получили высокую оценку кафедры скрипки Московской консерватории, Центральной музыкальной

школы. В игре учеников Л.В. Мордковича привлекают хорошая постановка, профессиональная продвинутость, тонкий музыкальный вкус, разнообразие репертуара, ансамблевые навыки».

Валерий Климов, лауреат первой премии I Международного конкурса им. П.И. Чайковского, профессор МГК им. П.И. Чайковского в отзыве писал: «Успехами и прекрасными результатами отмечена его (Л. Мордковича. – **Ю. Д.**) педагогическая деятельность также за границей, в Финляндии, где среди его выпускников есть лауреаты международных конкурсов».

Это подтверждают и его выдающиеся ученики – Александр Винницкий и Михаил Вайман, который заключает свой отзыв так: «Л.В. Мордкович достоин преподавать в лучших учебных заведениях мира!».

Казалось бы, все складывается к получению в дальнейшем званий и признания, соответствующих его профессиональной репутации. Отнюдь нет… Далее должности старшего преподавателя кафедры перспектива не открывалась в связи с оппозицией части консерваторской кафедры, несущей родимые пятна прошлых претензий к отцу, которого к этому времени уже нет в живых. Не оказывают содействия в его карьерном росте и приглашения на мастер-классы в Вильнюсскую консерваторию, консерваторию г. Лахти (Финляндия).

Остается эмиграция в США, несмотря на то, что там у музыканта в зрелом возрасте выбор профессиональной работы, как правило, весьма невелик.

Очередной раз перечитывая нашу переписку с Леней Мордковичем, убеждаюсь в первоначально возникшей невостребованности его педагогического дарования.

В письме от 27.02.97 г. он писал: «…*Сегодня* все отлично («сегодня» подчеркнуто. – **Ю. Д.**): 6-7 студентов (25-30 лет), прекрасно играют. Есть и первый скромный успех. Моя первая студентка Вэн (китаёза) победила на конкурсе в оркестр Метрополитен-опера. (Одна из 400 соискателей.) Стартовая ставка 100000$ в год + все бенефиты и квартира. Короче, счастья – полные штаны! Сейчас готовлю двоих на конкурс в Ганновер. Летом еду на курс в Финляндию, осенью в Нагойя (Япония). Но хотелось бы работать не «за кулисами», а от себя. Увы, пока невозможно».

Навстречу 50-летию Великого Октября

Одесская средняя специальная музыкальная школа им. проф. П. С. Столярского

26 апреля 1966 г.	**ВЕЧЕР,**	26 апреля 1966 г.

посвященный творчеству выдающегося советского композитора

С. С. ПРОКОФЬЕВА

(к 75-летию со дня рождения)

Исполнители: учащиеся класса педагога **МОРДКОВИЧА Л. В.**

I отделение

1. Ходит месяц меж лугами
   Сказочка
   Мимолетности
   Исп. уч. VI кл. **Михаил Вайман**
2. Три пьесы из балета „Ромэо и Джульетта"
   Монтекки и Капулетти
   Танец антильских девушек
   Маски
   Исп. уч. VII кл. **Павел Верников**
3. Гавот
   Сказка старой бабушки
   Гавот из классической симфонии
   Исп. уч. VII кл. **Александр Винницкий**
4. Соната для скрипки соло I, II ч. ч.
   Исп уч. VIII кл. **Мильштейн**
5. Соната № 2 для скрипки и ф-но
   Исп. уч. X кл. **Бухрякова**
   и уч. XI кл. **Котлярская**

II отделение

1. Соната для 2-х скрипок соло I, II ч. ч.
   Исп. студент Одесской консерватории **Кульчицкий**
   и уч-ца X кл. **Глушкина**
2. Фея Зимы
   Гавот из балета „Золушка"
   Исп. уч. X кл. **Левин**
3. Вальс
   Мазурка из балета „Золушка"
   Исп. уч. X кл. **Глушкина**
4. Концерт № 1
   Исп. уч. XI кл. **Котлярская**
5. Вальс из оперы „Война и мир"
   Шествие из симфонической сказки „Петя и Волк"
   Исп. ансамбль скрипачей

Вступительное слово читает педагог **МОРДКОВИЧ Л. В.**

Начало в 19.30

БР 05891—16.4-66 Тип. «Моряк», Одесса, Ленина, 26. 1454—150

Программа концерта звездных учеников класса Л.В. Мордковича в первое десятилетие его работы

Л.В. Мордкович в своем любимом классе им. Д.Ф. Ойстраха

Несколько позднее в опубликованной в русскоязычной газете статье под названием «Прекрасно вечной музыки звучанье» он упомянул свою успешную студентку Вэн, которая, поблагодарив его по телефону за успех на конкурсе в Метрополитен-опера, уколола учителя: «А помните, вы предлагали мне конкурс в Европе? А зачем он мне теперь, ваш Сибелиус? У меня теперь есть все: прекрасная зарплата, бенефиты, в общем, мое будущее обеспечено!».

В одном из обстоятельных писем в этом же году Леня писал: «А теперь после лирического отступления вы спросите меня: доволен ли? Честно отвечу – еще не знаю. Ностальгии у меня еще нет, но скучаю по работе и жизни в Финляндии, где для нас было просто великолепно!».

Только спустя год, отказавшись от скромной обеспеченной пенсии и бесплатной медицины, Л.В. Мордкович не изменяет себе.

«Очевидно, сработали гены, ведь мой дорогой отец работал и за 80 лет. Я вскочил в последний вагон уходящего поезда: отказываюсь от пенсии и начал работу в 2-х музыкальных школах на Лонг-Айленде и в Манхеттене. Знакомые иммигранты рассматривают мой поступок как сумасшествие, но, увы, иначе я не могу. Фактически я начинаю вновь с нуля: скромный заработок… (далее неразборчиво. – **Ю. Д.**) Но я начал работать с удовольствием и смотрю в будущее оптимистически».

Тут надо сказать о фантастической поддержке и понимании его замечательного друга и жены Ани, которая счастливо обустроила

Ленину личную жизнь, поддерживая его во всех его проектах до конца жизни.

С близкими друзьями – Натальей Литвиновой и Сергеем Шольцем

О ней он пишет: «Аннушка с лета работает в американской компании в Манхеттене. Уходит в 7:30 утра и приходит в 7 вечера с мечтою о подушке. При всем этом заработок пока мизерный и без медицины. Так что… мы отнюдь не скучаем и постараемся ежедневно решать то и дело возникающие проблемы. Но все это, как мы понимаем, меркнет в сравнении с вашими трудностями и переживаниями».

Или, как прокомментировала эти слова ниже в этом же письме сама Аня: «Пока что живем в процессе «выкарабкивания»…».

И все же профессионализм Леонида Вениаминовича Мордковича получил свое crescendo и обрел, пусть ненадолго, но свою творческую плоть. И его журналистская работа, и преданность творческой педагогике привлекли внимание. Судьба свела его с уже зарекомендовавшим себя музыкантом Грегори Зингером (сыном известного дирижера Жака Зингера), организовавшим в Нью-Йорке школу «Американская студия музыки», ASM. Эта музыкальная школа обрела свою нишу между такими высокопрестижными учебными заведениями, как Джульярд, Манхеттенская школа музыки… и другими (не менее сотни) мелкими музыкальными школами, в которых установлен так называемый поточный метод обучения «профессора Судзуки», где в классах по 20-30 учеников усваивают общие навыки игры вне всякого индивидуального подхода педагога к обучению.

Встреча двух высококлассных музыкантов породила ситуацию «нового дыхания» школы ASM, которая расширила горизонт обучения и воспитания высокоодаренных учеников и широкого спектра любителей музыки. Известный в музыкальных кругах Нью-Йорка

Прощальный вечер с друзьями. В центре гостья из Финляндии

журналист Александр Бураковский в большой статье «Чтобы научиться плавать, надо прыгнуть в воду» (1999), посвященной Л.В. Мордковичу, писал: «…Благодаря альянсу американского педагога-музыканта и организатора с ярким представителем Южной скрипичной школы из бывшего СССР родилась новая школа музыки в Нью-Йорке, расположенная в центре Манхеттена на 54 Str…»

А выпускник этой школы по классу Л. Мордковича талантливый профессионал G. Schaff, с восхищением отзываясь о своем учителе, сказал: «Встреча с профессором Л. Мордковичем – мое уникальное открытие Америки».

Почти два десятилетия как нет Лени и тридцать лет с отъезда его семьи из Одессы. Практически не встречаю упоминаний о нем ни в печати, ни в среде музыкального образования, в том числе учебных процессов школы П.С. Столярского и Одесской музакадемии.

Разрастающиеся параграфы учебных планов кафедр и подразделений академии при омертвевшем состоянии архивов процветавшей в прошлом знаменитой Одесской консерватории резко контрастируют со всплесками общественного интереса к перио-

ду ее трансформации в «прогрессирующую академию», растворившуюся в бесчисленных академиях с поголовьем диссертантов, не ведомых в исполнительски-сценической жизни Украины.

Контрастом академической стагнации служит творческий успех на мировых сценах следующих поколений семьи Мордковичей: дочери Иланы Мордкович-Роз и внучек – Джульетты и Татьяны. Запомнились одесситам их яркие выступления в программах фестиваля «Золотые скрипки Одессы».

К счастью, начинает возрождаться *общественный интерес* к явлениям, генезис которых пока еще скрыт в архивах, публикациях, теле- и радиопрограммах, отражающих противоречия постсоветской эпохи с ее причинами эмиграции, кадровой и морально-профессиональной стагнации etc., постепенно обнаруживаемых не в качестве обособленных фактов, а объективных причин в области музыкально-исторической науки.

История семьи Мордкович не есть нетипичный субъективный пример из прошлой эпохи вне контекста современности. Поэтому неудивительно, что в прошлом экспортный отток одесских скрипачей в дальнее зарубежье и их профессиональные достоинства обрели востребованные свойства возвратного зарубежного импорта в фестивалях «Золотые скрипки Одессы» в немалой степени благодаря талантам Вениамина Зиновьевича и Леонида Вениаминовича Мордковичей.

Живое дыхание нашей памяти все же сохраняется в естественной потребности воссоздания творческой среды разных прорывающихся в общественные деяния, в социальные сети Интернета, в статьи нарождающихся и регулярно функционирующих литературных альманахов, разнообразных фестивалей. Нет сомнений в их постепенном качественном росте и постепенной кристаллизации в подлинную научно-образовательную ветвь музыкознания как непременного условия исторической действительности.

Анатолий Горбатюк

Джаз и театр миниатюр

Одесса. Середина XX века

Кажется, год 1956-й… Нет, не кажется – точно! У меня в том году произошло много важных событий. Это, в первую очередь, поступление в Одесский инженерно-строительный институт. Кроме того, я начал играть на барабанах в институтском оркестре. Остальные события – помельче, так сказать, для внутреннего употребления.

А еще в Одессе появился первый в ее истории городской клуб студентов, его директором стал Саша Бабкин. Это знаменательное событие произошло в начале 1957 года. За деятельностью клуба тщательно следил отдел культуры одесского горсовета, им же была выделена в величественном здании Дома партпроса, который размещался на Пушкинской, 10, необходимая для работы клуба площадь – большая, метров 30 квадратных, комната и кладовая при ней. Уж и не припомню сейчас (через 60 с хвостиком лет), кто порекомендовал меня в качестве администратора сменившему Бабкина Пете Кондрашову, но как бы там ни было, в 1957 году я начал совмещать учебу в институте с административной деятельностью в Одесском городском клубе студентов. И, представьте, получилось!

Сразу же клуб студентов обзавелся двумя достаточно серьезными коллективами: театром миниатюр «Парнас-2» и эстрадным оркестром (сегодня я без всяких натяжек назвал бы его big band, но в середине 1950-х меня бы не поняли, особенно наши партийные и комсомольские руководители).

Студенческий драматический коллектив – и вдруг «Парнас-2». Да и его первый спектакль, премьера которого с большим успехом прошла зимой 1957 года, назывался так же. Чего вдруг?! Да все

очень просто – действие спектакля проходит в таинственном научно-исследовательском институте, занимавшемся проблемами юмора и сатиры: **П**роектный **АР**хи**Н**аучный **А**нсамбль **С**атиры. Как видим, из больших букв складывается слово «Парнас», а чтобы его, не дай Бог, с тем, настоящим, Парнасом не перепутали, честно добавили «2». Первым режиссером коллектива стал истинный театрал с большим опытом работы Лазарь Тимофеевич Абелиов, кстати, супруг великой актрисы Лии Исааковны Буговой.

Если все организационные действия по «Парнасу-2» взял на себя Александр Бабкин, директор клуба, то создание биг-бенда целиком и полностью легло на плечи автора этих заметок. Против предложенной мною кандидатуры на пост руководителя Юрия Степанова, студента Одесской консерватории имени Неждановой, которому активно помогал его соученик, верный товарищ и земляк, способный тромбонист, в будущем – руководитель оркестров Одесской филармонии и Одесского цирка Станислав Калинин, возражений не последовало. Сам Юра давно мечтал о создании такого коллектива, так что дело оставалось за малым – собрать самодеятельный (то есть без какой-либо оплаты работы) оркестр. Стимул – единственный: играть полузапрещенную в Советском Союзе джазовую музыку…

…Собранный усилиями Саши Бабкина коллектив театра – это десятка полтора студентов-энтузиастов из разных вузов Одессы, так сказать, студенческая сборная. Эта сборная очень быстро приступила к репетициям, не имея проблем с репетиционным помещением: в вечернее время им служила выделенная клубу комната с кладовой. В последней хранилась нехитрая декорация, созданная, в основном, самими актерами, а также студентами Одесского художественного училища. Что же касается репертуара – свои эстрадные миниатюры предлагали известные в Одессе молодые сатирики Лобков, Мейстель, а также пишущие члены коллектива – Лозовский, Жванецкий, Ильченко…

А как продвигались дела в создаваемом оркестре? Тяжело продвигались, можно сказать, со скрипом… Во-первых, оркестр, тем более – биг-бенд (пять саксофонов, четыре трубы, четыре тромбона, контрабас, фортепиано, гитара, ударные), требовал для репетиций зал. Минимальное количество репетиций – две в неделю. Вот и приходилось мне постоянно ходить, что называется,

с протянутой рукой по профкомам одесских вузов, выклянчивая разрешение занять актовый зал на несколько часов. В результате репетировали там, где удавалось договориться о помещении: сегодня – в педагогическом институте, завтра – в технологическом… И вот, представьте себе, как в трамвае или троллейбусе (о такси и речи быть не могло: все музыканты – студенты) с полным набором инструментов (барабаны, контрабас и т. д.) перемещались к месту репетиции оркестранты, чтобы где-то к полуночи таким же способом вернуть инструменты «на базу» – в комнату с кладовой на Пушкинской, 10. Повторюсь: все это совершенно бесплатно, только для того, чтобы поиграть, как играет Влах (кумиром Степанова и его тогдашней «команды» был популярный чешский джаз-оркестр под управлением Карела Влаха). Сегодня это звучит как-то неправдоподобно, но так было!..

…Во многих одесских учебных заведениях были драматические кружки, но именно «Парнас-2» стал самым популярным драматическим коллективом. Здесь следует, очевидно, вспомнить, что у его истоков стояли Михаил Жванецкий, Виктор Ильченко, Давид Макаревский, Александр Лозовский, Зорик Аврутин, Дэвик Гершберг, Владимир Савельев… Позже, когда этот театр миниатюр приобрел известность и имел уже своих поклонников, в него вошел Роман Кац. Впоследствии, когда Рома оказался в театре великого Аркадия Райкина, из Каца он преобразовался в Карцева: лично Райкин придумал ему новую («благозвучную») фамилию…

…Почти все аранжировки для оркестра писал сам Степанов. Следует отметить, что Юрий Николаевич был чрезвычайно талантливым и дирижером, и аранжировщиком. Кроме того, в нем проявились качества истинного педагога, который терпеливо и доходчиво вкладывал в уши оркестрантов тонкости исполнительского мастерства. Многие из учеников Степанова посвятили себя джазовой музыке, став в будущем солистами в ведущих джаз-оркестрах Советского Союза.

…Практически в то же время в Одессе начал репетировать еще один джазовый оркестр – явный конкурент степановскому оркестру. На базе Дворца культуры промкооперации им. Леси Украинки (Промки, как называли его в Одессе) решили создать молодежный эстрадный ансамбль, для чего был объявлен конкурс.

Юрий Степанов (справа) и Станислав Калинин. 1960 г.

На должность второго дирижера пригласили Евгения Болотинского, хоть именно он долго вынашивал эту идею и сумел заразить ею руководителей одесского комсомола.

Какой это был коллектив! Только оркестр (симфоджаз) – 50 человек! И выглядел он внушительно не только за счет количества: лучшие молодые джазовые музыканты вошли в его состав. Какие люди! Какие личности! Аркадий Астафьев, Яков Владыкин-Вайншток, Ника Зубатов (трубы), Константин Лесниковский, Юрий Жуков, Владимир Ртищев (тромбоны), Владимир Иванов и Михаил Алейников (альт-саксофоны), Валерий Балагута (баритон-саксофон), Симон Кандыба и Владимир Громов (тенор-саксофоны), Владимир Васкевич (кларнет), Семен Фаерштейн (аккордеон), Всеволод Петрин, Эдуард Букреев (рояль), Евгений Скорик и Юрий Германов (контрабасы), Сэм Казацкер и Марк Каневский (ударные)…

А внушительная группа струнных инструментов! А балетный коллектив – самые красивые, самые длинноногие одесские

девушки! А вокальная группа, включавшая в себя, помимо солистов, мужской и женский вокальные квартеты! А бригада осветителей, художников, рабочих сцены, возглавляемая неутомимым Владимиром Капаровским, куда стремились попасть десятки поклонников джаза, не прошедшие конкурс в качестве музыкантов!..

Между прочим, костяк балетной группы составляли четыре девушки – Фира, Кира, Мира и Глафира. Заглядывавший на репетиции ансамбля начинающий оператор Одесской киностудии Петя Тодоровский, ветеран прошедшей войны, положил глаз на одну из этих красавиц. С тех пор Мира и Петр Тодоровские, известнейшие кинорежиссеры, много лет уже проживавшие в Москве, не расставались – до кончины Петра Ефимовича, последовавшей 24 мая 2013 года. А молодежный эстрадный ансамбль долго с успехом исполнял несколько песен Петра Тодоровского, незаурядного, как оказалось, поэта и композитора.

Проходит совсем немного времени, и в ансамбль вливается ставший уже весьма популярным театр миниатюр «Парнас-2» – Миша Жванецний, Рома Карцев, Витя Ильченко, Додик Макаревский, Шура Лозовский…

Руководителей в конце 1950-х годов не выбирали. Ну а если все двести человек в один голос требуют, чтобы первым дирижером и художественным руководителем стал Болотинский – сердце и мозг коллектива? Назначили Женю худруком. Через несколько месяцев упорнейшего, без выходных дней, труда родилась первая программа ансамбля, которая называлась «У самого синего моря».

Пожалуй, ни один маститый гастролирующий коллектив не имел у одесситов такого успеха, как этот ансамбль. Билеты расхватывали за несколько часов. Вокруг Болотинского, казалось, собирается вся творческая молодежь города: сценарий пишут молодые выпускники Водного Борис Лобков и Михаил Жванецкий, музыку – Александр Красотов, Альберт Шиндеровский, Георгий Горовенко, Евгений Танцюра, Руф Болховский, другие одесские музыканты и композиторы, декорации и костюмы готовят талантливые художники Русского драматического театра Зоя и Михаил Ивницкие, самозабвенно работает с вокалистами выпускница консерватории обаятельная Люда Фирябова…

Студенческий эстрадный оркестр под управлением Ю. Степанова. Солист – Виталий Толстых. 1961 г.

Именно здесь впервые пробовали свои силы и добились первого настоящего успеха будущая гордость одесской оперной сцены, сегодня – доцент Одесской консерватории Валентина Олейникова и профессор той же консерватории Алиса Джамагорцян, здесь по-настоящему открылся певческий талант совершенно очаровательной Тамары Корчагиной-Балагуты…

Не могу не сказать несколько добрых слов в адрес наших композиторов-песенников. И сегодня с восторгом вспоминаю «Ласковую песню» и «Тук-тук» Альберта Шиндеровского, как и «Одесские платаны» Георгия Горовенко. У Георгия судьба сложилась не очень удачно, он рано ушел из жизни. А мой давний приятель Алик Шиндеровский (для друзей – Шиндя), переехав в начале 1970-х в Нью-Йорк с супругой Лилей (очень популярной в Одессе певицей, солисткой нескольких поколений джаз-оркестра филармонии), сумел подтвердить квалификацию инженера (случай не частый!). Он много лет проработал на этом поприще в одной американской компании. Альберт при этом продолжал писать, и не только музыку. Его юморески с неподражаемым одесским колоритом не раз печатались в русскоязычных газетах…

…Еще раз возвращаюсь в конец 50-х. Хорошей подпиткой оркестру Болотинского послужила большая группа музыкантов

из прекратившего существование студенческого оркестра, которым после ухода Юрия Степанова руководил Станислав Калинин. Они сразу вошли в программу, а Слава Калинин стал вторым дирижером. С этого момента и началась творческая дружба двух одаренных людей – Болотинского и Калинина, продолжавшаяся, несмотря на длительные перерывы в общении и совершенно разный темперамент, более тридцати лет. Периодически возвращаясь в Одессу, другого помощника Болотинский и представить себе не мог, потому что они давно стали *единомышленниками*.

…Вторая программа называлась «Как пройти на Дерибасовскую». Состав оркестра к этому времени несколько изменился: окончательно ушли в профессионалы Яков Вайншток, Аркадий Астафьев, к остававшемуся в составе трубачу Нике Зубатову присоединились молодые Володя Мухин и Коля Мазуренко, группу тромбонов возглавил Виктор Доронин (еще один ставрополец), произошли другие изменения… И снова – успех! Следуют гастрольные поездки в Ленинград, Киев, Ригу, Таллин, Кишинев…

Правда, иногда возникали не очень приятные ситуации. Так, во время концерта коллектива еще с первой программой в киевском Доме офицеров в антракте к Болотинскому подошел очень ответственный гражданин в широченных брюках (тогда в моде были брюки зауженные), вышитой сорочке и, схватив Женю за лацканы пиджака, с придыханием спросил: «А ти чиє сало їси?!». Оказалось, это был тогдашний министр культуры Украины товарищ Бабийчук, явно разбирающийся в сале лучше, чем в джазе…

Ансамбль жил и работал до осени 1963 года. Уехали в театр Аркадия Райкина Жванецкий, Ильченко и Карцев. Около десятка музыкантов и вокалистов получили приглашения в самые престижные оркестры страны (Олега Лундстрема, Анатолия Кролла, Константина Орбеляна и др.). Это из самодеятельного-то оркестра!..

И последнее. Увлекшись воспоминаниями, я назвал несколько десятков фамилий одесситов, которые в далекие 50-60-е годы прошлого столетия увлекались джазом, играли в самодеятельном театре… Многие, очень многие из них в разное время ушли от нас в лучший мир. Так хочется, чтобы след, который они оставили в культурной жизни Одессы, не стерся временем…

Леонид Авербух

Одесские музы поэтов

И.А. Бунин и А.Н. Цакни

«Вещи и дела, аще не написанние бывают, тмою покрываются и гробу беспамятства предаются, написанние же яко одушевленние…»

И. Бунин. «Жизнь Арсеньева»

В 2018 году исполнилось 65 лет со дня смерти Ивана Бунина (1870-1953), первого русского писателя, 86 лет назад (1933) ставшего лауреатом Нобелевской премии по литературе.

Бунин родился в родовитой дворянской семье, был и считал себя младшим коллегой Антона Чехова, и дебютировал в русской литературе в 1887 году, в год вручения Чехову Пушкинской премии, которой Бунин был также удостоен в 1903 г. Бунин был не только самым благополучным в плане признания русским писателем-эмигрантом, но и самым издаваемым в СССР писателем русского зарубежья, начиная с 1955 года. Но в прошлом году отмечена еще одна дата, о которой вспомнит меньшее количество любителей литературы, особенно если они – не одесситы: 55 лет со дня смерти нашей землячки, красавицы Анны Николаевны Цакни (1879-1963), второй супруги Ивана Бунина и единственной, с которой он был обвенчан: с первой супругой Варварой Пащенко он жил вне брака, с третьей, Верой Муромцевой, – в гражданском браке.* Так что под венец его повела только одесская муза.

* По некоторым данным, они все же обвенчались в Париже в 1922 г.

Есть еще немалое число изрядно образованных людей, которые спросят: а при чем здесь муза *писателя* Бунина? Цикл ведь посвящен музам *поэтов*... Проверено на практике, вопросы такие нередки. Между тем несмотря на то, что известность и мировое признание И.А. Бунин приобрел, прежде всего, как прозаик, поэзия в его творчестве всегда занимала значительное место. Он с гимназических лет писал стихи, а в пятнадцатилетнем возрасте сочинил роман «Увлечение», который не приняла ни одна редакция. Зимой 1887 года, узнав, что умер один из его литературных кумиров поэт Семен Надсон, Иван Алексеевич отправил в журнал «Родина» несколько стихотворений. Одно из них, озаглавленное «Над могилой С.Я. Надсона», было опубликовано в февральском номере. Другое – «Деревенский нищий» – появилось в майском выпуске. Значительно позже, в 1896 году, появился бунинский перевод «Песни о Гайавате» Генри Лонгфелло, весьма одобрительно встреченный литературным сообществом. До конца своей жизни он не переставал писать стихи, и тонкое чувствование поэзии делало прозу его удивительно ритмичной и музыкальной. Более того, сам себя он считал, прежде всего, поэтом, но не потому что стихи удавались ему лучше прозы, – хотя Набоков, например, ставил их выше рассказов, слишком, по его выражению, «парчовых». Нет, не в стихах дело, а в том, что поэзия, по слову Мандельштама, «есть скрещенный процесс». Постоянный конфликт двух тем, чувства и мысли, содержания и формы – и у Бунина эта сложность и острота переживания повсюду: «чем отчетливее гибель

И.А. Бунин в молодости.

мира, тем ярче закат над бездной, тем ослепительнее предсмертная красота». И в «Окаянных днях» все время «несет теплым снегом», «синие клоки луж», и такие, например, уже наши одесские контрасты: «Выходил, дождя нет, тепло, но без солнца, мягкая и пышная зелень деревьев, радостная, праздничная».

Особое место в бунинской поэзии занимает его лирика, шедевры которой заслуженно вошли в поэтическую культуру начала прошлого века. Глубокое чувствование и чудесное умение Бунина простыми словами передать все многообразие красок, звуков, запахов окружающего мира вызывает искреннее восхищение.

Просветы в небо, что оконца,
Лес пахнет дубом и сосной,
За лето высох он от солнца,
И Осень тихою вдовой
Вступает в пестрый терем свой.

Бунин, кстати, заслуженно считается автором лучших переводов творчества таких разных поэтов, как Т.Г. Шевченко и Х.-Н. Бялик, замечательных стихотворений на библейскую тематику. Но если быть предельно честным, автор этих строк, будучи благодарным читателем бунинской прозы, достаточно долго тоже мало что знал о его поэтическом творчестве. Так уж складывалось мое литературоведение…

Люди, знавшие молодого Бунина, характеризовали его как человека, в котором было много силы жизни, жажды жизни. Очевидно, именно эти качества помогли начинающему поэту, автору единственного в ту пору стихотворного сборника (выпущенного в Орле в 1891 году тиражом 1250 экземпляров и бесплатно рассылавшегося подписчикам «Орловского вестника»), довольно быстро войти в литературные круги России конца XIX века.

Вполне уверенные на взгляд варианты разных биографов, повествующих о том, как произошло знакомство героев этого нашего очерка (да только ли о знакомстве!) во многом не совпадают… Один из них утверждает: Бунин, жил тогда на даче у А. Федорова в Люстдорфе. В один из дней засушливого лета туда приехала известная в Одессе чета Цакни… Отец Анны Николай Петрович

Цакни (1651-1904), этнический грек, родившийся в Балаклаве, бывший народоволец, примыкавший к движениям петровцев и чайковцев, дважды подвергавшийся аресту, в свое время эмигрировавший в Европу, в описываемый период был заведующим редакцией газеты «Одесские новости», а в 1900 г. утвержден редактором либеральной одесской газеты (по другим версиям – владелец этого солидного литературного альманаха. – **Л. А.**) «Южное обозрение».

Н.П. Цакни

В начале 1904 г. он был избран членом Одесской городской управы. По другим сведениям, именно он, Цакни, и «выписал» в Одессу И. Бунина, этого талантливого поэта и писателя, чьи стихи уже обрели известность, в 1897 году, в связи с публикацией в альманахе. Цакни был близко знаком с И.С. Тургеневым. Он характеризовался как необыкновенно порядочный, принципиальный, непьющий человек. Мать Анны Зинаида (по другим источникам – Софья) Киселевна (Константиновна) Львова – «парижская еврейка», по свидетельству А. Розенбойма, врач, рано умерла от туберкулеза. Элеонора Павловна Ираклиди – вторая жена Цакни, гречанка, принесшая, по сути, нищему мужу немалое состояние, женщина интересная, в прошлом мечтавшая об оперной сцене, бравшая уроки у самой Полины Виардо (которая, как говорили, не начинала урока, если на рояле не лежал золотой луидор), приближалась к тому опасному возрасту, который называется бальзаковским, и Бунин это сразу почувствовал на себе: взгляд ее был красноречивее всяких слов, и она увлеченно рассказывала ему о Париже, о Каннах и Ницце, которые, конечно же, не шли ни в какое сравне-

ние с захолустным Люстдорфом: Эля, так она предложила Бунину называть себя, была душой дачной компании, могла очаровывать и увлекать. Именно она пригласила всех к себе на дачу, что была на 7-й станции Фонтана, а Бунину шепнула, что будет поджидать его с нетерпением. Но именно тогда и там, на даче Цакни на 7-й станции, поэт впервые увидел очаровательную черноволосую и черноглазую девушку, которая показалась ему видением.

В этот свадебный год Бунин написал такие строки:

Беру твою руку и долго смотрю на нее,
Ты в сладкой истоме глаза поднимаешь несмело:
Вот в этой руке – все твое бытие,
Я всю тебя чувствую – душу и тело…

Продолжим наше изложение информацией, почерпнутой из весьма достоверного источника – эссе Галины Педаховской «Тень времени» (Дюссельдорф, 2011). Автор, тогда юная одесситка 1936 года рождения, на протяжении ряда лет встречалась с уже очень пожилой Анной Николаевной, которая иногда рассказывала ей о Бунине, что делала обычно весьма неохотно, объясняя это старческим склерозом. Анна Николаевна, в частности, подтвердила вышеизложенную версию: Бунина пригласил чопорный человек, гордящийся своим происхождением, своим родом, который дал русской литературе таких поэтов, как Анна Бунина и Василий Жуковский. Он попадает в яркий южный город, где знакомится с людьми, в жилах которых течет кровь русских и украинцев, евреев, генуэзцев, французов, греков, турок, молдаван – та удивительная смесь, которая дала миру столько талантливых, красивых и смелых… Прелестная, непосредственная, яркая и живая Анечка Цакни, уроженка французской столицы, душа которой была полна нетерпеливыми желаниями: она хотела писать стихи и картины, петь, учить детей, но, главное, она хотела быть счастливой.

Вера Николаевна Муромцева-Бунина в свое время писала:

«Я стала спрашивать его о его первой жене Анне Николаевне Цакни. Он сказал, что она была еще совсем девочка, весной кончившая гимназию, а осенью вышедшая за него замуж. Он говорил, что не знает, как это вышло, что он женился. Он был знаком

Анна Николаевна Цакни

несколько дней и неожиданно сделал предложение, которое и было принято. Ему было 27 лет. «Когда я теперь вспоминаю это время – это было в сентябре в Одессе, – мне оно представляется очень приятным. И вот нельзя, собственно, никому сказать этого – из чего состояло это приятное? Прежде всего, из того, что стояла прекрасная сухая погода, и мы с Аней, и с ее братом Бобой, и с очень милым песиком, которого она нашла в тот день, когда я сделал ей предложение, ездили на Ланжерон. Надо сказать, что в Ане была в то время смесь девочки и девушки, и «дамское» выражалось в ней тем, что она носила дамскую шляпу с вуалью в мушках, как тогда было модно. И вот через эту вуаль ее глаза – а они у нее были великолепные, большие и черные – были особенно прелестны. Большое очарование ко всему этому прибавлял мой роман с портом в это время – я был буквально влюблен в порт, в каждую округлую корму…» Он рассказал, как начались вскоре у них недоразумения с женой. Ее очень настраивала против него мачеха – Элеонора Павловна, «которая сначала была просто до неприличия влюблена в меня, а потом так же неприлично возненавидела». Привело все это к тому, что после двукратного временного отъезда он совсем уехал от жены, которая в это время была беременна, месяце на пятом. У мачехи Анны и ее отца были имения, виноградники. «Подумать только, что я мог бы поехать под Балаклаву в имение, жить на виноградниках, управлять всем этим, стать богатым человеком. Но мне это и в голову не приходило. Связывать себя! Вот как я это понимал!» Я спросила, пишет В. Н., как отдали за него, ничего в то время не имевшего, богатую наследницу. – Да я и сам не знаю! – сказал он. – Отец ее был типичный интеллигент. Мы вместе ехали

Сретенская церковь в старой Одессе

из Одессы к ним на дачу на паровичке. Стояли на площадке и курили. Я вдруг сказал: «Прошу у вас руки вашей дочери». Он сдвинул пальцами шляпу на затылок, посмотрел на меня и сказал: «Да я-то тут, дорогой, при чем? Это, мне кажется, дело Анны Николаевны. А что касается меня – я ничего против не имею». Когда они затем встретились – она уже, вероятно, знала об этом предложении. Они возвращались откуда-то из города – она и мачеха. Она в темноте протянула руку, нащупала его руку и вложила в нее туберозу. Это было сделано очень мило и невинно. Венчались они с Аней 120 лет назад – 23 сентября 1898 года в церкви Сретения Господня, которая тогда была на Новом базаре (сейчас на ее месте располагаются корпуса Нового рынка).

Все для венчания оплатила родня невесты, а поэт даже в церковь пришел пешком. Жила молодая чета с семьей невесты в шумном доме – на втором этаже двухэтажного флигеля во дворе дома № 44 на улице Херсонской. В письме к старшему брату Юлию, рассказывая о предстоящем браке, Бунин сообщал, что его избранница – «красавица, но девушка изумительно чистая и простая». Несмотря на вхождение в состоятельную семью, материальное положение писателя оставалось тяжелым – так, летом 1899 года он обращался к старшему брату с просьбой выслать «немедленно хоть десять рублей», отмечая при этом: «просить у Цакни не стану, хоть умру».

Потом была зима, которую молодые провели в Париже. «Меня называли самой красивой женщиной сезона, избирали королевой балов, – не без некоторой доли тщеславия рассказывала Педаховской Анна Николаевна. – Называли русской красавицей, хотя я ну никак не соответствовала этому типу. Мне хотелось выезжать

Дом на Херсонской (Пастера), 44, сегодня

в свет, танцевать, мы поздно возвращались. Это, конечно, мешало Ивану Алексеевичу работать». Позже они жили в Петербурге и Москве. Были знакомы с Короленко, Чеховым. У них часто бывал Максим Горький, который, как и большинство видных российских литераторов, восторженно относился к таланту Бунина, всегда отдавая ему пальму первенства в творчестве.

Мы ни в коем случае не задаемся целью кого-либо судить… Более того – не пытаемся, хотя хотелось бы вынести суждение об истинном характере и глубине чувств, связывавших наших героев. Сам Бунин иногда пытался объяснить разлуку тем, что никогда по-настоящему не любил Анну (тем самым косвенно, не желая этого, подтверждал, по мнению биографов, слухи о том, что он женился на ней из расчета). Но как не вспомнить при этом о «греческом периоде» жизни Ивана Бунина, о его жарком, по его собственным словам, «греческом лете», о «солнечном ударе», испытанном им при встрече с неземной красотой гречанки Анны Цакни. Суть, очевидно, была в том, что он так и не сумел завоевать сердце красавицы, которая ни в коем случае не была глуха к искусствам: нельзя было жить в Одессе и оставаться равнодушным к прекрасному. Как ни странно, но и она, как и первая, невенчанная жена Бунина Варвара Пащенко, осталась безучастной к его рифмам… Сына Колю Бунин видел исключительно редко, и писателя не было рядом, когда Коля умер в пятилетнем возрасте от менингита (по другим версиям – от порока сердца или скарлатины).

Кстати, одесский краевед В. Ковач, ссылаясь на публикации воспоминаний В.Н. Муромцевой-Буниной, писала, что И. А. всю жизнь с грустью, рыдая, рассматривал фотографии Коли. Педаховская продолжает, со слов Анны Николаевны: «Всю жизнь, – сказала она со смехом, – я хочу сама быть интересной, бороться с тенью или жить в тени великого – так скучно. Притом столь-

ко лет прошло, а любопытство людское не умирает. Каким был Бунин? О, разным, и совсем не таким, каким вы его себе представляете… Понимаете ли, я была для него слишком красивой, слишком живой, мне нужно было уделять внимание, а это отрывало его от работы, копилась досада, недовольство друг другом. Ему нужна была другая жена, готовая целиком посвятить себя ему, его творчеству. В конце концов, именно такую он и встретил. А я была очень молода и хотела жить…»

Коля Бунин

Исследуя историю создания и публикации рассказа «Поздней ночью», повествующего о ссоре с женой и трагедии отвергнутой любви, и вспоминая, что и детство Анны Николаевны прошло в Париже, Педаховская пишет: «Не тень ли этой девочки в высоких ботиночках и шляпке с лентами, стоящей у белого ажурного стула, искала я на аллеях Люксембургского сада, усеянных сегодня банками из-под кока-колы и пакетами от чипсов, на аллеях, безвозвратно утративших свое очарование?». Критика усмотрела в этом рассказе «беллетризацию семейной жизни автора». Так, Т.В. Марченко, учитывая, что в рассказе Бунин (без конкретики) изображает Париж, в котором он тогда еще не бывал, делает вывод, что этот текст связан с Анной Цакни, чьи ранние годы прошли во Франции… Сам Бунин отвергал этот подход, настаивая на условности изображаемого эпизода.

Анна Николаевна рассказывала, что овдовевший отец женился вторично, когда ей было лет семь-восемь. Именно она водила девочку в знаменитое здание одесского оперного театра, где кроме постоянной труппы часто выступали итальянские певцы, приезжали на гастроли Леонид Собинов и Федор Шаляпин. Анна,

учившаяся тогда в гимназии, была очень привязана к своей мачехе, разделяла ее увлечение музыкой. В их доме царила атмосфера веселой богемы. У них бывали писатели, журналисты, художники Петр Нилус, Евгений Буковецкий, Куровский – те, кто позднее принимал участие в создании Южнорусского товарищества художников. «Знали ли вы Блока, Белого, Анна Николаевна?» – спрашивала Педаховская. «Нет, нет, – говорит она. – Они искали знакомства с Иваном Алексеевичем позже, после меня». В этом скоро наступившем «после меня» она обвиняла его в черствости, холодности. Он ее – в легкомыслии, неспособности разделить его идеалы и интересы, неумении наладить жизнь. Бунин, по ее словам, тяжело переживал крах любви, крах семьи. Для Анны Николаевны смерть сына была просто катастрофой. В одну из встреч с Педаховской она открыла ящик письменного стола и достала книгу карманного формата. «Жизнь Арсеньева» – было написано на мягкой обложке, и подзаголовок «Юность». «Здесь все, и о нас тоже, так, как видел он. Нет, я не дам вам. Это чтение еще не для вас, рано. Прочтете когда-нибудь, со временем, когда меня не будет. Я благодарна ему за эту книгу; поняла, что не могло быть иначе, может быть, наконец-то поняла и его. И простила, – она помолчала, – почти простила». «Я подержала в руках, не раскрывая, книгу. «Париж, 1934 год» – значилось на обложке. Я прочла «Жизнь Арсеньева» в 1966 году, – пишет Педаховская, – когда Анны Николаевны уже не было в живых. Автобиографический роман, где жизнь вымышленного литературного героя неотделима от жизни автора. Как часто он возвращается в этом романе к мысли о том, что крах любви в браке с его житейскими дрязгами, тяготами неизбежен, и что смерть как завершение любви предпочтительнее неизбежной пошлости брака…» (кстати, В.Н. Бунина писала, что внешность героини романа Лики более всего похожа на внешность Ани Цакни, и много сцен романа взято из времени их брака. – **Л. А.**).

Анализируя это знаковое произведение Бунина, автор воспоминаний небезосновательно, на наш взгляд, стала воспринимать все, что написано было им после разрыва с Анной Николаевной, только под определенным углом зрения – мне казалось, что он вел всю жизнь диалог с ней, и только с ней: «Недавно я видел

ее во сне – единственный раз за всю свою долгую жизнь без нее. Ей было столько же лет, как тогда, в пору нашей общей жизни и общей молодости, но в лице ее уже была прелесть увядшей красоты. Она была худа, на ней было что-то похожее на траур. Я видел ее смутно, но с такой силой любви, радости, с такой телесной и душевной близостью, которой не испытывал ни к кому никогда». Эти слова выплеснулись из сердца шестидесятичетырехлетнего Бунина, когда мелочь обид и непонимания уже давно перегорела, и остался лишь след чистой страсти, посетившей его однажды в молодости…

Решающими в плане достоверности и возможности понять происходящее мне как автору этого очерка хотелось бы считать свидетельства самого Бунина, ставшие доступными благодаря уникальному труду Милицы Грин, профессора Эдинбургского университета, подготовившей и издавшей трехтомник «Устами Буниных», содержащий дневники Ивана Алексеевича, а также Веры Николаевны, конспекты и другие архивные материалы, попавшие к ней в 1971 г. Очень многое имеет отношение, в частности, к теме этого очерка, и поэтому должно быть приведено (обозначены даты (годы) записей и их автор).

1898. Бунин. Дневник. В конце июня уехал в Люстдорф к Федорову. Куприн, Карташевы, потом Цакни, жившие на даче на 7-ой станции. Внезапно сделал вечером предложение. Вид из окон их дачи (со 2-го этажа). Аня играла «В убежище сюда…» (sic! – **Л. А.**). Ночуя у них, спал на балконе (это уже, кажется, в начале сентября). 23 сентября – свадьба. Жили на Херсонск(ой) улице, во дворе. Вуаль, ее глаза за ней (черной). Пароходы в порту. Ланжерон. Боба, собачка. Обеды, кефаль, белое вино. Мои чтения в Артистич(еском) клубе, опера (итальянская). «Пушкин», Балаклава. Не ценил ничего! Ялта, гостиница возле мола. Ходили в Гурзуф. На скале в Гурзуфе вечером. Возвращение, качка. В декабре (или ноябре?) в Москву с Аней. Первое представление «Чайки» (17 дек.), мы были на нем. Потом Птб., номера на Невском (на углу Владимирской). Бальмонт во всей своей молодой наглости. Первое изд. «Гайаваты». Лохвицкая? «Без роду-племени» – где и когда писал? Кажется, в Одессе, после женитьбы. В Нивском (журнал «Нива». – **Л. А.**) издании этот рассказ помечен 97-м годом.

1899 Бунин (*Конспект*). Весной ездил в Ялту (?). Чехов, Горький, Муся Давыдова и Лопатина. Летом – в «Затишьи», в имении Цакни. Разрыв. Уехал в Огневку. Вернулся осенью (кажется, через Николаев, в солнечное раннее утро). Род примирения. Солнечный день, мы с ней шли куда-то, она в сером платье. Ее бедро… (Но, уже 14.12.1899 Бунин пишет брату Юлию. – **Л. А.**): дни Ани проходят в столовой в компании, вечера так: 6-го была «Жизнь за царя»; 7-го вечер пришла Зоя и некий Яковлев, сидела в столовой, 8-го – репетиция, 9-го – мы были все в Клубе, 10-го – репетиция, 11-го – на балу с 10 вечера до 7 ч. утра, 12-го назначена была «Жизнь за царя» – заболела певица, отложили, но вечером Аня ушла к Зое, вчера легла в 7 часов вечера спать, сегодня уехала с Э. П. на какое-то заседание, завтра – вечером репетиция, послезавтра – тоже, в пятницу у нас журфикс, в субботу – репетиция, в воскресенье «Жизнь за царя» – убогое жалкое представление. Затем… будут репетиции, кроме того драматические спектакли, затем – думают ставить «Русалку». *Буквально* с самого *моего приезда Аня не посидела со мной и получасу* – входит в нашу комнату только переодеться… Ссоримся чрезвычайно часто… Для чего я живу тут? Что же я за презренный идиот – нахлебник. Но главное – *она беременна.* Это факт, ибо я знаю, что делал. Юлий, пожалей меня. Я едва хожу. Ничего не пишу, нельзя от гама и от настроения. Задавил себя, но не хватает сил – она груба на самые мои горячие нежности. Я расшибу ее когда-нибудь. А между тем иной раз сильно люблю…

Бунин. Из письма Ю.А. Бунину. 14 (26) декабря 1899 г. До такой степени не понимать… моего состояния, и не относиться ко мне помягче, до такой степени внутренно не уважать моей натуры, не ставить меня ни в грош, как это делает Анна Николаевна, – это одно непоправимо, а ведь мне жить с ней век. Сказать, что она круглая дура, нельзя, но ее натура детски-глупа и самоуверенна – это плод моих долгих и самых беспристрастных наблюдений. Она… детски-эгоистична и не чувствует чужого сердца… Мне самому трогательно вспомнить, сколько раз и как чертовски хорошо я раскрывал ей душу, полную самой хорошей нежности, – ничего не чувствует – это осиновый кол какой-то… Ни одного моего

слова, ни одного моего мнения ни о чем – она не ставит даже в *трынку* (мелкая монета – копейка серебром, позже три копейки, трешник. – **Л. А.**). Она… неразвита как щенок, повторяю тебе. И нет, поэтому никаких надежд, что я могу развить ее бедную голову хоть сколько-нибудь, никаких надежд на другие интересы. Но главное – она беременна, уже месяц.

Бунин. Из письма Ю.А. Бунину. 10 августа 1899 г. Я дошел до того состояния, когда убивают себя, – и истерически разрыдался вчера, потому что я почувствовал – я один, я нищий, я убит, и мне нет помощи. И тогда она призналась, что не любит меня, со страшными муками. Она и теперь так убита этим, что еле жива и только твердит: я не виновата. Нет меры тоске моей – одной тоске и ничему более – ни грусти, ни самоупоению отчаянием.

Бунин. Из следующего письма Ю.А. Бунину. Если бы не слабая надежда на что-то, рука бы не дрогнула убить себя. И знаю почти наверно, что этим не здесь, так в Москве кончится. Описать свои страдания отказываюсь, да и ни к чему. Но я погиб – это факт свершившийся… Давеча я лежал часа три в степи и рыдал и кричал, ибо большей муки, большего отчаяния, оскорбления и внезапно потерянной любви, надежды, всего, может быть, не переживал ни один человек… Как я люблю ее, тебе не представить… Дороже у меня нет никого.

1900. Бунин (*Конспект*). Зимой репетиции у Цакни «Жизни за царя». В январе ее беременность. В начале марта полный разрыв, уехал в Москву. В октябре я в Одессе. Отъезд с Куровским заграницу: Лупов – Торн – Берлин – Париж – Женевское озеро – Вена – Петербург.

Из Одессы 10 октября 1900 года Бунин пишет брату. Милый и дорогой Юлинька! Еще в Одессе, задержал Куровский. Уезжаем завтра, причем маршрут изменен: едем на Берлин, прямо в Париж, откуда через Вену. В субботу зашел в редакцию «Южного обозрения», хотел поговорить с Цакни. Не застал. Тогда послал посыльного к Анне, написал следующее: «Сегодня в 5 ч. зайду, чтобы видеть ребенка». Я спросил: «Кажется, были тяжелые роды?» – «Да». Внесли ребенка. Дай ему Бог здоровья, очень, очень тронул он меня: милый, хорошенький, спокойный, только голову держит что-то на бок».

И.А. Бунин с третьей женой В.Н. Муромцевой

Бунин. Значительно позже, в Париже (дата отсутствует). Из дневника. Воскресенье. Видел во сне Аню с таинственностью готовящейся близости. Все вспоминаю, как бывал у нее в Одессе, – и такая жалость, что… А теперь навеки непоправимо. И она уже старая женщина, и я уже не тот…

Как многократно упоминалось в периодике и СМИ, Бунин побывал в Одессе около 30 раз, в последний – в 1918-19 годах, перед эмиграцией, с третьей женой В.Н. Муромцевой-Буниной (1881-1961), когда они прожили здесь полтора года (главным образом в квартире художника Евгения Буковецкого на Княжеской, 27). Начало их гражданского брака датируется апрелем 1907 года.

Наиболее близко Иван Алексеевич общался в этот период с Е.О. Буковецким и П.А. Нилусом, мастерская которого находилась там же. А вот что Вера Николаевна пишет об одесском периоде в своем дневнике:

1919. В.Н. Муромцева Дневник. 5/18 апреля. Вчера в сумерках Ян (так она называла мужа. – **Л. А.**) зашел в церковь на базаре, где он венчался с А.Н. Цакни. Возвратясь оттуда, он сказал: «Только что из церкви, где не был более двадцати лет! Зачем-то залетел в нее, женившись на гречанке, и подумал: – Как мы легкомысленно поступаем в жизни, которая так коротка». Вечером Волошин читал нам своего Аввакума. Справился он с ним хорошо, фигура написана выпукло. Техника стиха превосходна.

Там же. 28 апр./11 мая. Познакомилась с Анной Николаевной Буниной, бывшей женой Яна, с которой уже в темноте возвращались домой. На улицах товарищи со своими дамами довольно весело прогуливаются по Дерибасовской. Я сообщила А. Н. о смерти Бибиковой. Оказывается, А. Н. очень высоко ставит Варвару Владимировну – «такой живой, умный, добрый человек»… Она очень жалела ее. В Москве она

часто бывала у них. Но знала ли она, кто это? А. Н. произвела на меня приятное впечатление.

И далее: Насколько я знаю, Иван Алексеевич два года после разрыва надеялся на примирение. Перестал же он этому верить, махнул рукой только в 1902 году.

В.Н. Муромцева-Бунина. Из письма А.К. Бабореко от 5 января 1959 г. Прочла все письма периода Цакни сразу. Расстроилась: представляла иначе – считала более виноватым Ивана Алексеевича. А судя по письмам, не только жизнь была не для творческой работы, а у самой Анны Николаевны не было настоящего чувства, и ей хотелось разрыва… Это понятно, конечно, они были и по натуре, и по среде, и по душе очень разные люди. И как с годами Иван Алексеевич, я не скажу, простил, а просто забыл все, что она причинила ему. …Впоследствии, уже живя во Франции, Иван Алексеевич говорил, что «особенной любви» к Анне Николаевне у него не было, хотя та была дамой весьма приятной: «Но вот эта приятность состояла из этого Ланжерона, больших волн на берегу и еще того, что каждый день к обеду была превосходная форель с белым вином, после чего мы часто ездили с ней в оперу».

Так что же – любил, не любил? После всего изложенного – судите сами… После многих лет тоски, депрессии Анна Цакни выходит замуж во второй раз, за весьма неординарного человека, который был на 23 года старше ее. Александр Михайлович Дерибас (1856-1937), внучатый племянник адмирала Иосифа де Рибаса, автор знаменитой книги очерков по истории Одессы «Старая Одесса», работавший директором Одесской научной библиотеки. Жили супруги во флигеле во дворе библиотеки, где с дореволюционных

А.М. Дерибас

времен размещалась казенная квартира директора. По понятным причинам, супруги приняли решение навсегда запретить упоминать имя Бунина в своем доме. Анна Николаевна снова живет в интеллектуальной среде. Семья Дерибас поддерживает связи с ученым миром, писателями. «Амстердамская одесситка» Татьяна Фоогд-Стоянова в своих воспоминаниях пишет о «салоне» в доме этой семьи. Но все рухнуло в 1937 году, когда по вымышленному обвинению был арестован и через три месяца расстрелян приемный сын Александра Михайловича – профессор химии Даниил Александрович Дерибас (Яхненко).

Александр Михайлович умер в 80 лет от «разрыва сердца», когда ему принесли из НКВД окровавленные вещи его приемного сына. Проф. А.В. Недзвецкий вспоминал, что постаревшая, но сохранившая обаяние и следы красоты Анна Цакни, дружившая с его матерью, бывала в их семье. Но с годами Анна Николаевна Цакни-Бунина-Дерибас теряла одно за другим все – и родных, и друзей, и любимых, и силы, и даже жилье. Упоминается, что ей оказывали посильную помощь в быту молодая сотрудница библиотеки Ирина Добринская и Александра Семеновна Юрченко, которая якобы однажды по указанию Анны Николаевны сожгла внушительную пачку бунинских писем. Эту невеселую историю изучала большая группа одесских краеведов-журналистов – А. Розенбойм, В. Гридин, В. Нетребский, Г. Зленко, В. Крапива, а неутомимый Н. Брыгин отыскал для основанного им литературного музея кресло-качалку и будильник из жилища Цакни, относящихся к бунинскому периоду.

Анна Николаевна завершила свой земной путь в одиночестве в доме для престарелых в возрасте 84-х лет в 1963 году, пережив на 10 лет первого мужа и на 26 лет второго. А Коленька Бунин, который умер пятилетним, так и остался ее единственным ребенком. Анна Николаевна похоронена на Втором христианском кладбище, далеко от могилы своего мужа Александра Михайловича Дерибаса, с надписью на табличке скромного памятника «памяти Коленьки Бунина», могила которого была уничтожена в 1930-е годы на Первом христианском. Анна Николаевна Цакни не оставила ни строки об И.А. Бунине и по собственной воле сократила число личных бумаг в архиве А.М. Дерибаса.

Памятник на могиле А.Н. Цакни-Дерибас

«Она поражает и красотой, сохраненной в старости, и непреклонностью своего молчания о личном», как пишут современники. Что в нем? Каковы причины этого бессловесья? Кто повинен в разлуке А. Цакни и И. Бунина? И есть ли вообще виновные в этой драме обоих? Л.П. Ишуткина в стихотворении, посвященном А.Н. Цакни, определила основную трудность в своем потребовавшем особого такта исследовании о ней:

Прошла молчаливой тенью
Сквозь время свое и пространство!
Осталось намеков сплетенье
И фактов сухих постоянство…

Еще в 1906 году Иван Бунин, обладая, как все настоящие поэты, даром предвидения, посвятит Анне Цакни свое стихотворение «Чужая».

Ты чужая, но любишь,
Любишь только меня.
Ты меня не забудешь
До последнего дня.

Ты покорно и скромно
Шла за ним от венца.
Но лицо ты склонила –
Он не видел лица.

Ты с ним женщиной стала,
Но не девушка ль ты?

Сколько в каждом движенье
Простоты, красоты!

Будут снова измены…
Но один только раз
Так застенчиво светит
Нежность любящих глаз.

Ты и скрыть не умеешь,
Что ему ты чужда…
Ты меня не забудешь
Никогда, никогда!

Для кого же все-таки была «чужой» красавица Анна Цакни? Повторюсь, что никого не берусь судить, но объективности ради укажу, что отношения Ивана Бунина с женщинами были, мягко говоря, сложными: первые две жены так и не поняли его и не оценили по достоинству его творчества, а третью, которая и поняла, и оценила Бунина, любила его преданно и самоотверженно, буквально боготворила его и была любима им, который не представлял своей жизни без Веры Николаевны, Бунин сам жестоко обидел. Он привел и поселил в их семейном доме во Франции, в Грасе, где они жили в эмиграции, свою любовницу, писательницу Галину Кузнецову, тридцатью годами младше его.

И.А. Бунин, М. Степун, Л.Ф. Зуров и Г. Кузнецова (сидит)

Так и жили втроем до тех пор, пока уже Вера Николаевна не распространила свою

любовь на преданно влюбленного в нее писателя и литературного секретаря нобелевского лауреата академика Бунина Леонида Федоровича Зурова, которого «полюбила как сына», превозмогла себя и от души полюбила Галину Кузнецову. Однако Кузнецова позднее… поселила в доме Буниных покорившую ее сердце оперную певицу, как писали современники, мужеподобную Маргу Степун.

Чета Буниных оставалась бездетной… Теперь уже «семейный адский треугольник стал пятиугольником» и оставался таким до тех пор, пока Кузнецова и Степун не уехали в США. Многие события этой жизненной коллизии нашли не совсем точное отображение в фильме Алексея Учителя «Дневник его жены». Важным представляется упомянуть, что в течение жизни и в годы второй мировой войны Бунин оказывал серьезную материальную поддержку многим эмигрантам, поклонникам его творчества, многим нуждающимся, прятал от нацистов еврейскую семью пианиста А. Либермана и литератора А. Бахраха. Будучи апатридом – человеком без гражданства, он оставался патриотом, страстно желая победы СССР над гитлеровским фашизмом. Однако на предложение послевоенного советского посла во Франции А. Богомолова вернуться на родину ответил отказом. Средства, в том числе и Нобелевская премия, были довольно быстро растрачены, и в 1953 году он умер весьма небогатым человеком.

Могила Бунина на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Автор памятника – Александр Бенуа

Могилу его на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем мне довелось посетить в 2004 году. А в конце

40-х – начале 50-х годов мы, студенты медицинского института, весьма поверхностно знакомые с наследием как Ивана Бунина, так и Александра Дерибаса, на углу Херсонской и Софиевского (он же – Библиотечный) переулка (ныне Пастера и пер. Ляпунова) довольно бесцеремонно разглядывали указанную нам покойным ассистентом кафедры патанатомии Ю.А. Пренделем уже далеко не молодую женщину (так и хочется снова написать – со следами былой красоты, но не уверен… – **Л. А.**), которая умерла в доме престарелых в 1963-м…

Евгений Деменок

Одесситы пишут Бурлюку

Часть вторая

Пословица «на ловца и зверь бежит» полностью оправдалась во время подготовки настоящей публикации. После того как первая часть уже была сдана в редакцию, я нашел среди тысяч фотографий, сделанных мной в Сиракузском университете, еще одну поздравительную открытку в адрес Давида Бурлюка от Макса Поляновского, а в фондах Одесского литературного музея – телеграмму от Бурлюка Осипу Колычеву. Спешу ими поделиться.

В своей поздравительной открытке с новым 1962 годом Макс Поляновский пишет о Маяковском:

«*С Новым годом, дорогие Давид Давидович и Мария Никифоровна!*

Шлю лучшие пожелания, прежде всего крепкого здоровья и большого заряда бодрости, чтоб хватило еще на десятилетия.

*Подготовил к новому переизданию (третьему по счету) свою книгу «Поэт на экране» (Маяковский киноактер), сделал ряд дополнений, больше печатного листа. Уже рецензировал Перцов**, *дал положительный отзыв. Полагаю, книга выйдет к 70-летию рождения Маяковского – в 1963 году. В ней будет фото из фильма – за столом в кабачке сидят Маяковский, Бурлюк и Маргарита Кибальчич. Если что-нибудь о ней знаете, сообщите срочно. Хочу рассказать о ней подробнее в книге, не могу ничего узнать.*

Когда-то Д. Д. обещал мне написать об ателье и «Нептун». Если пришлете, то успею вставить в переиздание.

Обратите внимание на мой новый адрес.

* Виктор Осипович Перцов – советский литературовед и литературный критик, исследователь биографии и творчества Владимира Маяковского, автор «официальной» биографии Маяковского в 3-х томах.

В ноябре скончался В.В. Каменский. Корней Чуковский отметит весной 80-летие.

Еще раз с Новым годом!

Жду ответа,

Макс Поляновский.

Москва, Ж-4, Товарищеский пер. 17-а, кв. 68»

Открытка Колычеву от Бурлюка датирована 14 ноября 1963 года: «Дорогому Осипу Яковлевичу Колычеву поздравления с Новым 1964 годом и всесезонные лучшие пожелания». Интересно, что Осипа Колычева упомянула в одном из писем Бурлюку художница Евгения Ланг, у которой был короткий роман с Владимиром Маяковским и которая познакомилась и с ним, и с Бурлюком на похоронах Валентина Серова 24 ноября 1911 года. Уже в 1960-х по инициативе тамбовского коллекционера, «духовного сына» Давида Бурлюка, Николая Алексеевича Никифорова, Ланг начала переписку с Бурлюком, которая вскоре прервалась опять же по просьбе Никифорова – Давид Давидович начал чересчур критично отзываться в своих письмах о советской действительности, и это могло привести к неприятностям для Ланг. В возрасте 72 лет, в 1962 году, прожив за рубежом сорок три года, она вернулась из Парижа в Москву по приглашению сестры Маяковского Людмилы Владимировны и была неплохо устроена в СССР – получила хорошую пенсию и квартиру. Поэтому наживать себе неприятности из-за переписки, пусть и с другом «лучшего, талантливейшего поэта нашей советской эпохи», но к тому моменту уже «старым» эмигрантом, ей было не с руки. В своих письмах Бурлюку она не раз подчеркивала свою преданность социалистической родине: «Никакой француженкой я не стала и стать не могла ни при каких обстоятельствах. Я ведь – исконная москвичка…». И хотя вернулась она в СССР почти наверняка по финансовым причинам – жить во Франции на выручку от продажи картин стало почти невозможно, о чем сама она рассказала в своем интервью литературоведу Виктору Дувакину, – сама она это отрицала, рассказывая в переписке Бурлюку о том, что картины ее в Париже продавались «на корню», и жила она очень хорошо. Поддерживая негативное отношение

Людмилы Маяковской к художникам-авангардистам, друзьям ее брата, Ланг писала Бурлюку 16 июня 1964 года: «Я совершенно солидарна с теми принципами, которыми руководствуются в этом отношении на моей Родине. Живопись как таковая, если хочет быть жизнеспособной – возможна исключительно реалистическая». Правда, и импрессионизм, и сюрреализм она тоже причисляла к живописи реалистической.

В отношении Колычева она писала: «Вы пишете, Додичка, что поэт Колычев очень «обиделся» за то, что Вы назвали жизнь на нашей Родине – «провинциальной». Я тоже нахожу, что это определение абсолютно неправильно само по себе».

Тем не менее переписка Давида Бурлюка с Осипом Колычевым привела к интересным последствиям – именно у Колычева взял адрес Бурлюка писатель, автор мемуаров Леонард Гендлин, который встречался с Давидом Давидовичем и Марией Никифоровной во время их второго – и последнего – визита в СССР в 1965 году и оставил об этом замечательные воспоминания.

Еще одним советским корреспондентом Давида Бурлюка, имевшим непосредственное отношение к Одессе, был художник Виктор Маркович Мидлер. Виктор Мидлер родился 21 декабря 1888 года в семье еврейских портных в городе Ямполе Каменец-Подольской губернии, сейчас это Винницкая область, и вскоре после рождения его родители переехали с ним в местечко Томашполь Ямпольского уезда. В возрасте 13 лет он окончил городское училище в городе Ямполе, после этого сдавал экстерном экзамены в гимназии города Немирова, а с пятнадцати лет – в Одессе, при 4-й одесской гимназии. В начале 1900-х семья Мидлеров переезжает в Одессу (в интервью с Виктором Дувакиным Мидлер вспоминал, что неподалеку от мастерской отца жил Менделе Мойхер-Сфорим). Увлечение рисованием и знакомство с Амшеем Нюренбергом, с которым Виктор подружился настолько, что поселился у него в квартире, привело к поступлению в 1908 году в Одесское художественное училище, которое он окончил в 1913-м. Учителями его были Ладыженский и Костанди, а в одной группе с ним в 1910-11 годах занимался Владимир Бурлюк. Вот как рассказывал в марте 1972 года Виктору Дувакину о знакомстве с Бурлюками в Одессе сам Мидлер:

«**В. М.:** – Дело в том, что я вам рассказывал уже, что я вступил в Художественное училище Одессы, когда Давид Бурлюк кончал. Но я там учился вместе с его братом. Владимир был со мной в одном классе. <…> Дело в том, что Владимир Бурлюк атлетом был. И мы были – он был здоровым, крепким мужчиной, уже взрослым, а я был еще юношей, вступившим только в эту школу. И вот что было интересно тут. Владимир Бурлюк, кроме того, что он был учеником, начальным (это было самой первой группой только начальной), он уже был и поэтом тоже. Так что и Давид, и Владимир писали уже стихи и были известны как поэты тоже. <…> Я не говорю, что он был известен в мире, но он был известен в кругах наших как поэт, как молодой поэт начинающий. И еще же был у них один брат, более интересный поэт.

В. Д.: – Николай.

В. М.: – Николай, да. Что вызывает у меня улыбку – это воспоминания вот какого рода. Он был атлет, а я был худенький мальчик. И он каждое утро, приходя в школу, вызывал меня: «Ну, Виктор, садись, будем руки перегибать. Кто сильнее из нас». Окружали нас все ученики и смотрели на это. … Это было смешно, потому что мне трогать его руку уже казалось подвигом с моей стороны, не только положить ее. Но он при этом так театрально кряхтел, возился, казалось, что ему чрезвычайно трудно перебороть мою руку. И когда в конце концов он все-таки положил мою руку, то раздавались аплодисменты всех присутствующих студентов (*смеется*).

В. Д.: – А он ни разу не дал вам положить его руку?

В. М. (*смеется*)**:** – Не то что не дал – я и не пытался этого сделать. … Ну, это даже смешно было бы: понимаете, атлет, борец, гиревик и черт его знает что еще. Я брал его руку, так прижимал… ну это, можно сказать, как к фонарному столбу. <…> Это начальное наше знакомство. Затем Бурлюк кончил в этом году школу и уехал в Москву, и вступил в Школу живописи, ваяния и зодчества, и с тех пор я с ним уже не встречался. Мог с ним встречаться только уже в 14-м, 13-м, 15-м годах, когда он уже кончил школу и был уже… на вечерах, когда вместе с Маяковским, с Василием Каменским выступали».

Одесса тех времен, по словам Мидлера, была городом, насыщенным искусством и культурой, куда приезжал с гастролями Шаляпин, польский пианист Годовский, а дирижер Иосиф Прибик, «чудесный знаток и талантливейший дирижер», прививал одесситам классическую музыку высшего порядка. Мидлер приятельствовал с Эдуардом Багрицким, который посещал занятия в художественной студии у Амшея Нюренберга*: «…он приходил туда в студию и там немножко рисовал, но дома самостоятельно, и Нюренберг считал его очень талантливым художником, что он может быть талантливым художником. Ну, я с ним тоже, с Багрицким, встречался. Так вот, я говорю о том, насколько был город культурный… насыщенный культурой. Я вам рассказывал, что туда приезжали знаменитости западные, приезжали в Одессу со своими концертами. Кроме того, очень часто приезжала опера итальянская, которая некоторое время выступала или играла в Одесском оперном театре. Вот отсюда ясно, что этот город уже был известный». Багрицкого Мидлер описывал как очень худенького юношу в желтовато-зеленоватом костюмчике и гетрах.

После окончания Одесского художественного училища Мидлер хотел вместе с Нюренбергом и с родителями уехать в Париж: «Замысел был таков, что так как они портные, значит, они могут там открыть мастерскую свою. Я, познакомившись немножко с французским языком, смогу быть приемщиком заказов. Они будут исполнителями. Это была одна мысль. Или вторая мысль была, что я и Нюренберг, мы откроем в Париже художественный кабачок, куда будут приходить художники, мы сами распишем этот самый кабачок, и мы будем на этом основании иметь свой заработок и будем дальше изучать искусство. Это было в июне месяце 1914-го года…». Но планам не суждено было сбыться – началась война.

Оставшись в Москве, Виктор Мидлер занимался в художественных студиях Константина Юона, Ильи Машкова, Роберта Фалька и Владимира Татлина; у Татлина в мастерской он познакомился

* Амшей Нюренберг преподавал в школе-студии «Свободная мастерская», открывшейся 3 октября 1918-го в художественной студии Ю.Р. Бершадского, расположенной на Екатериниской, 24. Помещение они делили с Александрой Экстер.

с Любовью Поповой и Надеждой Удальцовой. Первой выставкой, на которой была показана его работа, стала Выставка картин и скульптур художников-евреев (апрель 1917 – июль-август 1918), организованная Московским отделением Еврейского общества поощрения художеств. В Москве он не раз встречался с Давидом Бурлюком.

В 1917 году Мидлер вернулся из Москвы в Одессу, которая была тогда под властью Скоропадского, чтобы забрать своего брата, и застрял в Одессе на два года – перемещаться по стране, охваченной Гражданской войной, было небезопасно. В Одессе он вновь встретился с Амшеем Нюренбергом, страстным симпатиком большевиков, и работал с ним рука об руку. В октябре 1918-го в помещении художественной школы Юлия Бершадского открылась свободная мастерская пластических искусств с тремя отделами: станковой живописи, декоративной живописи и скульптуры. «Задачи мастерской – создать артель художников, свободных от всякой литературности и всевозможных видов эстетизма», – гласило объявление в одесском театральном журнале «Фигаро». Руководителями мастерской были Амшей Нюренберг и Юлий Бершадский, а лекции читали Венимамин Бабаджан, Филипп Гозиасон и Виктор Мидлер.

В том же 1918 году Виктор Мидлер вступил в Общество независимых художников и принял участие в очередной выставке общества, прошедшей в Городском музее изящных искусств с 1 декабря 1918 по январь 1919 года. Когда весной 1919-го город заняли большевики, часть художников во главе с Амшеем Нюренбергом пошли на службу новой власти. Уже в начале апреля Нюренберг возглавил подотдел пластических искусств при Губнаробразе, одной из первых задач которого стало украшение города к первомайскому празднику. Руководителями работ стали Нюренберг и Александра Экстер. В рамках празднования был открыт прием эскизов по сооружению временного памятника жертвам революции (на Куликовом поле), арок, трибун для ораторов, подмостков для оркестров, скульптурных украшений, плакатов, стягов, знамен, гирлянд, и Виктор Мидлер был одним из тех, кто рассматривал проекты. «Независимые» принимали участие и в конкурсах на лучший агитплакат,

организованных художественным отделом агитпропа и политуправлением окрвоенкома в мае 1919 года, – за победу в конкурсе можно было получить такую необходимую в голодное время премию. Премированы были работы Нюренберга и Мидлера, и скандал разгорелся из-за того, что они же состояли членами жюри. Разбирательство ни к чему не привело – в августе город заняли деникинцы. Входил Мидлер и в возглавлявшуюся Нюренбергом комиссию по охране художественных ценностей, переименованную позже в губернский комитет по охране памятников искусства и старины, – вместе с Сигизмундом Олесевичем, Сандро Фазини и Теофилом Фраерманом.

Принял Виктор Мидлер участие и в 1-й народной выставке картин, плакатов, вывесок и детского творчества, которая открылась 8 июня в Городском музее изящных искусств.

Осенью 1919 года он уехал в Москву, а в 1920-м был командирован в Туркестан в качестве заместителя председателя Туркестанского комитета по делам музеев, охраны и реставрации памятников старины, искусства и природы и заместителя заведующего Туркестанским ИЗО Наркомпроса. В 1923 он вернулся в Москву, работал в Третьяковской галерее, где до 1929 года был хранителем отдела новейшей русской живописи. В 1927 году Мидлер был командирован во Францию для подготовки выставки «Современное французское искусство» с участием русских художников-эмигрантов и заодно пытался уговорить вернуться в Россию Александра Бенуа и Константина Коровина – безуспешно. Был секретарем объединения «4 искусства» (1928-1929), членом Ассоциации художников революционной России (1929-1931), одним из учредителей и членом правления (до 1937) Московского союза художников; организовывал крупнейшие выставки 1930-х: «Художники РСФСР за 15 лет» (1932-1933); «15 лет РККА» (1933), «Индустрия социализма» (1939), а также «Искусство Советской России» в США (1934).

После возвращения из эвакуации (находился в Пермской области) с 1947 по 1970 работал художником в «Мособлхудожнике». В 1956 году Виктор Мидлер вновь встретился с Давидом Бурлюком – об этом рассказала Виктору Дувакину Берта Александровна Мидлер. После тридцати шести лет жизни в эмиграции (Бурлюки

в 1920 уехали в Японию, в 1922 – в США) Давид и Мария Бурлюк впервые приехали на родину. В один из дней Давид Бурлюк выказал желание побывать на выставке своего старого знакомого, Мартироса Сарьяна, но Сарьян часто опаздывавшего Бурлюка так и не дождался и попросил сделать это Мидлера. Старое знакомство возобновилось – Бурлюк при встрече вспомнил Мидлера и записал его адрес.

«После этого началась очень большая переписка с нами, – вспоминал Мидлер. – Не только переписка, но он стал нам посылать, беспрерывно посылать издания, которые выходили в Нью-Йорке, собственно, издателем он был сам и его жена Мария Никифоровна. <…> И у нас сохранилось значительное число этих изданий – и писем, и изданий. Кроме изданий печатных он вклеивал во многие журналы собственные рисунки, <…> личные портреты – оригиналы, не то что какие-нибудь копии или репродукции, а оригиналы. Почти, можно сказать, что через каждые несколько журналов всегда были вклеены его рисунки».

27 апреля 1964 года Давид Бурлюк отправил Мидлерам открытку:

«Дорогие, милые Виктор Маркович и Берта Александровна! Сейчас 11 часов ночи. Просматривая одну из моих верхних полок «с книгами», нашел каталог «Семь лет Art exhibition 1934-35-го года. Дейнека, Герасимов, Грабарь, Петров-Водкин, Нисский, Мидлер Виктор Маркович», – возраст – «(1888): «Красные матросы», «Учебное плавание». Репродуцировано в каталоге из 689 картин всего 10 репродукций. Видеть выставку и писать о ней для газеты мы ездили в Филадельфию. В каталоге у вашего имени № 22 моя пометка: «Интересно задумана композиция. Масса матросов, веселье, радость». Репродукция – фронтиспис. Пишу вам, думая, что это вам доставит радость. Павел Кузнецов – репродукции нет. Шевченко репродуцирован, в стиле Павла Кузнецова более модерн. Любовь. Привет. Давид, Маруся Бурлюк».

Мечтавший о выставке на родине Давид Бурлюк попросил Мидлера посодействовать ему в ее организации. Несколькими годами ранее, в 1962 году, он уже пытался организовать на родине выставку к своему 80-летнему юбилею. Давид Бурлюк написал тогда не только в Москву и в Ленинград, но и в Киев, главному

хранителю Киевского государственного музея украинского искусства Дмитрию Емельяновичу Горбачеву:

«Дорогие друзья – директорат музея; я, Давид, Маруся (жена) и наш художественный директор Элла Яффе – можем привезти на Украину в Киев – в Ваш музей выставку Бурлюка – 80-летие – и его друзей – выдающихся американских художников. Хорошо было бы эту выставку организовать на Родной земле Бурлюка Украине – в пику москалям!!! Зависит от Вас.

С приветом Давид, Маруся Бурлюки».

Копию письма без упоминания о «москалях» Д.Е. Горбачев отнес в Министерство культуры СССР, но его ждал отказ и выговор за контакты с эмигрантом. В ответе Бурлюку чиновники написали, что стены музея завешаны другими картинами, и его выставку разместить негде. Однако Бурлюк был доволен и этим – Третьяковская галерея и Русский музей на его предложения даже не откликнулись. «Бурлюку, учителю Маяковского, было отказано справить свое 80-летие на Дорогой Советской Родине – он устроил, первый советский и американский художник, выставку в Австралии и справил свой юбилей 8 мес. путешествием с кистью в руках вокруг мира. До Бурлюка в Австралии был К. Бальмонт», – вспоминала Мария Никифоровна.

И вот через три года, в 1965-м, Мидлер попробовал помочь Давиду Давидовичу с выставкой. Он рассказал об этом Дувакину:

«Иначе говоря, он хотел, как он объяснял, как патриот России, ему хотелось бы, чтобы его деятельность не прошла даром, без того чтобы не было его выставки работ в Советском Союзе. Я с его просьбой обратился в Музей Маяковского, в дирекцию Маяковского. Она (директор музея. – **Прим. автора**) заявила мне, что вряд ли это удастся сделать, потому что сейчас такое время, что с такими выставками приходится очень долго добиваться, чтобы они могли быть сделаны. Кроме того, я обратился к Лиле Брик. Мы с Бертой Александровной побывали у них дома, у Лили Брик, познакомились с ними, и у нас сохранился, кажется, каталог. На квартире Лили Брик нам дали в качестве памятной такой встречи дали нам маленький каталог рисунков Маяковского, которые были изданы, с надписью о нашем визите там. И я опять там повел речь о желании Давида Давидовича

Бурлюка, чтобы его выставили. Не могут ли они помочь в этом вопросе? Ну, опять то же самое было о том, что это очень трудно, что из этого ничего не выйдет и, таким образом, это невозможно сейчас. <…> Я тогда написал Бурлюку, что сейчас это затруднительно, но у меня есть предложение ему такого рода: нельзя ли устроить выставку рисунков Маяковского в Нью-Йорке, поскольку к нему отношение очень ценное в Нью-Йорке, к Маяковскому (когда он бывал там, к нему очень хорошо относились), так нельзя ли устроить выставку этих рисунков Маяковского там, с тем чтобы к этим рисункам Маяковского были присоединены и работы Бурлюка, чтобы была выставка двух деятелей российских там. И тогда, после того как такая выставка будет организована там, она могла бы вернуться в Советский Союз как отдельная выставка Маяковского и Бурлюка».

Увы, эта идея тоже не осуществилась – здоровье Давида Давидовича уже не позволяло ему заняться таким проектом.

Во время второго приезда в СССР, в 1965 году, Давид и Мария Бурлюк побывали дома у Павла Кузнецова и в мастерской Павла Корина. Виктор Мидлер сопровождал их. О визите к Кузнецову Мидлер рассказывал Дувакину (27 марта 1972 года) так:

«**В. М.:** – Да. Ну, я мог бы еще такую деталь рассказать, что ему очень хотелось побывать на квартире у Павла Кузнецова, когда они были здесь. <…> И так как я очень дружил с Павлом Кузнецовым, а Павел Кузнецов очень хорошо помнил Бурлюка: они вместе учились в Школе живописи и ваяния, так что вместе участвовали в выставках, так что он, конечно, обрадовался, Павел Кузнецов, и пригласил их. Поехали вот кто: сын Василия Каменского, художник… живущий в Москве и ныне… Берта Александровна и я, и затем Давид Бурлюк, и она, значит, жена Бурлюка, поехали к Кузнецову. Ну, Кузнецов очень <…> радушно принял, и мы там просидели довольно долго. И тут мы попросили жену Бурлюка <…> рассказать свои впечатления о Москве. <…> Тут началось замечательное слово женщины, много лет отсутствовавшей в России, но прекрасно и очень культурно, и очень литературно говорившей о своих впечатлениях о Москве. Особенно ее, я подчеркиваю, растрогало то, что она увидела, что купола кремлевских и иных церквей позолочены и блестят, живые,

живущие – то, о чем она не слышала, будучи в Нью-Йорке, или, вернее, рассказывали об их разрушении, об их уничтожении. Я подчеркиваю ее красивую речь, очень старое русское слово на русском, старом русском языке – и вот ее растрогавший этот факт. Ну, вот это я вам говорю последние мои слова относительно Бурлюков.

<…> Бурлюк, живя много лет в Нью-Йорке, сохранил самые дружеские отношения к Советскому Союзу, и был связан с Обществом друзей Соединенных Штатов и Советского Союза».

Давид Бурлюк вел переписку с Виктором Мидлером почти до самой своей смерти. «…память о Бурлюке у нас очень хорошая осталась, очень трогательная, в особенности в последний момент к ней (указывает на Берту Александровну) исключительное, любовное даже, и со стороны его, и со стороны ее, – рассказывал Мидлер Дувакину. – У нас остались очень дорогая память и замечательные взаимоотношения. К сожалению, смерть прервала их».

Ниже приведены письма Виктора и Берты Мидлер Давиду и Марии Бурлюкам, а также письмо Павла Кузнецова Бурлюку. Все письма хранятся в фонде Давида Бурлюка в Исследовательском центре специальных коллекций библиотеки Сиракузского университета в США.

* * *

17 мая 1964 г.

Дорогие Давид Давидович и Мария Никифоровна!

Мы уезжали на 2 нед. из Москвы, а по возвращении обнаружили сюрприз – Ваше письмо с репродукцией от 27 апр.

Вы действительно доставили мне большую радость сообщением о находке каталога с моей репродукцией. Нас очень растрогало, что Вы поспешили тут же сообщить нам об этой приятной находке. Не меньшую радость доставило и то, как Вы отозвались о моих работах.

Ваше письмо – репродукция дошло всего за одну неделю.

Она поражает и захватывает динамикой цвета и линий при удивительно своеобразной композиции. Очень современна по ощущению и очень красива в цвете. Я очень рад и благодарен, что Вы дали нам возможность увидеть образец Вашего Radio-Style.

К сожалению должен сказать, что ничего из того, что Вы перечислили в письме от 10 апреля, – мы не получили.

С любовью и благодарностью за доброе отношение,

В. Мидлер. Любовь и привет от Б. А.

* * *

Следующее письмо сохранено не полностью, но речь в нем идет о посланных Бурлюку открытках с репродукциями работ Мидлера:

«...ней, как и о других моих работах, на основании фото, которые я Вам послал. Жаль, что они были не в цвете, т. к. (позвольте нескромность) считают, что я неплохо справляюсь с этой весьма важной стороной творчества и что я не только «импрессионист».

Мне обидно, что я не имею ни указанного каталога, ни названной репродукции, ни даже фото с них.

Очень хотелось бы узнать, доступны ли для приобретения издаваемые у вас фотографии, напр. Сутина. Нет ли какой-либо возможности приобрести монографию или каталог Сутина. Нет абсолютно никакой возможности увидеть его работы даже в репродукциях.

Имеется ли монография о Вашем творчестве – очень хотелось бы ее иметь.

Вы писали о Вашем желании вспомнить о художниках, которые вместе с Вами учились в Одесской художественной школе в 1909, 10, 11 гг. Мой друг – художник А. Нюренберг, тоже учился тогда в этой школе (он затем работал вместе с Маяковским в Росте) и помог мне вспомнить о некоторых, а именно:

Фошко – уехал в США. Лаховский, Феферкорн, Колесников И., Матинский, Цалюк, Петровский, Конский и Коновский – оба атлета. О ком из них Вы хотели бы узнать подробнее, я постараюсь выяснить и Вам написать.

Сейчас у нас ночь. Заканчиваю письмо с выражением наших дружеских чувств к Вам – Давид Федорович и Мария Никифоровна.

Ждем Ваших писем.

Виктор Маркович и Берта Мидлер.

P. S. *В письме от 10 апреля Вы пишете, что послали нам («Color and Rhyte» и разные репродукции) «на долгих» – как понять это? Мы, к сожалению, ничего не получили.*

Мы, конечно, очень этим огорчены.

Посылали ли Вы заказной почтой?

Привет и самые лучшие пожелания,

В. Мидлер»

* * *

23 июля 1964 года Берта Мидлер отправила Бурлюку телеграмму:

«Сердечно поздравляем Давид Давидович исторической датой 82-летием. Желаем долгих лет, здоровья и счастья, неиссякаемого творчества.

Виктор Берта Мидлер».

* * *

Следующее письмо было написано Бертой Мидлер:

«Дорогие и глубокоуважаемые друзья Давид Давидович и Мария Никифоровна!

Позвольте мне осуществить мое большое и давнее желание приветствовать Вас из далекой Москвы.

Я – жена художника Виктора Марковича Мидлер – тоже художница. Я очень давно таила в себе желание вам написать, но до сих пор не решалась, не будучи знакома с Вами лично.

Переписка между Вами и мужем прервалась, едва начавшись, из-за его тяжелой и длительной болезни, от которой он и сейчас еще не вполне оправился, хотя уже начал ходить.

Мы Вас благодарим от всей души за открытку-репродукцию с картины Davida Burliuk'a «Father Time». «Время отцов».

За выраженные в ней добрые чувства и готовность поддерживать с нами письменную связь.

Разумеется, переписка и дружба с Вами была бы для нас очень большой радостью, и я думаю, что если бы не болезнь Виктора Марковича, переписка не прервалась бы. Я очень хочу надеяться на то, что она возобновится. Что касается нас, то это наше самое горячее желание.

Мне хочется напомнить Вам и еще раз поблагодарить Вас за давно присланные Ваши журналы (посвященные Маяковскому). Они наполнены таким интересным материалом, что до сих пор мы их читаем и перечитываем. (Как видите, темпы у нас далеко не американские, приходится ведь читать со словарем.)

Эти журналы вызвали очень большой интерес в среде многих художников и литераторов, и их читали и читают очень многие. А основное – они дают почти полное представление о необычайно глубоком и разностороннем таланте Давида Бурлюка и о его кипучей и такой плодотворной деятельности.

Как бы хотелось увидеть его работы в подлинниках на выставке.

Хочется помечтать о том, что это осуществится, и о том, что Вы опять приедете в СССР, и я буду иметь надежду познакомиться с Вами лично.

Я была на выставке американской графики. Многое мне очень понравилось. И гравюры, и офорты, а особенно поразило удивительно широкое и разнообразное применение графики, чуть ли не во всех областях жизни. И очень высокое техническое мастерство. Американцы на выставке были очень приветливы и доброжелательны и вызвали к себе большие симпатии наших зрителей.

С любовью и уважением,

Берта Алекс. Мидлер»

* * *

Дорогие Мария Никифоровна и Давид Давидович!

Пользуюсь случаем, чтобы Вас приветствовать от себя и от имени жены – Берты Александровны. У нас говорят, что Вы скоро развернете персональную большую выставку своих работ. Очень хотелось бы нам побывать на Вашей выставке. Если будет каталог, будем рады его от Вас получить. Посылаю Вам сохранившиеся фото с некоторых моих работ, сделанных в разные годы. К сожалению, они не цветные и сужают возможность иметь должное представление.

Желаем Вам творческих удач и крепкого здоровья,

Виктор Маркович и Берта Александровна Мидлер.

***P. S.** На обороте перечень: 11 шт. фото.*

1. «Кафе на Монмартре». Масло.
2. «Париж. Собор Парижской богоматери» – рисунок.
3. «У моря» – рисунок.
4. «Сбор чая» – масло.
5. Фрагмент композиции «На чайной фабрике» – масло.
6. «Рыбацкие лодки» – рисунок.
7. «Пейзаж» – рисунок.
8. «Крым. Домики на побережье» – масло.
9. «Студентка» – масло.
10. «Рыбацкий поселок» – рисунок.
11. «Цветущие яблони» – масло.

* * *

Москва, 12 июля 1965 г.

Дорогие Мария Никифоровна и Давид Давидович Бурлюки!

Поводом для этого письма служит не только дата приближающегося Вашего, Давид Давидович, дня рождения. 83 года – хороший возраст, особенно для человека, который использовал его творчески всесторонне. Вот мы сейчас празднуем 85-летие нашего общего друга – Сарьяна Мартироса Сергеевича. Здесь развернута большая ретроспективная выставка его работ, и мы свидетели того, как многие зрители подходят к старику Сарьяну и благодарят за «принесенную радость в их жизнь». Весной этого года мы также чествовали «молодого художника», нашего друга – Павла Кузнецова с выставкой, посвященной 60-летию творчества прекрасного художника. Ему исполнилось 86 лет. Вы, Давид Давидович, моложе на 2-3 года, и как они – тоже не старик! В каждом Вашем письме, в каждой посылке явствуют мысли, действия и энергия человека, полного творческих сил и деяний. Вот с ними я и Берта Александровна Вас сердечно поздравляем и выражаем пожелания, чтобы Вы еще на многие годы сохранили эти прекрасные качества. Мы цитируем Ваши же слова: «Я в этот мир пришел, чтоб встретиться с словами»... Разве только со словами – как поэт, а как художник – творивший произведения живописи? Ведь о Вас произносили и писали: «Бурлюк видит след, оставленный им в поэзии и живописи, борозды новизны новатора, отмеченной историками культуры в странах мира – будучи тесно связан

с именами Хлебникова, Маяковского, В. Каменского, Кандинского, К. Малевича и др. Трогают слова о «безграничном многолетнем внимании Марии Никифоровны к Вам как к поэту и художнику»… Волнуют Ваши стихи «Ноктюрн Шопена» и «Клод Моне», Монтичелли… «Ты ненавидел ровную поверхность. Всегда любил волнующий рельеф. Тебя влекла «абсурдная» трехмерность. Творил ты, красок не жалея. Ты взвешивал, ощупывал предметы»…

Этот образ близок Вашему искусству. О Сезанне Вы сказали: «Пройдут (года) столетья, но в сонмище картин Сезанн останется ликующим примером»… Также о Моне, Сислее, Писарро… Примерами Вашей творческой любви к этим мастерам служат Ваши произведения, в которых замечаем, казалось бы, несколько позднее, частое возвращение к их пластическим, живописным принципам, не изменяя свойственной Вашему искусству близости к «примитивизму» – не схематизированному, а насыщенному живым чувством реального, в быту, в пейзаже, в натюрморте… Примеры: в 1910: – «Steppe», «Один из моих предков», в 1950 г. «Tangier market», а в 1957 г. «Flowers on Sea Shore», и в 1962 г. – «Saga of Positano»… И все они после «Power Station on New York City on Harlem River» – 1924 г. – отмеченный Вами как «Радио стиль». Я ни в коей мере не считаю эту разнохарактерность признаком эклектизма в Вашем искусстве, так же, как нельзя обвинить Пикассо, когда он наряду с реалистическими портретами сына, жены, Волляра и др. создает образцы «сюрреализма», чуть ли не «абстракционизма», после «кубистического» портрета Волляра и др. Нам жаль, что среди присланных Вами цветных, хорошо напечатанных репродукций, нет в цвете таких Ваших интересных работ, как «Один из моих предков» – 1910 г., «Красный конь» – 1926, и т. п. В памяти о них сохранилось не очень четкое представление. Мы обрадовались рисункам портретов Маруси Бурлюк, Эсфирь Лесс – 1936 г. и др. – вкладки в журналы. Хотелось бы видеть в цвете работы братьев Soyer. Они кажутся серьезными художниками. Еще раз благодарим за щедрую посылку Вашу – журналы, в которые мы с интересом и вниманием вчитываемся и всматриваемся. Многие наши друзья-художники очень заинтересовались присланным Вами экземпляром: «Русский вклад в пластический авангард галерея Леванте Милан Рим». Спасибо и за это.

Мы и впредь будем ждать Ваших писем, журналов, открыток и т. п. с большим интересом и любовью!

Ваши друзья – Виктор Маркович Мидлер и Берта Александровна.

Постскриптум: Рассказывая о выставках П. Кузнецова и М. Сарьяна, мы в то же время думаем о возможной организации такой же выставки Ваших произведений в ближайшие 1-2 года у нас. Для этой цели надо обратиться: а) в Министерство культуры СССР и б) в об-во друзей США – СССР.

* * *

Письмо от Павла Кузнецова:

Москва 24-го

Глубокоуважаемый Давид Бурлюк,

Посылаю Вам свою монографию для ознакомления с моим творчеством, т. к. мы с Вами не виделись бездну лет, и хотелось бы, чтобы Вы тоже прислали книгу о Вашем творчестве. Не собираетесь ли посетить Москву? Вы давно не были. Узнал Ваш адрес от Мидлера.

Мой адрес: Москва 2 – 99.

Карманицкий пер. 2 кв. 22

П.В. Кузнецов

Я и моя жена художница Бебутова шлем Вам и Вашей жене сердечный привет.*

* Бебутова (Бебутова-Кузнецова) Елена Михайловна (25 января 1892 (Санкт-Петербург) – 25 апреля 1970 (Москва)). Живописец, график, сценограф.

Игорь Лосинский

Из плаща Одиссея

Сергей Иванович Рядченко
«УКРОТИТЕЛЬ БАРАНОВ»
сказки трезвого человека

Подчеркну сразу. Сергей Иванович Рядченко – писатель абсолютно самобытный, и все, что я буду говорить дальше о литературных влияниях, слияниях, цитированиях, отсылках, аллюзиях – это просто то море книг, в котором он живет и свободно ныряет на любые глубины, и волны творчества замечательнейших писателей свободно перекатываются через страницы его книги, и по-другому человек, боготворящий слово, в том числе то самое слово – логос, животворящий глагол, который и сотворил этот мир, писать просто не может.

Как сказал французский критик Эжен Вогюэ, «все мы вышли из гоголевской шинели». Я думаю, может быть, ошибочно, что писатели поколения Сергея Рядченко вышли скорее из свитера Хемингуэя, из плаща Одиссея и кургузого пиджачка Леопольда Блюма, в котором он осваивал вселенную Дублина.

Особое внимание хочется уделить лирическому герою, протагонисту, для которого *«сочинительство было и оставалось*

главным делом и смыслом... бытия». С чего начинается рассказ? Со слов «*Решил начать новую жизнь*».

Да, земную жизнь пройдя до половины, хотя ему уже 42 года, герой очутится не в сумрачном лесу, а в новогоднем цирке, где найдет себе своего Овидия и пройдет вместе с нами круги рая и ада, и круги эти будут, наподобие водоворота, сгущаться, увлекая нас в неведомые дали прошлого, густо замешивая трагизм эпох и эмоций, пока мы не утонем в замедленно-бешеном темпе происходящего, и не засосет нас в сужающееся горлышко событий.

Не зря же на третьей странице романа, пусть и в лице *«нафталинных капельдинерш»*, уже появляются легендарные Сцилла и Харибда, которые и чудовища, и скалы, и вполне реальный водоворот. Как говорит наш герой: «*...если доберусь сейчас до своей глубины, до постыдной сути, и оседлаю суть, и стану чувствовать то, что чувствую, а не то, что кажется, то и не управиться никому со мной. Ныряй, Иван, проверь, крепка ли связь твоя с мировой культурой*».

Ну что ж, начинать новую жизнь не в новинку каждому из живущих и страждущих на этой планете, вон Маяковский, на что бунтарь и сибарит, и то писал в дневниках: «Завтра я проснусь другим человеком». Ничего не вышло. А если и вышло, то этот новый человек, быть может, и нажал так не вовремя на курок. А вот у героя нашей книги как раз с последней строчки романа новая жизнь и начнется. Круг замкнулся, и мечты сбылись.

Цирк, куда мы пришли, и само повествование – это яркое и дразнящее представление, где роли клоунов, жонглеров, шпрехшталмейстеров, акробатов и, конечно, укротителей будут беспрестанно играть, в том числе вполне солидные и заслуженные персоны всевозможных стран и эпох. И это не пустое жонглирование цитатами и эстетская разухабистость, за всем этим стоят серьезнейшие и неотъемлемые от авторских целей постулаты.

Как там сказано о цирке: «*Потому как шанс упустить равновесие и шлепнуться, этот резвый шанс порхал тут повсюду*...». Так вот «шлепнуться» – этим легковесным словечком в книге и на арене обозначена возможность сорваться с неимоверной

высоты, которую автор, как некий канатоходец, сам себе задает, и элементарным образом разбиться если не насмерть, то вдребезги. Потому что, цитирую, *«…тут витает дух полнокровной жизни, дух неподдельной игры в самое себя»*.

Ироничную же фразу о том, крепка ли связь с мировой культурой, это герой скорее не себе, это он нам говорит, поздновато, конечно, уже под занавес повествования, мы и так эту самую культуру черпали тоннами в скрытых и явных цитатах, в замысловатых терминах и даже в издевательских порой сносках.

Автору книги пора, пожалуй, превратить эти самые сноски в объемный, в конце книги, глоссарий, толковый словарь и сборник комментариев, которые помогут будущему читателю разобраться в нагромождениях и хитросплетениях цитат из стихотворений, песен, поэм, опер, романов, которыми столь изобилует книга и которые наполняют ее дополнительными смыслами и мелодиями. Я уже не говорю о таких изысках, как *«эпольман», «круазе»* и *«арпеджио»*.

Ведь, к сожалению, только нам, одесситам, будет понятно «*…мы отправились… ко всегда у нас Новому рынку*». Или молодая Европа на быке на Девятой станции. И где это – *Ленбат*? – как мы пока еще помним, улица имени Ленинского батальона.

И ответ на вопрос «*…кто не помнит про танцы девочек по Ангаре навстречу утренней заре…*» уже не звучит так однозначно… Как там, друзья? Кто помнит?

А река бежит, зовет куда-то,
Плывут сибирские девчата,
Навстречу утренней заре
По Ангаре, по Ангаре.

Майя Кристалинская, Пахмутова, Добронравов – уходящая вместе с нами натура…

Может быть, мы последнее поколение, которое оценит фразу с хитрым ленинским прищуром *«…хлестануло нас оттуда всех разом и <u>каждого по потребностям</u> тугим размашистым действием»*.

А вот это откуда этот прозаический отрывок:

«…но пока еще все не верится,
что Союз нерушимый рушится;
и хохочем мы тут с паяцами
то ль на радостях, то ль в истерике».

Это, наверное, из того, что не успел написать Высоцкий.

И скоро далеко, далеко не всем будет ясно, например, что имеет в виду герой в своем внутреннем монологе «*…Надо полагать, что в тот день я геройствовал, и такой очевидный факт, что от героев былых времен ни костей уже, ни имен, остановить меня был не в силах*». Это песня из кинофильма «Офицеры» 1971-го года рождения, и мыслит герой понятиями офицерскими. Да, увы и ах, это все уже анахронизмы.

Порой автор просто дразнит читательское любопытство. Например, «*Я снял с полки портрет в берете с пленки славного Дзеффирелли… Вот. Кузен той, о ком нет печальней на свете повести*». Это ж надо полезть в Интернет, найти режиссера Дзеффирелли, посмотреть его фильмографию, понять, что это «Ромео и Джульетта», найти актера, игравшего кузена по имени Тибальд, по имени Майкл Йорк, а потом отыскать это самое фото в берете. Сергей Иванович просто безжалостен. Кстати, я нашел это фото, можно посмотреть, как выглядел наш герой, по мнению автора, в молодости.

Есть в романе и совпадения, неожиданные даже, думаю, для автора. Вот судно «Уэлен», на котором ходит один из героев этой саги – Никита. Был, был, оказывается, такой себе пароходик, сначала в Одессе, потом

на Дальнем Востоке, и построен он был, как думаете, где? – в Германии, и назывался поначалу «Нюрнберг», 300 километров от Мюнхгаузена.

А героически отличился этот простой сухогруз как раз у берегов Австралии, куда уехала одна из героинь романа, и где принял неравный бой с засекреченной японской субмариной, и даже выиграл его.

Имен писателей, поэтов, философов, политиков, ученых, либретистов, переводчиков, композиторов, актеров, режиссеров, упомянутых в романе, не перечесть, и удовольствие от открытого, с указанием авторства, цитирования и напевания может получить каждый читатель самостоятельно.

Нас больше интересовали цитаты латентные, которые каждому необходимо археологически отрыть и открыть среди песков памяти и напластований текста.

А тут между строк скрыты Шекспир (в изобилии), Шарль де Костер, Некрасов, Юрий Визбор с его посадочными огнями, до которых немного не дотянул Серега Санин, Библия, Махабхарата, Сэлинджер, Кундера, Ильф и Петров, Ян Флеминг, Юна Мориц, Марк Аврелий – всех не перечислишь! Успевай только проверять свои скудные познания. Не случайно же самого себя герой называет «ваятель вязи прозы».

Человек, который крепко подружился с англоязычной литературой на языке оригинала, на мой взгляд, уже просто не способен избавиться от ее мощнейшего и благотворного влияния.

Упругость, спортивная сноровка и кажущаяся простота, логичная до алогичности манера, уважение к слову, которое может, в отличие от нашего языка, иметь целый ряд значений, порой даже противоречащих друг другу, благородная и утонченная самоирония – все это не может не наложить пусть маломальский, но зримый отпечаток на стиль и язык произведения. Английский Набоков и американский Бродский тому, на мой взгляд, примеры.

Герой романа Сергея Рядченко – это, с одной стороны, Улисс, который уже вернулся из своего многолетнего плавания, нашел свою Пенелопу и Телемаха, вот только его путешествие по волнам памяти, собственного таланта и разливного моря водки заканчи-

ваться не хочет, поэтому совершенно не случайно ждет его в ближайшем будущем не что иное, как борт корабля и новое, якобы кругосветное плавание, как бы он не открещивался псевдогекзаметрами: «*...я не Улисс, не Одиссей, Южанин я, Иван Южанин родом из Одессы, я сир, я хлип, богам я незаметен... нет Посейдону дела до меня*». Есть, есть до тебя дело и Посейдону, и Нептуну, раз уж ты чинишь рангоут старенькой парусной яхты.

И уложившееся в один день повествование, и неверность, и волшебный город, который служит еще одним неотъемлемым героем романа, легко могли бы подтолкнуть нас к джойсоведческим изысканиям...

Но тут является тень Лоренса Стерна с его кружевами, и по самое горло окультуренный Веничка Ерофеев, и на «ты» отношения с классиками позднего Катаева, избыточность Саши Соколова, и папыхэмовская брутальность, помноженная на людей, которые, как одинокие, но гордые острова в океане, но все это, повторюсь, лишь та стихия, которая несет, к нашему восторгу, утлый кораблик трезвого, как оконное стекло, Ивана Южанина по волнам крепчайшей и душистой, как коньяк «Камю», который он так и не выпил, прозы Сергея Рядченко.

А эта пушкинская вольность с пропуском целой главы: вот она, 6-я, целиком: «*И сказал я ему, пока он отирал со щек румяна, вот что. Я сказал ему, что... Ему сказал, а вам будет неинтересно*». Ну а кому невдомек, автор в следующей, 7-й главе, уже дает прямую ссылку на Пушкина да на Чайлд-Гарольда с его знаменитым паломничеством.

Я понял, что это «моя книга», начиная вот с этого, второго по счету абзаца: «*Моросил наш декабрьский дождик, и продолжатель фамилии пяти с половиной лет от роду обеспокоился, где сейчас цирковые звери, не мокро ли им, не застудились ль*». Поэтическое «ль» просто согрело душу начинающего литературного критика.

А кто еще может себе позволить фразы длиной в целую страницу или вот такие себе фонетически выверенные абзацы: «*...и мы б с Саньком, думается, желали б уже, чтоб они там все поскорее прекратили б уже вытворять свои трюки под куполом поголовно, и уже б поскорее сворачивались бы, пока не дошло до беды, уже б спускались бы себе, судьбу не искушали б*».

А вот эта жемчужина: «*Аксиома: все люди люди, даже Лида*». Сначала ты думаешь, что это гимн любви, потом – что грубость, потом – что крик отчаяния, а потом, перечитывая, уже не знаешь, что и думать.

Нельзя не отметить филигранно выписанные диалоги, которые за внешней простотой могут таить в себе целые пласты смыслов и предысторий.

Вот послушайте:

«*Потом были силачи с гирями и ядрами, и нам с Санькой захотелось, воротившись домой, достать гантели из-под кровати.*

– А мама разве не выкинула?

– Нет, гантели пока нет».

И в душу читателя с этими словами уже закрадывается холодок сомнения в безоблачности счастья этой ячейки общества, хотя до коллизий еще ой как далеко.

Слог романа легко оперирует высокой, церковной лексикой: «*И по их мановению мы, вкушавшие, причастились восторгу; всколыхнуло нас, и, воодушевленные, мы проплыли над житием и отчаянием*». А еще фраза может быть построена и на простом человеческом мате, без которого содержание сказанного было бы не полным; а цитату сам себе найдет каждый.

В целом же выражаются эти люди, прошедшие ад войны, тихо и культурно, не в пример современным комплексующим литературным персонажам, что без грязи слова сказать или молвить не в силах.

Есть, как чертик из табакерки, и точеная поговорочка: «*Бог не фраер, штык молодец*», где причудливо соединяется дерзкий одесский фольклор с боевым шутовством генералиссимуса Суворова.

А какие прекрасные, нестертые слова: «*сокровение*» «*совместие*», неологизмы «*наплеватести*», «*анабазник*». Кстати, само слово «анабасис», в значении «длительное воинское путешествие по чужой территории», а также «восхождение на вершину», неслучайно повторяется в романе неоднократно. Значит, желает автор, чтобы поняли мы смысл «хождений» этого прекрасного персонажа, Ивана Южанина, в просторах данных ему миров.

Герой повествования причисляет себя к стоикам, которые, как мы помним, кроме мужества в жизненных обстоятельствах про-

поведовали «взаимосвязь всего со всем как осмысленный порядок, реализуемый божественной волей». Он «*честный киник*».

Но тут все не так просто. Среди других героев романа числится, например, загадочный реальный языческий Дар Событий, который «*благоухает, по-строгому, брютом с устрицами*», помогает хоронить деда, мирит мужа и жену, сидит на люстре и так далее.

Кроме знакомых нам религиозных понятий Бог, Творец, ангел-хранитель присутствуют такие имена некоего загадочного бога: Сам Автор, Тот, Кто, Распорядитель.

Не такое это простое дело постичь философию главного героя.

А в целом его мятущиеся воззрения выражены как бы просто и ясно: «*Я обозрел наскоро, а что в этой жизни на самом деле важно, а что нет, и выходило, что либо все одинаково нелепо, либо все одинаково исполнено сакрального смысла*».

Конечно же, смысла, потому что один из героев, который только иногда выглядывает из-за бархатного занавеса арены, это сам писатель. Это же его слова о представлении, правда? – «*Жаль, поверьте, жаль, что вас там не было*», это он, писатель, «*уравновешивает интригу созерцанием*».

О романе можно говорить долго и скрупулезно. Все это еще впереди.

Мне только хотелось бы подчеркнуть, что главным достоинством книги я все же считаю то уважение, которое Автор испытывает к своему Читателю, что позволяет ему не упрощать свое произведение, не наводить на него глянец, а говорить «*языком любви и бесстрашия*» и дарить книгу во всей своей сложности, ершистости, противоречивости, с ее взлетами и падениями, с восторгом и ужасом, с бескрайним отчаянием и, конечно же, с бесконечной любовью.

Валерий Бодылев

«Сказаны были серебряные слова…»

Словесное искусство начиналось с поэзии. Это были и сакральные гимны (Гесиод, «Труды и дни»), и сельскохозяйственный справочник (Вергилий, «Георгики»), и философские трактаты (Лукреций, «О природе вещей»). Всем этим текстам были присущи некоторые пафосность, отвлеченность, надмирность. Уже к нашему времени все эти родовые черты поэзии, вполне оправданные в древности и в эпоху романтизма, превратились в напыщенность и нарочитость. Последняя эпоха, когда все это было довольно органично, – «Серебряный век». Стихи того времени отчасти соотносились с прежним укладом жизни – несколько архаическим, пронизанным ностальгией по недавним годам, окрашенным в романтические тона. Но с настоящим началом XX века (14-й год, по убеждению А. Ахматовой) все изменилось самым решительным образом. Пафосность или назидательность уже не были востребованы. Поэзия начала стремительно беллетризироваться, обрастать элементами драмы, сюжетности.

Как ни странно, для многих даже вполне современных авторов этот переход оказался вовсе незамеченным, и они продолжили эту старую и уже не работающую линию чрезмерной пафосности и напыщенности. А часть ушла в полный отрыв – постмодернизм. Повторилась старая коллизия между Сциллой и Харибдой, новизной и банальностью. Но истина скорее пребывает где-то посредине.

Конечно, в разговоре о книжке Анны Стреминской «Марфа и Мария» можно было вполне обойтись без вступительной части, эдакого сухого теоретизирования, но тогда нам бы оказалось не под силу понять, «из какого сора» происходят стихи Анны. Общее впечатление: глубокая лиричность поэтического строя автора происходит из очень прозаических вещей. Ее поэзия почти всегда сюжетна – Анна Стреминская обладает редким даром повествователя. Зачастую ее стихи – новеллы со сложным емким сюжетом, который открывается самым неожиданным образом, своеобразным «поворотом винта» (Г. Джеймс). Но по основному родовому признаку новелла относится к малой эпической форме, которая также включает легенды и фабльо.

Стихотворение Анны Стреминской «Немецкая каска» вполне можно было бы определить как новеллу в стихах. Здесь легко обнаруживаются отличительные свойства новеллы (рассматривается только один эпизод). К этому добавляется основной признак легенды – философичность. А общее впечатление – чудом перенесенная в наше время немецкая проза эпохи романтизма.

Стихотворение «Что мне вспомнить о детстве» – самая настоящая проникновенная проза. А вот беллетристическая зарисовка – «Утром выйду во двор». А еще «В окне ателье» (философская проза). «Чеховский сад» – переписанная стихами мягкая проза ялтинского отшельника. К емкой пушкинской прозе отсылают стихи о поездке на Урал: «…и пахло бунтом, пугачевской сталью».

Парадоксально, но совершенно изысканная проза всегда пронизана особой лиричностью, и наоборот.

Почему в глаза бросается, прежде всего, прозаичность стихов Анны Стреминской? Ее творчество – вещное, своего рода перечень узнаваемых примет времени, такой вот «список кораблей». В стихах Анны, наполненных вещами, нет расплывчатых, зыбких образов.

А если они изредка появляются, то отвлеченное становится материальным, вещественным. Другими словами, из мира названий Анна полностью переходит в предметный, осязаемый мир.

Она создает свой особый, хотя и узнаваемый мир, где читатель с удивлением обнаруживает совпадение своих мыслей с мировоззрением автора. В подтверждение этих слов стоит обратиться к заметкам М. Бахтина: «Я слышу себя в другом, с другими и для других… Я нахожу себя в… чужом голосе. Этот чужой, извне слышимый голос, организующий мою внутреннюю жизнь в лирике, есть возможный хор голосов… индивидуальное и совершенно одинокое перерождается в крик, пугающий себя самого и тяготящийся самим собою; одинокое и сплошь самочинное нарушение тишины – неоправданно цинично. Петь возможно только… в атмосфере возможной хоровой поддержки».

Пожалуй, стоит прокомментировать данный текст. Иногда личность ощущает себя исключением, одной-единственной, и живет противопоставлением себя другому и даже всему миру. Личность замыкается в себе и становится абсолютно неинтересной для других. Эта самодовлеющая самость ставит потрясающие сами по себе тексты в ложное положение самообмана, отказа от знания и полностью погружается в состояние иллюзий.

Анне Стреминской удалось преодолеть подобное противоречие. Именно своей открытостью другому и далее всему миру – «urbi et orbi» – и притягательна ее лирика. Прежде всего, она общечеловечна, пронизана «всемирной отзывчивостью» (Ф. Достоевский).

В ее стихах легко узнаешь себя, проходишь сквозь ощущения детства и юности к зрелому пониманию мироустройства.

В стихах Анны Стреминской раскрывается полная формула бытия – «всё во мне, и я во всем» (Ф. Тютчев). Для иллюстрации стоит привести стихотворение «Время – это единственная река».

Они синкретичны, универсальны, объединяют разные виды искусств. В них можно найти элементы драмы. Это яркий театральный диалог Ван Гога и Рембрандта («Амстердам») и разговор о жизни («Он говорит…»).

Кроме того, Стреминская обладает и точным взглядом живописца. Некоторые стихи представляют собой детальное описание воображаемых картин. К ним можно отнести «Праздник беспеч-

ный…», отчасти напоминающий «Пляж» Гуттузо в первой части и малых голландцев с их зимними пейзажами во второй.

Живописный строй просматривается в стихотворении «Тихий, сухой пролистала я день…»: «Тихий, сухой пролистала я день, как том. Сказаны были серебряные слова. День растворился в молчании золотом, только лишь ветер был слышен едва-едва…».

Очень живописны также стихи «Мне бы хотелось говорить с тобой не словами», где «чайка летит, сшивая небо и море», где можно сказать, что строки импрессионистичны: «все окна зажглись любовью, и желтый свет на снег они проливают…».

И еще одна составляющая поэзии Анны Стреминской – кинематографичность. Назовем, к примеру, стихотворение «Гражданская война происходит на кухне». Здесь использован прием наезда камеры: сплошь яркий передний план. Конечно, нет смысла пересказывать лаконичные киноновеллы «Трамвай» и «Венеция». В них каждая строка максимально выразительна, а действие развивается, словно стремглав. К кинематографии относятся и стихи «Сколько подошв по асфальту шуршит ежедневно», а также «На пароме».

Впрочем, это лишь внешние конструкции – то, что лежит на поверхности. Все остальное – сам дух поэзии Анны Стреминской – может только угадываться. Сказать однозначно стоит лишь то, что нет никакой дистанции между автором и его словом. В любом стихотворении ощущается глубокое сознательно устроенное напряжение, с каким создается единый поэтический язык из разнородного хаоса живого литературного языка.

В произведениях Анны Стреминской язык устанавливает себя как до конца определенный и универсальный.

Книжка «Марфа и Мария» читается как одно большое произведение. Взгляд на мир оказывается единым, и способ высказывания не вызывает противоречий в поэтическом строе.

Я нарочно почти не привожу цитат, как это обычно принято в рецензиях. По-моему, такой подход совершенно бессмыслен, – в подобном случае придется процитировать весь сборник с первой до последней строчки без малейших изъятий. Гораздо проще раскрыть книжку Анны Стреминской и прочитать ее, не отрываясь.

Ирина Озаринская

Венеция Озаринская

Недавно художник Ирина Озаринская вернулась в родную Одессу из Венеции, где бывает довольно часто. Она знает этот легендарный город – его архитектурные ансамбли, музейные коллекции, его историю и легенды. И ее здесь знают – друзья и поклонники ее творчества.

На сей раз Ирина поделилась с нами своей Венецией – не пафосной, не величественной и даже не романтической. В ее графике, которую вы сейчас увидите, нет Дворца дожей, моста Вздохов, гондольеров, распевающих любовные арии…

Она привезла домой свои рукотворные открытки, родившиеся из, казалось бы, не самых важных встреч и с венецианцами, и с гостями города, и не в самых знаменитых и знаковых его местах. Каждая открытка снабжена текстом. Нечто вроде дневника, который ведет и не коренной гражданин Венецианской Республики, но и не турист. По первому прочтению – моментальные зарисовки повседневных ситуаций, местами веселых и

смешных, но и содержащие чутко уловленные нюансы жизни не только в заповедном городе, но и в сегодняшнем, что волнует Ирину, в бурно глобализирующемся мире.

Яркие, казалось бы, наброски, а на самом деле – изящные, полные самоиронии зарисовки создают эффект цикла графических работ, который, на мой взгляд, заслуживает быть дополненным, а затем и изданным в формате альбома или набора открыток.

Мне, побывавшему в Венеции – в ее музеях, галереях, дворцах, некрополях, – вдруг захотелось пройтись по тем кафешкам и набережным, где Ирина пила кофе с пончиком и где лихая чайка-разбойница… коснулась своим крылом ее лица…

Озаринская пробыла дома несколько дней, а потом уехала на выставку своих работ в город, который, как и Венеция, начинается на «В», – в Винницу. Будем ждать ее открыток оттуда.

Феликс Кохрихт

1.

Только что случилась со мной вот такая история.

Впервые в жизни захотелось отведать calzone (разновидность пиццы).

Попросила разогреть погорячее: холодно здесь.

Иду, вкус разбираю… нраа-авицца.

Пересекаю одну из самых популярных в Венеции площадей, как вдруг на долю секунды в глазах у меня потемнело, пронесся гулкий ветер, почти ураган, и в руке с calzone стало необыкновенно легко – только бумажка осталась шуршать…

Огромная чайка виртуозно выхватила пиццу, аккуратно проводя по моей щеке своим крылом!

Блиинн!

2.

Только что случилась со мной такая история.

Сижу на Ponte del Cristo o del Tentor рисую.

Темнеет.

Проходят мимо меня москвичи – тети с детьми:

«Смотрите, дети, мы как в сказке!»

Смотрите, дети, дядя рисует… и показывают на меня.

P. S. Я себя тоже как в сказке почувствовала.

3.

Со мной приключилась такая история.

На Rio Marin открыли новую галерею. Сегодня, оказывается, было открытие.

Часов в 20 я проходила мимо галереи. Перед ней столпились человек одиннадцать мужчин, наряженных.в цилиндры… Они завели меня на открытие выставки: подумали, что я музыкант, и заставили играть…

На минуте десятой я сдалась – призналась, что я худож-

ник, а палки, которые торчали у меня за спиной, это не смычки, а ножки этюдника.

P. S. Открытие началось в 18:00. Фуршетные столы были растерзаны. Гости были не только сыты но и… В общем, не мудрено, что меня приняли за музыканта.

4.

Случилась со мной еще вот какая история:

Пошла я вчера ночью работать на Campo Santo, возле моста (как художник работать пошла)…

Вдруг, как из тумана, предстал передо мной парень с прекрасным английским.

Хотел обзавестись моими открытками. После первой моей фразы на английском он быстро поинтересовался, не говорю ли я по-русски. (Блииин – английский играет со мной в прятки.)

Оказалось, что он математик с «серьезными результатами».

Уже двадцать пять лет живет в Лондоне.

Одессит-масон (хотя толком не разъяснил, что это значит), на что я ему ответила, что в Киеве всех одесситов считают масонами.

Он рассказал, что в Одессе есть заброшенный масонский дом, который он никак найти не может – даже на карте.

Мы стояли как раз напротив церкви. Математик указал носом в небо над церковью и сказал, что с Ним он не во всем согласен.

Потом он признался, что страстно и безответно влюблен. Я ему сказала, что это хорошо. Он дал мне свой лондонский номер телефона.

В полночь, как и положено, масон растворился в тумане над мостом, предварительно приобретя три открытки-оригинала.

P. S. Люблю одесситов-масонов с математическим складом ума и серьезными результатами из Лондона.

5.

А это история случается со мной уже много лет, да никак не случится, потому что sempre chiuso! (всегда закрыто).

Есть недалеко от Campo San Giacomo dall Orio бар для молодежи – венецианской преимущественно.

У бара этого длинная история.

Его пару раз закрывали, так как уж очень он популярный и шумный.

Молодежь устраивала страйки. В одном из них участвовала и я, хотя в баре том никогда не была.

Страйки превращались в огромную музыкальную тусовку, в которой я не находила себе места и старалась, дабы не терять зря время, подтягивать свой итальянский. Подтягивать его было непросто: многие венецианцы говорят на диалекте, который не каждый итальянец-то и поймет. Например: слово «деньги» на итальянском – *сольди*, а на венецианском диалекте – *исгей*…

В общем, бар отстояли. Работает уже года два. Ведет себя более чем прилично. В 22:30 они перестают продавать что-либо, но закрываются ровно в 23:00.

Огромная тусовка продолжает стоять где-то до полуночи, но за гул после 23:00 бар уже не отвечает.

Раз пятнадцать хотела пойти вечерком выпить популярный венецианский напиток «шприц», но ни разу не получалось.

Каждый раз желание ко мне приходило в 23:45, и баристы всегда мне торжественно отвечали: gia chiuso (уже закрыто).

Йолки…

6.

А на следующий день на том же Campo Santa Margherita, где чайка виртуозно вышибла у меня из рук la calzone, начался страйк. И причиной тому была глобализация.

Здесь собрались венецианцы и только. Если ты не венецианец, то не можешь поставить свою подпись за экологию и приостановление глобализации…

Лозунги были типа:

«Нет – большим кораблям в лагуне»,

«Нет – застройкам»,

«Нет – расширению аэропорта Treviso»,

«Нет – вырубке деревьев».

Ко мне подошел пожилой венецианец в солнцезащитных очках и, взглянув поверх них, предложил поставить подпись. Я пояснила, что не венецианка. Он запретил мне ставить подпись и предложил прийти, когда мой статус изменится.

А происходило это все прямо напротив лозунга об иммигрантах в Венеции.

P. S. А я не иммигрант, если что.

7.

Последние несколько лет волна глобализации ворвалась на остров и продолжает накатывать. Но сохранились еще старые аутентичные венецианские кафешки.

В Pasticceria Tonolo сейчас работают очень взрослые венецианские дамы-синьоре и один молодой рагаццо, видимо, сын кого-то из них. Здесь подают эспрессо и маленькие сладости.

Помещение длинное и достаточно узкое, как вагон трамвая. Почти всегда оно переполнено.

Процедура наслаждения выглядит приблизительно так.

Вы протискиваетесь вглубь кафе, где вас ожидает одна из синьор. Спрашивает вас, с чем вы собираетесь пить кофе. Во время карнавала, например, жутко популярны zzabaione или fritelli (пончики). Сразу разметают все! Одной рукой она продолжает готовить кофе, а другой вручает вам пончик в салфетке – прямо в руку. Вы порываетесь заплатить, но синьоре останавливающим жестом и с улыбкой призывают не спешить, а вначале подкрепиться. Так как свободных мест в зале уже практически нет, вам приходится лакомится на весу – чашка с блюдцем в одной руке, сладость в другой. В общем, чтобы ходить по старинным венецианским кафешкам, нужна немалая сноровка, но это того стоит.

P. S. В конце концов ты все-таки платишь за угощение и начинаешь протискиваться к выходу.

Публикации

310 **Лев Межберг**
Международный фестиваль
«Эльба – музыкальный остров Европы»

Лев Межберг

Международный фестиваль «Эльба – музыкальный остров Европы»*

Путевые очерки и мысли

Место рождения многое определяет и сопровождает человека всю жизнь, где бы он ни находился. Анна Ахматова родилась под этим же небом. Она – самый эллинский поэт Европы. Одно время она жила в Симферополе. Рожденная в Одессе, она обожала Херсонес с одинокими колоннами некогда греческого храма на фоне сине-черного моря. Ее стихи могли бы сойти за греческие эпитафии. Она страдала, она рычала, как греческие героини. Ей затыкали глотку, ее истязали сыном, но она осталась достойной дочерью нашего города, свободной, как эллинский дух.

Нам, выходцам из этого города, все же повезло. Советский зонтик нам не мешал быть свободными. Мы росли в городе, который был, пожалуй, самым европейским в империи. Его строили французы и итальянцы. Население было космополитическим, как и названия улиц. Это была не черта оседлости. Многоликий портовый город с одним из самых старых оперных театров России, который был основан в 1808 году, с итальянской труппой. Сначала построили оперный театр, а потом уже спланировали улицы и все остальное. Оперный театр, который посещал еще Пушкин, сгорел, как водится. Но Пушкин увековечил его в «Евгении Онегине»:

Но уж темнеет вечер синий,
Пора нам в оперу скорей:
Там упоительный Россини,
Европы баловень – Орфей.

* Окончание. Начало в кн. 76.

К нам на гастроли приезжали знаменитые певцы из Италии: Тито Руффо, Маттиа Баттистини, Энрико Карузо. Если публика их принимала, они направлялись в Москву, Петербург. А могли и забросать тухлыми яйцами. Галерка всегда была заполнена студентами и биндюжниками, они решали: провал или успех. В городе распевали арии – как в Италии. Пройдясь часика два по центру, всегда можно было услышать концерт, доносившийся из окон домов. Толик, или Толян Зелинский, занимался со мной в детской художественной школе и одновременно в школе Столярского. Это было в 1946 году, после войны. Мне было 13 лет, ему – 17. В этом возрасте он уже в совершенстве владел фортепиано. Жил в квартале от меня, на улице Спиридоновой, в коммунальной квартире. Вечерами я заходил к нему. У них было две комнаты. В большой находился рояль «Бехштейн» и висели картины его отца, расстрелянного в 1937 году. Я не знаю, как Толику это удавалось, но он доставал где-то партитуры вагнеровских опер, ноты неисполняемого Баха, Брамса. Он потрясающе играл с листа и Франца Листа. Тогда он восхищался Бахом и подробно объяснял мне, как написана, построена, создана та или иная вещь. Это был уже не детский экскурс в музыку, а размышления настоящего музыканта.

Восьмилетний Моцарт подружился в Лондоне с сыном Баха, Иоганном Христианом. Они сразу поняли друг друга, нашли общий язык, импровизировали вместе. Они так сдружились, что маленький Моцарт не хотел уезжать из Лондона.

Рихтер как-то сказал, что не знает, как играть Моцарта. А мне повезло, я слышал, как играют Моцарта по-настоящему. Его исполняла наша духовная учительница и друг, доцент консерватории, редкая пианистка Раиса Исааковна Ойгензихт. Она была рождена для этого. Так и говорила студентам: «С Моцартом надо родиться». Рихтер был тоже из наших мальчиков. Все свое образование он получил в нашем городе. Потом, уже в Москве, его отесал Генрих Нейгауз и вылепил по своему образу и подобию. Получился совершенно выдающийся пианист. Мне рассказывали, что Рихтер (у нас его называли Светиком) увлекался живописью и сам писал. У него были работы Фалька, учителя моей учительницы.

Моему поколению повезло, мы учились у настоящих художников и педагогов: Фраермана, Жука, Кановского, Шелюто, Мучника, Фруминой, Муцельмахера. Они показывали нам по секрету работы двадцатых-тридцатых годов, запрещенные книги по искусству. Моя учительница Дина Михайловна Фрумина училась еще у Фаворского, Кричевского, С. Герасимова. А начинал я у Марии Георгиевны Павлюк, жены художника и преподавателя чистяковского направления, бывшего бойчукиста Николая Артемовича Павлюка. Его все боялись и трепетали при его появлении в мастерской. Нам однажды на третьем курсе поставили кустодиевскую постановку: женщину в цветном платке с самоваром. Я так обрадовался и восхитился ею, что выдавил как можно больше красок на палитру и буквально налетел на холст в полном безумии. Я только помню, что писал пастозно, без разбавителя, и очень цветно. И что-то получилось. Ребята с других курсов сбежались посмотреть. Это несколько вырывалось из общего академического направления. Пришел Н.А. Павлюк, посмотрел, выругался по-украински: «Погані діти», – взял мастихин (специальный нож) и все снял.

В это время, в 1946 году, я впервые услышал Густава Малера. Папа купил приемник «ВЭФ Супер». Ровно в восемь часов вечера он садился к приемнику и слушал передачу из Лондона на самом слабом звуке. Это был почти шепот. (Соседка по коммуналке могла нас заложить.) Особенно папа любил аналитический обзор Анатолия Максимовича Гольдберга. К девяти часам я занимал его место и шнырял по радио, слушая разные станции, и попал на трансляцию из Бухарестской филармонии музыкального цикла – симфонии Малера. Я обалдел: ничего подобного я никогда не слышал. Трансляция была прямая, из зала, с перерывом. Это затянулось до поздней ночи. Я замучил родителей, не давая им спать. Соседка стучала в стенку. Самое большое впечатление на меня произвела 4-я симфония. Вообще, я люблю четвертые симфонии: Бетховена, Шуберта, Брамса, Шостаковича, Чайковского.

Еще до войны двоюродная сестра Лиля взяла меня в оперный театр на дневной спектакль – оперу «Евгений Онегин». И потом уже я исполнял все арии из этой чудесной лирической оперы. Меня ставили на стул, и я тянул детским голосом: «Онегин,

я скрывать не стану». Все особенно веселились, когда я выводил: «Безумно я люблю Татьяну». Представляю сейчас, как это звучало из уст четырехлетнего мальчика в синей матроске, белых носочках и в сандаликах. Я еще до посещения театра знал все марши из опер. Мой папа был трубачом. Он учился в консерватории на одном потоке с Давидом Ойстрахом. Папа мне играл и пел марши из опер Гуно, Мейербера, Бизе, партию трубы из «Легкой кавалерии», из «Аиды». Он учился у знаменитого педагога Рогового, у которого учился и отец Джулиуса Бейкера – первого флейтиста нью-йоркской филармонии.

Сейчас я вспоминаю свое самое сильное детское впечатление от музыки. Вернее, не впечатление, а потрясение. Это было в эвакуации, когда мы с мамой жили в городе Андижане, в Узбекистане. Было жаркое потное лето 1943 года. Мне было тогда десять лет. Я пошел в кино. Показывали «Станционный смотритель», по Пушкину. Весь фильм сопровождался необыкновенной музыкой. Я бросил ходить в школу, и каждый день к десяти часам я стоял у кассы кинотеатра. Деньги я зарабатывал изготовлением коптилок и клейкой калош. За день я мог заработать на стакан риса и на кино. Эта музыка меня преследовала. Много лет спустя я узнал, что это была шестая симфония Чайковского.

К тому времени я знал ее наизусть.

В армии я служил в авиации, в Челябинске. Мы с Валерой Князевым проявляли фотопленку. У нас не было часов. И тогда он сказал мне, сколько времени длится первая часть 6-й симфонии. Мы начали петь: пленка четко проявилась к концу первой части.

К тринадцати годам у меня еще был звонкий детский голос, и я поступил в хор мальчиков при оперном театре. Пели мы в «Кармен» и «Пиковой даме». После первого акта я забирался на колосники, где стояли прожекторы, удобно устраивался и слушал продолжение оперы. Иногда я был занят в интермедии «Истинность пастушки». На меня напяливали черную марлю. Я изображал негритенка и держал подушку с фальшивыми драгоценностями. Надо мной возвышалась пастушка Тая Пономаренко. Она пела таким чистым звучным голосом, что я едва удерживал подушку. Я, конечно, в нее влюбился. И когда она пела: «Не плачь, мне не надо ни серебра, ни злата, я с милым средь полей

и в хижине жить рада», – я замирал. Подушка с фальшивыми драгоценностями валилась на сцену. Тая и молодые балерины посмеивались надо мной, щипали и целовали в щечку. Одевались мы – детский хор – в цехе мимансов, которым руководила Марья Рафаиловна. Мои земляки, вспомните ее. Она была важной персоной в театре. Мимансы, шутка ли сказать. Еще я помню администратора Ароновича, электрика Вургафта, билетершу, старую коммунистку с «грязным ртом» и медалью «За доблестный труд». Она ее всегда носила и стояла на входе, как часовой. Мы все покатывались со смеху, когда ее изображал Гарик Басов. Еще я помню дирижеров: Герцмана, Покровского, Русинова; певцов: Топчего, Савченко, Ковалева, Юдина, Сакотонюка, Ильина, Добродееву, Садовскую, Благовидову, Попову, Константинова. Я хорошо помню всех. Но театр – это целый роман, как-нибудь в другой раз. Помню, как мы, мальчики, боролись за место в первом ряду в хоре. Алик Смоленский из нашего класса тоже пел в хоре. Бедный Смоля, он умер два года тому назад, уже здесь, в эмиграции.

Да, еще одну историю я все же расскажу. К нам часто приезжал на гастроли знаменитый бас Иван Сергеевич Паторжинский. Пел он Мефистофеля в опере Гуно «Фауст». Я участвовал в массовке. На мне был парик, и я походил на молодого Гоголя. Мефистофель взбирается на бочку, чтобы исполнить знаменитую арию: «Сатана там правит бал, люди гибнут за металл». В мою сольную роль входило подать ему скрипку со смычком. К скрипке был подведен электрический провод, и он водил смычком по скрипке, высекая сильные искры. Это было очень эффектно, значительно эффектнее, чем мокнуть на сцене. Обычно все проходило гладко, меня даже хвалили. На сей же раз я подал ему скрипку и смычок неправильно, и его сильно ударило током. Он громко матюгнулся и швырнул скрипку и смычок за кулисы. Это был полный провал моей сценической карьеры. Я умчался со сцены со скоростью бегуна на 100 метров и спрятался в одном из укромных уголков громадного театра. Я проклинал себя: еще вчера я подавал ему скрипку, и все получалось, и такой провал… Меня долго искали, волновались, куда делся мальчик. Иван Сергеевич попросил после спектакля, чтобы мальчика ему привели. Меня нашли рабочие сцены, а один из них – там был такой высокий, с перекошен-

ным лицом – привел к Паторжинскому. Он посмотрел на меня, поправил паричок и дал десятку. Таким образом, за выход – мне официально платили десять, плюс его десятка – я заработал двадцать рублей в этот незабываемый вечер.

Нахлынули воспоминанья. Ладно об этом, надо искупаться. Я разбежался, нырнул и находился под водой некоторое время без памяти и мыслей, в полном блаженстве. Искупался, поплавал, вышел на берег и обнаружил, что купался в часах. Морская вода заполнила циферблат. Куда я ни обращался, все итальянцы говорили мне: «Капут».

Во второй половине дня я вернулся на пляж и застал там Гию Канчели и его очаровательную жену Люлю. Я подсел к ним, и мы неторопливо повели беседу. К этому располагало солнце, легкий шум прибоя, скалы и беззаботные итальянцы, плавившиеся на солнце в чем мать родила. Рядом сидели друзья Гии. Один из них, Леван, спросил композитора, как он может жить вдали от Грузии. На что очень остроумно ответила Люля: «Когда мы жили в Грузии, Гия никогда не писал дома. Сочинять он отправлялся в Дом творчества. А сейчас мы живем в Антверпене, как в Доме творчества».

Гия к этому добавил: «Мне в Антверпене живется очень хорошо. После работы смотрю все телевизионные программы, включая и Грузию. У меня стоит тарелка, которая дает мне эту возможность. А когда выхожу на улицу, слышу грузинскую речь. В Антверпене много грузинских евреев. Их прадеды, деды и отцы родились в Грузии. Они ее любят, между собой говорят по-грузински, поют грузинские песни, танцуют по-грузински. Можно сказать, что они настоящие грузины.

Я подумал, что так может рассуждать человек широких взглядов, чистый и порядочный. Многие художники, писатели, музыканты покидали свои страны. Мы знаем, что Леонардо да Винчи поселился во Франции. Жил во Франции Гойя, Курбе – в Швейцарии, Ван Гог – во Франции, Рахманинов, Стравинский, Гречанинов в Америке, Джойс – в Триесте, в Италии, Бэкон в Париже, Модильяни мучился, голодал, тосковал по Италии, по языку, но считал, что только Париж может стимулировать его творчество. Швейцер большую часть жизни провел в Африке, где мог бы

подхватить самые чудовищные заболевания. Там он написал книгу о Бахе и играл на органе. Все знают, что Леонардо да Винчи умер в Амбуазе, на Луаре, на руках Франциска I. Баланчин раскрылся как гениальный балетмейстер в Нью-Йорке. Человек имеет право выбора, где ему жить и работать. Никто не смеет посягать на это право, и тем паче осуждать его.

Потом мы пошли купаться и разговорились о музыке. Профессионально я могу обсуждать живопись, скульптуру, но о музыке мне всегда интересно говорить с людьми, которые знают, из чего это кроится. Мы разговорились о Веберне. «О, это – как уши Моцарта!» – сказал Гия. Я очень люблю пять его оркестровых пьес, опус № 10.

Меня совершенно не волнует, в какой системе это написано. Произведение длится 4 минуты и 16 секунд, но входит в уши навсегда. Мне кажется, что многие композиторы, которые пошли по пути Антона Веберна, не обладали его талантом и сердцем. Точно так же нельзя следовать Сезанну. Можно лишь любить и молиться на него, но не подражать. Его глаза были уникальны, так же, как уши Веберна.

Разговорились о Параджанове. Гия и его жена очень хорошо его знали. А мне однажды посчастливилось побыть Сергеем Параджановым. Было это на Брайтон-Бич. Я с ребятами зашел в ресторан «Кавказ» немножко взбодриться. Мы заняли столик, выпили, болтаем. Вдруг из-за соседнего стола встает человек, подходит ко мне со стаканом водки и спрашивает: «Ты Параджанов?». «Да», – отвечаю я. (У меня такая же седая борода, как была у Параджанова.) «Иди к нам, будешь наш гость. Моя жена очень любит твои фильмы». Я извинился перед друзьями и вошел в этот маленький «оркестр» брайтон-бичевских прожигал. Был я уже подвыпивши и рассказывал им, как снимал «Цвет граната», «Тени забытых предков». Они уже называли меня Серегой, целовались. Помню, как они все расспрашивали меня и говорили: «Закусывай!». Я каким-то необъяснимым образом растолковал им, что живу на Манхеттене, у друга. Утром я проснулся и нарисовал настоящего Параджанова. Он стоит на сцене Alice Tully Hall и говорит: «Все внимательно посмотрите на меня, перед вами стоит экземпляр перестройки», – и понес Софью Владимировну. Он был

большим художником и человеком. А как он чувствовал краску, цвет, композицию, виноград, гранат, древние крепости, украинский говор, прибаутки, родной Тбилиси… Каждый его кадр был законченным живописным полотном. Кадры жили, его чуткие сердечные переживания передавались зрителю. Он был человеком яркого темперамента, ума, энциклопедически знал фольклор. Он умел любоваться предметом, вещью, простое делал значительным, был самостоятельным, никому не подражал. Он был драгоценным явлением в искусстве. Редкий самородок. И любил людей.

Гия рассказал, как однажды в Тбилиси они сидели в гостях у друга Параджанова. Открывается дверь, и два человека вносят огромный антикварный шкаф. «Это вам подарок от Параджанова». Добрый был человек, и это чувствуется в его творчестве.

Интересно, что впечатление от произведения бывает, как правило, значительно меньше, чем вклад, внесенный художником. Но если мы на какую-то долю прониклись им, и его настроение вошло в наше сердце и душу, то и это прекрасно. Мы испытываем радость сопереживания. Для меня не существует времени в искусстве. Оно не бывает древним, старым или новым. Либо хорошее – либо плохое.

9. Когда мы возвращались с острова Эльба в аэропорт Леонардо да Винчи, мой друг Жан-Карло сделал мне сюрприз. Он завез меня в древнюю столицу Этрусского царства, Тарквинию, расположенную в ста километрах от Рима, и в шести – от Средиземного моря.

Он повел меня в музей, который находится в скалах и катакомбах. Там я впервые в жизни увидел этрусские захоронения. Я был потрясен этрусским искусством еще в Риме в 1973 году. А сейчас оказался в месте обитания этого необычайно талантливого племени, где все органично связано с природой. Они умели отливать скульптуры в бронзе, и делали это филигранно – три тысячи лет тому назад! Настенная живопись исполнена локальными цветами гармонично и ясно. Возможно, это искусство пришло и к ним, и к грекам из Атлантиды. Никто не знает, каким образом венецианцы водрузили четырех коней на собор Св. Марка, и откуда

эти кони взялись. (Сейчас их перенесли вовнутрь собора, чтобы сохранить.) Я долго их разглядывал, и никакая идея в голову не пришла. Они не эллинские и, очевидно, не египетские. Почему-то я вспомнил о них в Тарквинии, глядя на этрусские бронзовые скульптуры. Может, именно этруски создали эти шедевры, или они пришли из Атлантиды? А была ли Атлантида? От этрусков оттолкнулся Альберто Джакометти, как бы выстроил мост длиною в пять тысяч лет. Он не был среди тех, кто кричал: «Долой Венеру Милосскую, Рембрандта, Данте, Пушкина, Шекспира!». Он присмотрелся и прислушался к вечному.

Сезанн никогда в устных беседах не употреблял слов: «авангард», «модернизм». Может, их тогда еще не было? Хотя он умер в 1906 году. Он говорил: «Я иду делать Пуссена на природе». Он не был спущен с неба, но природа отметила его чем-то необычайным, ни на кого не похожим. Он заглянул вовнутрь себя, открыл свои телескопы и придумал свой метод: писать мимо предмета, сводить предметы к конусу, кругу, параллелепипеду. Вернее, не придумал. Он вообще ничего не придумывал. Он вытащил из своей души что-то, присущее органически только ему. Я стоял на тех точках на юге Франции, откуда Сезанн писал свои холсты. Он честно переносил на холст цвет природы, он его чувствовал и замыкал в каркас своей композиции. Художнику очень важно разобраться в самом себе и делать то, что подсказывают душа и сердце. Примыкая к какому-либо коллективному движению, художник утрачивает индивидуальность, но позволяет теоретикам включить себя в соответствующую категорию.

10. Рембрандт очень редко говорил в письмах о живописи, он писал только деловые письма, он не обозначил себя принадлежащим какому-то либо направлению, он писал и рисовал так, как ему подсказывала его могучая душа. И он любил детей, женщин, старух, стариков, свою Саскию, а потом Хендрикьё Стоффельс, он любил людей, он сопереживал душевному состоянию каждого портретируемого, он читал Библию и Каббалу, у него была большая библиотека. Он собирал античные вещи, старую одежду, керамику, он имел гравюры и работы итальянских мастеров, у него были рисунки на тему «Тайной Вечери» Леонардо. Он знал

итальянцев и, в частности, венецианскую школу «в оригинале». В то время в Амстердаме, да и во всей Голландии, не было никого, кто мог бы на него повлиять.

К концу жизни он полностью исчерпал свои внутренние возможности и отказался от заказных работ, но создал лучшую из картин, когда-либо произведенных человечеством на всех континентах, – «Возвращение блудного сына». Возможно, все люди искусства, художники – блудные сыновья, и только отец может простить, только отец не предаст, только отец может положить руки на плечи, прижать к груди свое блудное чадо. Вся эта история – тайна волшебной живописи.

Я однажды присутствовал в Эрмитаже, когда делали съемку для репродукции «Блудного сына». Картину осветили со всех сторон, и вдруг я увидел эти драгоценные 260 см в совсем другом колористическом решении. Я обнаружил такое красочное богатство, и совершенно неожиданно открылся для меня задний план, который всегда трудно было обнаружить при свинцовом и пасмурном освещении петербургского неба. «Блудного сына» он писал накануне смерти – это его завещание.

В последние годы жизни его постигли тяжелые утраты. Умерла тихая, немногословная, нежная и преданная Хендрикьё, умер его друг и единомышленник, единственный человек, который мог защитить его в годы банкротства, – сын Титус. Осталась маленькая девочка от Хендрикьё, его единственное утешение. В этом одиночестве он еще немного писал и подрабатывал натурщиком в художественных классах. В свои 63 года он очень постарел, лицо стало несколько одутловатым, длинные пряди волос превратились в белое волокно, только глаза время не тронуло.

Он смиренно сидел на барабане, не шевелясь, насколько это ему удавалось, но иногда голова непроизвольно опускалась. Студентам это не нравилось, и они грубо кричали: «Старый олух, подними голову!». Рембрандт старался изо всех сил, но голова нет-нет, да шевелилась, и крики возобновлялись. Однажды он не выдержал этой наглой грубости, сошел с барабана, подошел к мольберту ближайшего к нему студента и взял в руки палитру и кисти. Эти желторотики не успели опомниться, как на их глазах буквально в считанные минуты холст ожил, засветился,

заискрился. Он положил палитру, вытер кисти, как всегда после работы. Медленно, не отрывая ног от кафельного пола, шаркая своими онучами, он пошел к двери, снял с вешалки свои вещи, надел берет и тихо вышел.

Умер он 8 октября 1669 года. Никто не заметил исчезновения этого чудака. Жизнь продолжалась, и только в церковной книге записали: «Вторник, 8 октября 1669-го года умер Рембрандт Ван Рейн, художник по улице Розенкрат, что против Домхофа».

11. Я немножко отвлекся, между тем фестиваль продолжался. Позже, вечером, я возвращался к себе домой с головой, наполненной музыкой Моцарта, Шумана, Леоша Яначека и Гии Канчели. Четыре разных композитора и четыре чуда. Много лет тому назад я услышал Яначека и усердно начал рекомендовать своим друзьям музыку этого удивительного, ни на кого не похожего композитора. Единственное, что приходило на ум, – это наша родная природа Восточной Европы.

Мало кто знает о Леоше Яначеке. Он родился в Чехии в маленьком городке Куквальди 3 июля 1854 г, а умер в Моравска-Остраве 12 августа 1928 г. Он был профессором филиала пражской консерватории в городе Брно, основал там органную школу и школу музыкального мастерства. Обожал русскую музыку и литературу, особенно Мусоргского и Гоголя, хорошо знал русский язык. В 1896 и 1900 годах жил в России. Он с необыкновенной трогательностью относился к моравскому фольклору, был необычайно изобретательным, его музыка – как свежий моравский воздух, его квартеты просто чудо. Только сейчас мы начинаем осознавать величие этого тонкого музыканта из этой маленькой страны, но с большими ушами, как Бела Барток из маленькой венгерской пушты.

В конце этого вечера музыканты исполнили фортепианный квартет Гии Канчели. О музыке трудно писать, как и о живописи: только глаза и уши могут об этом поведать. Слушая музыку Канчели, каждый может представить себе что-то свое личностное. Да, в ней есть интонации нашей любимой и единственной Грузии. Но в этой музыке есть что-то более широкое, общечеловеческое, я буквально провалился в звуки. Витя Третьяков, Саша

Князев, Сережа Эйдельман играли замечательно, волшебно. А на следующий день мы с Гией и его очаровательной женой Люлей встретились на пляже. Стоя по грудь в морской воде, мы разговорились о музыке и о жизни.

Гия рассказал мне, как ему позвонил Альфред Шнитке и сказал, что по радио будут исполнять «Песни Гуре» Шёнберга. Гия был потрясен этой музыкой, потом уже он слушал ее в оригинале, в исполнении Берлинской филармонии под руководством Клаудио Абадо. Веберна Гия ставит выше всех, к чему я полностью присоединяюсь. А Стравинского мы сравнивали с Пабло Пикассо, это мое старое наблюдение – совершенно верно, подтвердил Гия. Разговаривали о Георгии Мелитоновиче Баланчине (Баланчивадзе). Я заметил, что Георгий Баланчин оказал большое влияние на американский балет, а Гия поправил меня – «и не только на американский балет, но и на весь мировой балет». И действительно, его пластическое решение большими массами орнаментальных рисунков, его сильное мышление положили начало чему-то необычному.

Гия немного рассказал о себе. Он родился в Боржоми. Летом его всегда отправляли в деревню, в горы. Он мог ночевать в любом доме, куда заходил. Я представляю себе, как хозяин или хозяйка говорили ему: заходи, мальчик, мы тебя накормим и уложим спать под овчину. Гия говорил мне о Западной Грузии, избежавшей мусульманского влияния, там родилось уникальное на всем нашем шарике грузинское многоголосье, в противовес Восточной Грузии, где господствовало одноголосье. Отец Гии был директором санатория, да и мой папа был директором санатория одно время, все одесситы помнят этот санаторий на Аркадийской дороге напротив киностудии – санаторий имени Чувырина, рядом с Ботаническим садом. Гия продолжал: когда началась война, его папу отправили в госпиталь под Москву. Мы дети одного поколения и одной судьбы. Мне близка его музыка, она как бы и моя.

Гия еще немного рассказал мне о Сергее Параджанове. Его отец был антикваром. Любовь Параджанова к антикварным вещам – еще с детства. У него была уникальная коллекция закарпатского народного искусства. Ему в Киеве завидовали, исходили

ненавистью, а когда его ни за что посадили – все забрали. Он был человеком добрым, его рассказы о лагере были уникальны.

Параджанов очень любил музыку, знал и очень любил оперы Гии и ездил туда, где их исполняли. Мы вспомнили замечательного грузинского дирижера Одиссея Димитриади. Он приезжал на гастроли в Одессу, я его обожал. Ему сейчас 92 года, и живет он в Греции. Вспомнили Амиронашвили, Анджапаридзе и многих, многих других. Я попросил у Гии разрешения сфотографировать его на пляже, он без всяких условностей согласился.

12. Вечером 14 сентября состоялся концерт из произведений Баха – сюита номер один и сюита номер пять, переложенные для виолончели с саксофоном в исполнении Мари Брунелло (золотая медаль на конкурсе Чайковского) и Клаудио Фасоли. Исполнялась музыка во дворе разрушенной крепости приблизительно XIV-XV века, со стенами трехметровой толщины. Некогда могучая крепость Писана не погибла, и в этот тихий сентябрьский вечер она наслаждалась звуками Баха в исполнении своих праправнуков.

Виолончель Мари звучит полным итальянским голосом вот уже 400 лет. Ее создал, я бы сказал, вырезал из дерева, как вырезают скульптуру, итальянский чародей Мадзини в 1600-м году. Если возьмете современную железку, называемую скульптурой, и поместите ее в зале, скажем, с Донателло, то смотрители уберут ее, по незнанию, в мусорный ящик. Но если вы поставите рядом со скульптурой инструмент Амати, Страдивариуса или Гварнери, то они будут смотреться как выдающиеся скульптуры, и при этом еще звучащие. Вот Саша Князев играет на виолончели, на которой играли великие Пятигорский и Кнушевицкий, и старушка звучит, да еще как, потому что итальянцы, которые создавали эти инструменты, умели прикасаться к дереву через сердце, душу и руки, вкладывая в деревяшку Дух. Они не только вырезали из дерева, они его ласкали.

Напрасно люди думают, что дерево, неодушевленный предмет, над которым произошло злодеяние, постепенно высыхает и умирает. Мастера разговаривали с деревьями, они прислонялись к ним ухом и прослушивали их, простукивали и выбирали

то, которое обладало абсолютным слухом. Деревья – свидетели времени, их разрез показывает нам, сколько лет они прожили, они спасают нас от зноя, дождя, ветра, под деревом мы можем ощутить себя счастливыми, под деревом можно сладко спать, забыться, под деревом можно быть похороненным. Деревья – дети Бога, они очень музыкальны, при малейшем дуновении ветра, шелестя своими листьями, они как бы создают музыку, едва-едва уловимую.

13. 15 сентября все участники и постоянные слушатели фестиваля рано утром собрались у пирса, чтобы сесть на пароход, который отплывал во Францию на остров Корсику. Мы на большом корабле, нам отдали концы, кнехты остались одинокими. Мы отчаливаем и берем курс на Корсику. Эльба медленно растворяется в утреннем солнце, еще виден маяк, еще немного – и Эльба расплавилась солнцем и морем, уже встречаются другие маленькие острова с небольшими маяками. Каждый из них напоминает о графе Монте-Кристо, чайки невозмутимо не смотрят в нашу сторону, а некоторые из них зависают над мачтой или трубой нашей посудины, они как бы стоят воздухе, еле-еле шевеля крыльями, некоторые любопытные сопровождают нас до самой Корсики.

К двум часам дня вырастает из пучины Корсика. Сходим на берег, никаких проверок, никаких формальностей, и сразу попадаем в большой город Бастию. Какая прелесть, я опять в Париже. Большой проспект, усаженный четырьмя рядами платанов, домà, как в Париже. Вот только что мы были в Италии – и вдруг попадаем в другой мир. Мы идем гурьбой к церкви Святого Жана Батиста, где должен состояться концерт. Все довольно отдохнувшие и бодрые, ибо все успели расслабиться на корабле под солнышком. Витя Третьяков кимарил в полудреме на верхней палубе, там кто хотел, мог послушать концерт гитариста Эммануэля Серпе и певицы Лючии Минетти, насладиться изысканной итальянской пищей и, главное, можно было всегда взять дополнительную порцию, чтобы не потерять сидение. Подходим к церкви Святого Жана Батиста. Впереди ковыляет девочка с матерью Вити Третьякова, а мы небольшой группой с Гией, Люлей,

Левоном и Леной идем куда глаза глядят и проходим мимо площади, точно такой, как в Париже.

Пенсионеры играют в металлические шары и так же, как в Италии, вскрикивают: «Пунто!» – это означает, что шар должен выбить шар противника. Я прислушался и обнаружил, что игроки говорят по-итальянски; оказывается, на Корсике два языка. В центре площади водружен фонтан – сидящая по-турецки женщина, вознесшая две руки, из которых бьет вода, а рядом магазин колбас – сотни сортов, сухих, полусухих, вяленых, копченых разного цвета, от черно-коричневых до розовых с зеленцой. Все свисает, как сосульки в морозный день, рядом окорока, всевозможные местные копчения прошутто. Колбаски можно отведать. Наш гастрономический Карнеги-холл – Забарс меркнет; это какой-то колбасный полет, какая-то колбасная вакханалия. Когда-то я дал себе слово не есть сырокопченую колбасу, и даже написал прощальный натюрморт, и настоящую живую модель – брусок сырокопченой колбасы, который по окончании натюрморта я выбросил. Но на Корсике «не выдержала душа поэта». Хорошо, что в магазине принимали только деньги, ибо кредитная карточка моя разбухла бы.

Какой гений придумал эту карточку, и вообще, расставаться с деньгами – это большое удовольствие. Мы погуляли по узким улочкам, через просветы которых всегда была видна вода. Точно как в Одессе, «кудой в Одессе ни пойдешь, тудою можно выйти к морю». Привал сделали в маленьком кафе напротив стоянки всевозможных яхт со всего мира. Люля ушла исследовать окрестности, а мы сидели и о чем-то балакали. Досидели до сумерек. Первые отражения включенных лампочек появились в воде. Удивительно, но в сумерках всегда бывает момент просветления, все сливается в единое сияющее и лучезарное, это прощальный вздох дня. Я написал тысячи этюдов сумерек, и этот момент для меня всегда был божественным. Стало уже совсем темно, и мы пошли на концерт. Большой зал церкви был заполнен. Играли Баха, итальянского композитора Джованни Солиму – произведение для двух виолончелей с оркестром. Девочки Аня Кандинская и Лена Ревич играли двойной концерт Баха. После концерта я сказал Ане, что она значительно талантливей своего однофамильца. Да, вы так считаете, смущенно сказала Аня. В одиннад-

цать вечера мы отчалили в обратном направлении. Нас опять покормили по-итальянски, потом все разбрелись по посудине.

Я накануне дал Гие томик Петрарки. Ничего так не раскрывает этого гениального поэта, как его родная земля, ну если к этому еще знать итальянский – вот был бы кайф. Анна Ахматова и Осип Мандельштам выучили итальянский, чтобы читать Данте и Петрарку «в оригинале». Да, пожалуй, со времени Данте и Петрарки в Европе не было такого большого поэта, как Мандельштам. Я однажды разложил тексты современных поэтов с текстами Мандельштама. И – о ужас! Все померкло рядом с ним. Точно такое же чувство у меня было в музее Пикассо в Париже. В этом музее есть один зал, где показываются работы разных художников из их личных собраний. Там есть пейзаж Эстака под Марселем, и после этого пейзажа уже невозможно смотреть Пикассо.

Я забрался на самую верхнюю палубу у капитанской будки и весь путь созерцал «Айвазовского», но насколько это было лучше! Луна неотступно следовала за нами, дорожка равномерно перемещалась с кораблем, а воздух, морской воздух, он входил в меня весомый, ощутимый. Очень не хотелось уходить с корабля.

Я заметил, что там, в противоположной стороне, сидел Гия и что-то писал. А потом он мне сказал, что искал меня и хотел отдать книгу Петрарки и что он выписал много стихотворений. Вот что он там писал. Конечно, некоторые произведения искусства хорошо смотреть там, где они были созданы. Рядом с Парфеноном есть небольшой музей. Там показывают скульптуры Парфенона, коры, кариатиды, и они просто светятся. Совершенно завораживающее зрелище, там можно полностью ощутить вершину человеческого Духа, это, пожалуй, Эверест скульптуры. Греки были первыми альпинистами, сумевшими подняться на такую высоту. И это было не так давно, всего 2500 лет тому назад. Почему многие лезут из кожи, чтобы их называли свидетелями современности?

14. Помню, в той же Греции я поплыл на остров Делос, чтобы увидеть храм Аполлона и Львиную аллею. Кораблик маленький, утлый, такая же коробочка, какие плавали из одесского порта на Большой Фонтан, преодолевая небольшие волны, приближался к Делосу. Было раннее утро, море переливалась перламутровыми

бликами, а маленькие барашки-волны точно напоминали знаменитый греческий орнамент, который уже около 3000 лет сопровождает нас и всю нашу жизнь.

До верхушки острова уже добралось солнышко, и остров засветился. Я пристально стал вглядываться в плывущие мне навстречу берега, мои глаза сумели увидеть домики и улицы, восходящие к вершине острова. Неожиданно я провалился в неведомое мне раньше состояние, словно машина времени перенесла меня в Грецию приблизительно в 500-е годы до нашей эры. С этого времени я ощутил себя свободным эллином, возвращающимся к родным берегам. Остров совершенно не производил на меня ощущения развалин, древности и руин.

Я пошел по улицам, читал таблички на домах с именами хозяев этих обиталищ, и было ощущение, что люди вышли из домов на несколько минут или пошли к берегу побросать гальку – лепешки, таким образом, чтобы они больше отскакивали от воды. Некоторые, возможно, пошли пофилософствовать под сенью оливковых деревьев. Ноги привели меня к бухте – такая незаконченная подкова отделяла берег от моря. Эта бухта укрывала суденышки от бурь, она захватывала их своими нежными объятиями, давая им отдышаться от шторма.

Теперь на острове никто не живет – это заповедник. Ничто не напоминает о XX-м веке, и это еще более затягивает в то неправдоподобное время нашей человеческой истории. Я чуть было не остался ночевать там, на острове, не хотел возвращаться в XX-й век. Трап к суденышку уже был убран, когда смотритель привел меня на берег. Кораблик опять причалил, и машина времени сказала: «все, я свое дело сделала, а теперь возвращайся в век-волкодав, быть эллином – большой почет, я не всем это делаю». Вот и в Нью-Йорке мое самое любимое убежище – греческие залы в Метрополитен-музее.

15. Возвратившись с Корсики поздно ночью, я шел через весь порт домой, минуя гавани для яхт, катеров и моторных лодок. Эльба спала, слегка похрапывало море, в витрине книжного магазина я увидел книгу Леонардо да Винчи «Суждения» на итальянском языке, у меня есть такая же книжка в русском

переводе, и я ее всегда вожу с собой. Небольшое усилие по лесенкам – и я дома.

Спать не хотелось, весь организм проветрился на морском воздухе, голова чистая, звон в ушах утих. Хорошо. Включаю маленькую лампочку над изголовьем, и рука протягивается к книге Леонардо. Читаю: «Живопись – это немая поэзия, а поэзия – это слепая живопись. Но результатом живописи, которая служит глазу, то есть более благородному чувству, является гармоническая пропорция, наподобие той, как если бы много различных голосов соединились вместе в одно и то же время, и в результате этого получилось бы такая гармония, которая настолько удовлетворила бы чувство слуха, что слушатели столбенели бы и становились чуть живыми от волнения».

И далее: «Живопись в состоянии сообщить свои конечные результаты всем поколениям вселенной, так как ее конечный результат есть предмет зрительной способности; путь через ухо к общему чувству не тот же самый, что путь через зрение. Поэтому живопись не нуждается, как письмена, в истолкователях различных языков, а непосредственно удовлетворяет человеческий род, так же, как и предметы, произведенные природой».

Я всегда думаю: дай Бог подобрать тот цвет, в который окрашена природа, постаревшие от солнца, времени и дождя дома, стеночки… Из головы не выходит цвет скал на пляже, на который мы каждый день ходим, а они и коричневые, и бурые с зеленой моховой пеленой, охристо-золотистые вдруг с пятнашками, как на далматской собаке, но слова – это не цвет, и лучше я покажу, что я сделал с теми скалами на холсте.

Далее, я обнаруживаю в книге интересные высказывания: «Если ты будешь презирать живопись, единственную подражательницу всем видимым творениям природы, то, наверное, ты будешь презирать тонкое изображение, которое с философским и тонким размышлением рассматривает все качества форм: моря, местности, деревьев, животных, трав и цветов – всего того, что окружено тенью и светом. И поистине, живопись – наука и законная дочь природы, ибо она порождена природой».

Далее: «Живым существам больший урон наносит потеря зрения, чем слуха». Постепенно Леонардо подходит к венцу

человеческого тела – глазу, самому тонкому и хрупкому органу. Он пишет: «Глаз, посредством которого красота вселенной отражается созерцающими, настолько превосходен, что тот, кто допустил его потерю, лишит себя представления обо всех творениях природы». «Благодаря глазам душа представляет себе все различные предметы природы. Кто потеряет глаза, тот оставит душу в мрачный тюрьме, где теряется всякая надежда снова увидеть солнце – свет всего мира». «Глаз, называемый окном души, – это главный путь, которым чувство может в наибольшем богатстве и великолепии рассматривать бесконечные творения природы, а ухо является вторым, и оно облагораживается рассказами о тех вещах, которые видел глаз… И если ты, поэт, живописуешь историю посредством пера, то живописец посредством кисти сделает ее так, что она будет легче удовлетворять и будет менее скучна для понимания».

Можно возразить, но пока подождем, интересно, что он пишет дальше: «Музыку можно называть сестрою живописи, так как она является объектом слуха, второго чувства после глаза, и гармония в ней строится сочетанием пропорциональных частей, создаваемых в единое мгновение и принужденных рождаться и умирать в одно более гармоничное мгновение. Эти мгновения обнимают пропорциональность отдельных членов, из которых гармония складывается подобно тому, как общий контур обнимает отдельные члены, из чего порождается красота. Но живопись превосходит музыку и господствует над нею, ибо она не умирает непосредственно после своего рождения, как несчастная музыка: наоборот, она остается существовать…».

Конечно, во времена Леонардо еще не было ни Монтеверди, ни Баха, ни Моцарта с Гайдном, ни Шуберта, ни Прокофьева, ни Яначека, ни Шумана и многих других изумительных композиторов. Леонардо сам был великолепным исполнителем, певцом, сочинял мадригалы, но тогда он себе не мог представить, скажем, квартет Моцарта или трио Шуберта; очевидно, все же нет искусств, превосходящих друг друга. Один мой знакомый поэт еще по России всегда превозносил поэзию над прозой, а Уистон Хью Оден – замечательный англо-американский поэт – пишет совершенно противоположное.

Люди ограниченные не в состоянии понять, что каждый вид искусства бывает настоящий и иной… просто говоря, хороший или плохой, а плохое – это пиявки на теле искусства, и они его сопровождают всю человеческую историю, и всегда трудно понять, что у настоящего искусства нет часовых стрелок, нет времени. Происходит перекличка времен, что-то меняется, что-то возобновляется, что-то утрачивается. Вот Альберто Джакометти перебросил мост из XX века к этрускам, и здорово получилось, но если условно все уже поставить стрелки на времени искусства, то они едва-едва шевельнутся от половины шестого, а двенадцать они покажут еще не скоро. Кончился совершенно необыкновенный в истории человечества XX век, породивший как уродов, так и столько настоящих людей. Это был наиболее экспериментальный век на нашей памяти. Его хорошо почувствовали Мандельштам, Цветаева, Музиль, Кафка, Шостакович, Мессиан, Платонов, Веничка Ерофеев, но были и такие, которые не обратили на него внимания, и это замечательно, и их творения не менее ценны, чем, скажем, Боннэр, Вюар, в какой-то степени Балтус, Дебюсси, Дина Фрумина и многие другие, которые общались, в основном, с морем, солнцем и вечной природой. А те, которые могли просветить своими рентгеновскими глазами настоящую действительность, – не выдерживали, как гениальная Симона Вайль.

Гибель шести миллионов европейского еврейства отразилась не только на евреях, это отразилось на всем духовном климате Европы и всего западного мира. Я думаю, что евреям и по сей день трудно от этого опомниться и оправиться. Путь к духовному опять начался с нуля. Однако что-то еще не видно на горизонте Эйнштейна, Горовица, Яши Хейфеца, Ойстраха, Гилельса, Сутина, Фалька и Симоны Вайль. Может быть, мне не следует упоминать Симону Вайль, которая иначе относилась к этой проблеме.

Однако жизнь продолжается. До того времени, когда наш шарик превратится в холодный камень, блуждающий по вселенной, еще очень далеко, и наверняка появятся настоящие художники, музыканты, философы. Поэтому воспаленные мозги людей как бы должны осознавать, что хватит разлагать, наступило время сеять и создавать, мы достигли такой технологии, таких скоростей, такого шума, что даже не заметили, что утратили шепот –

величайшее свойство, на которое способен только человек. Под утро с книжкой Леонардо я уснул, и проснулся, когда жалюзи переливались от прямых лучей солнца, как рыбья чешуя. Если есть на земле земной рай – это Италия.

17 сентября. Фестиваль приближался концу. В этот вечер концерт должен был состояться в самой большой церкви на Эльбе, ибо маленький театр, такая миниатюрная букашка, не вмещал всех желающих. Витя Третьяков выпотрошился, играя концерт Баха, вот уж воистину большой музыкант, тончайший, с необыкновенным умением поведать людям что-то новое, ему всегда есть что сказать. Он ученик Янкелевича, замечательного педагога, но у меня всегда такое чувство, что он учился у Давида Федоровича Ойстраха. И звук такой же, и даже маленький пальчик правой руки он отводит, как Ойстрах. А вот есть другой скрипач, учившийся у Ойстраха, довольно знаменитый, но совсем не обладающий таким звуком. Да, звук – это как свет от природы, от Бога, и научить этому, очевидно, невозможно. Бедный Давид Федорович просто махнул рукой, и всё. Проникновенно, с большой отдачей играл французский кларнетист Мишель Портал концерт Моцарта. Зал неистовствовал. Во втором отделении Юра Башмет со своим оркестром играл третью симфонию Франца Шуберта, музыка которого имеет самый короткий путь к сердцу человека. Концерт окончен. Я сфотографировал взмыленного Юрия Башмета; ручьи пота стекали с его лица, он стоял, как Ниагарский водопад. Вот, подумал я, какие настоящие дарования от Бога, и всё, что в ком-то что-то искрится, – от Бога.

16. Ночью, уже после концерта, все участники фестиваля собрались в уютном ресторане в ста метрах от шороха моря. За столом председательствовал Юра Башмет. Тосты провозглашались за всех участников фестиваля, и вот прозвучал самый главный тост – за Гогу Эдельмана и его Лену, поистине главных и настоящих архитекторов этого фестиваля. Гога и Лена – настоящие музыканты, обладающие тончайшим слухом, вкусом, знанием музыки, умением выбрать лучшее из лучшего, найти новые, незаигранные произведения, открыть перед слушателями неведо-

мое. И еще одна деталь: они точно намечают исполнителей для произведений.

Беседовать с Гогой и Леной о музыке – одно удовольствие, да и не только о музыке. Я никогда не забуду, как мы вместе сделали экскурс по местам Пьеро делла Франческа. Сколько чувства, чуткости и проникновения они проявили к живописи! А наши набеги на Венецию, на Лондон! Поистине можно сказать, что глазами можно слышать, а ушами можно видеть. Чтобы подготовить фестиваль, который длится всего две-три недели, они проделывают за год гигантскую работу.

Кроме этого, Гога еще играл на фестивале трио Шуберта, играл замечательно, тонко, музыкально, без какой-либо бравады, с безукоризненным вкусом. Он тонко «сечёт» литературу, поэзию архитектуру, он настоящий гармоничный человек. Гога в совершенстве овладел итальянским языком. К этому еще можно прибавить английский, французский, русский и украинский. Какое счастье, что в наше время появляются люди возрожденческого масштаба, и это вселяет надежду на будущее для наших детей и внуков. При этом он ведет себя чрезвычайно скромно, а перед публикой немного даже тушуется. Я с удовольствием присоединился к этому главному тосту и выпил больше своей нормы, и в хмельном состоянии после дружеских объятий с музыкантами побрел к себе домой.

Да, я забыл сказать, что нас обслуживала итальянская девочка по имени Антонелла. Как она это делала, с каким достоинством и грацией! Ей едва минуло пятнадцать лет, на лице выделялись черные брови, темнее золотистых волос, и глаза, итальянские, глаза Мадонны, нежные чувственные губы, серьезно сомкнутые, но иногда они озарялись улыбкой. Она буквально вышла из холстов Рафаэля и Тициана, была в моем воображении дантовской Беатриче, повадки которой отличались скромностью и серьезностью, не очень присущими этому возрасту. Боккаччо в своем труде о Данте писал: «Любовь эта (к Беатриче) была чиста и непорочна, что ни в одном взгляде или слове, или движении любящего, равно и как предмета его любви, ни разу не проскользнуло сладострастное влечение. Диво дивное для нынешнего поколения».

Ночь прошла, занималось утро, все побрели домой. Кто-то еще остался выпивать, но я зигзагами добрался до своего дома и счастливо уснул в предрассветном сиянии. Рано утром меня, проспавшего едва ли часа полтора, разбудили и повезли на паром, но на сей раз это был небольшой пароход на подводных крыльях, и опять нас сопровождали чайки, как бы напутствуя на хороший полет в Америку.

До свидания, cara Италия, индустриальный городок Пьембино, Тоскана, аэродром Леонардо да Винчи. Восемь часов полета – и я в Нью-Йорке, еще полчаса – и я у себя дома, отдохнул и побежал за покупками. На углу улиц Амстердам и 86-й, как всегда, стоял и торговал всякой мелочью темнокожий пожилой человек с пепельными волосами. Мы поздоровались, и он улыбнулся с такой радостной и искренний улыбкой, как будто мне улыбался весь Нью-Йорк. А ночью мне снилась Италия.

Сокровища из сокровищницы

334 Татьяна Щурова
Магия куклы

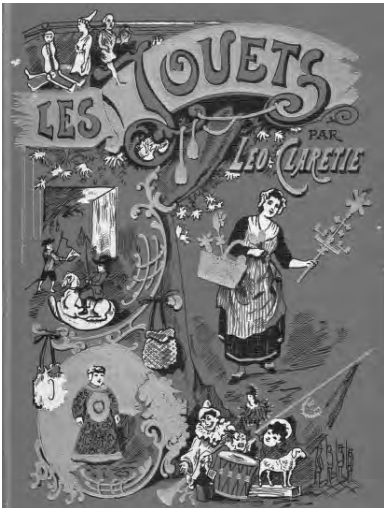
Татьяна Щурова

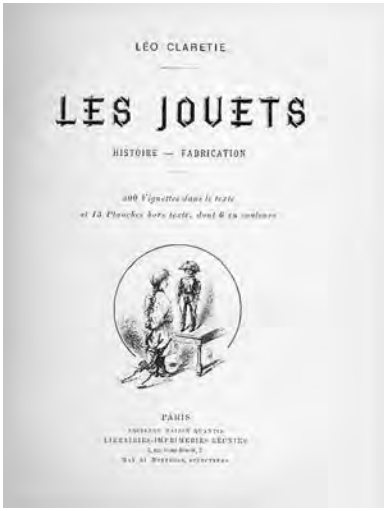
Магия куклы

В моем послевоенном детстве не было, увы, красивой нарядной куклы, которая смогла бы оставить воспоминание о «неповторимом игровом мире». Штампованный советский целлулоидный пупс, с трудом добытый где-то родителями, не стал другом. Гораздо интересней было «конструировать» кукол из веточек и соломки и наряжать их в «роскошные» конфетные фантики. Позже прочла в статье знаменитого философа и культуролога Юрия Лотмана «Куклы в системе культуры»: «…Излишняя натуралистичность

подавляет фантазию. Мы сами наделяем кукол образом. Дети умеют «очеловечить» неодушевленный предмет и верить в его перевоплощение. Дети хорошо понимают условность…». Добавим, и с легкостью принимают игрушки, сделанные из подручных материалов.

Попав в нашу национальную научную книжную сокровищницу, убедилась, что о куклах, об одном из древнейших видов искусства, немало написано. Тема многогранная, охватывает различные стороны жизни и, как выяснилось, изучается многими науками. Судите сами. С конца XIX века история куклы находилась в центре внимания искусствоведов,




LÉO CLARETIE

LES JOUETS

HISTOIRE — FABRICATION

PARIS

философов, культурологов, этнографов, историков, педагогов, коллекционеров, специалистов по детской игрушке.

Для всех интересующихся этой темой, безусловно, будет полезно знакомство с книгой: Leo Claretie. «Les Jouets» (Paris, 1893). Ее автор Лео Кларет (1862-1924) – французский журналист, литературовед и писатель. «Игрушки. История и производство» – одна из наиболее известных его работ, но, к сожалению, она не переведена ни на русский, ни на украинский языки. В ОННБ хранится экземпляр, принадлежавший Г.Г. Маразли. Книга была передана в наши фонды вместе со всеми 10.000

томами личной библиотеки одесского городского головы, страстного книголюба, отлично знавшего французский язык. Это редкое издание со множеством иллюстраций, среди которых 300 гравюр, посвящено игрушке, рассмотренной с разных сторон: история, производство, взаимосвязь с реалиями жизни. Вы совершаете экскурс в глубь тысячелетий – от античности до конца XIX века. Конечно, Кларет рассказывает и об игрушках старой Франции, известных фабриках, роскошных изделиях индивидуальных мастеров, кустарных игрушках – ведь с древнейших времен куклы всегда находились рядом с человеком. Это издание популярно и сегодня, его называют «блестящей книгой эрудиции и юмора».

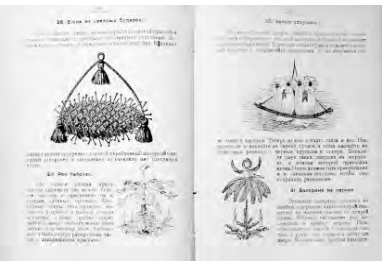
В начале нынешнего столетия мы получили любопытные издания по истории игрушки. Например, книжка-сувенир Екатерины Князевой «Мир кукол» (СПб., 2002), по-своему раскрывающая магию игрушки. Ведь куклы-идолы появились за тысячи лет до кукол-игрушек. Сохранились индейские и египетские куклы, греческие движущиеся статуэтки из керамики, костяные куклы из римских катакомб, средневековые глиняные фигурки религиозного назначения. А потом в XVIII веке стали делать роскошных кукол в модных мастерских Франции

и Германии. Кукольная индустрия развивалась. Деревянные куклы постепенно обзаводились керамическими головками, потом головками из папье-маше, куклам стали вставлять стеклянные глаза, делать роскошные парики и т. д. В книге Е. Князевой приведены также иллюстрации работ известных художников В. Сурикова, Л. Бакста, Б. Кустодиева, С. Судейкина, где кукла изображена как объект игры.

Несколько лет назад была осуществлена интересная идея – выпуск коллекции сувенирных кукол в национальных костюмах и костюмах литературных персонажей. Они воспроизводили самых известных и любимых героинь мировой литературы – Джейн Эйр, Эмму Бовари, Анну Каренину, Сонечку Мармеладову, Маргариту и других – более ста таких фигурок. В коллекцию попадали небольшие фарфоровые куклы ручной работы в изысканных платьях, тщательно повторявших во всех деталях моду той эпохи, к которой принадлежит та или иная героиня. Что еще важно – к каждой кукле прилагается небольшой красочный буклет, знакомящий со знаменитыми европейскими производителями кукол: Арманом Марселем, Жюлем Штайнером, Пьером и Эмилем Жюмо и др. Благодаря этим мастерам в изготовлении кукол появились непре-

взойденное качество и красота, роскошные наряды и технические новшества. В конце девятнадцатого века кукольные головы, ножки и ручки делались из фарфора, а туловище из гуттаперчевого материала, позволявшего менять положение тела куклы. Дорогие изделия с головами из бисквитного фарфора работы А. Марселя успешно продавались по всему миру. Лучшие механические куклы создавались во Франции, Германии и США. Музыкальные заводные фарфоровые куклы стали олицетворением периода наивысшего расцвета кукольной индустрии и составили не одну престижную коллекцию.

Но не будем забывать, что в начале своего исторического пути кукла игрушкой не являлась, имела иное предназначение, носила культовый характер, изображала божество, оберег, талисман. К числу таких кукол можно отнести украинских кукол-мотанок, которых и в наши дни считают домашним оберегом. В этих куклах отображена культура и традиции народа. Лицо такой куклы намеренно без подробностей, при ее изготовлении соблюдаются определенные символы. В фонде отдела



искусств ОННБ появилось несколько изданий для преподавателей и любителей делать кукол своими руками. Эти книжки-пособия помогут подготовить и провести мастер-класс по изготовлению мотанки, расскажут о ее истории, научат распознавать кукол для различных обрядов. Куклы-мотанки также могут быть игровыми, сувенирными, интерьерными.

Есть несколько достаточно редких книг. Например, «умелым рукам», думаю, поможет развить творческую фантазию сборник «Час досуга: настольная книга маленьких чудес наяву» (М., 1922). Это – «книжка-подсказка» для педагога. На ее страницах орехи, еловые и сосновые шишки, желуди, кусочки коры и бумаги превращаются в забавных кукол, елочные украшения и т. д. Наверно, далеко не в каждой библиотеке есть сборник статей «Игрушка. Ее история и значение» (Изд. Т-ва И.Д. Сытина, 1912) под редакцией Н. Бартрама. Крупнейший знаток кукол Николай Дмитриевич Бартрам (1873-1931), художник, искусствовед, музейный деятель, коллекционер, чутко понимал запросы детей. Много лет он лелеял мечту о создании музея. В 1918 году ему все-таки удалось добиться открытия Государственного музея игрушки, в котором был также от-

дел кукольного театра. Бартрам считал, что в музее непременно должны проходить перед детьми воскресные выступления ведущих мастеров кукольного театра. Его статьи «Кукольный театр», «Театр для детей», «Игрушка» и др. до сих пор актуальны.

Действительно, кукольный театр – особое явление. Чтобы родился сценический персонаж, необходимо взаимодействие актера и куклы.

Мир кукольного театра

Александра Василькова
Душа и тело куклы

Искусство театра кукол

Путеводитель по музею
государственного ордена Трудового Красного Знамени центрального
Театра кукол
под руководством народного артиста СССР
С.В. Образцова

Марина Дмитревская
Театр Резо Габриадзе

Это, можно сказать, равные партнеры. Вспомним, что такой необыкновенный вид театра существует со времен античности. Он необычайно богат и разнообразен типами кукол – это перчаточные, масочные, марионетки и куклы на тростях.

О театре кукол тоже написано немало. Необычайно интересна, на наш взгляд, книга Нины Симонович-Ефимовой «Записки петрушечника и статьи о театре кукол». Титульный лист для нее делал В. Фаворский. В ОННБ есть первое издание книги (Л., 1925) и переиздание ее 1980 года. Симонович-Ефимова была энтузиастом «кукольного дела», художником-экспериментатором, педагогом, много лет изучала театр Петрушки. И как увлекательно сумела рассказать об этом! Думаем, вы с удовольствием также полистаете «Путеводитель по музею Театра кукол под руководством С.В. Образцова» (М., 1982) и книгу театроведа Марины Дмитревской «Театр Резо Габриадзе» (СПб., 2005) об истории знаменитых тбилисских марионеток.

В 2003 году в Киеве вышел сборник «Лялькарі України»: вип. 1, куда была включена статья о Юзефе Ароновиче Гимельфарбе (1913-1980), основателе Одесского театра кукол. Этот театр и сегодня

успешно развивается, стремится к более углубленному раскрытию жизни (что интересно, работает не только для детей, но и для взрослых зрителей), обновляет традиционные приемы. Ведь кукол действительно любят во всяком возрасте, поэтому мы ведем своих малышей в кукольный театр днем, а вечером спешим туда на премьеры, радуясь разнообразию художественных возможностей этого неувядающего вида театра. Магия куклы никогда не покидает человека.

Путешествие

346 Аркадий Рыбак
Здесь вам не мультик

Аркадий Рыбак

Здесь вам не мультик

Странствия Рыбаков

До недавнего времени единственными известными мне путешественниками, которые рассказали о своих странствиях по свету в трехтомнике, были легендарные чехи Зигмунд и Ганзелка. И вот – получаю в подарок три книги в ярких обложках, на переплетах которых вопрос, адресованный читателям: «Хорошо ли там, где нас нет?». И задает его автор – Аркадий Рыбак. Фамилия эта хорошо известна тем, кто в далекие нынче годы связал свою жизнь с журналистикой, и, разумеется, тем, кто следил за творчеством Михаила Борисовича Рыбака, которого я и поныне считаю самым оперативным и креативным фотокорреспондентом, работавшем в одесской прессе 50-80-х годов. Имел честь и удовольствие сотрудничать с Мишей в нескольких изданиях, дружил с ним и, разумеется, помню его сына Алика, который с малых лет не только перенимал у отца навыки работы с аппаратурой, но и стремился бывать с ним на разных объектах., а старший Рыбак с равным мастерством и увлеченностью сни-

мал и производственные сюжеты, и морские, и был своим в мире деятелей искусства и спортсменов.

Сын унаследовал и профессию отца, и его хватку, более того, в трудные 90-е годы он взял на себя немалую ответственность не только за свою семью, но и за коллектив журналистов газеты «Порто-франко», которая и сегодня, в отличие от других, в которых мы работали, выходит и востребована.

Не знаю уж как, но Аркадий Рыбак, имеющий широкий круг интересов и обязанностей, находит время для путешествий и зачастую не по комфортным маршрутам, а проникая в самые отдаленные и порой небезопасные уголки земного шара, более того – ему сопутствуют в этом жена Эльвира и младшая дочь… Об увиденном и пережитом он рассказывает в путевых очерках и подчеркивает, что это не путеводители и не справочники, а личные впечатления, и они у каждого свои.

Трехтомник, который недавно вышел в Одессе, имеет и подзаголовок: «Моя Европа от А до Ю» и содержит рассказы практически обо всех странах континента, ибо на Я пока еще нет ни одной. А вот хорошо ли там нам, одесситам? Полагаю, что автор не столько ждет от нас ответа, сколько приглашает поразмыслить над этим вопросом. Я, побывавший во многих странах, отвечаю так: наша Одесса содержит черты и свойства ряда городов Европы – особенно региона Средиземноморья, ибо создавалась не только нашими соотечественниками, но и мореходами, негоциантами, воинами, учеными и, разумеется, путешественникам из разных стран.

Семья странствующих Рыбаков часто отклоняется от известных и проторенных маршрутов и отправляется в дальние странствия по Азии, Африке, Латинской Америке. Они побывали и на далеком на Мадагаскаре.

Напомню, что поэт и любитель странствий Юрий Визбор предостерегал тех, кто собирался побывать на этом острове: «Осторожней, друг, ведь никто из нас здесь не был – в таинственной стране Мадагаскар…». Аркадий Рыбак и его команда не только решились на это путешествие, но и рассказывают нам о нем.

Феликс Кохрихт

Когда мы пришвартовались к скромному причалу порта Тауланару, мысленно все еще просматривали веселые сценки из мультфильма «Мадагаскар», который к тому времени лет десять триумфально несся по экранам планеты. Мне кажется, что все дети и многие взрослые так или иначе воспринимали это название в связи с мультиком. А мы прибыли непосредственно на чудо-остров. Действительность нужно было воспринять живьем.

Обычно к круизным лайнерам подъезжали современные кондиционированные автобусы, ждущие экскурсантов. На сей раз на причале приютилась стайка видавших виды микроавтобусов без характерных брендовых значков. Показалось, что их наскоро собрали в местных гаражах. Внутри транспортные средства оказались тесноватыми и проветривались проверенным способом – открытыми окнами. Отодвинув грязные занавески и вдохнув уже с утра раскаленный африканский воздух, приготовились любоваться анонсированными красотами природы.

Городок примостился на юго-восточном краю острова у подножья пика Сен-Луи. Пляжи и живописный залив радовали глаз. Очевидно, пятьсот лет назад так же приглянулось это место и португальским первооткрывателям. В начале XVI века они начали строить здесь порт и жилье. В середине следующего века их потеснили французы, решившие разместиться основательно. В связи с чем возвели еще и крепость в честь своего короля Людовика XIV. Называли они город Форт-Дофин и за несколько столетий сделали его главным портом Мадагаскара. Отсюда уходили корабли с товарами для Франции, вывозили скот на Маврикий, обменивались необходимым с ближайшими африканскими землями. При этом только в XIX веке остров стал французской колонией. До этого присутствие европейцев не мешало формальному

статусу свободной территории, на которой лучше всех чувствовали себя… пираты. Да, именно пираты и работорговцы обустроили здесь свои базы, используя удобные бухты и тропические леса.

Когда по миру прокатился шквал деколонизации, в когорту независимых держав влился и Мадагаскар. Событие датировано 1960 годом. На городе Тауланару это отразилось откровенно плохо. Какое-то время он еще оставался важнейшим портом страны, но с середины 70-х пальма первенства перешла к порту Туамасина. Учитывая слабую экономику островного государства и отсутствие ресурсов для развития нескольких портов, Тауланару довольно скоро стал портом местного значения. Сегодня через него вывозят выловленных в океане омаров, добытые в горах сапфиры да изредка принимают теплоходы с иностранными туристами. Они, как правило, в самом городе не задерживаются, стремясь на встречу с природой. Вот и выглядит сегодня построенный европейцами город заброшенным. Разбитые мостовые, тучи пыли, облупившиеся фасады домов. Сохранился ботанический сад и форт за городом. На центральных улицах гордо реют флаги над зданиями почты, банка, школы и еще каких-то госучреждений. Пытается привлечь к себе внимание вымытыми стеклами отель. За углом от него тянутся ряды лавочек, часть из которых сколочена из досок и крыта сухими пальмовыми листьями.

За городом поехали в гору. Вскоре показались старые стены форта. Удивило то, что он и сегодня остается военным объектом. Нас даже предупредили, что на его территории нельзя фотографировать.

Я поискал глазами танки, ракетно-зенитные комплексы, самолеты-перехватчики или что-то еще в этом роде. Увидел только лениво прогуливавшихся по раскаленным от солнца старым дворикам солдат в униформе и резиновых шлепанцах. Двое не спеша копошились на крыше приземистого строения, перекладывая с места на место битые листы шифера. Еще одна группка бойцов мирно жевала стебли какого-то растения под раскидистым баобабом возле входа в казарму. В соседнем с ней, таком же покосившемся от времени строении обнаружили что-то вроде музейного зала с графическими картинками и остатками старинного оружия. Сам форт стоит на высокой скале, откуда на десятки километров просматривается океан. Очевидно, для наблюдения за возможным противником он когда-то и был построен. С кем собираются воевать нынче миролюбивые мадагаскарские парни, неизвестно. Как неясно – каким оружием. На краю обрыва мы обнаружили целую батарею пушек, направленных в голубую даль. Таблички гласили, что отлиты они были сотни лет назад и, разумеется, когда-то стреляли. Сегодня с этих бастионов открываются восхитительные виды на многоцветье морской воды, на широкие песчаные пляжи и заросли тропических деревьев на фоне горных вершин. Завораживающая красота. Забываешь даже об убогом быте защитников форта…

Мадагаскар – не просто большой остров. Он четвертый по размеру на всей нашей планете и занимает площадь, почти равную

Украине (самой, между прочим, обширной страны Европы!), – почти шестьсот тысяч квадратных километров. На всем этом пространстве есть всего 900 километров железных и около шести тысяч километров шоссейных дорог с твердым покрытием. Да и те требуют ремонта. Между городами и поселками через джунгли проложены еще десятки тысяч километров дорог грунтовых, качество которых мы смогли оценить, пробираясь в один из природных заповедников. Тогда стало понятно, почему нам подогнали к трапу такие неказистые машинки. После визита в форт мы скоро попали на ту самую дорогу-тропу к обиталищу лемуров. Ехали долго, перекатываясь с колеса на колесо по бесконечным ухабам. Тропа была такой ширины, что разлапистые ветки деревьев то и дело били по окнам и крыше. Большому автобусу там просто не проехать. Стояла жара. Но, судя по огромным лужам, накануне прошел ливень. Оранжево-красная земля оставалась мокрой и не успела впитать влагу. Наш автобус порой проваливался в мутную жижу на полколеса. А рядом как ни в чем не бывало шагали босиком мужчины и женщины. Многие в шортах и майках, некоторые – в подобии сари. Почти все несли какую-то поклажу на головах. Поднос с фруктами, кувшин, сумку или даже увесистый мешок. Все были невысоки ростом и так стройны, что это можно скорее назвать худобой. Думаю, никто не весил больше 60 килограммов.

Мы притормозили на четверть часа в деревушке, где на небольшой, утоптанной сотнями ног площади выстроились лучшие местные лавчонки. Можно было найти нехитрые поделки, экзотические фрукты и даже воду в бутылках. Платить можно было мадагаскарскими дензнаками, именуемыми ариари, или любой понятной торговцам иностранной валютой. В это время, очевидно, закончились занятия в местной школе. Мимо нас проходили группки детей в одинаковой форме, с маленькими рюкзачками на спине. Они выделялись своей неожиданной опрятностью, веселыми мордашками и любопытно смотрящими на нас глазами. Впрочем, сняв форму, детвора ничем не отличается от остальных жителей острова. Почти все они ютятся в сколоченных из чего попало лачугах, вкопанных в землю вкривь и вкось под огромными деревьями. По дороге мы пересекли несколько небольших речушек с такой мутной водой, что не возникало желания даже

руку в нее опустить. Но местные граждане с удовольствием в ней плескались, здесь же выполаскивали свои вещички и, похоже, отсюда же брали воду для приготовления пищи.

На всем пути до заповедника нам почти не встретились автомобили. Даже велосипед в этих краях редкость и, очевидно, роскошь. Передвигаются на своих двоих или в лучшем случае на вьючных животных. А вокруг – буйство красок девственной природы, как бы не замечающей копошащихся на земле людей…

* * *

Давайте поговорим о феномене Мадагаскара. Этот кусок суши миллионы лет назад отошел от материка, и его экосистемы словно законсервировались во времени. Свою роль сыграло и то, что большая часть территории острова до сих пор мало освоена людьми и в связи с этим не испорчена цивилизацией. Остров иногда называют Красным из-за цвета почвы, которая богата минералами и на которой произрастают тысячи уникальных растений. Ученые приходят в восторг от изучения здешней флоры. Они считают, что более 90 процентов видов растений, обнаруженных в лесах Мадагаскара, в наши дни не встретишь нигде на земле. То же самое касается и животного мира. Перечень зверья, которое во всем остальном мире считается вымершим, но при этом обитает в джунглях Мадагаскара, займет не одну страницу. Я не биолог. Могу сослаться только на известные мне цифры. Например, на острове порхают более 150 видов редких птиц, ползают четыре вида редчайших черепах, висят вниз головами три десятка видов рукокрылых летучих мышей, здесь встречаются фосса из семейства кошачьих, тенреки из бобровых, похожие на мангуста виверры, порядка 75 видов лемуров и прочие уникумы. Конечно, вырубка лесов наносит вред обитателям джунглей. Но ситуацию спасают многочисленные природные заповедники. Например, в частном заповеднике Беренти можно увидеть более сотни видов редких животных и целые заросли реликтовых растений, среди которых более знакомые нам алоэ и баобабы, агава и покрытые шипами кустарники.

Множество мелких зверюшек дожили до наших дней благодаря изоляции острова и отсутствию на нем более крупных хищ-

ников, которые могли бы их истребить. Особенно это касается разнообразного мира лемуров – этих трогательных зверьков с длинными хвостами и удивленными глазами. Сегодняшнее лемурье братство очень разнообразно. Можно найти малюток весом от 30 граммов и крупные виды в целых десять килограммов! Но все они были мелюзгой рядом с огромными лемурами-ленивцами, вымершими не так давно. Самые мощные самцы вырастали размером с гориллу и весили под два центнера. До наших дней гиганты не дотянули. В заповедниках вы встретите маленьких лемурчиков ай-ай. Над головами по веткам скачут индри и сифаки, авагисы и карликовые руконожковые зверьки. Людей они не боятся. Могут даже прыгнуть вам на плечи или попытаться выхватить что-то из рук. Но больше им нравится раскачиваться на ветках деревьев, играть друг с другом или, обвив длинным хвостом сучок, болтаться головой вниз. Наблюдать за лемурами занятно. Черные, серые, белые, полосатые попрыгунчики и древолазы – все они находятся в беспрерывном движении, меняя позы и выражение мордочек, кажущихся разумными. Есть лемуры, предпочитающие деревьям заросли бамбука, на крепких стволах которого они замирают, как часовой в дозоре.

В своих теплых меховых шубках лемуры носятся без устали. А нам во влажном тропическом лесу очень скоро становится жарко. Не спасают густая тень и холодные напитки. Когда, насмотревшись на лемуров и черепах, крокодилов и буйство красок экзотических растений, мы присели на пластиковые стульчики под агавой, откуда ни возьмись на пыльную полянку выскочили люди в набедренных повязках и с диковинными инструментами в руках. Довольно вяло они изобразили как бы зажигательный туземный танец, позвякивая браслетами и бубнами. При этом они что-то пели. Наверное, о хорошем и вечном. Нам было не понять. Ведь на Мадагаскаре народностей много, а официальных языка два – французский и малагасийский. И если в прошлом веке по-французски говорили многие, то сегодня больше восьмидесяти процентов населения знает только малагасийский. Возможно, в столице государства, почти трехмиллионном Антананариву, знатоков европейских языков побольше, но в глубинке трудно объясниться.

У Мадагаскара много образных определений. Остров считают Африкой с азиатским типом населения. Есть гипотеза, что первые поселенцы приплыли сюда на своих каноэ с острова Борнео то ли в последние столетия до нашей эры, то ли уже в начале новой. Примерно в тысячном году через Мозамбикский пролив на остров добралось африканское племя банту. В то же время с севера сюда прибыли арабы, потом индусы, и только пять столетий назад к этой компании присоединились европейцы, на время возглавившие процесс развития. Все это здорово перемешалось между собой, что заметно как по облику жителей Мадагаскара, так и по их верованиям. Почти половина 24-миллионного населения усилиями колонизаторов исповедует христианство, примерно семь процентов – ислам, есть храмы индуистов и буддистов, но в то же время множество людей поклоняется только им известным местным божествам. Сказать, что в общей массе народ живет бедно – это как минимум. Статистика сообщает, что ВВП на душу населения едва достигает одной тысячи долларов в год. Мадагаскар относят к беднейшим странам мира.

Здесь по-прежнему основными статьями дохода остаются рыболовство, торговля кофе, ванилью, пряностями, сахаром, рисом, бобовыми, какао и, естественно, бананами.

Располагая уникальными природными ресурсами, страна так и не научилась пользоваться ими. Сегодня только небольшой остров Нуси-Бе стал курортом международного уровня и очень отличается от остальных районов страны. Здесь выстроены современные отели, ночные клубы, созданы условия для развлечений и отдыха. При этом сотни километров роскошных пляжей с прозрачными водами в обрамлении изумрудных лесов так и остаются, по сути, неосвоенными. Вся инфраструктура страны не готова принимать туристов массово. В этом, конечно, огромный плюс для диковинной экосистемы Мадагаскара. Но и большой минус для ее жителей, прозябающих в откровенной нищете. Здесь действительно очень красиво. Райски. Почти неестественно. Но люди живут не в веселом мультике…

Ах, Одесса

356 **Алла Гудзенко**
Море шумит…

360 **Рубен Ашрафиан**
Три встречи

368 **Анна Курцева**
Короче говоря…

369 **Игорь Геращенко**
Только в Одессе…

Алла Гудзенко

Море шумит...

Дитя любви

Дитя любви – Одесса. Дитя поздней и многотрудной любви.

То, во что влита истинная страсть, живет в веках.

Указы, политические интересы, развязка путей, международная торговля.

Альков.

Официальные хроники безжалостно вымарывают из победных реляций жаркие ночи.

Но посмотрим правде в глаза.

Без них не было бы ни-че-го.

Ни вас, ни меня, ни истории, не фейсбука.

– Европа может подождать! (Гениальное, женское, из кино.)

Императрице 60. Юному фавориту Зубову 22.

Де Рибас, Суворов, Потемкин снискали славу в сражениях. Где и поистрепались.

Они – государственные мужи.

А Зубов – е*арь, «милое дитя Платоша».

«Я возвратилась к жизни, – писала императрица, – как муха после зимней спячки».

Языком проектного менеджемента: найти (а то и подсудобить) лоббиста. Дружить с ним. Решать вопросы. Делать дело.

На пользу государству и проекту.

Из синергии желаний рождается жизнь.

У евреев есть миньян – когда десять человек возносят ритуальную молитву. Она особенно угодна Б-гу. Это тоже синергия.

Когда три гениальных государственных мужа, юный любовник и самодержица дышат в одном направлении – реализуется великий проект.

Пусть вся геолокация будет против. Пусть не будет воды, стройматериалов, рабочей силы.

Одна пустыня и развалины турецкой крепости.

Есть убежденность: надо!

Есть убежденность: сделаем!

Против страсти физика (в смысле, физические законы) – что плотник супротив столяра.

В этом смысле Одесса чем-то схожа с Израилем.

Рожденная наперекор объективной реальности.

Рожденная желанием.

И живущая желанием.

Сейчас – временно – вопреки течению.

Но ведь и 225 лет назад было – течению вопреки.

А получилось!

Да как!

– Европа может подождать! – юная Одесса сразила тысячелетнюю Европу.

Родившись, сразу, из пены у диких еще вчера берегов ошеломительной красавицей.

Потому что: Хосе (Иосиф) де Рибас – шесть языков, победы в русско-турецкой войне.

Суворов – генералиссимус, взятие всего, что числилось непобедимым, в Европе и Азии.

Потемкин – казачество, Черноморский флот, взятие Очакова.

Инженер де Волан.

А беспрерывность финансирования обеспечивал Зубов.

И великие восприемники потом.

И множество разноплеменных людей, находящих на протяжении двух веков общий язык.

Покровители – Эрос и Меркурий.

И вечная игра. Потому что города, как и люди, играют от избытка жизненных сил.

Потерял вкус к игре? Не то чтобы умер, но такое…

Объект для клевания в темечко.

Жизни, игры и процветания!
Наш город, наш остров, наш общий дом.
Куда без тебя?

Каждый третий бесплатно

Саня едет на работу на трамвае. Рядом с трамваем едет «мерседес» с водителем. Санин сын считает, что отец может ездить на работу машиной. У Сани другое мнение. У него вообще по поводу всего другое мнение. Свое.

И оно настолько правильное, что он работает на одном месте более полувека.

Он создает пространства.

Кто-то скажет – иллюзию пространства? – потому что Саня строит декорации. Он столяр. Но разве сцена театра больший мираж, чем сцена жизни?

У Сани все вокруг – игра.

Мир состоит из нее.

Не из «работа – дом», «свои – чужие». Из перманентной игры, как у иных – из перманентной ненависти.

На берегу моря мальчик-подмастерье из Саниного цеха чинит его дюралевую лодку.

После шторма берег моря устлан огромными клочьями пены. Саня собирает пену лопатой в мешки. Мешки большие. Кудрявая пена наполняет их, как газ. Цеппелины мешков с пеной лежат вдоль песчаной кромки зимнего пляжа.

– Пойди спроси его: зачем он это делает? – хорошо одетая женщина толкает мужа в бок.

– Да не буду я спрашивать! – солидная респектабельная пара пререкается метров за триста от невозмутимо орудующего лопатой Сани.

– А я говорю, спроси! – женщина настойчива.

В ней говорит древний женский инстинкт собирательницы и первооткрывательницы полезного. На этом инстинкте замешано хрестоматийное «что дают?». Главная батарейка сарафанного радио – тоже этот инстинкт. Видишь, кто-то нашел пользу, – добудь ее и себе.

Супруг уверенно ступает дорогой спортивной обувью по плотному серому песку. Приближаясь, здоровается первым, как приличный. Негромко, хорошо поставленным голосом.

– А зачем это вам? – как бы невзначай интересуется у Сани.

– Да есть клиенты… – не отвечает прямо на вопрос Саня, продолжая набивать мешок пеной.

У подобравшейся поближе жены хищно сужаются глаза. Но и в супруге уже разбужен охотник.

– А для чего это им? – как бы со знанием дела спрашивает он. Типа да, что-то как-то слыхал, но освежите в памяти.

– Ну, разные показания бывают. Это зависит от погоды, от того, какая пена.

От женщины уже исходят ощутимые токи. Знакомые мужу по шопинг-турам. Такое излучение предшествует главному вопросу.

– И сколько стоит? – полуотвернув холеный профиль, разглядывая набежавшую волну, интересуется мужчина.

Саня взглядом окидывает свои цеппелины. Добавляет лопату свежих кудрявых бульб в раскрытый зев очередного мешка.

– Каждый третий – бесплатно! – сообщает он через большую мхатовскую паузу уже искрящим от нетерпения супругам.

У дюралевой лодки угорает мальчик-подмастерье.

Море шумит легкой волной.

Одесса.

Рубен Ашрафиан

Три встречи

В начале сезона я придерживался сугубого официоза в одежде, появляясь на пляже в сером костюме, некогда выигранном в карты у известного гинеколога. К этому костюму у меня имелся шелковый итальянский галстук из гардероба отца, а также важный аксессуар – потертый крокодиловый портфель, купленный по случаю на Староконном базаре. В портфеле отлично помещались все пляжные принадлежности: бутылка белого вина «Фетяска», две карточных колоды, махровое полотенце с символикой Олимпиады-80 и последний номер журнала «Иностранная литература», о назначении которого я расскажу позже.

Осмотрев пляж с высоты парапета, я заметил одинокое создание, облагораживающее собой флаг какого-то африканского государства. Радуя немногочисленных еще пляжников, девушка загорала без верхней части купальника. Грудь ее показалась мне более чем достойной, а вот лица рассмотреть не удалось – оно было скрыто под широкополой шляпой. Что ж, topless oblige, как говорят лондонские денди. Не тратя времени даром, я направился прямо к цели и строго произнес:

– Девушка, немедленно оденьтесь. Что это вы возомнили? Тут дети ходят…

Девушка, приподняв шляпу, с любопытством посмотрела на странного субъекта в костюме, да еще и с портфелем в руке.

– Надевайте лифчик, иначе буду вынужден удалить вас с пляжа, – не унимался я, для убедительности продемонстрировав красное исполкомовское удостоверение.

– А можно я просто перевернусь на животик? – кокетливо спросила она, поправляя выбившиеся рыжие пряди.

– Ладно уж, – смягчился я, к рыженьким у меня всегда было особое отношение, – переворачивайтесь. Но учтите, я буду недалеко и буду за вами наблюдать.

С этими словами я не спеша разделся, аккуратно разместив вещи на топчане, сам же улегся на полотенце и раскрыл наугад «Иностранную литературу». Журнал служил верной приманкой для интеллектуальных барышень. (Впоследствии его место на подстилке заняла книжка «Как покупать акции».) Тем временем моя подопечная достала из пляжной сумки видавший виды томик Есенина и погрузилась в чтение. Ее кукольное личико слабо гармонировало с развитой фигурой спортсменки, однако по пятибалльной шкале она заслуживала твердую четверку, плюс полбалла за грудь нечастого размера…

Через какое-то время мы встретились глазами, поулыбались друг другу, и я галантно предложил выпить вина, предварительно охладив бутылку у кромки моря. Девушка легко согласилась, но тут на горизонте возник сосед по даче Ян Кофман, загорелый левантийский бог с золотой цепью и рельефной мускулатурой, как видно, сошедший на песок этого пляжа мне в назидание. Девушка мигом вскочила, подлетела к нему навстречу, и они принялись жарко обниматься. Слишком жарко и слишком долго. Я отвернулся: конкурировать с богами бессмысленно…

Ближе к вечеру я вновь встретил Яна. Он прогуливался по набережной в Аркадии в компании знакомых мне москвичек. Стараясь не выказывать чрезмерной заинтересованности, я спросил о рыжеволосой девушке.

– Наденька? Обалденно исполняет, – ответил он, ничуть не смущаясь спутниц…

Прошло несколько месяцев. Однажды моя начальница в отделе по труду, пребывая в дурном расположении духа, не отпустила меня на плановую проверку химчисток. Вместо этого пришлось спешно выехать в районный городок К, чтобы выяснить условия содержания студентов, собиравших урожай на тамошних колхозных полях. Командировка запомнилась ночными карточными баталиями с военными летчиками, соседями по гостинице, а также беспробудным пьянством днем. Вместо того чтобы тащиться на поля, я вызвался помочь своему коллеге Гоше из облсовпрофа

в проверке местного спиртзавода. Впрочем, на поле я все-таки побывал – однажды за три дня, отведенные мне на командировку, и то в последний день.

Водитель Митрич, приставленный ко мне вместе с трактором неизвестной породы, разводил пары под гостиничными окнами. Мне не спалось то ли из-за табачного дыма, стоявшего столбом после ночной игры, то ли оттого, что победа в этот раз была особенно убедительной, то ли в конце концов заговорила совесть. Как бы то ни было, я решил ехать. Трактор взревел, и мы покатили по дорогам, совершенно не приспособленным для любого другого транспорта.

Никогда еще райцентр не видел подобного зрелища: на седоке была широкополая шляпа и длинный бежевый плащ с кожаным воротником, вдобавок я курил толстенную сигару, время от времени пугая ею Митрича, так и норовившего заснуть за рулем.

Дорога на колхозное поле заняла более двух часов: трактор ломался, но с божьей помощью мы, наконец, добрались.

Стоило спешиться, как студенты обступили меня плотным кольцом и принялись жаловаться на жизнь, перекрикивая друг друга. Я вытащил из крокодилового портфеля блокнот и стал добросовестно записывать все нарекания. Тут раздался знакомый девичий голосок:

– Пропустите! Пропустите меня к нему, я хочу видеть этого человека!

Сквозь толпу протиснулась моя пляжная знакомая, любительница поэзии Есенина. Бесформенная куртка поверх грубого свитера и спортивные шаровары делали ее куда менее сексуальной.

– Немедленно увози меня отсюда! Я здесь погибну, и это будет на твоей совести, – девушка готова была расплакаться.

– Ладно, считай, что ты уже дома, – и я обратился к стоящему неподалеку преподавателю: – Надежду я забираю. Она необходима для исполнения функций…

– Конечно-конечно, – не дослушав, согласился преподаватель. – Мы и сами здесь долго не продержимся. В таком-то свинстве.

Я влез на трактор, протянул Наде руку и усадил ее себе на колени. После чего мы с Митричем двинули к колхозной управе. Председатель долго вертел в руках мое удостоверение, не по-

нимая, в чем, собственно, дело, а я твердым прокурорским голосом зачитывал пункты из ежедневника. Когда я дошел до пункта «Студенток после танцев насилуют местные черти», Надя сделала шаг вперед, выставила грудь и с обидой в голосе произнесла:

– Вот, посмотрите, меня тоже хотели изнасиловать, еле отбилась…

– Да вы садитесь, товарищи, – пришел наконец в себя председатель колхоза. – Сейчас все будет. Любаша! – кликнул он не очень опрятную женщину из приемной. – Неси обед на три персоны, тут начальство приехало.

Я выразительно посмотрел на свою подопечную и махнул рукой. Первым делом Любаша поставила на середину стола бутыль с самогонкой, затем стали появляться соленья, колбасы, голубцы и т. п. Естественно, не обошлось без кастрюли с дымящимся борщом. Для голодных восьмидесятых – целый пир. Застольная беседа, впрочем, не была особо содержательной: я рассказывал анекдоты, Наденька декламировала Есенина, а председатель, накинув пиджак с орденскими планками, привычно делился с молодежью фронтовыми воспоминаниями. Бутыль, однако, мы допили. Председатель послал Любашу еще за одной, но тут уж я наотрез отказался. Следовало поскорее возвращаться: моим героическим летчикам был обещан матч-реванш. Тогда гостеприимный хозяин на дорожку троекратно облобызал Надю, а мне подарил роскошно изданный том сочинений Л.И. Брежнева.

Митрич, по обыкновению, кемарил на козлах. Растолкав его, я вновь усадил девушку на колени, как бы невзначай прихватив ее выдающуюся грудь, и мы тронулись. Самогон подействовал как следует, а постоянная тряска навевала определенные мысли. В конце концов Наденька, посапывавшая у меня на плече, соприкоснулась со мной губами… А еще через полчаса езды по пустынным проселочным дорогам, когда мы уже расстегнули друг на друге все, что только могло расстегиваться, я велел Митричу съехать на обочину и остановиться. Затем увлек девушку к большому тракторному колесу и овладел ею в незатейливом колхозном стиле. Кругом простирались бескрайние поля, над полями кружило воронье, и прохладный ветерок трепал рыжие кудряшки на ее затылке…

В райцентр мы вернулись поздно. Летчики уже дожидались на пороге гостиницы.

– Ахтунг! В небе Покрышкин! – радостно заорал я с верхотуры транспортного средства. Впрочем, перед тем как запустить клиентов в номер, успел дать инструкции Наденьке, которая превосходно справилась с поставленной задачей. Надо было видеть выражения лиц, когда они обнаружили в моей кровати едва прикрытую простыней нимфу, отдыхающую в пикантной позе. Коварный план сработал: осатанев от Наденькиных прелестей, летчики стали заказывать рисковые игры и вообще потеряли нить. В итоге им не хватило денег, чтобы рассчитаться. Благородно простив значительную часть их проигрыша, я забрал в виде компенсации фуражку с голубым околышем. Когда гости нехотя уходили, все еще косясь на спящую красавицу, в дверях с бутылкой коньяка возник профсоюзный деятель Гоша. Завидев девушку, он выскочил из комнаты, однако вскоре вернулся с коробкой шоколадных конфет, непонятно где раздобытых среди ночи. Мы принялись обмывать мой отъезд, Наденька охотно присоединилась, задрапировавшись в покрывало и кокетливо надев набекрень трофейную фуражку…

Когда я открыл глаза, часы показывали начало первого. Это значило, что до одесского поезда оставалось не более получаса. Я попытался растормошить девушку, но она пролепетала что-то о черном человеке, забравшемся к ней в постель, и повернулась спиной. Пришлось сдавать ее на ответственное хранение лидеру профсоюзов. Гоша был вне себя от восторга и торжественно поклялся доставить Наденьку в Одессу на служебной «Волге». В знак признательности он сунул мне бутылку двадцатилетнего коньяка, разлитого якобы специально для членов правительства. Мы обнялись на прощанье, затем я погрузился на трактор и помчал в сторону вокзала.

Следующая встреча произошла через целых двенадцать лет в совсем другой стране. Советский Союз успел рухнуть, и народное добро расхищалось всеми кому не лень. Я трудился на теневом рынке финансовых услуг, а вечерами посещал модные клубы в Аркадии. Нравы, как это бывает в эпоху перемен, царили самые

разнузданные: любовь продавалась по умеренным ценам, и желающих продаться было хоть отбавляй.

Поначалу вечер ничем не отличался от всех прочих. Я занимал излюбленную позицию у барной стойки буквально в двух шагах от мерцающего огоньками моря и меланхолически напивался «Джек Дэниелсом». На танцполе извивались красивые девушки, так что сконцентрироваться было непросто.

– Котенок, поехали уже куда-нибудь, – капризно сказала вышедшая из моря Лола и стала тщательно выжимать трусики, потом запихнула их в сумочку и неуклюже бросилась мне на шею.

– Господи, поосторожнее! Видишь, я разлил…

– Хватит бухать, котенок. А то ничего не сможешь.

Она схватила меня за руку и потянула к выходу, вызывая неприязненные взгляды подруг. Пока мы возвращались по аркадийской аллее, я несколько раз забирался в кусты, где меня выворачивало наизнанку. Видимо, виноват был «паленый» виски. Смешно сказать, это обстоятельство сохранило мне в итоге жизнь… Таксист на белой «Волге», завидев нетрезвую парочку, заломил цену, но мне было все равно. Лола забралась на заднее сиденье с ногами и начала расстегивать мои джинсы. Чертов водила, видимо, подглядывал в зеркало, вместо того чтобы следить за движением, – на полном ходу мы врезались в джип, притормозивший на перекрестке. Из джипа, как черти из табакерки, выскочили молодые кавказцы, выволокли нас с таксистом на тротуар и принялись жестоко избивать. Лоле удалось выскользнуть через левую дверцу. Я видел, как она, прихрамывая, бежит на другую сторону проспекта.

В это время из расположенного неподалеку ресторана вывалила целая толпа – поглазеть на дорожное происшествие. От толпы отделилась какая-то фигура, раздался женский крик:

– Не троньте его, это мой муж! Я всех запомню!

Избивавшие меня тут же остановились и позволили некстати появившейся жене оказать первую помощь. Девушка стала осторожно вытирать платочком кровь с моего лица. Во мне же клокотала пьяная злоба. Я грязно материл обидчиков и не заметил, как из темноты подскочил коренастый кавказец, выхватил нож и всадил его мне в живот.

– Муж, говорыш? – бросил он с презрением. – Тогда похороныш его!

Дальнейшие события помню смутно. «Скорая», включив сирену, везла меня в больницу, а девушка сидела рядом, положив ладонь мне на лоб… Еще – свет ламп в операционной…

Около недели я провел в реанимации, однако же выкарабкался. Когда меня переводили в обычную палату, первой, кого я увидел в больничном коридоре, была моя рыжеволосая спасительница. Наденька! Она изменила прическу, подстригла волосы довольно коротко, в остальном же время почти не коснулось ее. Разве что теперь передо мной находилась прекрасная молодая женщина, а не девчонка-второкурсница. Что ж, нам было о чем поговорить.

Та поездка в колхоз оказалась в Наденькиной жизни решающей. Гоша, влюбившись без памяти, поселил ее в просторной квартире на Пушкинской, и вскоре она родила замечательного сына, которого назвали Алексеем. Любопытно, не в мою ли честь? Бросив институт, Наденька полностью отдала себя семье, Гоша ушел в бизнес, и жизнь приносила сплошные удовольствия до тех пор, пока он с компаньоном не отправился по коммерческим делам во Владивосток, где их застрелили. Надя впала в жуткую депрессию, от которой до сих пор не вполне оправилась, хотя и прошло без малого два года. В довершение бед на счетах Гошиной фирмы денег не оказалось, а те, что хранились дома, быстро закончились. Хорошо, добрые люди помогли устроиться барменшей как раз в то самое заведение, рядом с которым и разворачивались события.

Я слушал ее рассказ и чувствовал себя героем телесериала. Для завершенности сюжета оставалось жениться, что я и сделал по прошествии нескольких недель. Алешку, естественно, усыновил. Он и впрямь оказался отличным пацаном: в одиннадцать лет имел разряд по шахматам, так что соревноваться с ним в эту игру было бесполезно. Зато мы на равных играли в нарды. Летом, приехав с утра на пляж, мы раскладывали доску и азартно сражались, вызывая рассчитанный интерес публики…

День рождения Наденьки отмечали скромно, что называется, в тесном семейном кругу. Алексею было позволено выпить бокал

шампанского, потом я отправил его спать. Тогда Наденька появилась из-за ширмы в моем подарке – черном шелковом белье из Франции – и привычно устроилась у меня на коленях… Позже, когда я вышел перекурить на балкон, она обняла меня сзади и смущенно призналась:

– Знаешь, а я ведь до сих пор не уверена, от кого Алешка. Тогда все так быстро закрутилось… Мне кажется, что у него твой нос.

– Конечно, любимая, – рассеянно ответил я. – Нос – это очень важно…

Анна Курцева

Короче говоря…

*

Мой сын Женя (нынче – солист балета труппы «Арена ди Верона») сызмальства был строг в суждениях.

Однажды бабушка, выпроваживая в школу его старшего брата, спросила:

– Что тебе приготовить к приходу домой?

– Любимую бабку с изюмом

Возмущенный трехлетний Женя:

– Нельзя говорить «бабку»! Надо – «баабушку»!

Старший брат:

– Ну ладно! Приготовь мне баабушку с изюмом.

Все умиротворены.

*

Баня на Провиантской – Асташкина. В детстве я, Аня, знала: МОЯ БАНЯ. Меня в этом папа убедил. Дело в том,что наша фамилия – на «Б». Вот и получалась: Б. АНЯ.

*

Одесса всегда немного шила. Родители моей мамы познакомились в швейной мастерской дедова отца. Тот воспротивился их женитьбе, так как не мог отдать сына какой-то «юбочнице». Уж хоть бы «пальтовнице». Бабушка травилась. Все обошлось. Они были хорошими портными, и весь их род немножко шил.

И я отдыхаю, когда, когда кручу старый Zinger.

Игорь Геращенко

Только в Одессе…

…дураки смеются над умным, а он на них обижается… дурак.

…когда я чувствую, что не могу больше ничего делать, мне сразу хочется преподавать.

…если вам кто-нибудь мешает, значит, вы на правильном пути.

…за всю жизнь удается довести до конца единственное дело – угробить здоровье.

…прошлое мстит настоящим за поруганное себя.

…грешен не тот, кто грешит, а тот, кто сомневается в содеянном.

…когда завхоз и комендант «хлопают ушами», в учреждении отвратительно хлопают двери.

…главное в жизни – главное.

…любое неумение предваряется *пожеланием*.

…самое почетное звание – «здоровый человек».

…проблемы войны связываются с миром.

…приобщаются к терапии, дабы избежать хирургии.

…мгновения хватает, чтобы почувствовать себя гениальным, но недостаточно всей жизни, чтобы доказать это окружающим.

…умеют двигаться вверх по наклонной и вниз по восходящей.

…дело случая боится.

…пенсия – вечный больничный.

…жизнь не дает ничего раз и навсегда, но зато дает всегда – на один раз.

…день, как правило, оканчивается победой ночи.

…книга может быть *на выданье*.

…красота действует на поражение.

…театр – узаконенное безденежье.

…можно любить *только своих* детей, которых у тебя нет.

…существует *великая ограниченность абсолюта.*

…долг нагишом платен.

…счастье безусловно.

…все как-то доживают свою жизнь, а я никак не могу ее начать жить.

…должно быть так, как есть.

…мужчина может быть не здоров по-женски.

…место встречи *извинить* нельзя.

…вокальное искусство – умение петь по-трезвому.

…кондом – друг человека.

…«все есть для начала», – говорят в конце.

…можно услышать: «Какая вы умная женщина, с таким дивным черепом!».

…вас спросят: «Ты в армии *чем* был?»

…опоздавшему человеку, громко хлопнувшему дверью, скажут с улыбкой: «Вы пришли *вогремя*!»

…на вопрос «кто такой Демосфен?» вам ответят: «Это фен общего пользования».

…объявление водителя «трамвай идет в депо» может вызвать у пассажира вопрос: «Скажіть, шановний, а *де* у нього *по?*».

…«облучить» – означает заправить луком.

…журналиста оппозиции заклеймят несмываемой печатью «политический *оборзеватель*».

…вам скажут: «Тарелку не разбей! Нам такого счастья не надо».

…кашель такой душевный, слов нет!

…можно нарваться на диалог: – Молодой человек, не кажется ли вам, что… – Извините, я не верующий!

…спишь и чувствуешь, что за ужином ты пил настоящий цейлонский чай.

…интернационалист – националист-международник.

…вас поддержат: «Вы все правильно говорите, поэтому помолчите!»

…«опупел», значит – родился.

…в серьезных делах применяют *наушный* подход.

…если вам скучно – включите свет.

…на просьбу любовницы «Можно я в тебе покопаюсь?» любовник ответит: «Можно, но потом зарой все обратно».

…драматург – *пьесатель.*

…жена подбодрит мужа: «Отстань, *колючище!*»

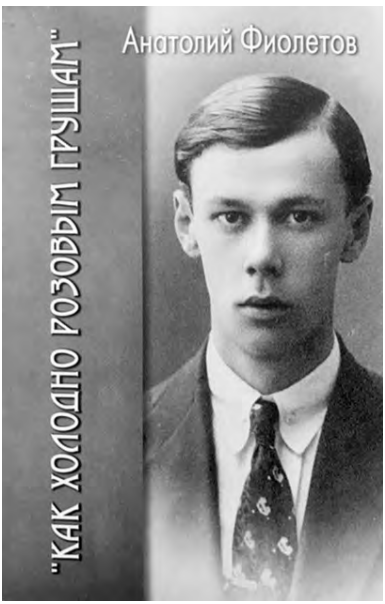
Издано...

372 **Евгений Голубовский**
Книжный развал

Евгений Голубовский

Книжный развал

Издано в Одессе



Анатолий Фиолетов
Как холодно розовым грушам
Составители Алена Яворская
и Евгений Голубовский
ФСП Бондаренко, Одесса, 2019

В сборник, составленный в год столетия трагической гибели поэта Анатолия Фиолетова (1897-1918), вошли все известные на сегодняшний день стихи, сообщения о его смерти, некрологи, отчеты о вечерах памяти, а также статьи, написанные Сергеем Лущиком, Николаем Богомоловым, Андреем Устиновым, Светланой Дуговейко-Должанской, Александром Розенбоймом, Аленой Яворской, Евгением Голубовским.

Книга, по сути, возвращает в поэзию человека, которого Багрицкий признавал своим поэтическим наставником.

Студент юрфака, призванный в милицию Февральской революцией, Натан Шор (Анатолий Фиолетов – псевдоним) погиб, пресле-

дуя бандитов. Друзья анонсировали в 1919-1920 годах выход его посмертного сборника. Планы сбылись через 100 лет.

Михайло Жук
Білим і чорним хотів би я бути
Издание Одесского
литературного музея
ФСП Бондаренко, Одесса, 2018

Михаил Иванович Жук – выдающийся украинский художник, почти сорок лет проживший, проработавший в нашем городе. Выставки его живописи и графики не раз с успехом проходили в Одессе. Но Михаил Жук был еще и поэтом, прозаиком, сказочником, мемуаристом. И вот с этой его ипостасью долгие годы не был знаком его зритель.

Пропагандой творчества Михаила Жука долгие годы занимались Сергей Лущик и Тарас Максимюк. Литературное наследие художника в шестидесятые годы у сына М. Жука приобрел Сергей Зенонович Лущик. Сейчас благодаря помощи Сергея Гриневецкого архив хранится в литмузее. Уже был сделан Аленой Яворской ряд публикаций в сборниках «Дом князя Гагарина». И вот отдельная книга, куда включен и венок сонетов (Михаил Жук был первым, кто использовал эту форму в украинской литературе), и рассказы, и сказки.

Тая Найденко
Все дано
Издание студии «Зеленая лампа» при Всемирном клубе одесситов
ФСП Бондаренко, Одесса, 2019

Первая книга стихов журналиста, блогера Таи Найденко. Нельзя не согласиться с автором предисловия Юрием Володарским и автором послесловия Дмитрием Быковым, что это зрелая книга, отнюдь не начинающего поэта.

Это книга об Одессе, но не об открыточно-курортной или юморной, а жесткая книга о сложностях нашего пребывания на этой земле – здесь и сейчас.

И при этом нам предложены настоящие стихи высокой классической пробы, а не фельетоны, зарифмованные для быстрого запоминания и употребления.

С этой книгой в одесскую поэтическую среду вошел еще один поэт с собственным лицом и почерком.

Вероника Коваль
Эсфирь
Документальная повесть
Одесса, Астропринт, 2019

Вероника Коваль – журналист, прозаик. Это далеко не первая ее книга художественной прозы. Правда, я бы называл этот труд очерком, а не повестью.

Давно знаю, люблю творчество героини книги – худож-

ницы, поэта Эсфири Серпионовой, известной в Одессе и как монахиня Таисия. Ее живопись, графика, а в последние годы – гобелены, не раз экспонировались на выставках, в том числе во Всемирном клубе одесситов. Помню Эсфирь и в кругу художников-нонконформистов, участницей квартирных выставок.

Уход в религию, в монастырь помог ей возглавить иконописное отделение Одесской духовной семинарии. А еще она преподает на худграфе педуниверситета…

Как видите, жизнь наполнена и многогранна. Пожалуй, мне в психологии Эсфири Серпионовой больше дают возможность ее стихи и гобелены, щедро представленные в книге, чем хронология ее жизни.

Издано в Черновцах

Елена Андрейчикова
Тени в профиль. Роман
Черновцы, Meridian Czernowitz, 2019

Первый роман Елены Андрейчиковой вышел в престижном украинском издательстве, выпускающем обычно книги на украинском языке. Что же привлекло издателей в книге одесского прозаика? Думаю, тонкая проработка психологического состояния героев, высокое качество прозы и глубокое погружение европейского человека в мусульманский мир.

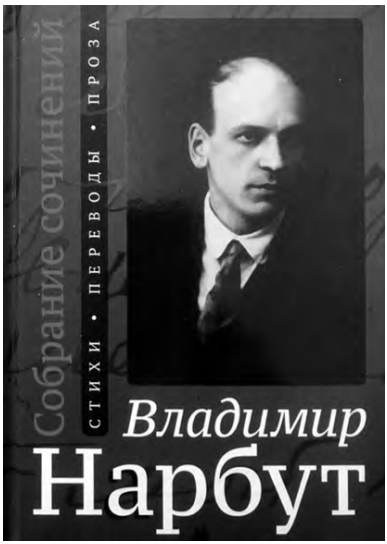
На презентации романа во Всемирном клубе одесситов поэт Влада Ильинская сказала, что роман держится на трех

составляющих, на трех «С» – секс, страх, смерть. Я добавил бы четвертую, и тоже на «С», – свобода.

Мы часто ратуем за права человека. Но есть неотъемлемое право – жить, быть свободным от предрассудков общества, от религиозных, а то и нравственных запретов. Где кончается наша свобода? Там, где она мешает свободе другого.

Не буду пересказывать роман. В нем много непредсказуемого. Как в жизни.

Издано в Москве



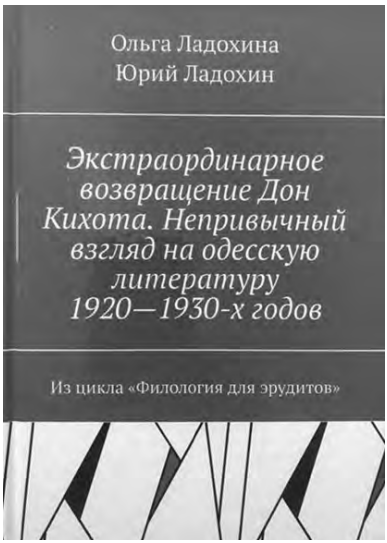
Владимир Нарбут
Собрание сочинений
Стихи. Переводы. Проза
Москва, ОГИ, 2018

Владимир Нарбут (1888-1938) – один из самобытнейших поэтов XX века, акмеист, погибший в сталинских лагерях. Полтора года, очень плодотворных, он провел в Одессе: 1920-1921. Здесь у него вышел ряд сборников стихов, в частности «Плоть», здесь он издавал журналы, подружился, а потом поддерживал одесскую плеяду – Катаева, Олешу, Ильфа, Петрова… Думаю, многие запомнили его по гротескному образу «Колченогого», как назвал его Катаев в «Алмазном венце».

Через восемьдесят лет после гибели Нарбута вышла эта книга, тщательно составленная и прокомментированная литературоведом Романом Кожухаровым. В книге 840 страниц, и мы можем погрузиться в сложный мир Нарбута – от акмеистической поэзии

до научной поэзии, увидеть, как влияли на него Григорий Сковорода и Николай Гоголь.

Составитель благодарит Одесскую научную библиотеку, Одесский литературный музей, чья помощь была существенной в создании этого тома.



Ольга Ладохина и Юрий Ладохин
Экстраординарное возвращение Дон Кихота. Непривычный взгляд на одесскую литературу 1920-1930-х годов
Москва, издательская система «Ридеро», 2019

Ольга Ладохина и Юрий Ладохин – авторы нашего альманаха. Они исследуют «одесский текст в русской литературе», рассматривая произведения писателей-одесситов XX века, включая Георгия Голубенко и Михаила Жванецкого, как единый текст, существующий по своим правилам и законам.

Вот и в новой книге они вновь обращаются к творчеству Владимира Жаботинского, Исаака Бабеля, Юрия Олеши и Валентина Катаева, чтобы показать, как вводили они в литературу бессмертный образ Дон Кихота, стремясь противопоставить хаосу и беззаконию идеалы рыцарства и благородства.

Рабочая гипотеза авторов представляется благотворной еще и потому, что заставляет задуматься: а есть ли в нашей современной литературе Дон Кихоты?

«Дон Кихоты нужны», – писал одном из своих программных стихотворений художник Олег Соколов, как бы отвечая авторам исследования.

Альбом «Русские портреты XVIII – начала XX века»
Москва, 2018

Наш альманах дважды публиковал статьи научного сотрудника Исторического музея о документах, хранящихся в музее, связанных с семьей одесского мецената графа Толстого. Именно эти документы позволили одесскому краеведу Максу Нужному точно определить место захоронения Михаила Толстого и его матери в Швейцарии.

Но вот вышел альбом, где новая статья Букреевой сопровождается фотографиями портретов членов семьи Толстого.

По сути, все эти сокровища могли находиться в Одессе. Случилось иначе.

Умирая, Михаил Толстой просил своего верного помощника, сопровождавшего семью в эмиграцию из Одессы, господина Боура, при возможности переслать портреты в Одессу. Такой возможности в тридцатых годах не было. И Боур передал портреты бывшему секретарю Льва Толстого, создателю Русского музея в Праге Валентину Булгакову.

После второй мировой войны Чехословакия вошла в советский блок, а Булгаков вернулся в СССР. Связался с одесскими музеями, но интерес к портретам эмигранта в сороковые годы был чреват…

И тогда Валентин Федорович Булгаков передал все документы и портреты Толстых Историческому музею.

Обычно я показываю обложку издания, но здесь решил показать портрет Михаила Толстого в детстве.

Альбом будет подарен научной библиотеке Одессы.

Содержание

От редакции 3

Михаил Жванецкий
Что я люблю. 6

Юрий Михайлик
Все звезды погасли. 9

История, краеведение

Олег Губарь
Путеводитель по пушкинской Одессе 14

Андрей Добролюбский
Имя дрока. 32

Лариса Ржепишевская
«Уходят дни и годы, и бегут века…». 51

Иосиф Бронз
История адвокатуры Одессы 60

Белла Кердман
«Собибор» как плохой фильм 74

Феликс Кохрихт
Ах, Одесса, жемчужина у моря,
Ах, Одесса, ты знала много горя… 84

Одесский календарь

Сергей Решетов
Дача Маразли 104

Алена Яворская
Флирты Французского бульвара 123

Проза

Ольга Ильницкая
Три истории из жизни кота Платона 130

Яков Шехтер
Эстафета 140

Игорь Потоцкий
Проза разных лет 151

Владимир Кигель
Еврейская мама 165

Виктория Петренко
Записки хвостатой сосиски 170

Майя Димерли
Девочка из Рима 177

Поэзия

Людмила Шарга
Пылает закат в окне 184

Татьяна Партина
По ком звенят колокольчики 189

Илья Рейдерман
Шесть стихотворений 193

Анна Даш
«Английские» стихотворения 197

Первые шаги

Миша Кирпан
Степная Берегиня 204

Искусство – жизнь – искусство

Вера Зубарева
Cherchez la rose, или А есть ли «роза дивная»? 208

Виталий Амурский
Пространства и ориентиры А. Гинзбурга в годы изгнания 214

Юрий Дикий
Время минувших поколений 232

Анатолий Горбатюк
Джаз и театр миниатюр 245

Леонид Авербух
Одесские музы поэтов 253

Евгений Деменок
Одесситы пишут Бурлюку. 273

Игорь Лосинский
Из плаща Одиссея 290

Валерий Бодылев
«Сказаны были серебряные слова…» 299

Ирина Озаринская
Венеция Озаринская 302

Публикации

Лев Межберг
Международный фестиваль «Эльба – музыкальный остров Европы». 310

Сокровища из сокровищницы

Татьяна Щурова
Магия куклы. 334

Путешествие

Аркадий Рыбак
Здесь вам не мультик. 346

Ах, Одесса

Алла Гудзенко
Море шумит… 356

Рубен Ашрафиан
Три встречи 360

Анна Курцева
Короче говоря… 368

Игорь Геращенко
Только в Одессе… 369

Издано...

Евгений Голубовский
Книжный развал. 372

Литературно-художественное издание

Дерибасовская – Ришельевская

Одесский альманах
Книга 77

Deribasovskaya – Rishelievskaya

Odessa almanac
Book 77

Издается с 2000 года

Координатор проекта «Одесская библиотека» Иван Липтуга

Технический редактор Геннадий Танцюра
Верстка, корректура Татьяна Коциевская

Подписано в печать 25.04.2019
Бумага офсетная PAMO SUPER 80 г/м

FSC
accredited
FSC Trademark © 1996
Forest Stewardship Council A.C.
FCS-MOC-015

Печать офсетная. Гарнитура Cambria. Формат 60×84/16
Физ. печ. л. 20,75. Усл. печ. л. 19,2
Заказ № .... Тираж 500 экз.

Всемирный клуб одесситов
65014 Одесса, Маразлиевская, 7
Украина
Тел.: +38 (048) 725-45-67

Worldwide Club of Odessits
7 Marazlievskaya Str. 65014 Odessa
Ukraine
Tel.: +38 (048) 725-45-67

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «ТакиБук»
Украина Одесса, ФЛП Карпенков О.И.
Свидетельство ОД № 121 от 20.01.2003 г.
E-mail: takibook.odessa@gmail.com. Тел.: +38 (067) 486-20-34
www.takibook.od.ua

Издательская организация АО «ПЛАСКЕ»
Регистрационное свидетельство ДК № 3673 от 21.01.2010
а/я 299, 65001 Украина Одесса
Тел.: +38 (048) 7 385 385
E-mail: books@plaske.ua

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

ПОДПИСНОЙ КУПОН-ЗАЯВКА

Настоящим подтверждаю свое намерение оформить подписку:

Фамилия:	
Имя:	
Отчество:	
Адрес доставки:	
Телефон:	
E-mail:	

Стоимость подписки*	12 месяцев	4 выпуска	200,00 грн.

** В стоимость подписки не включаются затраты на доставку изданий.*

Оплата:

❑ безналичный расчет ❑ наличными

❑ кредитная карта ❑ необходим договор

Оплату согласно выставленного счета гарантирую

Дата _____ Подпись _____

Отправьте подписной купон-заявку почтой или факсом по адресу:
Украина, 65001, г. Одесса, а/я 229,
Издательская организация АО «ПЛАСКЕ»

PLASKE
ПЛАСКЕ

Факс: +380 (48) 7-385-375; 7-287-221;
тел. редакции: +380 (48) 7-385-385, 7-288-288;
0-800-300-30-80 (бесплатно со стационарных телефонов)